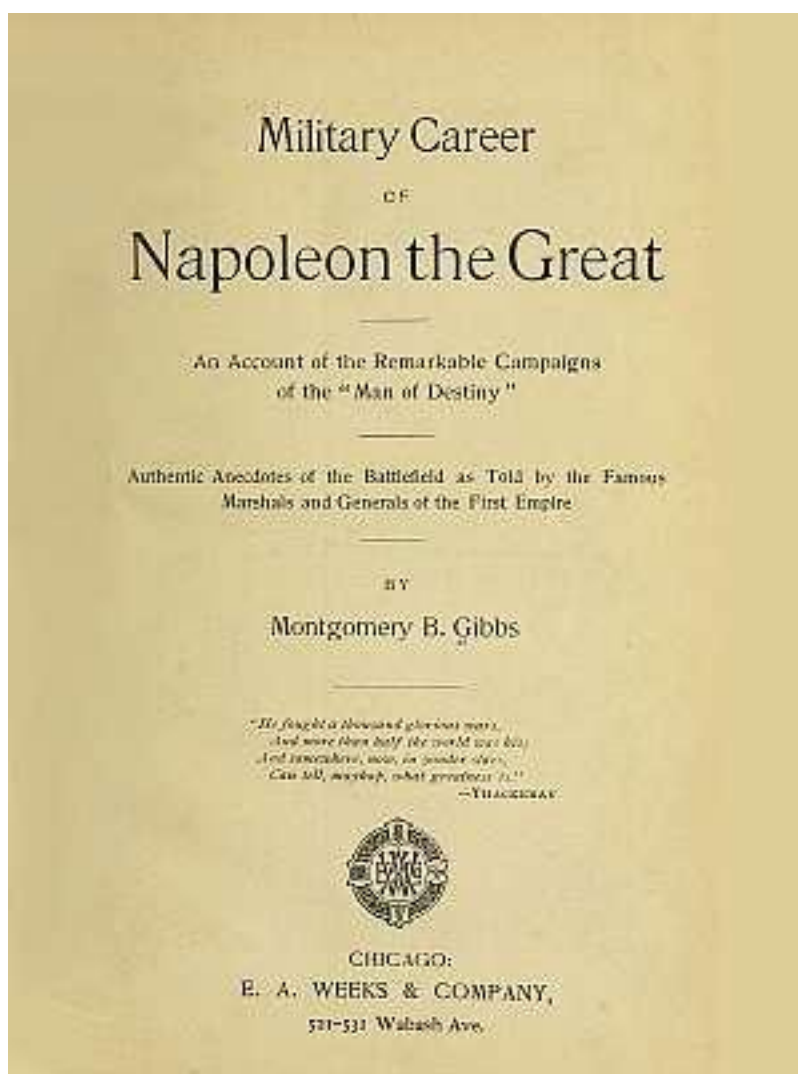

Военная карьера Наполеона Великого.
Рассказ о замечательных кампаниях
"Человека судьбы"; Подлинные истории
с полей сражений, рассказанные
знаменитыми маршалами и генералами
Первой империи

Монтгомери Б. Гиббс

Электронная книга проекта Гутенберга о военной карьере Наполеона Великого

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Военная карьера наполеона Великого

Автор: Монтгомери Б. Гиббс

Дата выхода: 29 октября 2012 г. [Электронная книга № 41220]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсерами выступили Мелисса Макдэниел, Чарли Ховард и команда онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net>. (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом.)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВОЕННАЯ КАРЬЕРА НАПОЛЕОНА ВЕЛИКОГО" ***

С картины Поля Делароша

Портрет Наполеона Бонапарта в "Табакерке"

Военная карьера Наполеона Великого

Отчет о замечательных кампаниях "Человека судьбы"

Подлинные анекдоты с поля боя , рассказанные Знаменитыми маршалами и генералами
Первой империи

Монтгомери Б. Гиббс

"Он участвовал в тысяче славных войн,

*И больше половины мира принадлежало ему;
И где-то сейчас, среди тех звезд,
Может быть, я смогу сказать, что такое величие."*

—Теккерей

ЧИКАГО:
E. A. WEEKS & COMPANY,
пр. Уобаш, 521-531.

Авторское право, 1895 год, КОМПАНИЯ ВЕРНЕРА
Mil. Car. Наполеон

Моему другу ДЖОНУ Л. СТОДДАРДУ с любовью посвящается Эта книга

Предисловие.

Когда писались заключительные главы этого тома, казалось, что по стране прокатилась "наполеоновская волна", без сомнения, отголосок того фурора, который имя Наполеона произвело во Франции за последние три года. Один писатель остроумно замечает:

"Куда бы я ни обратился, я вынужден учиться,

Некоторые подробности его жизни,

Я читал о его шпаге и шляпах,

И как он бил свою жену".

Поэтому автору этой книги кажется справедливым заявить, что возрождение интереса к карьере человека, который в течение пятнадцати лет составлял славу Франции, никоим образом не стало причиной поспешного написания или публикации этой анекдотической военной истории. Это результат многолетнего изучения и представляет собой не только тщательное прочтение тех авторитетных источников, к которым должен иметь доступ каждый, кто хочет толково писать по этому предмету, но и более поздних томов, которые время от времени появляются, в каждом из которых есть что-то новое, касающееся кажущегося неисчерпаемым фонда информации, относящейся к этому сыну бедного корсиканского джентльмена, который, как сказал о нем его величайший биограф, "сыграл в мире роли Александра, Ганнибала, Цезаря и Карла Великого".

По крайней мере, за последние пятьдесят лет не было случая, чтобы публика не горела желанием узнать что-нибудь новое о замечательной карьере человека, который когда-то держал всю Европу в плену у складок французского флага. Мир считает Наполеона Бонапарта, по крайней мере, *военным гением*, что бы он ни думал о политической или социальной стороне его жизни и ее отношении к Франции. Писатель не верит, что они неразрывно связаны, и, предлагая это произведение, он желает лучше познакомить поклонников, а также врагов "Маленького капрала" с его военной карьерой, не технически, а представить его таким, каким его знали маршалы, генералы и солдаты на поле боя и у походного костра.

Многие из этих знаменитых маршалов и генералов, которые изо дня в день разделяли всю славу и опасности своего шефа и соперничали с ним в своей активности и отваге, недавно по понятным причинам представили миру свои "Мемуары", опубликованные спустя много лет после их смерти. От них можно получить гораздо более четкое представление об истинных чертах характера их героического лидера. Поскольку они люди малообразованные, их труды в основном сводятся к сплетням о кампаниях, в которых они были активными участниками, и, читая их, часто возникает искушение поверить, что Наполеон командовал обеими воюющими армиями, настолько точно этот гигант среди воинов предсказывал передвижения врага на поле боя; и после победы он одобрил свои смелые удары, оказавшись в состоянии по своему желанию изменять карту Европы; ибо он проводил свои кампании с таким мастерством, которое, по признанию всех военных авторитетов, никогда не было превзойдено.

Ни один человек никогда не понимал, как вызвать соперничество, раздавая похвалы или порицания, как это делал Наполеон. Шабун хорошо говорит, что влияние императора на умы и мужество солдат было поистине непостижимым. Одного слова, жеста было достаточно, чтобы

воодушевить их энтузиазмом и заставить столкнуться с самыми ужасными испытаниями. Если бы им приказали спешить к определенному месту, хотя чрезвычайная опасность маневра могла бы поначалу поразить здравый смысл солдат, они немедленно сообразили бы, что их генерал не отдал бы такой приказ без причины или не подставил бы их напрасно. "Он знает, что делает", - говорили они и немедленно бросались навстречу смерти, издавая крики "Да здравствует император!"

Здесь не делается попытки дать историю Франции с того времени, когда Бонапарт впервые вступил в драму, в которой ему так скоро предстояло стать ведущим действующим лицом. Последовательные периоды Революции, Директории, Консульства и Империи приводятся только тогда, когда это сочтено необходимым для объяснения стремительных шагов этого замечательного персонажа истории, почитаемого кумира целой нации, чтобы лучше понять его военную карьеру; поэтому было сочтено целесообразным время от времени кратко упоминать об отношениях Франции с другими странами и причине того, что за десять лет своего правления в качестве императора он провел в лагере и, так сказать, под огнем противника ровно на пятьдесят четыре дня меньше, чем в своих королевских резиденциях!

Итак, это история человека, который лично командовал в 600 стычках и 85 крупных сражениях, сложив, наконец, с себя командование на поле Ватерлоо, став жертвой предательства и некомпетентности, превосходящих даже его собственные обоснованные опасения; но даже после этих лет постоянных войн и завоеваний, после того, как он собрал огромные армии почти во всех частях света, он оставил Францию богатейшей нацией во вселенной и обладал большим количеством денег, чем остальная Европа; и несмотря на тот факт, что в 1796 году, когда ему было поручено командование флотом Ватерлоо, Франция стала самой богатой страной во вселенной. Что касается итальянской армии, то он обнаружил, что его правительство не только неспособно платить своим оборванным и усталым войскам, но даже не в состоянии прокормить их!

М. Б. Г.

Чикаго, Иллинойс. 31 декабря 1894 года.

Содержание

Глава I.

	Страница
Дни детства и начало карьеры	9

Глава II.

Кампания Бонапарта в Италии, 1796-17 гг.	45
--	----

Глава III.

Экспедиция в Египет	107
---------------------	-----

Глава IV.

Переход через Альпы и битва при Маренго	141
---	-----

Глава V.

Ульм и Аустерлиц	175
------------------	-----

Глава VI.

Битва при Йене	211
----------------	-----

Глава VII.

Битва при Эйлау	230
-----------------	-----

Глава VIII.

Фридланд и Тильзитский мир	241
----------------------------	-----

Глава IX.

Война с Испанией	253
------------------	-----

Глава X.

Война с Австрией. 1809 г.	274
---------------------------	-----

Глава XI.

Битва при Ваграме	288
-------------------	-----

Глава XII.

Поход России	305
Глава XIII. Кампания 1813 года	347
Глава XIV. Вторжение во Францию	373
Глава XV. Изгнание на Эльбу	409
Глава XVI. Сто дней. Ватерлоо	435
Глава XVII. Заключение	489
Индекс	507

Иллюстрации

	Страница
Портрет Наполеона Бонапарта "Табакерка" на Бонапарта при осаде Тулона	<i>Фронтисписе</i> 11
Бонапарт спасается из плена при Лонато	27
Бонапарт у моста Аркола	43
Бонапарт в битве при Риволи	59
Бонапарт и спящий часовой	75

Бонапарт в битве при Сен-Жорже	91
Осада Мантуи	107
Бонапарт как главнокомандующий армии Италии	123
Битва при Пирамидах	139
Бонапарт при осаде Акко	155
Возвращение французской армии из Сирии	171
Переход Наполеона через Альпы	187
Переход французскими войсками Большого Сен-Бернара	203
Капитуляция генерала Мака под Ульмом	219
Битва при Аустерлице	235
Встреча Наполеона и Франциска II. Австрии	251
Наполеон в битве при Йене	267
Вступление Наполеона в Берлин	283
Наполеон в битве при Эйлау	299
14-я линия при Эйлау	315
Наполеон в битве при Фридланде	331
Смотр войск на площади Карусель, Париж	347
Восстание в Мадриде	363
Наполеон в битве при Ваграме	379
Прибытие Великой армии в Москву	395
Отступление из Москвы, "1812"	411
Отъезд Наполеона в Париж	427
Возвращение Наполеона с Эльбы	443
Наполеон на высотах Линьи	459
Подготовка к наступлению Старой гвардии при Ватерлоо	475
Наполеон при Ватерлоо	491

Военная карьера Наполеона Великого

Отчет о замечательных кампаниях "Человека судьбы"

I ДНИ ДЕТСТВА И НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

Когда Наполеон был учеником Военной школы в Бриенне, будучи пенсионером короля, он писал своей матери на Корсику:

"С Гомером в кармане и мечом на боку я надеюсь проложить себе путь по миру!"

Бонапарту тогда было всего десять лет от роду. В течение почти тридцати пяти лет, прошедших с этого времени, его жизнь была чередой достижений, успеху которых редко кто мог сравниться - с военной точки зрения, никогда.

Его младенчество отличалось от детства большинства других мальчиков только тем, что он проявлял большую вспыльчивость и нетерпимость к бездействию, которыми обычно отличаются дети с быстрым восприятием и живой чувствительностью.

Было сказано, что новорожденному младенцу мадам Бонапарт было дано имя "Наполеон", согласно распространенному среди католиков обычаю называть ребенка в честь святого, в праздник которого он был крещен, и что 16 августа, в день крещения юного Бонапарта, был праздник святого Наполеона (Napoleone), святого, характерного в то время для Корсики.

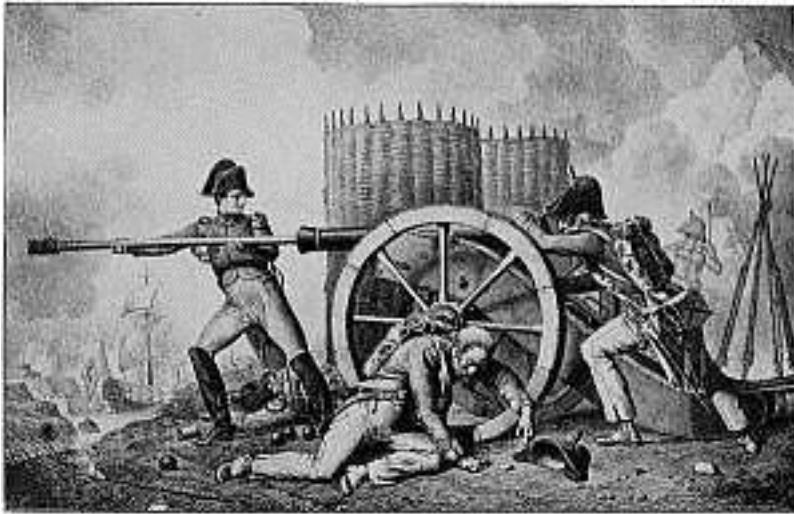
На конфирмации юного Бонапарта в Парижском военном училище архиепископ, совершавший церемонию, выразив некоторое удивление именем "Наполеон", сказал, что не знает ни о каком подобном святом и что такого имени нет в календаре.

"Это не должно быть правилом, - быстро ответил Наполеон, - поскольку святых огромное количество, а их всего триста шестьдесят пять дней!"

Находясь в изгнании на острове Святой Елены, Наполеон сказал О'Мире, своему хирургу: "Святой Наполеон должен быть мне очень обязан и приписать мне все свои заслуги в потустороннем мире. Бедняга! Когда-то его никто не знал, у него не было даже дня в календаре. Я купил ему один и убедил папу римского назначить его на 15 августа, мой день рождения".

О Наполеоне часто говорили, что он был рожден командовать. С самой ранней юности он выбрал оружие для своей профессии, и в каждом занятии, которое могло сослужить службу будущему солдату, он выделялся среди своих современников. Преподаватели математики всегда были его любимцами. Его увлечение абстрактными науками переросло в страсть и сочеталось с исключительной способностью применять их в военных целях, в то время как его внимание к занятиям, столь интересным сами по себе, стимулировалось его природным честолюбием и желанием отличиться в этой науке.

Еще до того, как Наполеон начал систематическую подготовку к военной карьере, и когда ему было всего девять лет, у него развилась любовь к имитационной войне, которая часто удивляла его старших товарищей, многие из которых превосходили его как по силе, так и по выносливости; но никто из них не был способен сравниться с ним в стратегии или чьи ресурсы, подвергнутые испытанию, оказались столь разносторонними. В Аяччо, месте его рождения, городские мальчики часто вступали в личные встречи с деревенской молодежью. Сначала эти состязания были всего лишь естественным результатом ревности, которая так часто возникает между городскими и деревенскими мальчишками, встречающимися на одной игровой площадке. В конце концов это чувство соперничества стало еще более ожесточенным, и в некоторых случаях, особенно по праздникам, когда деревенские парни имели обыкновение "приезжать в город", с каждой стороны их часто можно было застать по несколько десятков, сражающихся палками и камнями.

С рисунка Ф. Гренье

Бонапарт при осаде Тулона

Деревенские юноши какое-то время весьма преуспевали в этих столкновениях и были расположены к хвастовству. Они ходили по улицам с высоко поднятыми головами, и в результате пожилые люди вскоре начали проявлять интерес к исходу нападения. Кроме того, в нескольких случаях родители молодых людей были заинтересованными зрителями соревнований, и хотя летящие ракеты с высокой вероятностью могли ранить зрителя, старшие руководители никогда не предлагали прекратить сражения.

Молодой Бонапарт был сильно огорчен этими поражениями и пытался найти их причины. Когда он не принимал активного участия, он часто удалялся в какое-нибудь уединенное место и оттуда наблюдал за действиями обеих сторон, надеясь, без сомнения, обнаружить какой-нибудь изъян в их манере ведения боя, чтобы позже воспользоваться им и таким образом восстановить доброе имя своих городских товарищей. Поражение не могло быть вызвано численностью, потому что они почти всегда были поровну разделены, и, кроме того, между ними, казалось, существовал неписанный закон, согласно которому "Человек против человека" должен соблюдать общую честь.

Наконец, Бонапарт поспешно собрал вокруг себя нескольких своих избранных друзей, которым он больше всего доверял, и изложил им план, который, как он заверил их, при соблюдении которого они не только унижат своих ненавистных соперников, но и приведут к их полному свержению. Под одобрительные возгласы его план был немедленно объявлен "первоклассным", и его лейтенанты приступили к выполнению его приказов. Он распорядился, чтобы определенное количество мальчиков было сформировано в роту, обязанностью которой должно было быть снабжение боеприпасами. Затем к завоевателям был отправлен "дефи", который быстро ответил, что им нечего бояться. Вскоре среди жителей Аяччо разнесся слух, что в определенный день должно было состояться "финальное состязание", и за несколько часов до назначенного времени сотни зрителей собрались, чтобы стать свидетелями состязания, которому было суждено восстановить престиж городских мальчиков. Наконец настал роковой час, и деревенские мальчишки появились на поле боя, вооруженные короткими палками — своим обычным оружием - и полные уверенности в себе. В течение короткого времени Наполеон и его последователи удерживали свои позиции против этих крепких воинов, хотя, как и прежде, они оказывались сильнее простой грубой силы.

Теперь Наполеон подал условленный сигнал к отступлению. Его войска медленно отступали, стараясь в то же время поддерживать видимость боя в меру своих возможностей. Чтобы убедить деревенских парней в том, что они побеждают своих соперников исключительно благодаря их боевым достоинствам, городской лидер время от времени устраивал митинги; но за этой демонстрацией сопротивления он всегда следовал другим отступлением, более заметным, чем то, которое предшествовало ему. Наконец Наполеон оказался со своими сторонниками на берегу песчаного пляжа, и деревенские парни снова поверили в себя победителями. "Победа!" - кричали они, подбегая, ожидая полной капитуляции. В спешке предпринять последнюю атаку преследователи не заметили, что каждый из городских мальчишек положил свою палку и приложил руку к земле. В нем был крепко зажат камень, который все еще был частично покрыт пляжным песком.

"Готовы! Огонь!" - крикнул Наполеон, и немедленно воздух наполнился быстро летящими камнями, за каждым из которых следовал второй, а за ним и третий снаряд, и все они с ужасающей силой обрушивались на незащищенные головы и плечи чересчур самоуверенных деревенских парней. Они кричали о победе еще до того, как битва была выиграна.

В следующий момент они оказались дезорганизованными и стали жертвами насмешливых криков зрителей, которые последовали за отступающими войсками, чтобы увидеть окончательный исход битвы. Палки на расстоянии 20 или 30 футов не шли ни в какое сравнение с новым оружием городских парней, и они неохотно повернулись и убежали, не имея камней, которыми можно было бы бросать.

Теперь преследователями были войска Наполеона, но ряды крепких деревенских парней были, к сожалению, истощены, и их сопротивление было недолгим.

В ту ночь Наполеон был героем в Аяччо. Собравшимся вокруг него людям постарше он рассказал, как он и его последователи провели предыдущую ночь, закапывая камни в песок, чтобы использовать их в качестве оружия на следующий день, когда план Наполеона, который включал отступление к этой точке на пляже, мог обернуться победой, которая, как они были уверены, наступит после их прибытия туда.

Изучающий военные кампании Наполеона обнаружит в этом маневре поразительное сходство с более оптимистичными состязаниями на поле боя, где на карту были поставлены человеческие жизни.

На протяжении всей его жизни оплотом Наполеона была стратегия, и никогда еще это не было так наглядно продемонстрировано, как в этом безобидном состязании его юности, к которому он часто возвращался, проводя час или два со своими маршалами и генералами во время подготовки к сражениям, от которых зависела судьба Франции.

Еще несколько лет назад, а может быть, и по настоящее время, в его родных местах хранилась интересная реликвия детства Наполеона. Это была маленькая медная пушка, весившая около тридцати фунтов, и, как говорят, он оставил бы все другие развлечения ради удовольствия пострелять из этой опасной игрушки. Его любимым убежищем был уединенный летний домик среди скал на берегу моря, примерно в миле от Аяччо, где у брата его матери была вилла. Сейчас это место находится в руинах; впоследствии оно стало известно как "Грот Наполеона". Ничто так не интересовало его в эти ранние годы, как слушать, как его мать рассказывает историю о своих захватывающих трудностях, когда она бежала из одной части острова в другую от французов-завоевателей. Таким образом, бессознательно она, без сомнения, вырастила в своем втором сыне тот воинственный дух, который в такой заметной степени проявился в нем в последующие годы.

Во время учебы Наполеона в школе молодых людей учили, что единственная слава, к которой стоит стремиться, - это та, которую завоевывают военные достижения. Поэтому родители Наполеона приложили все возможное влияние, чтобы получить стипендии для обучения двух своих старших сыновей — Жозефа и Наполеона. Их молитвы наконец были услышаны благодаря неоценимой помощи месье де Марбефа, епископа Отенского и племянника губернатора Корсики. Жозеф должен был принять приказы и поступить в колледж Отена; Наполеон, предназначенный для военно-морского флота, должен был поступить в школу в Бриенне, предварительно пройдя курс обучения в Отене, чтобы выучить французский в достаточной степени, чтобы иметь возможность слушать лекции. Они отправились в это путешествие, которому суждено было оказать такое большое влияние на их дальнейшую жизнь, 15 декабря 1778 года. После остановки во Флоренции, чтобы раздобыть документы, свидетельствующие о древнем дворянстве семьи Бонапарт и которые были необходимы Наполеону перед поступлением в школу в Бриенне, они направились в Отен. "Геральд" объявила, что "Молодой Наполеон Бонапарт обладал дворянством, необходимым для поступления в ряды джентльменов, получающих образование от его Величества в королевских школах". Шарлю Бонапарту удалось убедить власти в том, что его дворянский патент подлинный, и предоставить ему право подписаться своим именем "де Бонапарт".

Наполеон прибыл в Бриенну 23 апреля 1779 года, за три месяца пребывания в Отене "достаточно выучил французский, чтобы легко вести беседу и писать небольшие эссе и переводы".

В Бриенне Бурьен, чья дружба с ним началась так рано, описывает его следующим образом: "Бонапарт был замечен в Бриенне своим итальянским цветом лица, пронизательностью взгляда и тоном разговора с хозяевами и товарищами. В том, что он говорил, почти всегда была нотка горечи. У него было очень мало того характера, который приводит к привязанностям; это я могу

объяснить только несчастьями его семьи с момента его рождения и впечатлением, которое завоевание его страны произвело на него в ранние годы ".

В том, что он был храбрым, мужественным мальчиком, сходятся все биографы. Его бедность вызвала у него унижение среди товарищей, которые также высмеивали его из-за его страны и подшучивали над устаревшим святым, имя которого он носил. Этими насмешками он позволял себе расправляться с обидчиками открыто и никогда не опускался до того, чтобы сообщить о них своим наставникам. Однажды, вместе с Буррьеном, который позже стал его личным секретарем, он был приговорен к нескольким дням тюремного заключения вместо того, чтобы раскрыть имена настоящих преступников, пренебрегших своими обязанностями.

Быстрота ответов Наполеона проявлялась во многих случаях во время его учебы в этой школе. Однажды, когда он проходил экзамен у генерала, он ответил на все предложенные вопросы с такой точностью и такой глубиной проникновения, что генерал, профессора и студенты были поражены. Наконец, чтобы подвести итоги допроса, Наполеону был задан следующий вопрос:

"Какую линию поведения вы бы избрали, если бы оказались в осаде в укрепленном месте и остались без провизии?"

"Пока они есть в стане врага, я никогда не буду испытывать больших потерь в снабжении", - быстро последовал ответ под аплодисменты учеников.

Одной из самых восхитительных зим юности Наполеона была зима 1782 года, проведенная в этом военном училище. Он был как раз в том возрасте, когда мальчик острее всего наслаждается новыми сценами и новыми впечатлениями. Это была тринадцатая зима в его жизни. Он был старше, чем большинство мальчиков в тринадцать лет. Его ум и мускулы были развиты лучше. Но, тем не менее, он все еще был мальчиком.

Так случилось, что эта зима была одной из самых холодных и суровых в истории Франции, столь запоминающейся количеством выпавшего снега, который в огромных количествах скапливался на дорогах. Снег выпал рано и задержался допоздна, и студенты могли найти лишь небольшое развлечение без дверей. Наполеон был первым, кто предложил использовать это для развития их практических знаний и в то же время для того, чтобы скрасить утомительные часы, которые в противном случае они были бы вынуждены проводить за дверями. Однажды он сказал:

"Давайте поделимся на две враждебные силы и будем сражаться, пока лежит снег, за обладание игровой площадкой".

Предложение было воспринято благосклонно и было единогласно принято. По общему согласию Наполеон, авторитет которого никто не ставил под сомнение, был выбран командовать планируемой имитационной войной, при этом школа была разделена на две равные армии. Деловитыми руками были немедленно возведены обширные снежные укрепления, которые затем вооружились для предстоящей битвы. Приготовления были настолько полными, что даже жители деревни бросили все другие занятия, чтобы понаблюдать за сражениями. В течение пятнадцати дней, пока шел снег, они строили форты и контрфорсы, рыли траншеи, возводили бастионы и устраивали вылазки со снежными боями, пренебрегая на время своими менее интересными занятиями.

Рассказывают, что однажды Наполеон пришел в сильную ярость, обнаружив, что противная сторона пыталась превзойти его людей, бросая по круглому камню в каждый снежок, но когда кто-то посоветовал ему подражать тактике противника, он с негодованием отказался, сказав, что победит и без этого или будет разбит.

Вражеский форт был наконец захвачен после того, как Наполеон прошел формальности осады, в ходе которой он продемонстрировал большую часть быстроты комбинаций, за которую он был отмечен на поле боя в последующие годы. Его солдатские методы возбуждали его сокурсников и удивляли профессоров. "Эта маленькая фиктивная война, - говорит Бурьен, - продолжалась в течение двух недель и не прекращалась до тех пор, пока некоторое количество гравия и мелких камней не смешалось со снегом, из которого мы делали наши пули, и многие сражающиеся, как осаждающие, так и осажденные, не были серьезно ранены. Я хорошо помню, что я был одним из самых сильных пострадавших от такого рода выстрелов".

В 1783 году Бонапарт по рекомендации инспектора двенадцати военных училищ был отправлен из Бриенна в Королевское военное училище в Париже, чтобы завершить свое образование в общей школе, — экстраординарный комплимент таланту и мастерству пятнадцатилетнего мальчика. Он был одним из троих, удостоенных этой чести, - дань уважения его не по годам развитому экстраординарному математическому таланту и постоянству в применении. Запись, сделанная в то время в военном деле, гласит:

"Месье де Бонапарт (Наполеон) родился 15 августа 1769 года; рост четыре фута десять дюймов, десять линий; хорошего телосложения, отличное здоровье, характер мягкий, честный и благодарный; поведение образцовое; отличился в математике; сносно понимает историю и географию; безразлично разбирается только в орнаментике, а также в латыни; стал бы отличным моряком; заслуживает зачисления в Военную школу в Париже".

Молодой студент прибыл в Париж не под видом будущего покорителя мира. Напротив, он выглядел как "новичок"; он тарашился на все, что видел, и как-то ошеломленно озирался по сторонам. Как сказал соотечественник-корсиканец, встретивший его, когда он выходил из кареты: "Он выглядел как юноша, которого любой негодяй попытался бы ограбить, увидев его, если бы у него действительно было что-нибудь стоящее!" Однако не следует забывать, что он был всего лишь пятнадцатилетним юношей, остро ощущал свою бедность и собирался вступить в шумную и экстравагантную жизнь богатых студентов этого королевского военного училища. Как он сам сказал в 1811 году: "Все эти заботы испортили мои ранние годы; они повлияли на мой характер и сделали меня серьезным раньше времени".

В парижской школе Наполеон усердно трудился, как и в течение пяти лет в Бриенне, будучи особенно опытным, как и прежде, в математике. Здесь все было очень роскошно, и Бонапарт жаловался в памятной записке, которую он подарил управляющему заведением, что образ жизни был слишком дорогим и деликатным для "бедных джентльменов" и не мог должным образом подготовить их ни к возвращению в их "скромные дома", ни к трудностям, с которыми они столкнутся на войне. Он предложил, чтобы вместо обычного обеда из двух блюд в день студенты получали хлеб для амуниции и солдатский паек, а также были вынуждены сами чинить чулки и обувь. "Если бы я был королем Франции, - сказал он однажды своему спутнику, - я бы очень быстро изменил это положение вещей!" Говорят, что этот мемориал не сослужил ему никакой службы, поскольку каждый третий мальчик, смотревший на него, был герцогом с колыбели, в то время как Юный корсиканец все еще был "королевским пенсионером"; но

школы, основанные им после того, как он стал императором, придерживались этого сурового плана. "Хотя Наполеон верил в необходимость показухи и великолепия в общественной жизни, - говорит Меневаль, его второй личный секретарь, - он оставался верен этим принципам, расточая богатство своим министрам и маршалам: "В личной жизни, - сказал он, - будьте экономны и даже скупы; на публике будьте великолепны".

Однажды дядя герцогини д'Абрантес упрекнул его в неблагодарности как "королевского пенсионера", и он разразился гневными речами. "Молчать!" - сказал джентльмен, за столом которого он сидел. "Вам, получившему образование благодаря щедротам короля, не подобает так говорить".

"Я получил образование не за счет *короля*, - ответил Бонапарт, и лицо его покраснело от ярости, - а за счет *нации*!"

Юный Наполеон мало продвинулся в изучении немецкого языка, учась в этой школе, и из-за этого обидел своего наставника г-на Бауэра. Однажды, когда его не было на месте, г-н Бауэр спросил, где он, и ему ответили, что он присутствует на экзамене по артиллерийскому классу.

- О! значит, он все-таки чему-то научился, - иронично заметил профессор.

- Ну, сир, он лучший математик в школе, - последовал ответ.

"Ах, я всегда слышал это замечание и всегда верил, что никто, кроме дурака, не может выучить математику!"

"Было бы любопытно, - сказал Наполеон, рассказавший этот анекдот, когда он был императором, - узнать, прожил ли господин Бауэр достаточно долго, чтобы убедиться в моем настоящем характере и насладиться подтверждением своего собственного суждения".

Наполеон и года не пробыл в Парижской военной школе, за это время умер его отец, и едва ему исполнилось шестнадцать, как в августе 1785 года он успешно сдал экзамен на зачисление в артиллерийский полк.

1 сентября был подписан указ, которым Бонапарт был назначен вторым лейтенантом в роту бомбардиров полка Ла Фер, расквартированного в Валансе. На момент экзамена было тридцать шесть вакантных мест. М. де Фералио, один из профессоров военной школы, которому было поручено проведение этого экзамена, как говорят, написал на полях, напротив подписи Наполеона, следующее: "Корсиканец по характеру и рождению. При благоприятном стечении обстоятельств этот молодой человек высоко поднимется". Этот профессор очень любил своего юного ученика и, как говорят, во время учебы в школе время от времени снабжал его деньгами на карманные расходы. После его смерти Наполеон назначил его вдове солидную пенсию.

Корпус Наполеона находился в Валансе, когда он присоединился к нему. Приезжая туда, он время от времени бывал в гостинице мадам дю Коломбье и, как говорят, занимался любовью с ее дочерью; но когда это было не так занято, он был предан своим военным занятиям и часто читал Жизнеописание Плутарха, том которого он обычно носил с собой. Он также занялся написанием "Истории Корсики", которую, когда она была завершена, аббат Рейналь и другие друзья очень высоко оценили; но он не смог найти для нее издателя.

В Валансе Наполеон обнаружил, что офицеры его полка разделились, как и весь тогдашний мир, на две партии: сторонников французской монархии и тех, кто желал ее свержения. Наполеон открыто встал на сторону последнего. "Будь я генералом, - сказал он на закате своей жизни, - я, возможно, остался бы верен королю; будучи младшим офицером, я присоединился к патриотам".

В начале 1792 года Наполеон стал капитаном артиллерии, не был связан узами брака и, случайно оказавшись в Париже, стал свидетелем прискорбных сцен 20 июня, когда революционная толпа штурмовала Тюильри и Людовика XVI. и его семья, претерпев бесчисленные оскорбления и деградацию, с величайшим трудом сохранила свои жизни. Прогуливаясь с Бурьеном, он увидел толпу численностью от пяти до шести тысяч человек, оборванных и нелепо вооруженных, которая выходила из предместий и направлялась к Тюильри. "Давайте последуем за этими негодяями", - сказал он. Они вышли с толпой в сад перед дворцом, и когда король появился в одном из окон балкона, окруженный революционерами, и с красной шапкой свободы, эмблемой якобинцев, на голове, Наполеон больше не мог сдерживать свое презрение и негодование. "Бедный бродяга!" - сказал он достаточно громко, чтобы его услышали те, кто был рядом с ним. "как он мог допустить, чтобы этот сброд вошел? Если бы он уничтожил пятьсот или шестьсот человек своими пушками, *остальные еще бежали бы!* Наполеон всегда ненавидел анархию. Он сказал, что от толпы нет другого средства, кроме картечи, и свято верил в теорию о том, что сначала нужно стрелять, а потом слушать мирные переговоры.

Он также был свидетелем еще более ужасных событий 10 августа того же года, когда дворец был еще раз захвачен, и Национальная гвардия, назначенная для его защиты, приняла участие в нападении. На этот раз королевской семье пришлось укрыться в Национальном собрании, а храбрые швейцарские гвардейцы были перебиты почти до одного человека.

Бонапарт был твердым другом Собрания, в вину по крайней мере части которого следует отнести эти эксцессы; но зрелище вызывало у него отвращение. Вопли, визг и пики с окровавленными головами на них образовали сцену, которую он впоследствии описал как "отвратительную". Но с каким иным чувством интереса смотрел бы он на это разъяренное население, на тех, кто все еще сопротивляется, хотя и побежден швейцарцами, и на этот горящий дворец, если бы какой-нибудь провидец прошептал ему: "Будущий император, вся эта кровь и резня - всего лишь подготовка вашей будущей Империи!"

Он мало вращался в обществе, но много виделся с людьми и безоговорочно встал на сторону дела нации. В то время он был безработным и очень бедным, праздно бродил по Парижу и питался в основном в дешевых ресторанах. До сих пор он был всего лишь зрителем Революции, которому суждено было проложить свой собственный путь к суверенной власти; но вскоре обстоятельства призвали его сыграть роль в этой трагической драме, которая тогда привлекала внимание цивилизованного мира.

Вскоре после этих волнующих сцен в Париже Бонапарт навестил свою мать на Корсике, прибыв туда со своей сестрой Элизой 17 сентября 1792 года. Впервые за тринадцать лет семья воссоединилась, и их радость была бы полной, если бы их обстоятельства не были такими печальными. Их ресурсы истощались день ото дня, и вернуть то, что им причиталось,

становилось все труднее из-за гражданских разногласий. Единственным фондом, на который они могли рассчитывать, по-видимому, было жалование Наполеона артиллерийскому офицеру.

В следующем году, когда Бонапарт все еще наслаждался отпуском в своем полку, из Франции прибыла экспедиция, чтобы лишить генерала Паоли, губернатора Корсики, его контроля, поскольку он осудил Национальное собрание как врага Франции. Паоли пытался привлечь Наполеона на свою сторону; среди прочих лестных слов он похлопал его по спине и сказал: "Ты был отлит по античному образцу; ты один из людей Плутарха. Весь мир будет говорить о тебе", но молодой корсиканец был верен Франции, и его нельзя было обмануть ни мольбами, ни лестью. Он заявил о своем убеждении, что Корсика слишком слаба, чтобы сохранить независимость, что она должна попасть под власть либо Франции, либо Англии, и что ее интересам лучше всего послужит присоединение к первой. Затем Наполеон вручил свою шпагу Саличетти, одному из корсиканских депутатов Конвента, и был временно назначен командиром батальона Национальной гвардии.

Первой военной службой, на которую он был нанят в своей родной стране, было взятие небольшой крепости Торре-ди-Капителло недалеко от Аяччо. Он взял ее, но вскоре был осажден, и он и его гарнизон, после доблестной обороны и некоторого времени питаясь лошадьми, были рады покинуть башню и бежать к морю. Вскоре Паоли получил подкрепление от Англии, и Бонапарты были среди тех, кто был изгнан из страны. Во время этой корсиканской революции жители сильно разошлись во мнениях относительно прав Англии и Франции на остров. Офицер французских войск, перешедший на сторону Англии, был сильно возмущен позицией, занятой Бонапартами — Жозефом, Наполеоном и Люсьеном. Однажды, во время слушания дела Наполеона, офицер употребил по отношению к ним какие-то очень резкие выражения и был особенно озлоблен против Наполеона. На это друг с большой теплотой защитил его и закончил словами офицеру: "Сэр, вы не стоите пары старых сапог Наполеона!"

В 1800 году, когда Наполеон был тогда первым консулом Франции, офицер, который защищал его и который некоторое время следовал его примеру и был им произведен в отличники, случайно встретил Бонапарта среди большой компании за обедом в доме матери первого консула, был отведен в сторону, прежде чем компания уселась за стол, и, приложив палец ко рту, Наполеон сказал полушутя-полусерьезно: "Мой дорогой сэр, ни слова, умоляю вас, о старых сапогах!"

В результате восстания на Корсике Наполеон увидел, как Аяччо превратился в пепелище, а дом его детства был разграблен и сожжен перед его отъездом. Его мать и сестры нашли убежище сначала в Ницце, а затем в Марселе, где некоторое время терпели все неудобства бедности и изгнания. В тот период не было ничего более плачевного, чем перспективы Бонапарта; ничего более неопределенного, чем будущее. Но он верил, что удача не всегда будет покидать его. Франция находилась в руках людей, которые действовали в основном из корыстных побуждений, и здесь он, очевидно, увидел шанс проложить себе путь к славе, попав в водоворот Революции. Вероятно, именно по этому поводу он повторил хорошо известные слова: "В революции солдат никогда не должен отчаиваться, если он обладает мужеством и гениальностью".

Теперь Наполеон решил вернуться в свой полк; он выбрал Францию своей страной, и с тех пор она всегда была его домом, пока его не сослали на остров Святой Елены.

Ночью 27 августа 1793 года Тулон был передан англичанам, и его последующей осаде и повторному взятию было суждено стать первым важным инцидентом, который позволил Бонапарту отличиться в глазах французского правительства и всего мира в целом. Голова Людовика XVI скатилась с плахи, а месяц спустя Конвент объявил войну Англии.

В начале сентября Франция подверглась нападению со всех сторон, и треть ее провинций восстала против правительства, установленного в Париже, которое поддерживало свое господство с помощью режима террора. Среди провинций, охваченных открытым восстанием, были все южные. Один армейский корпус занял Лион, в то время как другой, после покорения Марселя, двинулся на Тулон, крупный арсенал и морской порт, который бурбоны передали в руки Англии. Адъютанта Червони немедленно отправили в Марсель, чтобы выяснить, не сможет ли он найти в этом городе какого-нибудь выдающегося артиллерийского офицера, которому можно было бы доверить главное командование осадными батареями перед Тулоном.

Прогуливаясь по улицам, Червони встретился с капитаном артиллерии, который, как и он сам, прогуливался по улицам. Этот капитан был корсиканцем и нашим соотечественником; его звали Наполеон Бонапарт. Он был покрыт дорожной пылью, по которой шел, потому что только что прибыл из Авиньона, куда сопровождал обоз с боеприпасами, и направлялся в Ниццу. Червони подумал, что Бонапарт был бы как раз тем человеком, который мог бы следить за передвижениями армии перед Тулоном: он выглядел очень молодым — ему было всего двадцать четыре года, — но было заявлено, что за месяц до этого республиканская армия была готова начать отступление перед Авиньоном, когда он с двумя полевыми орудиями и восьмьюдесятью солдатами обстрелял город с тыла так эффективно, что жители и федеральные войска перепугались и, убедившись, что их предали, оставили город республиканцам, которые вошли победителями благодаря смелости и упорству солдат. дальновидность капитана Бонапарта.

С картины Лафита

Бонапарт спасается от плена при Лонато

Червони пригласил его зайти в кафе; Бонапарт согласился, и двое мужчин поболтали за чашей пунша. Молодой капитан снял шляпу, так что голубое пламя напитка осветило его черты; цвет лица у него был желтоватый, а голова большая, примерно двадцать три дюйма в окружности. Если размер его черепа был большим, то пространство между двумя скулами было огромным. Волосы росли низко на лбу; хорошо изогнутые брови открывали большие глаза, острые, как сталь, холодные, ясные и пронзительные; орлиный нос был самой изящной формы, нижняя губа сильная и скошенная, в то время как подбородок и челюсти были развиты так же хорошо, как череп.

После конференции Наполеон отбыл в Тулон, где ему было присвоено звание бригадного генерала артиллерии, командовавшего артиллерией во время осады. Арсенал был заполнен военными припасами, и двадцать пять английских и испанских линкоров стояли тогда в гавани, чтобы защитить его. Прошло три месяца, за это время не было достигнуто никакого видимого прогресса в возвращении города, и когда прибыл Наполеон, ему было поручено командование артиллерийским эшелоном.

Сильный форт господствовал над гаванью, и после тщательного осмотра Наполеон сказал, что единственный способ вернуть Тулон - это пренебречь обороной города, захватить "Маленький Гибралтар", и город сдастся через два дня. Брат Наполеона Люсьен посетил его примерно в это же время. Однажды утром они вместе отправились к месту, где была предпринята безрезультатная атака, и на земле лежали мертвыми двести французов. Увидев их, Наполеон воскликнул: "Если бы я командовал здесь, все эти храбрецы были бы еще живы!" Мгновение спустя он добавил: "Учись на этом примере, молодой человек, насколько необходимо обладать знаниями тем, кто стремится командовать другими".

Чрезвычайно интересен собственный отчет Наполеона о том, что он пережил здесь, и, таким образом, он был передан им во время своего изгнания на острове Святой Елены:

"Я доложил, как мне было приказано, - сказал он, - генералу Карто (парижскому художнику-портретисту), который командовал революционными силами. Это был высокий мужчина, весь увешанный позолоченными украшениями, похожий на офицера милиции. Я сразу увидел, что он совершенно не справляется с поставленной перед ним задачей. Я сказал: "По вашему приказу мне поручено помочь во взятии Тулона". Он ответил: "Нам не нужна помощь во взятии Тулона; но поскольку они послали вас сюда, вы можете наслаждаться, насколько сможете, и посмотреть осаду". Затем он приказал, чтобы со мной обращались вежливо.

"Итак, на следующее утро я отправился с генералом посмотреть на подготовку к бомбардировке крепости. Он подозвал помощника и спросил по-деловому: "Раскаленная дробь готова?" Я был удивлен, но ничего не сказал. Подчиненный ответил: "О да, мужчины были заняты всю ночь, разогревая их". Теперь я был удивлен больше, чем когда-либо, но по-прежнему хранил молчание. То, что последовало за этим, заставило бы меня поверить, что они пытаются обмануть меня, если бы их поведение не было таким серьезным. Генерал Карто спросил, как они собираются доставить раскаленную дробь к орудиям. Это, казалось, озадачило адъютанта. Сам генерал не знал, что делать. После долгих размышлений и нескольких ругательств он спросил меня, что бы я сделал в сложившихся обстоятельствах. Я сказал:

"Для вас будет отличной идеей сначала испытать дальноточность вашего оружия холодным выстрелом. Если дальность стрельбы неправильная, то от "горячего выстрела" не будет никакой пользы.

Он весело рассмеялся и согласился со мной. Был отдан приказ испытать дистанцию. В результате выстрел "холодным" пролетел не более трети дистанции. Бомбардировка форта была отложена на другой день.

"К счастью, Гаспарин, прямой представитель народа, обладающий полными полномочиями, прискакал той ночью, и я рассказал ему о том, что видел и слышал. Он согласился, что командующий некомпетентен, и назначил меня ответственным. Остальное вы все знаете. Я начал атаку на выходе из Тулона и добился успеха. Гаспарин утешил Карто, сказав ему, что я всего лишь подчиненный и что вся слава все равно достанется ему".

Во время этой осады "Маленького Гибралтарского замка" Бонапарт продемонстрировал свое обширное знание человечества, что позволило ему обнаружить и прикрепить к себе тех людей, чьи таланты были наиболее выдающимися и наиболее способными оказать ему услугу. Несколько человек, впоследствии ставших маршалами и генералами империи, впервые познакомились с Наполеоном в Тулоне. Среди них были Дюрок и Жюно. В один из дней этой долгой осады Наполеон, проходя мимо одной из траншей, попросил кого-нибудь написать приказ под его диктовку, и, повинаясь этой просьбе, молодой и красивый солдат вышел из строя и, положив бумагу на бруствер, начал писать в соответствии с указаниями. Едва он успел это сделать, как к его ногам упало пушечное ядро и засыпало грязью командира и рядового. Солдат, смеясь, поднял свою газету и сказал: "Спасибо, теперь мне песок не понадобится".

Наполеон был так доволен его храбростью и находчивостью, что немедленно повысил его в звании. Звали этого счастливчика генерал Жюно; впоследствии он стал герцогом Абрантешским и был одним из самых выдающихся генералов империи при Наполеоне. В это время у молодого корсиканского офицера наблюдалась явная полная нечувствительность к усталости. Он работал днем, а по ночам спал, завернувшись в одеяло, под своими орудиями, пока его батареи не были готовы начать боевые действия.

Во время осады в Париже было очень беспокойно, и по прошествии нескольких недель это стало почти единственной темой разговоров в столице; газеты содержали бесчисленные предложения по прекращению осады, и сотни писем были адресованы офицерам в Тулоне, в которых рассказывалось, как изгнать англичан с берегов Франции. Однажды в Тулон прибыли пятнадцать экипажей с шестидесятью молодыми людьми, прибывшими сюда из столицы; их нарядили великолепно и попросили представить главнокомандующему.

Бонапарт вежливо принял гостей и спросил, что он может для них сделать. "Гражданин Бонапарт, - сказал представитель, - мы приехали из Парижа. Тамешние патриоты возмущены вашей нерешительностью и промедлением. Земля Республики была осквернена. Она содрогается при мысли, что оскорбление все еще остается неотмщенным. Она спрашивает: "Почему Тулон до сих пор не взят? Почему английский флот до сих пор не уничтожен?" В своем негодовании она обратилась к своим храбрым сыновьям. Мы подчинились ее призыву и сгораем от нетерпения оправдать ее ожидания. Мы артиллеристы-добровольцы из Парижа. Снабдите нас оружием. Завтра мы выступим против врага!"

Рано утром следующего дня Наполеон повел "добровольцев" на берег моря. Ночью он приказал установить несколько пушек и, указывая на черный корпус в море, сказал: "Потопите этот корабль!"

На некотором расстоянии от берега стоял английский фрегат, на палубе которого виднелись грозные орудия, все направленные в сторону берега.

"Но здесь нет убежища!" - хором воскликнули волонтеры. В этот момент артиллеристы с фрегата дали бортовой залп, и украшенные блестящими наградами патриоты из столицы бросились врассыпную под улыбки главнокомандующего, который немедленно отдал приказ своим артиллеристам отражать огонь противника.

Тулон был, наконец, взят 17 декабря, осада длилась четыре месяца.

Когда Бонапарт наконец поднял французский герб над городом, и когда он развевался на ветру над сценой запустения, надолго запомнившейся тем, кто был свидетелем этого, он сказал Дюгомье: "Иди спать; мы взяли Тулон!"

Именно здесь Наполеон был впервые тяжело ранен. Когда его тело готовили к погребению на острове Святой Елены, на его левом бедре был обнаружен такой глубокий шрам, что в него почти можно было просунуть палец. Это было вызвано штыковым ударом, полученным во время этого боя, в результате которого он чуть не потерял ногу. В дополнение к ранению под ним было подстрелено несколько лошадей. Еще одна из опасностей, которой он подвергся, носила необычный характер. Артиллерист был застрелен из орудия, которое он обслуживал, в то время как Наполеон посещал батарею, командир взял таран убитого и, чтобы подбодрить солдат, собственноручно зарядил орудие. Стрелок был поражен кожным заболеванием, которым Наполеон заразился от оружия, и в течение ряда лет после этого страдал от его разрушительного действия.

Вскоре после взятия Тулона Бонапарт сопровождал генерала Дюгомье в Марсель. Кто-то, пораженный его внешностью, спросил генерала, *кто этот маленький офицер и где он его подобрал?*

"Имя этого офицера, - ответил генерал, - Бонапарт: я подобрал его при осаде Тулона, успешному завершению которой он в высшей степени способствовал; и вы, вероятно, когда-нибудь увидите, *что этот маленький офицер - более великий человек, чем любой из нас!*"

Репутация Наполеона теперь быстро росла. Его знания артиллерийского офицера и доблесть спасли Францию от унижения, научили ее врагов уважать ее, подавили дух восстания в южных провинциях и предоставили правительству Конвента контроль над всей армией.

Было сказано, что слава Наполеона впервые стала известна Баррасу, члену Директории, из письма, доставленного его молодым протеже в Париж вскоре после этой осады. Это было благодарственное письмо, адресованное Карно, в котором Баррас так выразился: "Я посылаю вам молодого человека, который очень отличился во время осады, и искренне рекомендую вам как можно скорее продвинуть его вперед: *если вы этого не сделаете, он, несомненно, продвинется сам!*"

Имя Бонапарта было в списке тех, кого ветеран Дюгомье рекомендовал для продвижения по службе, и, соответственно, он был утвержден в своей временной должности командира

батальона и назначен занимать это звание в Италии. Поэтому он отправился в штаб французской армии, находившийся тогда в Ницце. Здесь он предложил план, по которому сардинцы были изгнаны с Коу-ди-Тенди. Саорджио со всеми его припасами вскоре сдался, и французы овладели приморскими Альпами, так что трудности продвижения в Италию значительно уменьшились. Однако в ходе этих перемещений высшие офицеры Наполеона пока пожинали плоды своей чести. Руководя средствами достижения этих успехов, Бонапарт полностью познакомился с этой альпийской страной, в которой ему вскоре предстояло одержать победы от своего имени, а не от имени других, которые теперь быстро приобретали репутацию, действуя по его своевременным предложениям.

Один из его любимых методов планирования маневров возник в это время, когда он изучал свои карты и планы Альпийской страны. Он настолько хорошо изучил местность, что ни один важный момент не был ему неизвестен. Имея перед собой эти данные, Бонапарт мог часами сидеть, сосредоточенно изучая карты страны, на которые он воткнул булавки, головки которых покрыл воском различных оттенков. Один цвет использовался для обозначения французов, другой - противника, и, меняя расположение значков на карте, он составлял различные замысловатые планы атаки и отступления, которые несколько лет спустя оказались для него наиболее ценными. Эта хитроумная схема часто используется в наши дни крупными оптовыми компаниями для обозначения территории своих продавцов во время поездок по стране.

Находясь в Ницце, Наполеон был внезапно арестован и брошен в тюрьму по приказу, присланному из Парижа Комитетом общественной безопасности. Он был направлен туда с секретными инструкциями от правительства "собрать факты, которые пролили бы свет на намерения генуэзского правительства относительно коалиции и т.д.", и хотя он действовал со всей тщательностью, необходимой для успеха, его чрезмерное рвение едва не закончилось для него фатально, поскольку это было время, когда было безопасно ни от кого не иметь секретов. Кроме того, это было время, когда революционеры были обязаны арестовать своих предшественников ради самих себя, а поскольку в правительстве произошла смена, о тайном путешествии Наполеона не знали Саличетти и Альбитте, сменившие Рикорда.

Молодой Робеспьер, получивший приказ об аресте, был очень поражен этим. В документе добавлялось, что заключенный должен был быть немедленно доставлен под сильным конвоем в форт Карре близ Антиба, где его заключили в тюрьму и судили "за измену Республике". Робеспьер попросил Наполеона зайти в его комнату и показал ему документ, который мог означать смерть. Затем он сказал: "Вы пока не должны уходить. Я посажу вас под арест, а затем напишу своему брату, который имеет некоторое влияние в комитете. Возможно, ему удастся добиться отмены приказа".

Наполеон отказался волноваться из-за своего ареста. Жюно, Себастьяни и Мармон, его молодые адъютанты, составили план побега и посоветовали ему задушить охрану, украсть небольшую лодку и бежать на побережье Корсики, где он мог бы спрятаться в горах. Бонапарт, зная о своей невиновности, отказался от попытки к бегству, но адресовал Жюно и другим следующее письмо: "Я полностью признаю вашу дружбу, мой дорогой Жюно, в предложении, которое вы мне делаете: вы давно знаете мою искренность по отношению к вам, и я надеюсь, что вы верите в нее. Люди могут быть несправедливы ко мне, мой дорогой Жюно, но для меня достаточно моей невиновности. Моя совесть - это трибунал, перед которым я взываю к своему

поведению. Эта совесть спокойна, когда я подвергаю ее сомнению. Поэтому ничего не предпринимайте; дружески приветствую вас. Бонапарт.

Арестован в Форт-Карре, Антиб."

Только когда ему сообщили, что он уволен из армии и объявлен недостойным общественного доверия, он направил энергичное письмо Альбитте и Саличетти, комитету, который отдал приказ о его аресте и который заставил их пересмотреть свое решение.

В своем драматическом обращении к этому комитету Бонапарт, в частности, сказал: "Вы отстранили меня от выполнения моих обязанностей, арестовали и объявили меня подозреваемым. Этим вы клеймили меня, не осуждая, — или, скорее, осудили, не выслушав. * * * Услышьте меня; уничтожьте угнетение, которое меня окружает, и восстановите меня в глазах патриотов. Час спустя, если злодеи будут желать моей жизни, я буду мало ценить ее; я часто презирал ее".

Через несколько дней влияние великого Робеспьера дало о себе знать; впоследствии было получено сообщение об отмене приказа, и Наполеон был с честью освобожден из-под стражи. Его документы были изучены, и поскольку в них не было обнаружено ничего, что могло бы его обвинить, он был немедленно отпущен на свободу. В те бурные времена не один невинный человек былотправлен на гильотину по менее надуманному обвинению, чем это, и поэтому у Наполеона были веские основания быть благодарным за вмешательство Робеспьера.

В то время молодой воин был самым прилежным и, как говорят, рано приобрел привычку спать короткими перерывами, которые, казалось, полностью освежали его в той же степени, в какой более длительные периоды требовались другим. Однажды, находясь в Ницце, один из его друзей пришел в апартаменты Наполеона задолго до рассвета и, не сомневаясь, что он все еще в постели, тихонько постучал в дверь, боясь потревожить его слишком резко. Войдя в свою комнату, он был немало удивлен, обнаружив Бонапарта одетым как днем, с разбросанными вокруг планами, картами и различными книгами.

- Как! - воскликнул посетитель. - еще не в постели?

"В постели, - ответил Наполеон, - я уже встал".

- В самом деле, и почему так рано?

"О, любому человеку достаточно двух-трех часов, чтобы поспать!" - был ответ генерала.

Несколько лет спустя, когда Бонапарт составлял "*Кодекс Наполеона*", он поразил Государственный совет готовностью, с которой иллюстрировал любой момент дискуссии цитатами из римского гражданского права - предмета, который мог показаться ему совершенно чуждым, поскольку большая часть его жизни прошла на поле боя. Когда его спросили, откуда у него такие познания в юриспруденции, он ответил: "Когда я был лейтенантом, меня арестовали, несправедливо, это правда, но это не имеет отношения к делу. В маленькой комнате, отведенной под мою тюрьму, не было никакой мебели, кроме старого стула и старого шкафа: в шкафу стоял увесистый том, более старый и изъеденный червями, чем все остальные. Это оказался сборник римского права. Поскольку у меня не было ни бумаги, ни ручек, ни чернил, ни карандаша, вы можете легко представить, что эта книга была для меня ценным призом. Она

была такой объемистой, а листы рукописи были так испещрены пометками на полях, что, если бы я был заключен в тюрьму на сто лет, я бы никогда не смог сидеть сложа руки. Я был лишен свободы всего на десять дней; но, получив ее, я был насыщен Юстинианом и решениями римских законодателей. *Таким образом, я приобрел свои знания в области гражданского права.*"

После освобождения из заключения Бонапарт не возобновил свои функции в Ницце, а отправился в Марсель, где его мать жила в стесненных обстоятельствах. До конца года он снова приехал в Париж в поисках работы. Сначала он не встретил ничего, кроме отторжения. Обри, президент военного комитета, возразил против его молодости, на что Бонапарт довольно резко ответил: "На полях сражений быстро стареешь, а я только что покинул одно из них". Президент, который сам мало что видел на службе, подумал, что его оскорбили, и в результате обошелся с Наполеоном очень холодно.

Вскоре после этого Бонапарту предложили командовать пехотной бригадой, от которой он отказался, заявив, что ничто не может заставить его оставить артиллерию. В письме Сюси, другу, по этому поводу Наполеон сказал: "Мне приказали служить линейным генералом в Вандее. Я не приму. Многие солдаты могли бы командовать бригадой лучше, чем я, и мало кто командовал артиллерией с большим успехом". За его отказом последовало вычеркивание его имени из списка действующих генералов. Некоторое время спустя он обратился с просьбой направить его в Турцию для создания барьера против посягательств России и Англии, но это не было удовлетворено. Никакого ответа на его мемориал, над которым он с большим энтузиазмом беседовал в течение нескольких недель, получено не было. "Как было бы странно, - сказал он своим друзьям, - если бы маленький корсиканец стал королем Иерусалима". Он уже предвкушал величие и твердо верил в свою "Звезду Судьбы".

В конце концов его назначили командиром артиллерийской бригады в Голландии. Долго откладывавшееся назначение было, без сомнения, очень желанным; но в то же время его услуги были востребованы в более важной области. Когда Национальная гвардия встала на сторону врагов Конвента и подняла оружие против правительства, потребовался человек, обладающий силой и решительностью, чтобы защитить их от повстанцев. Столкновение произошло 3 октября 1795 года, когда войска Конвента были выведены этим органом. Повстанцы, представлявшие сорок восемь секций Парижа, были готовы атаковать дворец Тюильри на следующее утро силами свыше 40 000 человек и взять правительство в свои руки. Нация, и особенно высшие классы, которым помогали роялисты, были возмущены поведением членов Конвента, которые замыслили увековечить себя на своем посту, и сформировали самую грозную оппозицию мерам существующего правительства.

Генерал Бонапарт находился в театре, когда ему сообщили о происходящих событиях. Он сразу же поспешил в Ассамблею, где застал членов в разгаре дебатов, сильно взволнованных надвигающейся опасностью.

Совещаясь с Тальеном и Карно, Баррас, присутствовавший в Тулоне во время осады, сказал: "Есть только один человек, который может спасти нас. У меня есть человек, который вам нужен; *это маленький корсиканский офицер, который не потерпит церемоний!* За Наполеоном послали и уведомили, что он был выбран для защиты правительства в качестве заместителя командующего при Баррасе. Без ведома Ассамблеи он присутствовал на их собрании и слышал все, что о нем говорили. Более получаса он размышлял о том, как лучше

поступить, и наконец решил взяться за их дело, если ему позволят сделать это по-своему. Когда Баррас представил Наполеона Конвенту как человека, достойного быть вверенным командованию, президент спросил:

"Готовы ли вы взять на себя защиту Конвенции?"

- Да, - последовал ответ.

- Вы отдаете себе отчет в масштабах этого предприятия?

"Совершенно; и у меня есть привычка доводить до конца то, за что я берусь. Я принимаю, но предупреждаю вас, что, как только мой меч достанется из ножен, я не верну его обратно, пока не наведу порядок.

Однако он отказался принять назначение, если не получит его без какого-либо вмешательства. Дрогнувший Конвент быстро уступил, и хотя Баррас пользовался титулом "Главнокомандующего", фактически войсками командовал Бонапарт.

Проконсультировавшись с Мену, который в то время находился в тюрьме и которого он сменил на посту, Наполеон быстро получил желаемую информацию. Он узнал, что доступная оборона состояла всего из 5000 солдат всех мастей, с 40 орудиями, находившимися тогда в Саблоне, и охранялась всего ста пятьюдесятью людьми. Не теряя ни минуты, Наполеон начал свои приготовления к завтрашнему дню, который должен был решить, восторжествует ли толпа, и Франция лишится всех плодов своей Революции, или будут установлены закон и порядок. Первым его действием было отправить Мюрата, в то время майора егерей, в Саблон, в пяти милях отсюда, где были установлены пушки. Повстанцы немедленно послали более сильный отряд, чтобы захватить эти пушки; и Мюрат, который проходил мимо них в темноте, ушел бы напрасно, если бы получил приказ всего несколькими мгновениями позже или был менее активен.

Когда утром 4 октября прозвучал сигнал к пробуждению, более 32 000 национальных гвардейцев двинулись по разным улицам на осаду дворца; но его защита была в более надежных руках, чем у Людовика XVI. — теперь у руля стоял герой Тулона.

У церкви Сен-Рош колонна, продвигавшаяся по улице Сент-Оноре, обнаружила отряд войск Наполеона, выстроенный в линию при двух пушках, чтобы воспрепятствовать их прохождению. Неизвестно, с какой стороны началась стрельба, но в одно мгновение артиллерия Наполеона прочесала улицы и переулки, осыпая национальных гвардейцев картечью и производя такое замешательство, что они вскоре были вынуждены уступить дорогу. Первый выстрел послужил сигналом к открытию всех батарей, которые установил Бонапарт, его орудия под дворцом и на мостах контролировали набережные Сены напротив Тюильри.

Менее чем через час акция была закончена. Повстанцы разбежались во всех направлениях, оставив улицы покрытыми убитыми и ранеными. Затем войска Конвента прошли маршем по различным секциям, разоружили перепуганных жителей, и до наступления темноты все было тихо. Солнце так же спокойно зашло за беспомощный город, как будто ничего не произошло. В тот же вечер театры были открыты и иллюминированы, и почти повсюду царил всеобщее ликование.

Звезда Наполеона взошла в ту ночь над горизонтом; весь Париж устремился взглянуть на молодого полководца, и много лет спустя Франция продолжала обращаться к нему за защитой — и не напрасно.

В ночь на 13 Вандемьера Наполеон написал своему брату Жозефу: "Наконец-то все закончено, и я спешу сообщить вам новости о себе. Роялисты, сформированные в секции, с каждым днем становились все более угрожающими. Конвент отдал приказ о разоружении секции Лепельтье, оказавшей сопротивление войскам. Мену, который командовал, был, как говорят, предателем и немедленно был опозорен. Конвент назначил Барраса командующим вооруженными силами; комитет назначил меня командовать ими под его началом. Мы разместили наши войска; враг атаковал нас у Тюильри. Мы убили многих из них и потеряли тридцать человек убитыми и шестьдесят ранеными. Мы разоружили Секции, и снова воцарился мир. Я, как обычно, невредим. P.S. Удача на моей стороне. С любовью к Эжени и Жюли."

В течение пяти дней после разгрома секций Наполеон был назначен заместителем командующего Внутренней армией, и вскоре после этого Баррас, сочтя, что обязанностей директора достаточно, чтобы занимать его время, передал командование своему "маленькому корсиканскому офицеру".

После своего вступления в должность генерала вооруженных сил Парижа Бонапарт прислуживал каждому из пяти директоров. Во время визита к Карно знаменитый писатель был там по приглашению — это был день презентации, — и когда молодой командир вошел, он пел под аккомпанемент фортепиано в сопровождении молодой леди. Появление Наполеона, тогда невысокого, хорошо сложенного юноши с оливковым цветом лица, среди пяти или шести высоких молодых людей, которые, казалось, уделяли ему самое большое внимание, представляло собой весьма неожиданный контраст и произвело некоторый ажиотаж.

При появлении Бонапарта Карно поклонился с видом совершенной непринужденности и самообладания, и когда он проходил мимо автора, последний спросил хозяина, кто эти джентльмены.

Директор ответил: "Генерал вооруженных сил Парижа и его адъютанты".

"Как его зовут?" - спросил автор.

"Бонапарт".

- У него есть какие-нибудь военные навыки?

- Так говорят.

- Что он когда-либо делал, чтобы привлечь к себе внимание?

"Это офицер, который командовал войсками Конвента Тринадцатой Вандеи". (День разгрома секций).

Тень пробежала по лицу вопрошающего, который оказался одним из выборщиков Вандемьера, и он удалился в один из темных углов, чтобы задумчиво и молча понаблюдать за новым посетителем. Затем Карно воспользовался случаем, чтобы предсказать, что молодой генерал вскоре сделает еще один шаг к известности.

Примерно в это же время одна дама спросила Наполеона: "Как вы могли так безжалостно стрелять по своим соотечественникам?"

"Солдат, - спокойно ответил он, - всего лишь машина, выполняющая приказы!"

Несколькими годами ранее, находясь на приеме, устроенном в гостиных меье Неккара, знаменитого финансиста, епископ Отенский похвалил Фокса и Шеридана за утверждение, что французская армия, отказавшись подчиняться приказам своего начальства стрелять по населению, подала славный пример всем армиям Европы; потому что, поступив таким образом, они показали себе, что люди, становясь солдатами, не перестают быть гражданами.

С картины Ж. Верне

Бонапарт на мосту Аркола

- Извините, если я осмелюсь прервать вас, - быстро сказал Наполеон, - но, поскольку я офицер, я должен воспользоваться привилегией выразить свои чувства. Я искренне верю, что строгая дисциплина в армии абсолютно необходима для безопасности нашего конституционного правительства и поддержания порядка. Более того, если наши войска не будут вынуждены без колебаний подчиняться приказам исполнительной власти, мы подвергнемся слепой ярости демократических страстей, которые сделают Францию самой несчастной страной на земном шаре!"

Действия Ассамблеи по назначению Наполеона командующим войсками в Париже привели к тому, что его имя часто появлялось в газетах, и с тех пор оно вышло из безвестности. Как командир, его первым действием было заступиться за Мёну, своего предшественника, который в то время находился в тюрьме, и добиться его оправдания, главным образом из-за его неспособности подавить бунтовщиков.

Теперь Бонапарт начал устраивать военные дамбу, на одной из которых произошел инцидент, который сразу же дал новый поворот в его образе жизни и новый толчок к росту его благосостояния. Красивый мальчик лет Двенадцати предстал перед Наполеоном и сказал: "Меня зовут Эжен Богарне. Мой отец, виконт и генерал республиканских армий, умер на гильотине, и я пришел умолять вас, сэр, отдать мне его шпагу. Бонапарт добился, чтобы просьбу выполнили, и слезы мальчика, когда он принимал и целовал реликвию, возбудили интерес

командующего. На следующий день мать юноши, Жозефина Богарне, пришла поблагодарить Наполеона за его доброе обращение с ее сыном, и ее красота и необычайная грациозность обращения произвели на него сильное впечатление. Некоторое время спустя он предложил Жозефине руку; она, после некоторых колебаний, приняла ее, и молодой генерал своей женитьбой, которая была отпразднована 5 марта 1796 года, укрепил таким образом свои благоприятные связи с люксембургским обществом и, в частности, с Тальеном и Баррасом, в то время самыми могущественными людьми Франции.

Первая встреча с Евгенией и ее влияние на брак Наполеона с Жозефиной иногда подвергались сомнению историками, многие из которых, по-видимому, пренебрегли собственным подтверждением Изгнанником истории на острове Святой Елены, в которой, рассказав о визите Жозефины, он сказал доктору О'Мире: "Я был очень поражен ее внешностью (Жозефины), и еще больше ее духом. Это первое впечатление с каждым днем укреплялось, и вскоре последовал брак".

Теперь в Париже было восстановлено спокойствие, и у Руководителей появилось свободное время, чтобы обратить свое внимание на дела Итальянской армии, которая тогда находилась в самом запутанном и неудовлетворительном состоянии. Они решили назначить под его командование нового генерала, и Бонапарт, которому тогда было всего двадцать шесть лет, был назначен командующим итальянской армией. Говорят, что когда Карно (дед покойного Сади-Карно, президента нынешней Французской Республики) передал Наполеону командование, последний сказал ему, что он может быть назначен только командующим людьми, поскольку войска лишены всего, кроме оружия. Бонапарт ответил, что при условии, что он предоставит ему достаточно людей, это все, что ему нужно; за остальное он ответит, и это обещание вскоре было выполнено, поскольку вместо того, чтобы нуждаться во всем, армия стала, за счет противника, одной из лучших в Европе.

Впоследствии между Карно и Баррасом возник спор о том, кто из них первым предложил назначить его на эту должность. В одном из писем Жозефины признается, что Баррас обещал обеспечить Бонапарту эту должность до того, как состоится его женитьба.

Один из Директоров колебался и сказал Наполеону: "Вы слишком молоды".

"Через год, - ответил он, - я буду либо стар, либо умру!"

II КАМПАНИЯ БОНАПАРТА В ИТАЛИИ, 1796-7

Когда Наполеон выехал из Парижа 21 марта 1796 года, чтобы принять командование итальянской армией, после трехдневного медового месяца он пересек Францию со скоростью курьера, остановившись всего на несколько часов в Марселе со своей матерью и семьей, которых он теперь мог обеспечивать надлежащим образом. Его письма к Жозефине были полны страстных выражений нежности и сожаления об их разлуке. Но после того, как он отдал дань их привязанностям, его сердце быстро наполнилось ликованием и триумфом. Впервые он был главным командиром; сила внутри него теперь была свободна направлять его действия, не стесненная сдержанностью, которую он так долго ощущал в столице. Ему чрезвычайно

хотелось начать карьеру, к которой призвала его Судьба, немедленно встав во главе Итальянской армии.

Нетрудно представить, с каким восторгом этот молодой генерал, которому тогда едва исполнилось двадцать шесть лет, продвигался к независимому полю славы и завоеваний, уверенный в своих силах и в совершенном знании страны, которое он приобрел ранее. Под его командованием были такие люди, уже отличившиеся на войне успехами и храбростью, как Ожеро, Массена, Серрюрье, Жубер, Ланн, Мюрат, Ла Гарп, Стенгель и Килмейн, все они были поражены моложавой внешностью своего нового командира.

Не без некоторого недовольства старые генералы наблюдали, как молодой человек, недавно находившийся у них в подчинении, принимает командование над их головами, на что, как каждый предполагал, он имел преимущественные права, и пожинает плоды плана операций, который, как они предполагали, не был придуман им самим. Когда он проезжал вдоль рядов, солдаты заметили, что он плохо сидит верхом, и пожаловались, что командовать ими послали "простого мальчишку". Однако молодой генерал вскоре завоевал то уважение к своему характеру, в котором было отказано его физическому сложению. Проявленная им твердость вскоре положила конец неповиновению, царившему в армии; и еще до того, как они одержали победу под его началом, войска стали такими же покорными, как и в любой последующий период, когда его характер полностью утвердился.

Несколькими годами ранее, когда Бонапарт беседовал в Тулоне с месье де Волне, известным корсиканским путешественником и литератором, на обеде, устроенном для двух друзей Турро, в то время командовавшим вооруженными силами в Ницце, была предложена кампания в Италии. После того, как подали десерт, Наполеон сказал Турро: "Вам не кажется, что это слишком плохо - иметь 10 000 человек, бездействующих здесь, в Ницце, когда Республика могла бы так превосходно использовать их в Италии?"

"Возможно, - ответил Турро, - но мы ничего не можем сделать; у нас нет приказа двигаться от Комитета общественной безопасности".

"В таком случае, - сказал Наполеон, - ваш долг - заставить комитет устыдиться его бездействия".

"Что бы вы сделали, если бы могли действовать так, как вам заблагорассудится?" - спросил Турро. Наполеон пообещал дать ответ следующим вечером. В назначенное время он пришел подготовленным, с полным планом кампании, составленным и классифицированным по семнадцати главам. Это включало вторжение и завоевание Италии почти по тем же направлениям, которые он сейчас собирался предпринять, и частично явилось результатом этой встречи, поскольку Турро передал план Комитету общественной безопасности в Париже при условии, что он будет передан в руки Карно, суждениям которого Наполеон доверял. Карно просмотрел план и пришел в восторг. Он не смог добиться немедленных действий, но два года спустя, когда было принято решение о вторжении в Италию, он обладал достаточным влиянием, чтобы добиться назначения Наполеона ответственным за это.

Бонапарт прибыл в штаб армии в Ницце 27 марта 1796 года. Французская армия в Италии, насчитывавшая 31 000 человек, перенесла большие трудности и лишения, была лишена обуви, одежды и почти всего, чего требовал их комфорт. Кавалерия была плохо вооружена, и им очень не хватало артиллерии. Чтобы заставить замолчать их жалобы и примирить их со своим положением, а также расположить их к себе, Наполеон жил в дружеских отношениях со своими

солдатами, участвовал в их трудностях и лишениях и устранял многие из их обид. "Мои храбрые товарищи, - сказал он им однажды, пытаюсь поднять их дух, - хотя вы терпите большие лишения, у вас нет причин быть недовольными; все подчиняется силе; если мы одержим победу, провизия и припасы врага станут нашими; *если мы потерпим поражение, нам уже есть что терять.*"

Союзники, австрийцы и сардинцы, представляли собой значительно превосходящие силы, насчитывавшие 80 000 человек, были хорошо снабжены припасами и заняли в своей собственной или дружественной стране все высоты и перевалы Альп. Бертье, в то время служивший в штабе Наполеона в звании генерал-майора, с большим удовольствием спустя годы продемонстрировал в качестве курьеза общий приказ, по которому каждому дивизионному генералу было пожаловано по три луидора в качестве дополнительного снаряжения, датированный тем самым днем победы при Альбинге.

8 апреля Наполеон написал Директории: "Я обнаружил, что эта армия не только разорена, но и лишена дисциплины; их неподчинение и недовольство были таковы, что недовольные сформировали партию дофина и распевали песни, противоречащие принципам Революции. Однако вы можете быть уверены, что мир и порядок будут восстановлены; к тому времени, когда вы получите это письмо, мы договоримся".

Именно при таких обстоятельствах Бонапарт предложил прорваться в Италию и превратить богатейшую территорию противника в театр военных действий. "Солдаты, - сказал он своим обездоленным и обескураженным людям, - вы раздеты и плохо питаетесь; Республика многим вам обязана, но ей нечем расплатиться со своими долгами. Ваша выносливость и терпение среди этих бесплодных скал заслуживают восхищения, но они не приносят вам славы. Я пришел, чтобы повести вас на самые плодородные равнины, над которыми светит солнце. Богатые провинции и великие города скоро будут в вашей власти; там вы пожнете богатство и славу — они будут в вашем распоряжении. Солдаты Италии! перед тобой открывается такая перспектива, можешь ли ты не проявить мужество и настойчивость?"

Это было первое обращение командующего к армии, и слова ободрения, которые он произнес, пробудили боевой энтузиазм в их жилах подобно электрическому разряду. Под некомпетентным руководством Шерера армия, добившаяся некоторого успеха в борьбе с австрийским генералом Де Вином, не имела славы, хотя их батальоны возглавляли доблестные офицеры, командир которых пренебрег улучшением своей удачи. Французские солдаты жаждали командира, способного повести их к славе, поэтому завоевание Италии, казалось, было оставлено за генералом Бонапартом.

Система тактики Наполеона, хотя тогда и была неизвестна даже его офицерам, была неизменна для него. Они, по-видимому, были основаны на принципе, согласно которому "победителем будет тот командующий, который соберет наибольшее количество сил в одной и той же точке в один и тот же момент, несмотря на численное превосходство противника при подсчете общих сил с обеих сторон". Он в высшей степени обладал силой расчета и комбинации, необходимой для осуществления этих решающих маневров.

Победоносная карьера Наполеона началась, как и продолжалась, вопреки установленным правилам ведения войны, и то, что отличало его от всех современников, было его способностью превращать самые неблагоприятные обстоятельства в средство достижения успеха. Он понял,

что пришло время открыть новую страницу в истории войн. Располагая таким количеством войск, которое могла предоставить ему обедневшая республика, он вскоре увидел, что невозможно получить значительных преимуществ перед огромными и высокодисциплинированными армиями Австрии и ее союзников, если не отказаться от установленных правил этикета и стратегии. Только благодаря такой быстроте передвижения, которая должна была полностью застать врасплох численное превосходство его противников, он мог надеяться сосредоточить всю энергию небольшого отряда, каким он командовал, на каком-нибудь участке гораздо большей силы и таким образом нанести им поражение. Он знал, что ему придется иметь дело с солдатами—ветеранами и опытными генералами - людьми, которые постигли военное искусство еще до его рождения. Поэтому он решил, что каждое движение должно совершаться с быстротой, а каждый удар наноситься там, где его меньше всего ожидали.

Для осуществления таких быстрых маршей, на которые он рассчитывал, было необходимо, чтобы солдаты приняли решение рассматривать палатки и поклажу как ненужную роскошь; и чтобы вместо длинной и сложной цепочки резервов и припасов они осмелились полностью полагаться в плане средств к существованию на страны, в которые их отважный лидер мог бы их провести.

Целями экспедиции Наполеона было заставить короля Сардинии, у которого была мощная армия на поле боя, отказаться от союза с Австрией; заставить Австрию сосредоточить свои силы в ее итальянских провинциях, тем самым вынудив ее отвести их с берега Рейна, где они долгое время находились. Кроме того, надеялись смирить могущество Ватикана и навсегда подорвать престиж его иезуитской дипломатии. Он еще не добился никакой славы на поле боя, и ни один генерал в Европе не обвинил бы его, если бы ему удалось удержать территорию Ниццы и Савойи, которую Франция уже завоевала.

План Наполеона достичь прекрасных областей Италии отличался от плана всех прежних завоевателей; они одинаково проникали через Альпы в той или иной точке доступа в этой могучей горной цепи; он рассудил, что той же цели можно было бы достичь легче, продвигаясь по узкой полосе сравнительно ровной местности, которая находится между этими огромными барьерами и берегами Средиземного моря, и форсируя проход в том месте, где последняя или южная оконечность Альп как бы переходит в первую и самую низкую часть Аппенинского хребта.

Как только он начал сосредоточивать свои войска в этом регионе, австрийский генерал Болье принял меры для защиты Генуи и входа в Италию с помощью мощной, дисциплинированной и хорошо оснащенной армии. Он расположился с одной колонной в Вольтри, городке на берегу моря, примерно в десяти милях к западу от Генуи; Д'Аржанто с другой колонной занял высоты Монтенотта, в то время как сардинцы во главе с генералом Колли образовали правый фланг обороны в Севе. Эта диспозиция была составлена в соответствии со старой системой тактики, но она была бессильна перед новой стратегией. Французы не могли продвинуться к Генуе иначе, как столкнувшись лицом к лицу с какой-нибудь из трех армий, а эти, как предположил Болье, были слишком укреплены, чтобы их можно было выбить.

Утром 12 апреля 1796 года, когда Д'Аржанто выступил из Монтенотта, чтобы атаковать колонну Рампона, он обнаружил, что искусными маневрами в течение ночи Наполеон полностью окружил его — человека, который воображал, что в военном деле нет ничего нового.

Накануне австрийцы разгромили все аванпосты французов и появились перед редутом Монтенотте. Этот редут, последний из укреплений, защищали 1500 человек под командованием Рампона, который в разгар атаки заставил своих солдат принести клятву защищать его или погибнуть в укреплениях до последнего человека. Неоднократные атаки французов были безрезультатны, их продвижение было остановлено, и всю ночь их держали на расстоянии pistolетного выстрела, только от их мушкетного огня погибло 400 человек.

На рассвете следующего утра, когда Бонапарт находился тогда во главе французских войск и ночью ввел в редут две пушки, боевые действия возобновились с большой энергией и переменным успехом. Сражение продолжалось некоторое время, когда Бонапарт с Бертье и Массеной, внезапно появившимися с центром и левым крылом армии в тылу и на фланге противника, сразу же начали яростную атаку, повергнув их в ужас и замешательство и решив судьбу дня. Д'Аржанто, командовавший арьергардом, храбро сражался, но, видя, что продолжение сражения приведет лишь к полному разгрому, он бежал, оставив свои знамена и пушки, тысячу убитых и две тысячи пленных.

Таким образом, центр великой австрийской армии был полностью разбит, прежде чем либо ее главнокомандующий слева, либо генерал Колли справа узнали, что началось сражение. Именно благодаря этой битве, первой из побед Наполеона, французский император несколько лет спустя сказал австрийскому императору, что он получил дворянство. "Предки?" Наполеон сказал: "Я, сударь, сам являюсь предком; мой дворянский титул происходит от Монтенотта!"

Эта победа позволила французам под командованием Ла Гарпа продвинуться к Каиру и расположила их по ту сторону Альп, которые спускаются к Ломбардии.

Теперь Болье вернулся к Дего, где смог установить связь с Колли, который отступил в Миллессимо, небольшой городок примерно в девяти милях от Дего. Здесь два командира надеялись объединить свои силы. Вскоре они были укреплены и, отправив курьеров в Милан за подкреплением, намеревались дожидаться их прибытия, прежде чем рискнуть вступить в новое сражение. Их целью было закрепиться на этих позициях до тех пор, пока не придет помощь из Ломбардии; но Наполеон не собирался давать им такую передышку; его тактика отличалась от тактики других генералов.

На следующее утро после победы при Монтенотте Бонапарт отправил Ожеро атаковать Миллессимо; Массене - наступать на Дего, а Лаарпу - обойти Болье с фланга.

Массена удержал высоты Бистро на острие штыка, в то время как Ла Гарпе выбил австрийского генерала с его позиции, что безнадежно отделило его от сардинского командующего и вынудило его к поспешному бегству. Этими передвижениями Бонапарт оказался в таком положении, что, хотя они и не перешли границу, его армия, во всяком случае, перешла Альпы.

Тем временем Ожеро захватил аванпосты Миллессимо и отрезал Проверу с 2000 австрийцами, занявшими возвышенность на горе Коссария, от основных сил армии Колли. Провера укрылся в разрушенном замке, который он защищал с большой храбростью, надеясь получить помощь от Колли.

На следующее утро Наполеон, прибывший ночью, вынудил Колли вступить в бой и вынудил его отступить в направлении Севы. Провера подражал доблестному примеру полковника Рампона в свою защиту, но не с таким успехом. Он был вынужден сдать свою шпагу Бонапарту по собственному усмотрению, после потери 10 000 человек убитыми и пленными, двадцати двух пушек и пятнадцати штандартов. Французы нашли на вершине Альп всевозможные боеприпасы и другие предметы первой необходимости, которые им не удалось захватить с собой из-за стремительности марша.

Дего, расположенный на вершине Альп, обеспечил французам вход в Италию, перерезал коммуникации между австрийской и сардинской армиями и поставил завоевателя в ситуацию, когда он мог сокрушать их одну за другой. Болье, полностью осознавая опасность своего положения, собрал лучшие части своей армии и на рассвете 15 апреля отбил Дего во главе 7000 человек.

Австрийцы выдержали две атаки во главе с Наполеоном, но при третьей Коссе бросился вперед, держа свою шляпу с плюмажем на острие шпаги, и вскоре Дего снова оказался во власти французов. За этот образчик храбрости он немедленно получил звание бригадного генерала. Здесь же Ланн, доживший до маршала империи, впервые привлек внимание Наполеона и был произведен из подполковников в полковники. Триумф, однако, был куплен жизнью храброго генерала Коссе. Его вынесли из боя смертельно раненым. Наполеон прошел рядом с ним, когда он лежал. "Дего взят?" - спросил умирающий офицер. "Он наш", - ответил Наполеон. "Тогда да здравствует Республика! - воскликнул Коссе. - Я умираю довольным".

Преследуемый победителями, Колли собрал своих беглецов в Мондови, где они снова уступили неудержимому натиску французов, сардинский командующий оставил свои лучшие войска, обоз и пушки на поле боя. Сражение было самым жестоким, в ходе которого, среди прочих, был убит французский генерал Штенгель, храбрый и превосходный офицер, и кавалерия была бы разбита, если бы не отчаянная доблесть Мюрата.

Сардинцы потеряли десять знамен и полторы тысячи пленных, среди которых были три генерала. Сардинская армия к этому времени прекратила свое существование, и австрийцы бежали к границам Ломбардии.

Наполеон, развивая свое преимущество, вошел в Чераско, укрепленный пункт примерно в десяти милях от Турина, как победитель. Здесь он продиктовал условия, на которых король Сардинии все еще мог носить корону. Из замка, где он стоял, и глядя на садовые поля Ломбардии, радовавшие взоры стольких завоевателей, на Альпы позади, сверкающие в многолетних снегах, Наполеон сказал своим офицерам: "Ганнибал форсировал Альпы - мы повернули их вспять". Своим солдатам, к которым он обратился с воззванием, он сказал: "За пятнадцать дней вы одержали шесть побед, взяли двадцать одно знамя, пятьдесят пять пушек, несколько крепостей и завоевали богатейшую часть Пьемонта: вы собрали 15 000 человек", пленных, убитых или раненых более 10 000 человек. До сих пор вы сражались на голых скалах, прославленные своей доблестью, но бесполезные для вашей страны. Теперь ваши заслуги равны заслугам победоносной армии Голландии и на Рейне. Вы обеспечили себя всем, чего были лишены. Вы выигрывали сражения без пушек! переходили реки без мостов! совершали форсированные марши без обуви! располагались бивуаками без крепких напитков и часто без хлеба! Все это могли вынести только республиканские фаланги, Солдаты Свободы. Спасибо за вашу настойчивость! Если ваше завоевание Тулона предвещало бессмертную кампанию 1793

года, то ваши нынешние победы предвещают еще более благородные события. Но, солдаты, вы ничего не сделали, в то время как так много еще предстоит сделать; ни Турин, ни Милан не ваши. Прах победителей Тарквиниев до сих пор попирается ассасинами Бассевиля".

Итальянцам Наполеон сказал: "Народ Италии! Французская армия идет, чтобы разбить ваши цепи. Народ Франции — друзья всех наций, доверьтесь им. Ваша собственность, ваша религия и ваши обычаи должны уважаться. Мы ведем войну только с теми тиранами, которые порабащают вас".

Французские солдаты, окрыленные победой, горели желанием продолжить свой марш, а народ Италии приветствовал Наполеона как своего избавителя. Король Сардинии недолго переживал унижение от потери своей короны — он умер от разрыва сердца через несколько дней после подписания Чераскийского мирного договора.

Тем временем курьеры Наполеона почти каждый час прибывали в Париж с известиями о его победах, и пять раз за шесть дней представители Франции постановляли, что итальянская армия заслуживает уважения их страны.

Мюрат был отправлен в Париж с известием о капитуляции короля Сардинии и двадцатью одним знаменем. Его приезд вызвал большую радость в столице.

Непревзойденный гений этой короткой кампании не подлежал сомнению, а скромный язык депеш молодого генерала Директории придавал дополнительную привлекательность его славе. Все взоры Европы были восхищены его карьерой.

Менее чем за месяц кампании Наполеон распахнул перед собой ворота Италии, вынудил австрийцев к бездействию, наголову разгромил армию короля Сардинии и взял две великие крепости, называемые "ключами от Альп"!

Чтобы добиться быстрых движений, необходимых для достижения таких результатов, было принесено в жертву все, что попадалось на пути, не только в этом случае, но и во всех других. Обоз, отставшие, раненые, артиллерия — все было оставлено позади, чтобы колонна не смогла прибыть в назначенное место в назначенное время. Наполеон не принимал во внимание случайности или препятствия. Теперь обошлись без вещей, которые до сих пор считались необходимыми для армии, и впервые было замечено, что войска выходят на поле боя без палаток, походного снаряжения, запасов провизии и военных госпиталей. Такая система, естественно, усугубляла ужасы войны. Солдаты неизбежно были мародерами и совершали ужасные бесчинства на этом первом этапе кампании; но были предприняты все усилия, и с большим успехом, чтобы предотвратить это зло после того, как завоевание передало средства регулярного снабжения во власть главнокомандующего. Раненых часто бросали из-за отсутствия средств передвижения. Согласно одному авторитетному источнику, потери от беспорядков, неотделимых от этого средства ведения войны, были в четыре раза больше, чем от огня или меча противника.

Армия, тем не менее, обожала своего удачливого генерала и по-прежнему души в нем не чаяла, даже когда не была уверена в его предусмотрительности для этого. "Чтобы разгадать эту загадку, - говорит генерал Фой, - необходимо было знать Наполеона, походную жизнь и славу, и,

прежде всего, нужно было иметь французскую голову и сердце". Переживая страдания армии, он никогда не переставал проявлять активное сочувствие, когда это не приводило к нарушению его планов. Часы, проведенные Наполеоном на поле боя после сражения, также вызвали симпатию к нему его последователей. Он лично посещал госпитали и заставил своих офицеров, по его примеру, проявлять максимальный интерес к выполнению этой обязанности. Его руку прикладывали к ранам; его голос подбадривал больных. Все, кто выздоравливал, могли рассказать об отдельных проявлениях доброты, которые он проявил к ним самим или к их товарищам.

Именно в этот период в Париже была отчеканена медаль Наполеона как завоевателя Монтенотта. Лицо чрезвычайно худое, с длинными прямыми волосами. На реверсе изображена фигура Победителя, летящая над Альпами с пальмовой ветвью, лавровым венком и обнаженным мечом. Это была первая из великолепной серии, разработанной Деноном для записи побед и почестей великого воина Франции.

Наполеон решил наступать без промедления, не давая Тоскане, Венеции и другим итальянским государствам времени занять враждебную позицию. После стольких достижений менее предприимчивый генерал, возможно, счел бы правильным немного отдохнуть и дожждаться подкреплений, прежде чем предпринимать дальнейшие завоевания, но не так было с Наполеоном. Французской армии, в которую теперь стекались новобранцы из всех госпиталей и складов в пределах досягаемости, было приказано приготовиться к немедленному выступлению.

Именно после одной из успешных операций того периода старый венгерский офицер попал в плен к Бонапарту, который вступил с ним в разговор и, среди прочего, спросил, что он думает о состоянии войны. "Ничего, - ответил пленник, который не знал, что обращается к главнокомандующему. - Хуже ничего быть не может. Вот молодой человек, который абсолютно ничего не знает об обычных правилах ведения войны; сегодня он у нас в тылу, завтра на нашем фланге, послезавтра снова на нашем фронте. Подобные нарушения принципов военного искусства недопустимы, сэр, и мы не знаем, что делать дальше!"

С картины Ф. Филиппото

Бонапарт в битве при Риволи

Чтобы обеспечить себе путь на Милан, необходимо было оттеснить австрийцев с берегов Адды, за которые они отступили после тяжелого поражения при Фомбио. Ланн в этом случае продемонстрировал свою удивительную отвагу; во главе одного батальона он атаковал от семи до восьми тысяч австрийцев и, не довольствуясь тем, что обратил их в бегство, преследовал их десять миль, следуя рысью за их пешей кавалерией.

Собрав огромное количество артиллерии и основные подразделения своей армии на узком деревянном мосту, перекинутом через этот ручей у города Лоди, генерал Болье ожидал прибытия французов, уверенный в том, что сможет защитить переправу через Адду и остановить их продвижение. Болье разместил батарею из тридцати пушек таким образом, чтобы полностью смести все доски моста. Если бы он убрал это сооружение, которое было около 500 футов в длину, когда перенес свою штаб-квартиру на восточный берег реки, он мог бы сделать проход гораздо более грозным, чем даже его пушка.

Прекрасно понимая, что его завоевание никогда не будет закреплено, пока австрийская армия не будет полностью разбита и лишена всех своих итальянских владений, Бонапарт поспешил преследовать врага до Лоди. Подойдя к городу 10 мая, он легко загнал арьергард австрийской армии, стоявшей перед ним, в город, но обнаружил, что его дальнейшему продвижению угрожает сильный огонь тридцати пушек, установленных на противоположном конце моста, чтобы полностью смести его. Вся пехота противника, выстроенная в плотную линию, поддерживала это ужасающее расположение артиллерии.

Первой заботой Бонапарта было разместить как можно больше орудий прямо напротив австрийской батареи. Он был полон решимости, чтобы никакие препятствия не помешали его победоносной карьере, и сразу же решил перейти мост.

Подвергнувшись ливню картечи с вражеских батарей, Наполеону наконец удалось установить два орудия в начале моста с французской стороны, и, чтобы помешать врагу разрушить его, из появившихся войск была немедленно сформирована колонна, полная решимости захватить проход. Теперь французы начали ужасающую канонаду. Сам Бонапарт появился в эпицентре огня, направив собственной рукой два орудия таким образом, чтобы отрезать австрийцам единственный путь, по которому они могли продвинуться вперед, чтобы подорвать мост.

Заметив, тем временем, что Болье отвел свою пехоту на значительное расстояние назад, чтобы не подпускать ее к французской батарее, Наполеон немедленно отрядил генерала Бомона и его кавалерию с приказом ускакать галопом, скрывшись из виду, перейти реку вброд и, внезапно налетев на противника, атаковать его с тыла. Когда это произошло, Наполеон немедленно выстроил отряд из 3000 гренадер в сомкнутую колонну под прикрытием домов и приказал им приготовиться к отчаянной попытке прорваться через узкий мост перед лицом густо укрепленной артиллерии противника.

Внезапное движение на флангах противника убедило Наполеона, что его кавалерия прибыла и атаковала вражеский фланг, и он немедленно отдал приказ. В одно мгновение храбрые

гренадеры повернули влево и сразу же оказались на мосту, бросившись вперед в атаку и крича: "Да здравствует Республика!"; но шквал картечи из неприятельских орудий на мгновение остановил их. Это была настоящая могила смерти и пылающая печь разрушения, изливающая потоки огня, защищая свою позицию; сотня храбрецов пала замертво. Наступающая колонна дрогнула под удвоенный грохот орудий и грохот картечи.

Ланн, Наполеон, Бертье и Л'Алеман теперь поспешили вперед, сплотили и подбадривали солдат, и когда колонна ринулась вперед, перешагивая через тела убитых, устилавшие проход, и перед лицом огненной бури, которая с каждым шагом редела в их рядах, командиры кричали: "Следуйте за своими генералами, мои храбрые товарищи!"

Ланн был первым, кто добрался до другой стороны, вторым был сам Наполеон.

Австрийские артиллеристы были прикончены штыками к своим орудиям прежде, чем другие войска, которых Бонапарт отодвинул слишком далеко назад в своем стремлении избежать встречи с французской батареей, смогли прийти им на помощь. Бомон галантно наступал своей конницей с фланга, а пехота Наполеона, быстро перестроившись, миновала мост и немедленно бросилась в атаку, австрийская линия сразу же оказалась вовлеченной в неразбериху. Исход сражения был решен почти мгновенно; вся линия австрийской артиллерии была разгромлена; их боевой порядок нарушен; их войска разбиты и обращены в бегство.

Потери австрийцев были огромны, в то время как французы потеряли всего 200 человек. Таким образом, Бонапарт с такой быстротой и, следовательно, с такими малыми потерями осуществил "ужасный переход", как он сам это называл, "моста Лоди". Это справедливо называют одним из самых смелых достижений в истории человечества.

Победа при Лоди оказала большое влияние на сознание Наполеона. Впоследствии он заявил, что ни его успех в подавлении "Секций", ни победа при Монтенотте не заставили его считать себя кем-то высшим; но что после Лоди его впервые осенила мысль, что однажды он станет "решающим действующим лицом", как он сам выразился, на сцене военного и политического мира. То, что он был фаталистом, хорошо известно, поскольку он часто повторял, что "каждая пуля помечена".

По этому случаю солдаты присвоили ему прозвище "Маленький капрал". Первоначальная причина возникновения этого названия применительно к Бонапарту была изложена самим Наполеоном. Он говорит, что, когда он командовал близ Кол-ди-Тенде, армия была вынуждена перейти узкий мост, и по этому случаю он отдал распоряжение, чтобы женщинам не разрешалось сопровождать ее, поскольку служба была особенно тяжелой, и требовал, чтобы войска постоянно были начеку; для обеспечения выполнения такого приказа он поставил на мост двух капитанов с инструкциями под страхом смерти не пропускать женщину. Впоследствии он сам отправился на мост, чтобы убедиться, scrupulously ли выполняются его приказы, когда обнаружил собравшуюся толпу женщин, которые, как только увидели его, начали поносить, восклицая: "О, тогда, *младший капрал*, это вы отдали приказ не пропускать нас!"

Продвинувшись на несколько миль вперед, Наполеон был удивлен, увидев с войсками значительное количество женщин. Он немедленно приказал арестовать двух капитанов и доставить их к нему, намереваясь немедленно предать их суду. Они заявили о своей невинности, утверждая, что ни одна женщина не переходила мост. Бонапарт приказал привести к нему нескольких женщин и с удивлением узнал из их собственного признания, что они опустошили несколько бочек с провизией и спрятались в них, благодаря чему остались незамеченными.

После каждого сражения старейшие солдаты созывали совет, чтобы присвоить новое звание своему молодому генералу, который при появлении приветствовался своим последним титулом. Таким образом, Бонапарт был назначен *капралом* в Лоди и *сержантом* в Кастильоне. Однако с тех пор солдаты постоянно обращались к нему именно "Маленький капрал".

Плодами этой блестящей победы при Лоди были двадцать орудий и от двух до трех тысяч убитых, раненых и пленных, а также потеря противником превосходной линии обороны.

Когда Европа услышала об этой битве, они назвали победителя "Героем Лоди".

Болье ухитрился отвести часть своих войск и, собрав разрозненные остатки своих сил, вскоре поставил линию Минчо, притока По, между собой и своим врагом. Однако великой цели он достиг — он все еще был свободен защищать Мантую.

Французы, используя свои преимущества при Лоди, преследовали австрийцев с большой быстротой. Они продвинулись к Пиццигитоне, который немедленно сдался. Продвигаясь к Кремоне, они добились такого же успеха, и авангард, двинувшись по маршруту на Милан, вошел в этот город 14 мая, получив на марше в подчинение Павию, где они нашли большую часть складов австрийской армии. Трехцветный флаг теперь торжественно развевался от оконечности озера Комо и границ страны до ворот Пармы.

Австрийцы покинули Милан, и когда французы приготовились войти в него, депутация жителей положила ключи от его ворот к их ногам. Несколько дней спустя, хотя эрцгерцог бежал из своей столицы, охваченный горем и унижением, люди собрались огромными толпами, чтобы засвидетельствовать вступление французов, которых они приветствовали как своих избавителей. Императорский герб был снят с общественных зданий, а во дворце герцогов было вывешено такое юмористическое объявление:

-Дом в аренду.

Запросите ключи у

гражданина Саличетти,
французского комиссара.

Въезд Бонапарта в Милан под триумфальной аркой в окружении гренадеров Лоди, среди которых выделялись несколько генералов, был в высшей степени блестящим. Великолепные экипажи знати и аристократии столицы выехали встречать и приветствовать его как "Освободителя Италии" и вернулись огромной кавалькадой под крики и приветствия бесчисленной толпы и в сопровождении нескольких оркестров, исполнявших патриотические

марши, процессия остановилась у дворца эрцгерцога, где Бонапарт должен был занять свою штаб-квартиру. Церемонии того дня завершились великолепным балом, на котором дамы продемонстрировали свои республиканские чувства, надев французские национальные цвета на каждую деталь своего платья. В тот же день, когда Бонапарт вступил в Милан, в Париже был подписан мирный договор с королем Сардинии и Директорией.

Теперь Наполеон снова обратился к своим солдатам, напомнив им об их победах и ответственности, которые еще впереди. "Вам, солдаты, - сказал он, - будет принадлежать бессмертная честь спасти самую прекрасную часть Европы. Французский народ, свободный и уважаемый всем миром, подарит Европе славный мир, который возместит ей все жертвы, которые она понесла за последние шесть лет. Тогда вы будете отдыхать у своих собственных очагов, а ваши сограждане, когда они укажут на кого-нибудь из вас, скажут: "Он служил в Итальянской армии!"

С этого периода итальянская армия больше не была налогом для Франции, а, напротив, была для нее большим источником дохода и помогала платить другим ее армиям. Через шесть недель после начала кампании, независимо от десяти миллионов франков, предоставленных в распоряжение Директории, Бонапарт отправил свыше двухсот тысяч франков Альпийской армии и миллион Рейнской армии, тем самым проложив путь к своему будущему величию.

Бонапарт пробыл в Милане всего шесть дней; затем он продолжил преследование Болье, который разместил остатки своей армии за Минчо. Австрийский генерал направил свой левый фланг на большой и сильный город Мантую, который называли "цитаделью Италии", а правый - на Пескьеру, хорошо известную венецианскую крепость. Австрийский ветеран занимал одно из самых сильных положений, которые только можно себе представить, и Бонапарт снова поспешил сместить его.

Тем временем французская директория начала питать подозрения относительно конечных замыслов своего молодого генерала, чей успех и растущая слава уже достигли столь поразительной высоты. В том, что они чрезвычайно ревновали к нему, по-видимому, нет никаких сомнений, и они решили проверить, если смогут, карьеру человека, которого, по-видимому, боялись. Поэтому Бонапарту было приказано взять половину своей армии и повести ее против папы римского и неаполитанского короля, а другую половину оставить для завершения завоевания Болье в Мантуе по приказу Келлермана. В ответ он предложил сложить с себя командование. "Половины итальянской армии недостаточно, чтобы покончить с австрийцами", - сказал он. "Только сохранив свои силы в целости, я смог выиграть так много сражений и сейчас находиться в Милане. Лучше иметь одного плохого генерала, чем двух хороших!"

Директория не осмелилась настаивать на смещении главнокомандующего, чье имя считалось залогом победы, и он продолжал принимать на себя все командование армией Италии.

Еще одно непредвиденное событие задержало на несколько дней наступление на Мантую. Успех французов и их поборы там, где они были победоносными, вызвали гнев части населения по всей Ломбардии. Сообщения о новых австрийских наборах, хлынувших на перевалы Тироля, были широко распространены, и им поверили. Восстания против завоевателя теперь происходили в различных округах, в которых участвовало тридцать тысяч человек с оружием в руках. В Павии повстанцы одержали полную победу; они захватили город и вынудили

французский гарнизон сдаться. Это пламя, если бы ему позволили распространиться, грозило бы неизмеримым злом делу Франции.

Ланн немедленно отправился в Бинаско, взял город штурмом, сжег его и предал мечу многих повстанцев. Наполеон появился перед Павией, распахнул ворота, овладел ею, а позже приказал казнить лидеров. В Луго, где произошло еще одно восстание, лидеры предстали перед военным трибуналом и были осуждены.

Эти примеры подавили мятежников, и французы двинулись к Минчо. Бонапарт так расположил свои войска, что Болье поверил, что он намеревался пересечь эту реку, если сможет, у Пескьеры. Тем временем французы готовились к переправе в другом месте и 30 мая фактически форсировали Минчо, но не у Пескьеры, а дальше вниз по течению, у Боргетто. Австрийский гарнизон в этом месте напрасно разрушил одну арку моста. Бонапарт быстро заделал брешь досками, и его люди, разгоряченные столькими победами, бросились в атаку с яростью, которой нельзя было сопротивляться. Пока французы трудились над ремонтом моста, под огнем вражеских батарей, нетерпеливые из-за задержки, пятьдесят гренадеров бросились в реку, держа свои мушкеты над головами, так что вода доходила им до подбородков, во главе их стоял генерал Гарданн, гренадер не только высокого роста, но и храбрости. Австрийцы, находившиеся ближе всех, вспомнив ужасную колонну у Лоди, обратились в бегство. Когда мост был отремонтирован, французы вошли в Вальеджио, где незадолго до этого располагался штаб Болье. Последнему пришлось оставить Минчо, поскольку у него были Адда и По, и занять новую линию Адидже.

Левая линия австрийских войск, узнав из канонады, что французы находятся в Боргетто, поспешила подняться на Минчо с целью оказания помощи в обороне дивизии, сражавшейся с противником. Однако они прибыли слишком поздно, чтобы оказать помощь, поскольку командир в Боргетто отступил до их прибытия. Однако они пришли неожиданно и в тот момент, когда Бонапарт и несколько его друзей, полагая, что дневная работа закончена и деревня в безопасности от врага, собирались сесть ужинать, как они думали, в безопасности. Себетендорф, командовавший дивизией, быстро подошел к деревне, но понятия не имел, какая добыча находится у него в руках. Слуги Бонапарта едва успели захлопнуть ворота гостиницы и встревожить своего начальника криком "К оружию!". Они защищали дом с упрямой отвагой, в то время как Бонапарт вскочил на коня и, ускакав через черный ход, воспользовался кратчайшим путем к отступлению, на полной скорости направляясь на соединение с войсками Массены.

Вскоре после этого Бонапарт столкнулся с опытом, который навел его на мысль об "Императорской гвардии Наполеона" и который на протяжении всей своей военной карьеры он впоследствии поддерживал в качестве личной охраны. Долгом этого органа, состоящего из ветеранов, которые должны были насчитывать не менее десяти лет действительной службы, было всегда находиться рядом с верховным главнокомандующим и которых привлекали к действию только тогда, когда важные передвижения или отчаянные чрезвычайные ситуации требовали от них предельной энергии. В то время они находились под командованием Бессьера и были известны как "Корпус проводников".

Во время той же кампании Бонапарт снова чудом избежал взятия в плен. Вурмзер, который был вынужден броситься в Мантую, внезапно оказавшись на открытой равнине, узнал от пожилой

женщины, что незадолго до этого французский генерал с несколькими приверженцами остановился у ее дверей и бежал при виде австрийцев. Вурмзер немедленно разослал во все стороны отряды кавалерии, которым отдал приказ, чтобы, если они поравняются с Наполеоном, он не был убит или ранен; однако, к счастью для французского командующего, судьба и быстрота его лошади спасли его.

В своих различных сражениях гренадеры научились смеяться и забавляться смертью; они презирали австрийскую кавалерию, и ничто не могло сравниться с их бесстрашием, кроме веселости, с которой они совершали форсированные марши, попеременно распевая песни, восхваляющие их страну и любовь. Вместо того чтобы спать, они развлекались большую часть ночи, каждый рассказывал свою историю или составлял собственные планы действий на следующий день.

Вскоре Себетендорф подвергся нападению французской колонны и отступил, по примеру Болье, на линию Адидже. Австрийский командующий, по сути, оставил на время открытые просторы Италии. Теперь он находился на границе, между обширной богатой провинцией, завоеванной Наполеоном, и Тиролем. Мантуя, обладавшая огромными природными преимуществами и в которую отступающий генерал бросил гарнизон численностью полных четырнадцать тысяч человек, была, по правде говоря, последним и единственным итальянским владением императорской короны, которое, как казалось, можно было спасти.

Болье с тревогой ожидал подхода новых войск из Германии, чтобы попытаться освободить этот великий город; и Бонапарт, стремясь предвосхитить усилия императорского правительства, немедленно сел перед ним.

Мантуя расположена на острове, со всех сторон отрезанная от основной суши ответвлениями Минчо, и к ней можно подойти только по пяти узким дамбам, из которых три теперь были защищены сильными и регулярными крепостями или укрепленными траншеями лагерями; два других - воротами, подъемным мостом и батареями. Гарнизон был готов удерживать позицию, был практически неприступен, и оккупанты ждали своего часа, чтобы выяснить, обладал ли Наполеон какой-либо новой системой атаки, способной сократить обычные операции осады так же эффективно, как он это уже сделал маршем и сражением.

Было крайне важно, чтобы Наполеон быстро овладел этим местом, поскольку большая армия под командованием фельдмаршала Вурмзера, одного из самых способных и опытных австрийских генералов, собиралась вступить в Италию. Его выступление вызвало большую тревогу у тех, кто находился в крепости. Внезапными и ошеломляющими атаками он овладел четырьмя из пяти дамб; гарнизон был отрезан от основной территории, за исключением пятой дамбы, самой сильной из всех, названной так из-за расположенного рядом дворца "Ла Фаворита". Однако для того, чтобы эта блокада была полной, казалось необходимым, чтобы венецианская территория, лежащая непосредственно за Мантуей, была оккупирована французами, и заявления о нейтралитете не было позволено мешать планам Наполеона.

"Вы слишком слабы, - сказал Бонапарт, когда венецианский посланник прибыл в его штаб, - чтобы навязывать нейтралитет враждебным нациям, таким как Франция и Австрия. Болье не уважал вашу территорию, когда его интересы заставляли его нарушать ее; и я не колеблясь оккупирую все, что находится в пределах линии Адидже".

Гарнизоны были немедленно размещены в Вероне и во всех укрепленных местах этого владения. Теперь Наполеон вернулся в Милан, чтобы уладить важные дела, оставив Серрьюре и Вобуа блокировать Мантую.

Король Неаполя, совершенно сбитый с толку успехом французов, теперь стремился заключить мир на любых предложенных условиях, и Бонапарт, зная, что это приведет к выводу некоторых ценных дивизий из армии Болье, заключил перемирие, за которым вскоре последовал формальный мир, и неаполитанские войска, бросив австрийского генерала, начали свой марш на юг Италии. За этим последовали мирные соглашения с папой, которых потребовал Наполеон и получил в качестве платы за краткую передышку от вторжения миллион фунтов стерлингов, сотню лучших картин и статуй в папской галерее, большой запас военных припасов и уступку Анконы, Феррары и Болоньи с их соответствующими владениями. Осада Миланской цитадели, подвергавшаяся ожесточенным испытаниям, в конце концов увенчалась успехом. Гарнизон капитулировал 29 июня, и к 18 июля сто сорок орудий были под Мантуей.

Французский генерал лишил Австрию всех ее итальянских владений, кроме Мантуи, и трехцветный флаг развевался от Тироля до Средиземного моря. Теперь Наполеон, по сути, был хозяином Италии. Будущий успех казался ему обеспеченным, хотя французскую директорию с трудом удалось убедить позволить ему следовать курсом, который он избрал для себя.

Венский кабинет министров, наконец, принял решение направить более мощные подкрепления к итальянской границе, и теперь Бонапарт был отозван из Милана на место боевых действий, чтобы защититься от них. Чего теперь опасался австрийский двор, так это того, что Наполеон, который уже уничтожил ее итальянскую армию и отнял у нее итальянские владения, вскоре вторгнется в сердце ее империи и продиктует мир под стенами ее столицы. Вся Италия теперь была покорена или находилась в союзе с Французской Республикой, за исключением Мантуи.

Болье, который был так основательно разбит Наполеоном, больше нельзя было доверять. Обнаружив, что он не в состоянии противостоять генералу, "чьей любовницей была глори, а спутником - Плутарх", пересекая Тироль с остатками своей армии, отправил в Вену письмо, которое в полной мере отражало раздраженные чувства опытного командира в то время. Он сказал: "Настоящим я довожу до вашего сведения, что у меня осталось всего 20 000 человек, в то время как силы противника превышают 60 000. Я также уведомляю вас, что я намерен отступать завтра, послезавтра, послезавтра — нет, каждый день, — даже в Сибирь, если они будут преследовать меня так далеко. Мой возраст дает мне право выражаться столь откровенно. Поспешите заключить мир, каковы бы ни были условия!" Вурмзер, имевший наилучшую репутацию и бывший старше Болье, но не менее упрямый, был отправлен на его место, и 30 000 человек были призваны из армий на Рейне, которым было поручено восстановить благосостояние Австрии за Альпами. Вурмсера также было приказано усилить себя в походе любыми рекрутами, которых он сможет набрать среди воинственного и лояльного населения Тироля.

Расположив свою штаб-квартиру в Тренте, Вурмзер собрал всего 80 000 человек, в то время как у Наполеона было всего 30 000, а не 60 000 — как утверждал Болье, для удержания обширной страны, в которой теперь преобладало отвращение к делу Франции, для поддержания блокады

Мантуи и противостояния этому ужасающему численному перевесу на поле боя. Более того, французскому командующему предстояло теперь перейти к обороне, в то время как его противник принимал более вдохновляющий характер захватчика.

Вурмсер был достаточно неразумен, чтобы разделить свою великолепную армию на три отдельные колонны, с которыми, объединившись, Наполеон никогда не смог бы встретиться; но каждая из которых вскоре была последовательно разбита и взята в плен. Мелас с левым крылом должен был спуститься по Адидже и изгнать французов из Вероны; Квасдонович с правым крылом двинулся по долине Кьеze к Брешии, чтобы отрезать отступление Наполеона к Милану; сам Вурмсер повел центр по левому берегу озера Гуарда к осажденному замку Мантуя.

Глаз Наполеона, который до сих пор напряженным орлиным взором следил за всеми передвижениями своего противника, теперь увидел дивизию Квасдоновича, отделенную от центра и левого крыла, и он полетел на встречу, хотя ему пришлось снять свою армию с осады Мантуи, что сделали бы очень немногие генералы. В ночь на 31 июля он закопал свою пушку в окопах и намеренно обозначил свое отступление всеми признаками поспешности и тревоги. К утру вся французская армия покинула Мантую и форсированным маршем вернула себе Брешию. Наполеон спешил вперед, чтобы атаковать правое крыло австрийской армии до того, как оно сможет соединиться с центральным корпусом Вурмзера.

Курьер вряд ли смог бы доставить Квасдоновичу известие о снятии осады Мантуи до того, как Наполеон атаковал и разбил его, и он был рад спасти свои разбитые силы, отступив в Тироль.

Это зловещее начало вызвало гнев и ускорило продвижение Вурмзера, и, обрушившись на арьергард Массены под командованием Пиджена и Ожеро под командованием Валлетта, один оставил Кастильоне, а другой отступил к Лонато. Эти незначительные успехи австрийцев были достигнуты благодаря хорошему командованию, и теперь Вурмсер попытался установить связь со своим побежденным лейтенантом. Его колонны были ослаблены расширением линии, и Массена сразу же бросил две сильные колонны на Лонато, отвоевав его и повергнув австрийские войска в полное замешательство.

Битва при Лонато произошла 3 августа (1796). На рассвете вся французская армия пришла в движение, Ожеро двинулся правым крылом к Кастильоне. Генерал Пиджен, командовавший французским авангардом, был взят в плен с тремя пушечными выстрелами; когда в тот момент, когда австрийцы растягивали свою линию, Наполеон послал вперед сомкнутыми колоннами 18-ю и 32-ю полубригады, которые при поддержке сильного резерва прорвали боевую линию противника. Артиллерия и пленные под командованием генерала Пиджена были, таким образом, отбиты, и французы вошли в Лонато.

В Кастильоне бегущие австрийцы снова заняли твердую позицию, но Ожеро выстоял против удвоенной по численности обороны, за что впоследствии был пожалован титулом герцога Кастильоне в память о своем подвиге.

В тот день австрийцы потеряли двадцать орудий, от трех до четырех тысяч человек убитыми и ранеными и четыре тысячи пленными, среди которых были три генерала. Перед этим сражением Наполеон внезапно оказался между двумя армиями, каждая из которых была многочисленнее его собственной. При таком положении дел ни один из его генералов не питал

ни малейшей надежды; но каково же было изумление солдат, когда они впервые собрались в присутствии своего главнокомандующего и не заметили никаких изменений в выражении его лица. "Ничего не бойтесь, - сказал им командующий, - покажите, что вы остаетесь неизменными; сохраняйте свою доблесть, свою справедливую гордость и память о ваших победах; через три дня мы вернем все, что потеряли. Положись на меня! Ты знаешь, имею я обыкновение держать свое слово или нет".

С рисунка Ф. Гренье

БОНАПАРТ И СПЯЩИЙ ЧАСОВОЙ

В этом памятном сражении Наполеон сравнялся с величайшими полководцами. Хотя положение, в которое он был поставлен, было в высшей степени критическим, он ухитрился обратить весь успех, достигнутый Вурмсером, на пользу французской армии, и то лишь силой своего гения. Жюно отличился необычайным мужеством в этих действиях. Так он упоминался в депеше, отправленной Наполеоном Директории после победы: "Я приказал моему адъютанту, бригадному генералу Жюно, встать во главе моей роты проводников, чтобы преследовать врага и на большой скорости настичь его у Дезенцано. Он столкнулся с полковником Бендером с отрядом его гусарского полка, которого атаковал; но Жюно, не желая терять время, атакуя с тыла, сделал обход справа, вывел полк вперед, ранил полковника, которого пытался взять в плен, когда сам был окружен, и, убив шестерых неприятелей собственной рукой, был зарублен и сброшен в ров".

Австрийцы, все еще способные собрать 25 000 человек и многочисленную кавалерию, теперь снова бежали во всех направлениях к Минчо, где сам Вурмсер тем временем был занят восстановлением Мантуи. Когда Вурмсер добрался до этого места, он был крайне поражен, обнаружив, что траншеи заброшены и нет врага, которому можно было бы противостоять. Одна из разбитых австрийских дивизий, бесцельно бродившая в поисках своего командира или какой-либо части его армии, которая все еще находилась в поле боя, внезапно наткнулась на Лонато, место недавнего сражения, и в тот момент, когда Наполеон находился там только со своим штабом и охраной. Он не знал, что поблизости остались какие-либо значительные силы

противника, и, если бы не его большое присутствие духа, должен был быть взят в плен. Как бы то ни было, он превратил свое критическое положение в преимущество. Офицер, посланный потребовать сдачи города, был доставлен в свой штаб с завязанными глазами, согласно обычаю в таких случаях. Бонапарт тайным знаком приказал всему своему штабу окружить его, и когда повязка была снята с глаз гонца, воскликнул ему: "Что означает эта дерзость? Вы встречаетесь с французским генералом в самом центре его армии? Идите и скажите своему генералу, что я даю ему восемь минут на то, чтобы сложить оружие; он находится в гуще французской армии, и если будет сделан хоть один выстрел, я прикажу расстрелять каждого человека". Офицер, потрясенный тем, что обнаружил, в чьем присутствии он находится, вернулся к своим товарищам с посланием Наполеона.

Теперь появился командир вражеской колонны, заявивший о своей готовности сдаться и капитулировать. "Нет, - энергично ответил Бонапарт, - вы все военнопленные". Увидев, что австрийские офицеры совещаются друг с другом, Наполеон немедленно отдал приказ выдвинуть артиллерию и начать атаку. Увидев это, командующий вражескими войсками воскликнул: "Мы все сдаемся по собственному усмотрению!" Нехватка отпущенного времени помешала раскрыть правду, и они уступили примерно четвертой части своих собственных сил. Они считали, что Лонато был оккупирован французами в таком количестве, что сопротивление стало невозможным. Когда четыре тысячи человек сложили оружие, они обнаружили, что, если бы они применили его, ничто не смогло бы помешать Наполеону стать их призом!

Вурмзер, чья прекрасная армия была, таким образом, уничтожена по частям, теперь собрал все свои оставшиеся силы и двинулся навстречу Победителю. Он решил напасть и спешил на встречу. Они встретились между Лонато и Кастильоне, и Вурмсер потерпел полное поражение, к тому же едва избежал того, что сам был взят в плен. Его преследовали до Трента и Ровередо, позиций, с которых он так недавно вышел уверенным в победе. В этой катастрофической кампании он потерял сорок тысяч солдат — половину своей армии — и всю свою артиллерию и припасы, в то время как Бонапарт оценивал свои собственные потери в семь тысяч. Французские солдаты называли эту череду побед "пятидневной кампанией". Быстрые марши и непрекращающиеся бои истощили войска, и теперь они абсолютно нуждались в отдыхе.

В течение волнующих дней, пока длилась кампания с Вурмсером, Наполеон никогда не раздевался и не тратил время на сон, за исключением коротких промежутков менее часа. Его усилия, за которыми последовали столь знаменательные триумфы, были таковы, что требовали некоторого отдыха, однако он не останавливался до тех пор, пока не увидел, что Мантуя снова полностью захвачена. Усиление и переформирование гарнизона - вот и все, что Вурмзер мог показать в отместку за потерянную артиллерию, припасы и сорок тысяч человек.

В то время как Наполеон давал некоторую передышку своей измотанной армии и завершал покорение Италии, Австрия спешно перебрасывала новую армию на помощь своему престарелому, но не унывающему маршалу. Наконец прибыло двадцатитысячное подкрепление, и Вурмзер снова был на поле боя с пятьюдесятью тысячами человек — армией, значительно превосходящей армию Наполеона. Но он снова разделил свои силы, и снова каждая дивизия должна была быть разбита на куски. Он двинул тридцать тысяч человек на помощь Мантуе и оставил Давидовича в Ровередо с двадцатью тысячами человек для защиты перевалов в Тироле. Теперь две австрийские дивизии были разделены, и их судьба была решена.

4 сентября самыми быстрыми маршами, которые когда-либо видела Европа, Наполеон, разгадав замыслы австрийского генерала, достиг Ровередо, где Давидович занял сильную позицию перед городом, прикрываемый орудиями замка Каллиано, нависающего над городом.

Лагерь был сдан в тот же день перед сокрушительной атакой генерала Дюбуа и его гусар. Последний, хотя и был смертельно ранен, подбадривал своих людей своими предсмертными словами и, падая, пожимая руку главнокомандующему, сказал: "Дайте мне услышать победный крик Республики, прежде чем я умру". Эти слова воспламенили его войска глубоким рвением, и они прогнали австрийцев через город и взяли хмурые высоты замка на острие штыка, как они взяли батареи Лоди. Французы преследовали убегающих австрийцев всю ночь, и Вурмсер был отрезан от Тироля.

Едва австрийский командующий оправился от удивления, услышав о поражении своего лейтенанта при Ровередо, как Наполеон, совершив шестидесятимильный марш за два дня, обрушился на его авангард у Примолано и разбил его вдребезги, взяв четыре тысячи пленных. В ту же ночь наполеоновской армии продвинулись на Бассано, где на сентябрь. 8 Вюрмзера сделал свой последний бой с основными силами своей армии.

В то время как Ожеро проник в город слева от него, Массена вошел в него справа, захватив пушку, защищавшую мост через Бретну, и опрокинув старых гренадер, которые пытались прикрыть отступление своего генерала. Пять тысяч пленных, пять штандартов, тридцать пять орудий с кессонами попали в руки французов, а сам Вурмсер чудом избежал пленения. Ланн собственноручно схватил одно из знамен, и, как следствие, Бонапарт потребовал для него звания бригадного генерала. "Он был, - сказал он, - первым, кто обратил врага в бегство при Дего, кто перешел По при Плезансе, Адду при Лоди и первым вступил в Бассано".

Количество погибших вблизи последнего места было значительным. Желая удостовериться в потерях противника, Бонапарт вечером проезжал по полю со своим штабом, когда его внимание привлек вой собаки, который, казалось, усиливался по мере приближения к месту, откуда доносились крики. "Среди глубокой тишины прекрасной лунной ночи, - рассказывал Наполеон несколько лет спустя, - собака, внезапно выскочив из-под одежды своего мертвого хозяина, бросилась на нас, а затем немедленно вернулась в свое укрытие, жалобно воя. Он то лизал руку своего хозяина, то подбегал к нам, словно одновременно прося помощи и стремясь отомстить. Не знаю, из-за моего особого склада ума в тот момент, времени, места или самого действия, но, безусловно, ни одно происшествие ни на одном поле битвы никогда не производило на меня такого глубокого впечатления. Я невольно остановился, чтобы созерцать эту сцену. У этого человека, подумал я, есть друзья в лагере или в его компании, и вот он лежит здесь, покинутый всеми, кроме своей собаки. Какой урок преподносит здесь Природа через посредство животного. Какое странное существо человек! И сколь загадочны его впечатления! Я без всяких эмоций отдавал приказы о сражениях, которые должны были решить судьбу армии; я наблюдал без слез за выполнением этих операций, в результате которых было принесено в жертву множество моих соотечественников; и тут мои чувства были разбужены собачьим воем! Конечно, в тот момент враг-проситель легко растрогал бы меня. Я вполне мог представить себе Ахилла, отдающего тело Гектора при виде слез Приама".

В этих ужасных маршах Наполеон терпел те же лишения, что и его люди; — багаж и назначения в штаб были не в состоянии поспевать за такими быстрыми перемещениями. Он поделился своим хлебом с одним из своих рядовых, который остался в живых и напоминал ему об этой

ночи, когда генерал-республиканец стал императором Франции. Именно во время продвижения Наполеона по Бельгии в 1804 году, во время смотра дивизии армии, в одном из городов его посетил солдат четвертого пехотного полка, который выступил вперед и обратился к нему таким образом: "Генерал, на пятом году Французской революции, находясь в долине Бассано, я поделился с вами своей порцией хлеба, когда вы были очень голодны. Вы не могли забыть об этом обстоятельстве. Я прошу, взамен, чтобы вы обеспечили хлебом моего отца, который измучен возрастом и немощью. Я получил пять ранений на службе и был произведен в капралы и сержанты на поле боя. Я надеюсь получить звание лейтенанта на первой же вакансии". Наполеон вспомнил об этом солдате и немедленно признал разумность обоих его требований, которые были быстро выполнены.

После самого героического сопротивления Вурмсер снова бежал. Шесть тысяч австрийцев сложили оружие, и командующий со своими бегущими войсками укрылся примерно в середине сентября в Мантуе, куда их преследовала кавалерия Наполеона.

Теперь Вурмсер находился в строгой блокаде в цитадели Мантуи с шестнадцатью тысячами человек. Это, вместе с десятью тысячами, рассеянными по Тиролю, было все, что осталось от его армии в 60 000 человек, с которой он должен был отвоевать Италию. Он также потерял семьдесят пять пушек, тридцать генералов и двадцать два знаменных станда. Мармон, один из помощников Наполеона, был отправлен с этими последними трофеями директории в Париж. Поняв, что Вурмсер теперь намерен избежать общих действий, Наполеон вернулся в Милан, оставив генерала Килмейна вести блокаду.

Однажды утром, находясь в Милане, Наполеон только что сел на коня, когда появился драгун с важными донесениями.

Командир дал устный ответ и приказал курьеру как можно скорее доставить его обратно.

"У меня нет лошади, - ответил человек. - Я так гнал свою, что она упала замертво у ворот твоего дворца".

Наполеон вышел. - Возьми мой, - сказал он.

Мужчина колебался.

"Вы считаете его слишком роскошным в доспехах и слишком прекрасным животным", - сказал Наполеон. "Нет ничего слишком хорошего для французского солдата!"

В Вене снова прозвучал призыв направить новую армию и более выдающегося генерала для восстановления владычества Габсбургов в Италии. В ответ на это к итальянской границе было отправлено еще одно мощное вооружение, и эта, четвертая кампания против Наполеона, была доверена верховному командованию Альвинци, офицеру с высокой репутацией.

Фельдмаршал Алвинци был поставлен во главе армии численностью в сорок пять тысяч человек, к которой он присоединил восемнадцать тысяч под командованием Давидовича в Тироле. Его целью было снять блокаду Мантуи, освободить Вурмзера и использовать силы, которые после присоединения гарнизона последнего составили бы армию в восемьдесят тысяч

человек, способную противостоять только тридцати тысячам. С их помощью он рассчитывал отвоевать Ломбардию.

Три большие армии, наступавшие с одинаковыми перспективами, уже были уничтожены Наполеоном; четвертая теперь готовилась обрушиться на него при еще более ужасных обстоятельствах. Битва при Сент-Джордже и строгая блокада Вурмсера в Мантуе произошли в середине сентября. Армия Альвинци выступила в поход в начале октября.

Наполеон немедленно приказал Вобуа и Массене перейти в наступление на Давидовича, силы которого были собраны в Тироле, прежде чем он смог соединиться с Альвинци. Оба потерпели неудачу. Вобуа после двухдневных боев был завоеван; потерял Трента и Каллиано и был вынужден отступить. Вследствие этого Массене пришлось отступить, не пытаясь вступить в бой, а быстро приближавшийся Альвинци овладел всей территорией между Brentой и Адидже и получил командование в Тироле. Теперь два австрийских генерала могли бы соединиться, но они упустили свою возможность. Наполеон поспешил в Верону, Альвинци последовал тем же путем.

Казалось вероятным, что Австрии в этой новой кампании суждено было возместить свои огромные потери. Теперь Наполеону предстояло сражаться с врагом, значительно превосходящим его численностью и наиболее подготовленным. Но из Франции ему прислали двенадцать батальонов для пополнения его истощенных полков, и теперь ничто, кроме применения высочайшего военного мастерства, не могло спасти его от гибели.

"Армия, - сказал он в письме Директории, - столь малочисленная, была еще более ослаблена недавними боями, в то время как обещанные подкрепления не прибыли. Герои Миллессимо, Лоди, Кастильоне и Бассано мертвы или находятся в больницах. Жубер, Ланусс, Виктор, Ланн, Шарло, Мюрат, Дюпюи, Рампон, Менар, Шабран и Пиджен ранены; мы брошены на краю Италии. Если бы я получил 103-й, три тысячи пятьсот сильный, я бы ответил за все. Принимая во внимание, что через несколько дней 40 000 человек, возможно, будет недостаточно, чтобы дать нам возможность выступить против врага".

Его люди тоже впадали в уныние из-за неспособности правительства прислать подкрепление и больше не сражались со своей обычной энергией и энтузиазмом. Отступающие войска предстали перед ним с удрученным видом. Но гений Наполеона еще не был исчерпан; у него уныние не было отчаянием. Он приказал дивизии Вобуа— оставившей Каллиано, выстроиться на равнине Риволи и обратился к ним следующим образом: "Солдаты, я вами недоволен: вы не проявили ни храбрости, ни дисциплины, ни упорства. Никакая позиция не могла вас сплотить: вы предались паническому ужасу; вы позволили вытеснить себя из ситуаций, когда горстка храбрецов могла бы остановить целую армию. Солдаты 29-го и 85-го полков, вы не французские солдаты. Генерал-квартирмейстер, пусть на их цветах будет начертано: "Они больше не принадлежат армии Италии!"

Эффект от этих слов был электрическим. Гренадеры-ветераны, выдержавшие ужасные атаки при Лоди, рыдали, как дети, и, сломав строй, столпились вокруг своего командира, умоляя о еще одном испытании. Несколько гренадеров-ветеранов, заслуживших и получивших знаки отличия, выкрикнули из рядов: "Генерал! о нас представили превратно; поставьте нас в авангарде армии, и тогда вы рассудите, не принадлежим ли мы к армии Италии".

В конце концов разгневанный командир простил их, и, когда они снова выступили против врага, они быстро восстановили свою утраченную репутацию и снискали новые лавры. Нодух недовольства охватил французскую армию. "Мы не можем творить чудеса", - говорили солдаты. "Мы уничтожили великую армию Болье, а затем пришел Вурмзер с еще большей. Мы победили и разорвали его на куски, а затем появился Алвинзи, более могущественный, чем когда-либо. Когда мы победим его, Австрия направит на нас сто тысяч свежих солдат, и мы оставим свои кости в Италии".

Несмотря на сильное уныние, Наполеон ни в коем случае не был расположен прекращать свою кампанию; обращаясь к своим солдатам, он сказал в качестве ободрения: "Нам осталось сделать еще одно усилие, и Италия наша. Враг, без сомнения, превосходит нас численностью, но не доблестью. Когда он будет разбит, Мантуя падет, и мы станем хозяевами всего; нашим трудам придет конец, ибо не только в Италии, но и во всей Мантуе воцарится мир. Вы говорите о возвращении в Альпы, но вы больше не способны на это. С сухих и замерзших бивуаков на этих бесплодных скалах вы вполне могли бы покорить восхитительные равнины Ломбардии; но с улыбающихся цветочных бивуаков Италии вы не сможете вернуться в альпийские снега. Только победы Алвинзи, и я отвечу за твое будущее благополучие".

Вскоре французские войска снова были готовы к сражению. Альвинци занял высоты Кальдиеро и к середине ноября угрожал Вероне. Массена атаковал высоты, но обнаружил, что они неприступны. Французы были отброшены со значительными потерями. Наполеон счел необходимым попытаться захватить высоты другими средствами, чтобы предотвратить соединение Давидовича и Альвинци. Поэтому, притворившись, что отступает к Мантуе после своего поражения, он вернулся ночью и расположился в тылу армии Альвинци. Когда его колонны двинулись на Арколу, противник сначала подумал, что это всего лишь перестрелка и что основная армия французов находится в Вероне. Положение Арколи делало любое нападение на него настолько чрезвычайно опасным, что вряд ли кому-либо пришла бы в голову идея предпринять такую попытку. Деревня окружена болотами, пересеченными небольшими ручьями, канавами и тремя дамбами или мостами, по которым только и можно пройти. Арколу и ведущий к ней мост защищали два батальона армии Альвинци и две пушки, которые командовали мостом. Две другие дамбы были незащищены.

Наполеон приказал дивизии атаковать мост Аркола на рассвете. Эта попытка показалась даже бесстрашному Ожеро попыткой навлечь на себя смерть, но он был настоящим солдатом и подчинился приказу.

15 ноября колонна продвинулась по каждой из трех дамб. Дивизия Ожеро заняла мост Аркола, который был обстрелян вражескими пушками и атакован с фланга их батальонами. Даже отборные гренадеры, возглавляемые Ожеро со знаменем в руке, дрогнули и отступили под разрушительным огнем, спасаясь бегством по трупам почти половины своих товарищей. Это была самая критическая ситуация, в которой неверный шаг или потеря нескольких мгновений означали гибель. Наполеон, зная, что момент решающий, бросился во главе колонны, схватил знамя и, поспешив вперед, собственноручно водрузил знамена на мосту под градом пуль вражеской артиллерии и мушкетного огня. Сделав это, он крикнул: "Солдаты! вы больше не храбрые воины Лоди? Следуйте за своим генералом!"

Его солдаты сплотились и мчались вместе с ним, пока не столкнулись с австрийской дивизией, но внезапное прибытие свежей колонны противника сделало невозможным удержание своих

позиций. Французы отступили, и Наполеон, оказавшийся в самой гуще сражения, сам был схвачен своими верными гренадерами, которые унесли его на руках сквозь дым, среди мертвых и умирающих, пока их дюйм за дюймом отбрасывали назад с ужасающей резней. Вскочив на коня, полководец снова приготовился броситься в атаку во главе своего героического войска, когда его скакун стал неуправляемым и сорвался с места, сбросив всадника по пояс в трясину.

Австрийцы оказались теперь между Наполеоном и его растерянной колонной. Когда дым рассеялся, армия сразу поняла критическое положение своего генерала. Во время этого кризиса Ланн пробился вперед через болото и добрался до своего командира, как и доблестный Мюиرون, друг и адъютант Наполеона. Почти в тот же момент в Наполеона был произведен выстрел. Пуля была получена Мюироном, который вмешался и умер, прикрывая тело Наполеона своим телом. Но все же личность командира оставалась в величайшей опасности.

Гренадеры мгновенно построились и с криком "Вперед, солдаты, спасайте своего генерала!" бросились на врага, вызволили своего "Маленького капрала" из его критической позиции и опрокинули австрийские колонны, защищавшие мост. Наполеон быстро снова оказался во главе их, сплотил колонну, вселил ужас в ряды противника, и вскоре Аркола была взята. В этот момент последовали еще два сражения, в каждом из которых французы одерживали победы, Массена преследовал врага до тех пор, пока темнота не вынудила его отступить. Австрийцы потеряли двенадцать тысяч человек убитыми, шесть тысяч пленными, восемнадцать орудий и четыре знамени. Потери французов были менее значительны по численности, чем по значимости выдающихся личностей, павших в течение тех трех дней, когда генералы действовали как солдаты, постоянно сражаясь во главе своих колонн. Великое искусство Наполеона в том случае, когда у него было всего 13 000 человек против 40 000 человек, состояло в том, чтобы вести бой посреди болота, где противник не мог развернуться. На таком поле боя могли вступить в бой только головные части колонн, тогда как на равнине французская армия, по всей вероятности, была бы окружена.

Наполеон сказал на острове Святой Елены, что считает себя в наибольшей опасности в Арколе.

Слишком поздно Давидович двинулся на Верону, но быстро отступил, услышав о поражении Альвинци при Арколе. Вурмсер тоже предпринял отчаянную вылазку и был отбит. Однако он все еще держался. Лошадей гарнизона давным-давно забили и засолили для использования; людям сократили рацион вдвое, и их численность быстро сокращалась из-за болезней.

Таким образом, эта четвертая попытка Австрии победить Наполеона закончилась, как и предыдущие, неудачей. Это была одна из самых запоминающихся кампаний в истории, в ходе которой были продемонстрированы все ресурсы опытных воинов, причем не в многочасовом состязании, а в череде запоминающихся сражений. Однако пока молодой командующий был лишь временным победителем; слабость итальянской армии не позволяла ему извлечь из Арколы все преимущества, которые он обещал себе. Теперь Альвинци был полностью разбит, его потери были очень велики, и, подобно своим предшественникам, он послал в Вену за подкреплением, чтобы продолжить борьбу с Бонапартом, который направился в Верону, которую он избрал центральным пунктом операций.

Еще раз приготовления австрийского генерала к новой кампании были завершены, и 7 января 1797 года во главе шестидесяти тысяч солдат, состоящих из добровольцев из лучших семей Вены и батальонов Рейнской армии, хорватов, венгров, тирольцев и т.д., Альвинци спустился с северных границ Италии, чтобы освободить храброго Вурмзера из его тюрьмы в Мантуе и снова попытаться "сокрушить французских захватчиков". Гонец, отправленный к Вурмзеру от императорского двора, был схвачен французами, и депеши, спрятанные в восковых шариках, были обнаружены. Из них Наполеон узнал о нынешних планах австрийского правительства, подписанных собственноручно императором: Альвинци снова был поставлен во главе шестидесятитысячного отряда и должен был снова выступить в Ломбардию и снять осаду Мантуи; Вурмзеру было приказано держаться до последнего: если армия Альвинци сможет воссоединиться с гарнизоном, уничтожение французов казалось несомненным; если нет, и если в ходе военных действий он сочтет за лучшее оставить Мантую, ему было приказано прорубить себе путь в Ломбардию. Романья и принять командование папскими войсками, поскольку папа нарушил Болонский мирный договор и собрал семитысячную армию, чтобы действовать заодно с Вурмсером, когда тот будет освобожден из Мантуи.

Пятая австрийская армия снова разделилась: одна колонна под командованием Альвинци двинулась к линии Адидже, другая — к Бретне под командованием генерала Проверы, который должен был присоединиться к маршалу под стенами Мантуи.

Когда Наполеон узнал об этом в своей штаб-квартире в Вероне, он отправил Жубера в Риволи оспаривать проход Альвинци, а Ожеро наблюдать за передвижениями Проверы, зная, что в течение нескольких часов он сможет сосредоточить свои силы против любой из колонн.

На закате 13 января гонец Жубера принес известие о том, что он встретился с Альвинци и с трудом сдерживал его в течение дня. Наполеон с величайшим вниманием изучил карты и описания мест, донесения генералов, своих шпионов и легких войск и провел часть ночи в состоянии неуверенности и нерешительности. Наконец, получив свежие донесения, он воскликнул: "Ясно, ясно: на Риволи!" и, быстро отдав приказ своим адъютантам, распределив войска по разным маршрутам, он оставил гарнизон в Вероне и вместе с генералом Массеной и всеми свободными войсками направился к генералу Жуберу. Одним из своих молниеносных маршей он достиг высот Риволи через два часа после полуночи. Внизу, в долине, в лунном свете были видны пять отдельных лагерей австрийской армии. Наполеон быстро решил вынудить Альвинци вступить в бой до того, как тот будет готов. Жубер, сбитый с толку демонстрацией гигантских сил Альвинци, уже собирался покинуть свою позицию, когда французский командующий остановил его движение и, подтянув дополнительные батальоны, вытеснил противника с позиции, которую они захватили при первых признаках отступления французов.

С возвышения, на котором он стоял, проницательный взгляд Наполеона вскоре разгадал тайну слабости Альвинци, заключающуюся в том, что его артиллерия еще не прибыла. Чтобы вынудить его принять сражение, Наполеон использовал все возможные средства, чтобы скрыть свое собственное прибытие, и с помощью серии мелких маневров заставил противника поверить, что они имеют дело с простым аванпостом французов. Альвинци был полностью введен в заблуждение и вместо того, чтобы наступать каким-нибудь большим и хорошо организованным строем, позволил нескольким своим колоннам попытаться овладеть высотами изолированными движениями, которые реальная сила Наполеона легко позволила ему отбить. Два полевых

орудия были брошены их водителями и захвачены противником, когда офицер, чье имя не записано, приблизившись, крикнул: "Четырнадцатый, ты позволишь им забрать твою артиллерию?" Бертье, намеренно подпустивший врага поближе, затем открыл ужасный огонь, который выровнял людей и лошадей вокруг орудий, и под натиском которого австрийцы немедленно отступили.

С рисунка Ф. Гренье

Бонапарт в битве при Сент - Джордж

Мгновение спустя храбрость противника привела к тому, что они почти опрокинули французов на пункте первостепенной важности, но сам Наполеон, прискакав галопом к этому месту, своим голосом и действиями разбудил дивизию Массены, которая, маршируя всю ночь, прилегла отдохнуть от крайней усталости. Они встрепенулись по голосу командира, и австрийская колонна была быстро отброшена.

Французская артиллерия вскоре заняла позиции, в то время как австрийская, как и предполагал Наполеон, еще не подошла, и это обстоятельство решило судьбу дня. Батареи французов произвели опустошение в разбитых колоннах; кавалерия предприняла повторные атаки; таким образом, четыре из пяти дивизий были разбиты и наголову разбиты. Пятая теперь появилась в тылу французов. Она была отправлена в обход, чтобы обойти Наполеона с фланга и занять возвышенность в его тылу в соответствии с приказами австрийского генерала перед началом операции. Когда дивизия Лузиньяна достигла намеченной цели, она сделала это — не для того, чтобы довершить страдания разбитого, а для того, чтобы увеличить добычу победоносного врага. Вместо того чтобы отрезать Жуберу путь к отступлению, Лузиньян оказался отрезанным от Альвинци и был вынужден сложить оружие перед Бонапартом. Если бы это движение было предпринято немного раньше, оно могло бы изменить ход событий: как бы то ни было, французские солдаты только воскликнули: "Вот и новые припасы на наш рынок!" и очень скоро австрийцы, подвергшиеся сильному артиллерийскому обстрелу, были вынуждены сдаться.

"Это был хороший план, - сказал Наполеон, - но эти австрийцы не склонны считать минуты".

Если бы Лузиньян зашел французам в тыл на час раньше, пока битва перед высотами Риволи была еще жаркой, он мог бы способствовать полному свержению Наполеона, вместо того чтобы потерпеть поражение в один из самых ярких дней в карьере молодого командира.

В течение дня Бонапарт участвовал в самом горячем сражении, длившемся двенадцать часов, и под ним были подстрелены три лошади, и, хотя он сильно устал, он едва дождался, когда Лузиньян сдастся, прежде чем отправиться с подкреплением в Нижний Адидже, чтобы помешать Вурмзеру либо окружить Проверу, либо присоединиться к нему в открытом поле и таким образом добиться бегства своего собственного грозного гарнизона. Летучие войска Альвинци были оставлены на попечение Массены, Мюрата и Жубера.

Маршируя весь день и на следующую ночь, Наполеон достиг окрестностей Мантуи поздно 15-го. Он обнаружил, что противник укреплен, а положение Серрюрье крайне критическое. Полк гусар Проверы всего за несколько часов до этого обосновался в пригороде Сент-Джордж. Этот австрийский корпус был облачен в белые плащи, напоминающие плащи хорошо известного французского гусарского полка, и, продвигаясь к воротам, его, несомненно, приняли бы как друга, если бы не пронизательность старого сержанта, который не мог отделаться от мысли, что в белых плащах было слишком много лоска новизны, чтобы они выдержали износ в трех кампаниях Бонапарта. Он мгновенно закрыл барьеры и предупредил барабанщика, находившегося рядом с ним, об опасности. Эти двое подняли тревогу, и орудия сил блокады были немедленно направлены на их мнимых друзей, которые были вынуждены отступить.

Сам Наполеон провел ночь, обходя аванпосты, так велико было его беспокойство. На одном из них он нашел часового-гренадера, спящего от усталости, и, взяв его ружье, не будя его, около получаса исполнял обязанности часового на его месте. Когда этот человек, очнувшись ото сна, с ужасом и отчаянием увидел лицо и занятие своего генерала, он упал перед ним на колени. "Друг мой, - мягко сказал Наполеон, - вот ваш мушкет. Вы упорно сражались и долго маршировали, и ваше переутомление простительно; но минутная невнимательность может в настоящее время погубить всю армию. Случилось так, что я не спал и заступил тебе на пост. В другой раз будь осторожнее!"

Такие акты великодушия расположили Наполеона к его солдатам, и, хотя он редко нарушал военную дисциплину, он рано завоевал преданность своих людей, которые рассказывали анекдоты о его деяниях в лагере и на поле боя, и по мере того, как истории передавались от колонны к колонне, его последователи стали относиться к нему с почтением, которое немногие командиры старшего поколения смогли привить своим людям. Рассказывается еще один анекдот о Бонапарте, готовившемся начать одно из своих великих сражений в Италии. Когда Наполеон выстраивал свои войска в порядке атаки, из рядов выступил легкий драгунский полк и попросил командира о нескольких минутах частной беседы, на которую Наполеон согласился, когда солдат обратился к нему со следующими словами: "Генерал, если вы примете такие-то меры, враг должен быть разбит".

"Несчастный человек, - воскликнул командир, - придержи язык; ты, конечно, не выдашь мою тайну", - одновременно закрывая рот драгуна рукой.

Солдат, о котором идет речь, обладал врожденными военными способностями и ценил все меры, необходимые для обеспечения победы. Когда битва завершилась в пользу Наполеона, он

отдал приказ, чтобы беднягу доставили к нему; но все поиски оказались безрезультатными, его нигде не могли найти: пуля, без сомнения, положила конец его военной карьере.

На следующее утро завязалась жаркая перестрелка, получившая название битвы при Сент-Джордж. Беспорядки и резня были ужасными, и Провера со всем своим войском были вынуждены сложить оружие. Вурмзер, который отважился на вылазку из Мантуи, чтобы присоединиться к своим соотечественникам, был рад вернуться обратно и укрыться за старыми стенами после отчаянной атаки, возглавляемой лично Наполеоном, который бросился между Вурмсером и Проверой и наголову разбил их одного за другим. Теперь Провера оказался безнадежно отрезанным от Альвинци и окруженным французами; он был обескуражен и побежден. Он и его пять тысяч человек сложили оружие 16 января, и различные подразделения австрийских вооруженных сил, разбросанные по стране, последовали их примеру. Это последнее сражение было названо битвой при Ла Фаворите по названию загородного дома, недалеко от которого оно происходило. 75-й полк в этом бою отказался от патронов: "С такими врагами, какие у нас перед носом, - сказали они, - мы должны использовать только штык".

Битвы при Риволи и Ла Фаворите лишили Альвинци возможности продолжать кампанию. Таким образом, великолепная австрийская армия прекратила свое существование в течение трех дней.

В то время страх перед врагом был настолько велик, что в одном случае Рене, молодой офицер, охранявший позицию примерно со ста пятьюдесятью солдатами, внезапно столкнулся с небольшим отрядом австрийцев и взял его в плен. Выдвинувшись на разведку, он оказался перед отрядом численностью еще в тысячу восемьсот человек, которых поворот дороги скрыл от его взора. "Сложите оружие!" - сказал австрийский комендант. Рене смело ответил: "Вы складываете оружие! Я уничтожил ваш авангард; — сложите оружие, или пощады не будет!" Французские солдаты присоединились к этому крику, и все изумленные австрийцы полностью сложили оружие в пользу отряда, который, к своему раздражению, как они обнаружили слишком поздно, был численностью в одну двенадцатую от их собственного.

Теперь Вурмсер был совершенно обескуражен тем, что не получил помощи, а поскольку его провизия к этому времени была исчерпана, он, наконец, оказался в отчаянном положении. Наполеон прислал ему известие о разгроме и рассеянии австрийской армии и призвал его сдаться. Старый солдат с гордостью ответил, что "провизии у него хватит на год", но несколько дней спустя он послал своего адъютанта Кленау в штаб Серрюрье с предложением капитуляции. Генерал Серрюрье, как командующий блокадой, получил от Вурмсера послание, в котором тот заявлял, что "все еще в состоянии продержаться значительно дольше, если не будут предоставлены почетные условия".

Наполеон, который сидел в углу своей палатки, завернувшись в плащ, теперь вышел вперед и обратился к австрийскому посланнику, который не подозревал, в чьем присутствии он говорил, и, взяв перо, записал ответы на полях на условия, предложенные Вурмсером. Он предоставил условия, более благоприятные, чем те, которые можно было бы потребовать в условиях крайности, до которой был доведен ветеран. "Таковы, - сказал он, - условия, на которые храбрость вашего генерала дает ему право, если он завтра откроет свои ворота. Он может получить их сегодня; через неделю, через месяц ему не будет хуже: он может дотянуть до последнего кусочка хлеба. А пока скажите ему, что генерал Бонапарт собирается отправиться в Рим.

Теперь посланник узнал Наполеона и, прочитав бумагу, понял, что предложенные условия были более либеральными, чем он смел надеяться; затем он признался, что в Мантуе осталось провизии всего на три дня.

Капитуляция была немедленно подписана, и 2 февраля 1797 года Вурмсера и его гарнизон из 13 000 человек выступили из Мантуи: 7000 лежали в госпиталях. Когда престарелый вождь по воле военного случая должен был сдать свой меч, он обнаружил, что только Серрюрье готов принять его. Наполеон не желал быть свидетелем унижения выдающегося ветерана и покинул это место до капитуляции, тем самым избавив побежденного ветерана от унижения, связанного с передачей своей шпаги столь молодому командиру. Эта деликатная щедрость со стороны французского генерала никогда не была забыта Вурмсером.

Условия капитуляции, согласованные Бонапартом, не были с готовностью приняты французской директорией, которая призывала его к совершенно иному поведению. "Я предоставил австрийцу, - писал он в ответ, - такие условия, которые, по моему мнению, были подобающими храброму и благородному врагу и достоинству французской нации". Потери австрийцев под Мантуей составили в общей сложности не менее 30 000 человек, не считая бесчисленных военных припасов и свыше 500 медных пушек.

Завоеватель отправил Ожеро в Париж с шестьюдесятью захваченными австрийскими штандартами, и его прибытие в столицу было отмечено как национальный праздник. Таким образом, получилось, что Наполеон, располагая максимальными силами в 65 000 человек, победил в своей собственной стране, под присмотром и рукой помощи своего собственного правительства, пять армий подряд, насчитывавших в общей сложности *свыше 300 000 хорошо укомплектованных, хорошо снабженных солдат*, под командованием старых и опытных командиров признанной храбрости. Таково было завоевание Ломбардии.

Некоторое время спустя Вурмсер отправил Наполеону письмо со специальным посыльным, в котором признавал великодушие и деликатность поведения французского командующего в Мантуе и в то же время уведомлял его через своего адъютанта о заговоре с целью отравления его во владениях папы римского, с которым он собирался вести войну.

За капитуляцией Вурмзера последовало несколько коротких столкновений с папскими войсками: папа опасался, что завоеватель войдет в "Вечный город"; но Наполеон быстрым движением перебросил свою пехоту через реку Сенио, где стоял лагерь враг, и встретил лишь непродолжительное сопротивление. Вскоре после этого папа вступил в переговоры с французским командующим, и 13 февраля 1797 года последовал Толентинский мирный договор, уступавший французам сотню лучших произведений искусства, несколько замков и дипломатических миссий, а также около двух миллионов долларов.

Теперь Наполеон был хозяином всей Северной Италии, за исключением территорий Венеции, которая объявила, что у нее нет иного желания, кроме сохранения совершенного нейтралитета.

Прошло уже больше месяца после поражения Альвинци при Риволи; за девять дней война с папой римским подошла к концу; и, оставив несколько гарнизонов в городе на реке Адидже следить за нейтралитетом Венеции, Наполеон поспешил перенести войну в наследственные владения австрийского императора. Двадцать тысяч свежих солдат присоединились к его

победоносному штандарту из Франции, и во главе, возможно, более крупных сил, чем он когда—либо прежде собирал, он двинулся к Тиролю, где, по его сведениям, главная армия Австрии, вновь набранная в первоначальном составе, готовилась начать шестую кампанию под командованием - не Альвинци, а генерала, молодого, как и он сам, и до сих пор в высшей степени успешного, эрцгерцога Карла, который победил мужество и мастерство Журдана и Моро на Рейне и теперь должен был выступить против Наполеона.

История этой шестой кампании - всего лишь повторение пяти предшествовавших ей. Эрцгерцогу, молодому принцу с высокими талантами, на которого возлагались последние надежды Австрийской империи, вынужденному венским советом осуществить план, который он имел смелость осудить, было суждено возглавить лишь короткую кампанию, хотя у него была лучшая армия, какую могла предоставить Австрия. Эта армия снова приступила к операциям на двойной основе, и Наполеон разрешил ему перейти в наступление.

9 марта 1797 года штаб французского командующего был размещен в Бассано, и он энергично продолжил свою завоевательную карьеру. Он издал одно из своих волнующих воззваний, в котором сказал своим солдатам, что им все еще уготована великая судьба, а затем двинулся в атаку на эрцгерцога. Он нашел последний расположенным на равнинах, граничащих с берегами реки Тальяменто, перед скалистыми горами Каринтии, которые охраняют в этой части проход из Италии в Германию. Выделив Массене кавалерийскую дивизию для переправы через Пьяве, где была размещена австрийская дивизия Лузиньяна, Наполеон решил атаковать эрцгерцога с фронта. Массене удалось оттеснить Лузиньяна до Беллуно, где он с арьергардом в 500 человек сдался и, таким образом, обошел австрийский фланг.

16 марта две армии, возглавляемые Наполеоном и лично эрцгерцогом Карлом, выстроились по разные стороны Тальяменто лицом к лицу. Затем Бонапарт попытался осуществить форсирование реки, но после официальной демонстрации своих сил, которая была встречена аналогичными демонстрациями на австрийском берегу реки, он внезапно сломал свою линию, отступил и занял свой бивуак. Эрцгерцог пришел к выводу, что, поскольку французы маршировали всю предыдущую ночь, их предводитель хотел отложить сражение до другого дня, и таким же образом удалился в свой лагерь. Примерно через два часа Наполеон ворвался со всей своей армией, которая только что выстроилась в шеренги, на окраину Тальяменто, которая больше не охранялась должным образом, и перешел реку вброд прежде, чем австрийская боевая линия могла быть сформирована. При переправе через Тальяменто Наполеон был так близок к тому, чтобы утонуть в своей карете, что на несколько мгновений оставил всякую мысль о спасении.

Это дело было первым, в котором участвовала дивизия Бернадотта. Он прибыл к границам Тальяменто в самый момент сражения: бросившись в реку, он воскликнул своим сторонникам: "Подумайте, что вы - Рейнская армия, и что на вас смотрит армия Италии!"

В последовавших за этим действиях войска эрцгерцога проявили много доблести и неоднократно атаковали французов с величайшим мужеством, но все попытки выбить Наполеона потерпели неудачу; в конце концов отступление было признано необходимым, и восемь орудий и немного провизии были оставлены позади, французы последовали за ними в упорном преследовании.

Генерал-адъютант Келлерман отличился во главе французской кавалерии и получил множество ранений при выполнении маневров, решивших успех дня; впоследствии ему было поручено перевезти трофеи, отнятые у противника, во Францию.

Преследователи взяли штурмом Градиску, где взяли 6000 пленных; и эрцгерцог, продолжая отступление, занял в течение нескольких дней Триест, Фиуме и все крепости Каринтии. В ходе двадцатидневной кампании австрийцы десять раз сражались с Бонапартом, но разгром при Тальяменто так и не был восстановлен. Их армия таяла, как снега Тироля.

В конце концов австрийский лидер решил форсированным маршем дойти до Вены, собрать там вокруг себя все силы, какие только могли собрать верные ему люди, и дать последний бой под стенами столицы. Эрцгерцог рассчитывал извлечь большую выгоду, заманив французскую армию в сердце Австрии, где, отделенный от Франции множеством обширных провинций, могучими горами и реками, с Италией за спиной, он надеялся отрезать им источники снабжения и вынудить их отступить от значительно усиленной императорской армии.

С момента начала кампании эрцгерцог потерял пленными около 20 000 человек, так что австрийцам не оставалось ничего, кроме как занять горы в окрестностях столицы.

Однако Вена пришла в ужас, услышав, что Наполеон, находившийся всего в шестидесяти лье от нее, штурмовал перевалы Юлийских Альп. Императорская семья, обнимая маленькую Марию Луизу, которой тогда едва исполнилось шесть лет, впоследствии жену Наполеона, бежала со своими королевскими драгоценностями и сокровищами в Венгрию; средние классы стали требовать прекращения шестилетней войны, и эрцгерцогу было приказано воспользоваться первым предложением, которое могли предоставить обстоятельства, для начала переговоров. Наполеон писал эрцгерцогу, предлагая мир: "Пока храбрые солдаты ведут войну, они желают мира", - сказал он, - "Разве война не длится уже шесть лет? Разве мы недостаточно убили людей и причинили достаточно страданий человечеству? Европа сложила оружие, которое она подняла против Французской Республики. Только ваша нация выстояла; и все же кровь будет литься обильнее, чем когда-либо. В чем бы ни заключалась проблема, мы убьем несколько тысяч человек с обеих сторон, и, в конце концов, мы должны прийти к взаимопониманию, поскольку все имеет конец, не исключая мстительных страстей. * * " Со своей стороны, генерал, если бы чрезмерная забота, которую я имею честь оказать вам, спасла жизнь только одному человеку, я бы больше гордился гражданской короной, которую, как я думаю, заслужил этим, чем всей печальной славой, которую могут принести самые выдающиеся военные успехи".

Эрцгерцог ответил в течение двух часов после получения письма, и последовала серия переговоров, которые после быстрого наступления Наполеона на Вену, наконец, привели к заключению временного Леобенского мирного договора, подписанного 18 апреля 1797 года. Наполеон, не дожидаясь полной власти Директории для завершения заключения договора, взял ответственность на себя и подписал его со стороны Франции 19 апреля. Австрийские полномочные представители заявили в качестве основной уступки, что "император признал Французскую республику".

"Вычеркните это!" - сказал Наполеон. - "Республика подобна солнцу, которое сияет своим собственным светом; никто, кроме слепого, не может не видеть этого. Мы сами себе хозяева и установим любое правительство, которое пожелаем". "Если французский народ однажды

пожелает создать монархию, - заметил он впоследствии, - император может возразить, что он признал Республику".

За этим договором последовала полная капитуляция венецианского сената, нарушившего свои обязательства о нейтралитете, и было временно сформировано демократическое правительство по образцу Франции. Венеция согласилась уступить победителю обширные территории на материковой части Италии; пять военных кораблей, 600 000 долларов золотом и еще столько же военно-морскими припасами, двадцать своих лучших произведений искусства и 500 древних рукописей. Наполеон овладел городом, и история Венецианской республики была положена конец. В своей последней агонии венецианский сенат предпринял тщетную попытку подкупить Наполеона кошельком в семь миллионов франков на более выгодных условиях, напомнив ему о вошедшей в поговорку неблагодарности всех народных правительств и о том незначительном внимании, которое французская директория до сих пор уделяла его личным интересам. "Все это достаточно верно, - ответил он, - но я не отдам себя во власть этого герцога". На более крупный тендер со стороны Австрии он ответил: "Если мне суждено стать великим или богатым, это должно исходить от Франции".

Среди произведений искусства, присланных Наполеоном в Париж, была знаменитая картина Святого Иеронима из галереи герцога Пармского. Герцог, чтобы спасти это сокровище, предложил Наполеону двести тысяч долларов, которые завоеватель отказался принять, сказав: "Сумма, которую он предлагает нам, скоро будет израсходована; но обладание таким шедевром в Париже будет украшать эту столицу на века и породит аналогичные проявления гения".

Падение Венеции дало Наполеону возможность довести свой мирный договор с Австрией до более удовлетворительного завершения, чем это было указано в предварительных переговорах при Леобене. После улаживания дел Венеции и основания новой Лигурийской республики он поселился во дворце Монтибелло, недалеко от Милана, вместе с Жозефиной, которую он не видел с момента своего отъезда из Франции год назад. Окончательное урегулирование с австрийскими уполномоченными было намеренно отложено этой Империей, поскольку все были убеждены, что правительство Франции приближается к новому кризису, и Австрия надеялась извлечь из такого события значительную выгоду. Наполеон начал уставать от затянувшихся переговоров и угроз австрийских послов. Однажды в кабинете последнего он внезапно изменил свое поведение. "Вы отказываетесь принять наш ультиматум", - сказал он, беря в руки красивую фарфоровую вазу, стоявшую на каминной полке рядом с ним. Австриец поклонился. "Это хорошо, - сказал Наполеон, - перемирие нарушено, война объявлена, но запомните меня: в течение трех месяцев я сокрушу Австрию, как сейчас сокрушаю это хрупкое государство!" С этими словами он яростно швырнул хрупкий предмет на пол, разбив его на тысячу осколков, и вышел из комнаты. Посол последовал за ним и, обнаружив, что он готовится выступить на Вену, сделал предложения, которые побудили его еще раз возобновить переговоры, результатом которых стал Кампо-Формийский мирный договор, названный так по скромной деревушке, в которой он был подписан 17 октября 1797 года.

Бурьен рассказывает, что, когда Наполеон был занят организацией Венеции, Генуи и Милана, он часто жаловался на нехватку людей. "Боже милостивый! - воскликнул он. - Как редкимужчины! В Италии восемнадцать миллионов, и я с трудом нашел двух настоящих — Дандоло и Лельци". Эти два настоящих "человека" были немедленно наняты для оказания важных услуг и оправдали его оценку о них.

Именно из дворца Монтибелло, в пяти лье от Милана, Наполеон писал Директории: "С этих разных точек (островов Средиземного моря, которые он предложил захватить) мы можем командовать этим морем, следить за Османской империей, которая разваливается на куски, и мы можем сделать господство на океане почти бесполезным для Великобритании. *Давайте овладеем Египтом*, который лежит на пути в Индию, и там мы сможем основать одну из самых могущественных колоний в мире. Именно в Египте мы должны начать войну с Англией".

Чтобы усовершенствовать мирный договор с Австрией, Наполеон получил приказ от французской директории явиться на конгресс в Раштадте, куда с этой целью были созданы все германские державы. Он трогательно попрощался со своими солдатами, сказав в заключение: "Солдаты, когда вы говорите о принцах, которых вы покорили, о народах, которые вы освободили, и о битвах, в которых вы участвовали в двух кампаниях, скажите: "В следующих двух мы добьемся еще большего". Затем он проследовал через Швейцарию, неся с собой безграничную любовь и преданность одной из лучших армий, которые когда-либо видел мир.

Человек, видевший Наполеона в это время, описал свои впечатления о нем в следующем письме, которое появилось в одном из парижских журналов в декабре 1797 года: "С живым интересом и чрезвычайным вниманием я наблюдал за этим необыкновенным человеком, совершившим такие великие подвиги, и в ком есть что-то, что, кажется, указывает на то, что его карьера еще не завершена. Я нашел его очень похожим на свои портреты — маленький, худощавый, бледный, с выражением усталости, но не слабого здоровья, как о нем писали. Мне кажется, что он слушал скорее рассеянно, чем с интересом, и что он был больше занят тем, о чем думал, чем тем, что ему говорили. В его лице читается большой интеллект, наряду с которым можно отметить атмосферу привычной медитации, которая ничего не выдает из того, что происходит внутри. В этой думающей голове, в этом смелом уме невозможно не верить, что рождаются какие-то смелые замыслы, *которые окажут свое влияние на судьбы Европы!*"

"Моя крайняя молодость, когда я принял командование итальянской армией, - заметил впоследствии Наполеон, - заставила меня проявлять большую сдержанность в манерах и предельную строгость морали. Это было необходимо, чтобы я мог поддерживать власть над людьми, столь значительно превосходящими меня по возрасту и опыту. Я придерживался линии поведения в высшей степени безупречной и образцовой. С точки зрения безупречной морали я был Катонем и, должно быть, казался таковым всем. Мое превосходство можно было сохранить, только доказав, что я лучше любого другого человека в армии. Если бы я поддался человеческой слабости, я бы потерял свою силу".

Во время первой беседы между Наполеоном и генералами-ветеранами, которыми ему предстояло командовать, Рампон взялся дать молодому командиру несколько советов. Наполеон, которому не терпелось получить совет, воскликнул: "Господа, военное искусство находится в зачаточном состоянии. Прошло время, когда враги должны были обоюдно назначить место боя, выступить вперед со шляпой в руке и сказать: *"Джентльмены, не будете ли вы так добры открыть огонь!"* Мы должны разрубить врага на куски, обрушиться подобно потоку на их батальоны и стереть их в порошок. Войсками, противостоящими нам, командуют опытные генералы. Тем лучше! Их опыт не поможет им против меня. Попомните мои слова, скоро они сожгут свои книги по тактике и не будут знать, что делать".

Прибыв в Раштадт, Наполеон обнаружил, что множество деталей, которые необходимо было уладить, вероятно, потребуют длительного пребывания, и поскольку его личные отношения с

Директорией были сомнительного рода, он передал ведение дипломатических дел своим коллегам и прибыл в Париж после триумфального шествия 20 ноября 1797 года. Во время своего отсутствия он был спасением Франции, и его прибытие произвело большую сенсацию в столице. Народ приветствовал его самыми восторженными аплодисментами, улицы, по которым он должен был пройти, были запружены толпами, и везде, где его видели, воздух наполнялся криками: "Да здравствует генерал армии Италии!"

С рисунка Ч. Шассела

Бонапарт при осаде Мантуи

III ЭКСПЕДИЦИЯ В ЕГИПЕТ

2 октября 1797 года, во время отсутствия Наполеона в Италии, Директория объявила французскому народу о своем намерении перенести войну с Англией в саму Англию. Поэтому был отдан приказ о немедленной организации большой армии вторжения, и "Гражданин генерал Бонапарт", Завоеватель Италии, был назначен командовать этими силами.

Однако прошло несколько месяцев, прежде чем это решение было приведено в исполнение, а тем временем Наполеон спокойно жил в маленьком скромном домике на улице Шантерен, который он занимал до того, как отправился в Италию. Вскоре после своего возвращения, однажды вечером, возвращаясь домой, он был удивлен, обнаружив рабочих, занятых заменой вывески с названием улицы на "Rue de la Victoire" в память о его итальянской кампании. Казалось, в то время он, насколько это было возможно, избегал почестей народного признания и аплодисментов, которыми осыпал его народ. Однажды утром он послал своего секретаря к театральному менеджеру с просьбой поставить в этот вечер две очень популярные пьесы, "если бы такое было возможно".

"Для генерала Бонапарта нет ничего невозможного, - ответил придворный управляющий. - Завоеватель Италии давным-давно вычеркнул это слово из словаря!"

Этот лестный ответ вызвал у Наполеона искренний смех. Он пошел на представление и, хотя старался сохранить свое обычное уединение, был обнаружен и его громко призвали выйти вперед. Честью, которой он дорожил больше всего, было его назначение членом Института. Он часто посещал ее собрания, а также любил появляться в костюмах, которые носили ее члены.

Когда Бурьен поздравил его с какой-то шумной демонстрацией народной благосклонности, он ответил словами Кромвеля: "Ба! они бы с таким же рвением окружили меня, если бы я был на пути к эшафоту!"

Куда бы он ни пошел, он по-прежнему оставался Бонапартом Лоди, Арколи и Риволи.

Между тем правительство не наградило его должным образом за его важные услуги в Италии. Когда он вернулся во Францию, у него не было трехсот тысяч франков, хотя он перевел государству пятьдесят миллионов. "Я легко мог бы, - сказал он Лас Касасу, - вернуть десять или двенадцать миллионов; я никогда не оформлял никаких счетов, и меня никогда ни о чем не просили". Накануне своего отъезда в Египет он завладел Мальмезоном и поместил там почти все свое имущество. Он купил его на имя своей жены, которая была старше его, и, следовательно, в случае, если бы он пережил ее, он, должно быть, утратил бы все права на то же самое. Факт, по его словам, заключался в том, что у него никогда не было вкуса или желания к приобретению богатства.

Он охотно принял новое назначение, на которое теперь настаивало правительство, которое, казалось, беспокоилось о том, чтобы он не оставался в Париже для участия в гражданских делах государства. В этом последнем направлении у него не было желания продолжать службу. Выражаясь собственным языком Наполеона, "груша еще не созрела", и, подобно цезарю, он предпочел бы быть первым в деревне, чем вторым в Риме. Первый план французской директории состоял в том, чтобы напасть на Англию и поставить Наполеона во главе армии вторжения, но их советы постоянно колебались между этим проектом и египетской экспедицией. 29 января Наполеон сказал Буррьену: "Буррьен, я здесь больше не останусь; я (Директория) не нужен; ничего хорошего из этого не выйдет; они меня не послушают. Я вижу, что если я задержусь здесь, мне быстро конец. Здесь все становится плоским; моя слава уже идет на убыль. Эта ваша маленькая Европа не может удовлетворить спрос. Мы должны двигаться на Восток. Все великие репутации исходят оттуда. Но сначала я обойду побережье, чтобы убедиться, что можно сделать. Если успех наступления на Англию окажется сомнительным, чего я опасаюсь, армия Англии превратится в армию Востока, и я отправляюсь в Египет ". В конце концов он решил подвести вопрос о вторжении к решению путем личного обследования побережья напротив Англии. Находясь там, он некоторое время занимался тем, что предлагал улучшения в укреплениях и выбирал наилучшие точки для высадки войск вторжения. Многие местные улучшения огромной важности, осуществленные много лет спустя, были впервые предложены им в этот период; но время для вторжения в Англию еще не пришло.

За несколько месяцев до этого Наполеон предложил Талейрану, министру иностранных дел, предпринять усилия против Англии в другой части земного шара, то есть захватить Мальту, отправиться в Египет и таким образом сразу же получить территорию, способную возместить Франции потерю ее вест-индских колоний и средства досаждать Великобритании в ее индийской торговле и империи.

Восток представлялся ему полем завоеваний и славы, и к этому он теперь снова вернулся. "Европа - всего лишь кротовый холм, - сказал он. - Вся великая слава пришла из Азии, где проживает шестьсот миллионов человек". Вскоре он вернулся в Париж и изложил свои взгляды Директории, заявив, что вторжение в Англию было дикой химерой. Бурьену, своему школьному товарищу, который спросил его о предполагаемом вторжении после того, как он пробыл на побережье неделю, он сказал: "Риск слишком велик; я не рискну на это. Я не хочу шутить с судьбой Франции".

Искушение Директории было велико, и поскольку Наполеону предстояло найти работу вдали от Франции, египетская экспедиция была окончательно решена, но держалась в большом секрете.

В то время как внимание Великобритании было теперь приковано к побережью, именно на границах Средиземного моря собирались его корабли и войска, действительно предназначенные для боевых действий. Все хотели сопровождать Наполеона на Восток — гражданские лица, ученые, инженеры, художники, все хотели совершить путешествие. Наполеон отбирал и снаряжал армию, собирал деньги и собирал корабли. Он был занят день и ночь организацией вооружения, которое должно было находиться в его полном подчинении.

В апреле и мае 1798 года различные эскадры французского флота были собраны в Тулоне, и вскоре все было готово. Основные силы были собраны в Тулоне, но посадка должна была состояться в Чивита-Веккья. Когда Наполеона спросили, надолго ли он останется в Египте, он ответил: "Несколько месяцев или шесть лет; все зависит от обстоятельств".

Когда все было готово, Бонапарт собрал свою огромную армию и, увидев корабли, которые должны были доставить их от берегов Франции, сказал своим последователям: "Рим сражался с Карфагеном как на море, так и на суше; Англия - Карфаген Франции. Я пришел, чтобы провести вас, во имя Божества Свободы, через могучие моря и в далекие края, где ваша доблесть сможет достичь такой жизни и славы, которые никогда не ожидают вас под холодными небесами Запада. Готовьтесь, солдаты, выступить под флагом трехцветия за достижения, гораздо более славные, чем те, которые вы завоевали для своей страны на знойных равнинах Италии".

Он согласился выделить каждому солдату по семь акров земли, и поскольку его обещания до сих пор не были нарушены, солдаты выслушали его с радостью и были готовы с готовностью повиноваться ему. Они ответили на его обращение громкими возгласами "Да здравствует Республика!" Английское правительство бдительно наблюдало за происходящими приготовлениями и держало флот в Средиземном море под командованием Нельсона. Было очень важно, чтобы французская эскадра отплыла без промедления, чтобы избежать риска быть обнаруженной английскими крейсерами, но встречные ветры задержали ее на десять дней. Этот интервал был использован Наполеоном для уделения внимания мельчайшим деталям, связанным с прекрасно укомплектованными войсками под его командованием.

Вечером 19 мая 1798 года удача улыбнулась ему, и все войска были погружены на борт, в то время как английский флот под командованием Нельсона, "Нептуна морей", был вынужден зайти в порт для ремонта кораблей, выведенных из строя сильным штормом. Французский флот, который был снабжен водой на месяц и продовольствием на два месяца, насчитывал около 40 000 человек всех родов войск и десять тысяч матросов. В армии было много солдат-ветеранов, отобранных из армии Италии и находившихся под командованием первых генералов Франции.

Клебер, Десо, Бертье, Ренье, Мюрат, Ланн, Андреосси, Жюно, Мену и Бельяр - все они участвовали в этой кампании.

Жозефина сопровождала своего мужа в Тулон и оставалась с ним до последней минуты; их прощание было самым трогательным. Когда последние французские войска ступили на борт, на могучем вооружении возшло ослепительное солнце — одно из тех ослепительных солнц, которые солдаты часто с восторгом называли "солнцами Наполеона", - и немедленно были подняты паруса на Восток.

8 июня конвои из Италии присоединились к эскадре в море; 10-го весь флот был собран перед Мальтой. Первой целью Наполеона было овладеть этим островом. Он уже заручился поддержкой тайного отряда среди рыцарей, и самая незначительная демонстрация военных действий посеяла среди них ужас, и они без промедления открыли свои ворота французам. Почти все рыцари вступили в ряды французской армии. Когда французские войска проходили через почти неприступные укрепления, генерал Каффарелли сухо заметил Наполеону, что им повезло, что нашелся кто-то, кто открыл им ворота; если бы там вообще не было гарнизона, это была бы ужасно тяжелая работа.

Оставив на Мальте достаточный гарнизон, французская эскадра 16-го числа снова вышла в море. В то время как офицеры и ученые посвящали много времени обсуждению военных и научных тем, главной целью волнений и забот было ускользнуть от английского флота. Французские суда были перегружены гражданским и военным багажом, провизией, припасами и т.д. И плотно набиты войсками. Наполеон стремился избежать подобной встречи: "Дай Бог, чтобы мы прошли мимо англичан, не встретившись с ними", - заметил он адмиралу Брейесу.

Нельсон теперь пустился в погоню. В Неаполе он услышал об их высадке на Мальте и о том, что их пунктом назначения был Египет. Он прибыл на Мальту сразу после того, как они покинули остров, и случайно пропустил их обгон. В туманную ночь, когда они отошли от Кандии, французы были встревожены выстрелами орудий по их правому борту, и впоследствии оказалось, что это были сигналы между кораблями флота Нельсона, настолько близко были друг к другу две враждебные эскадры, не подозревая об этом. На следующее утро Наполеон получил достоверную информацию об этой близости и приказал Брейесу немедленно держать курс на мыс Аза, расположенный примерно в двадцати пяти лье от Александрии. Эта предосторожность помешала Нельсону, который поспешил отплыть в Александрию.

Первого июля Наполеон наконец беспрепятственно добрался до места назначения, вершины александрийских минаретов возвещали, что его точка зрения достигнута. Когда он осматривал побережье, в тот самый момент, когда опасность, казалось, миновала, на краю горизонта появился странный парус. "Фортуна! - воскликнул он. - Я прошу еще всего шесть часов, неужели ты откажешь мне в них?" Судно оказалось не английским, а французским, и высадка возле сооружения, называемого башней Марабу, в трех лигах к востоку от Александрии, состоялась немедленно, несмотря на сильный шторм и мощный прибой. Египет тогда номинально был провинцией Порты и управлялся турецким пашой, который находился в мире с Францией.

Бонапарт не встретил сопротивления при высадке и к 3 часам ночи начал свой марш на Александрию с тремя дивизиями своей армии. У него не возникло особых трудностей при входе в Александрию, хотя он встретил сопротивление, а генерал Клебер, командовавший атакой, был ранен. Французы потеряли около двухсот человек.

Бонапарт потребовал от своих войск под страхом смертной казни соблюдения всех законов и религии страны, а к народу Египта он обратился с воззванием, в котором сказал: "Они скажут вам, что я пришел уничтожить вашу религию; не верьте им: я пришел восстановить ваши права, наказать узурпаторов, и я уважаю Бога, его Пророка и Коран больше, чем когда-либо мамелюки. * * * Трижды счастливы те, кто будет с нами! Горе тем, кто возьмется за оружие ради мамлюков!— они погибнут".

Наполеон считал мамлюков по отдельности лучшей кавалерией в мире. Они скакали на самых благородных лошадях Аравии и были вооружены лучшим оружием, какое только мог произвести мир: карабинами, пистолетами и т. Д. Из Англии и саблями из дамасской стали. Их мастерство верховой езды было равно их пламенной доблести. Бонапарт сказал, что с такой кавалерией и французской пехотой будет легко завоевать мир.

Сам Наполеон оставался несколько дней в Александрии и уехал 7 июля, оставив Клебера командовать, стремясь вынудить мамлюков к столкновению с наименьшей возможной задержкой. Генерал Десо был отправлен вперед, в Беду, с 4500 солдатами. Комиссия ученых мужей оставалась в Александрии до тех пор, пока Наполеон не достигнет Каира, за исключением Монжа и Бертолле, которые сопровождали командующего.

Марш по раскаленным пескам пустыни принес войскам крайние страдания; воздух был полон зловредных насекомых, от яркого песка у людей болели глаза, а воды было мало и она была плохой. Даже доблестные духом Мюрат и Ланн не смогли удержаться и в припадке ярости втоптали свои блестящие кокарды в песок в присутствии войск. Простые солдаты с сарказмом или сердитым ропотом спрашивали, не здесь ли генерал намеревался отдать им их "семь акров земли". "Негодяй, - говорили они, - он мог бы спокойно пообещать нам столько, сколько нам заблагорассудится; мы не должны злоупотреблять его добродушием". Они, однако, затаили обиду на Каффарелли, который, как они думали, посоветовал эту экспедицию, и обычно говорили, когда он ковылял мимо на своей деревянной ноге: "Ему все равно, что произойдет; он уверен, что по крайней мере одной ногой будет во Франции".

Один только Наполеон был выше всех этих зол. Однако требовалось нечто большее, чем его пример выносливости и общее влияние его твердого характера, чтобы удержать армию от открытого мятежа. "Однажды, - сказал он на острове Святой Елены, - я бросился к группе генералов и, обращаясь к самому высокому из них, яростно сказал: "Вы говорили о подстрекательстве к мятежу; берегитесь, чтобы я не выполнил свой долг; ваши пять футов десять дюймов не помешают вам быть расстрелянным в течение двух часов".

10 июля 1798 года армия достигла Нила в Рахманье: "Едва мы увидели реку, - пишет Савари в своих мемуарах, - как солдаты, офицеры и все остальные бросились в нее; каждый, независимо от того, была ли она достаточно мелкой, чтобы обезопасить себя от опасности, стремился только утолить свою жгучую жажду и наклонился, чтобы напиться из ручья, вся армия представляла собой стадо овец". "Мы расположились лагерем, - говорит Наполеон, - на огромном количестве пшеницы, но в округе не было ни мельницы, ни печи". Мужчины разминали зерно между камнями и запекали его в золе или сушили и варили.

Вскоре армия двинулась к Каиру, но солдаты не могли покинуть ряды ни на мгновение, не опасаясь неминуемой смерти от копий или ятаганов этих несравненных мамлюкских всадников; и поэтому, хотя они находились так близко от Нила, некоторые пали замертво от

жажды. Но беспокойство в их умах было их худшим злом. Они начали говорить, что Каира не было великим городом; что, по их мнению, он окажется всего лишь скоплением жалких хижин. В таком состоянии они подошли 13-го числа к мамелюкам в Чебрейсе. Они были выстроены в боевой порядок под командованием Мурад-бея, одного из их самых могущественных вождей, и представляли собой великолепную кавалерию, сверкающую золотом и серебром и восседавшую на великолепных лошадях.

Битва началась без малейших колебаний с обеих сторон. Каждый мамелюк, чувствуя в себе доблесть войска, устремлялся в единстве своей цели, как будто в одиночку против массы противника; и повторяющимися атаками старался, используя все средства необузданной ярости или непревзойденного мастерства, разбить сплошные каре французской армии. В конце концов они были отброшены, потеряв около трехсот человек.

После боя при Шебре французская армия продолжала наступать в течение восьми дней, не встречая сопротивления ни одного противника, за исключением маячивших арабов, которые подстерегали каждого отставшего от основной колонны. Порядок марша на Каир был систематизирован; каждая дивизия армии продвигалась вперед квадратами глубиной по шесть человек с каждой стороны; артиллерия располагалась по углам, а в центре все еще оставались боеприпасы, обоз и небольшой отряд кавалерии. Сам Наполеон, когда ездил верхом, всегда пользовался верблюдом, хотя поначалу он испытывал ощущение, напоминающее морскую болезнь, из-за его необычного движения. "Я никогда не проезжал пустыню, - сказал он некоторое время спустя, - не испытывая очень болезненных эмоций. В моих мыслях это был образ необъятности. Она не имела границ. У нее не было ни начала, ни конца. Это был океан для стопы человека".

19 июля глаза солдат обрадовались зрелищу величественных пирамид на горизонте. Продолжая продвигаться к Каиру, и отдаленные памятники поражали глаз на каждом шагу, армия достигла Эмбабе 21-го числа и обнаружила мамлюков в боевом порядке, оспаривая их дальнейшее продвижение.

В то время как все взоры были прикованы к этим седым памятникам прошлого, Наполеон увидел в свою подзорную трубу огромную армию беев, раскинувшуюся перед ним, правая часть которой располагалась в укрепленном траншеями лагере на берегу Нила, а центр и левая часть состояли из той блестящей кавалерии, с которой они были к тому времени знакомы. Наполеон также заметил то, что ускользнуло от внимания всего его штаба, а именно, что 40 орудий в укрепленном траншеями лагере противника были без лафетов и, следовательно, могли быть направлены только в одном направлении. Он мгновенно определился со своим планом атаки, готовясь перебросить свои силы слева, где не могло быть орудий. Мурад бей, командовавший мамлюками, разгадал замысел французского командующего, и его сторонники сразу же доблестно выступили навстречу.

"Солдаты, вам предстоит сразиться с правителями Египта", - сказал Наполеон, высоко подняв руки в воздух и построив свои войска в отдельные каре, чтобы встретить атаку. "с вершин вон тех пирамид на вас смотрят сорок веков". К этим внушительным и таинственным свидетелям не взывали напрасно, и великая битва сразу же началась у подножия древних и гигантских памятников: французы наступали на пяти больших площадях, а Наполеон возглавлял центральную площадь. В одно мгновение мамелюки бросились наутек с бешеной скоростью и громкими криками. Они бросились на линию штыков, поставили на них своих лошадей и,

наконец, обезумев от непоколебимости, которую они не могли поколебать, пустили в ход свои пистолеты и карабины в лицо французским войскам.

Первый маневр французской армии расстроил планы мамлюков; тем не менее они продолжали атаковать. Места мертвых и умирающих были немедленно заняты новыми воинами, которые пали в свою очередь. Они смело проникали даже между пространствами, занятыми каре, которыми командовали Ренье и Дезэ, так что отчаянные всадники были открыты непрерывному огню с обеих сторон дивизий на расстоянии пятидесяти шагов. Многие французы пали под огнем друг друга, сопротивляясь этому акту отчаяния.

Те, кто упал раненый со своих мест, ползали по песку и рубили ятаганами ноги своих врагов; но ничто не могло сдвинуть с места бесстрашных французов. Штыки и продолжающийся ружейный огонь постепенно редели вокруг них. Когда Бонапарт, наконец, двинулся со своими батальонами на основные силы и отделил одну часть от другой, мамлюки пришли в такое замешательство и ужас, что они бросили свои работы и сотнями бросались в Нил. Резня была чудовищной, тысячи людей остались истекать кровью на песках, и еще больше утонуло. У мамлюков был обычай носить свои сокровища с собой на теле, когда они шли в бой, и каждый павший делал французского солдата богачом на всю жизнь, так как все тела убитых были разграблены. В своем отчете о сражении Бонапарт сказал: "После большого количества сражений, в которых войскам, которыми я командую, противостояли превосходящие силы, я не могу не похвалить их дисциплину и хладнокровие в этом случае; поскольку этот новый вид ведения войны заставил их проявить терпение, странно контрастирующее с французской порывистостью. Если бы они дали волю своему пылу, они не одержали бы победы, которой можно было добиться только большим спокойствием и терпением. Кавалерия мамлюков проявила большую храбрость. Они защищали свою судьбу, ибо не было ни одного из них, у кого наши солдаты не нашли бы трех, четырех или пятисот золотых монет".

Савари, сражавшийся в дивизии Дезэ, которой пришлось выдержать первую атаку мамлюков, дал поразительное описание впечатления, произведенного их яростным натиском. "Хотя, - говорит он, - войска, находившиеся в Египте, давно привыкли к опасности, каждый присутствующий в битве при Пирамидах должен признать, если он искренен, что атака мамлюков была самой ужасной, и что в какой-то момент была причина опасаться, что они прорвутся через наши грозные каре, бросившись на них, как они и делали, с уверенностью, которая установила тишину в наших рядах, прерываемую только словом команды. Казалось, что мы неизбежно должны были быть в одно мгновение растоптаны ногами этой кавалерии мамлюков, которые все были верхом на великолепных конях, в богатых золотых и серебряных попонах, покрытые драпировками всех цветов радуги и развевающимися шарфами, и которые неслись на нас во весь опор, оглашая воздух своими криками. Весь характер этого впечатляющего зрелища наполнил сердца наших солдат ощущениями, которые им до сих пор были чужды, и сделал их живо внимательными к слову команды. Приказ открыть огонь был выполнен с быстротой и точностью, намного превосходящими те, что демонстрируются на учениях или на параде".

Более пятидесяти орудий и четыреста навьюченных верблюдов стали добычей завоевателей.

Мурад и остатки 2000 его мамлюков отступили в Верхний Египет. Это было все, что уцелело из несравненного отряда людей, которые в таком великолепном составе всего несколько часов

назад презрительно бросили вызов европейским захватчикам. Каир сдался; Нижний Египет был полностью завоёван. Таковы были непосредственные последствия "Битвы при пирамидах".

Многие из разношерстного сброда пехотинцев достигли Каира раньше французов и там распространяли реалистичные рассказы об ужасающей мощи Наполеона и его армии.

Имя Бонапарта теперь сеяло панику по Востоку, и победитель считался непобедимым. Местные жители прозвали его "Королем Огня" из-за смертоносного эффекта мушкетной стрельбы в битве у Пирамид, которая решила исход завоёвания страны. К самому раннему рассвету победитель приготовился вступить во владение завоёванным им объектом, но был избавлен от всех трудностей благодаря его безоговорочной капитуляции. Депутация шиитов и знатных жителей встретила его в его штаб-квартире в загородном доме Мурад-бея, чтобы умолять его о помиловании и подчиниться его власти. Он принял их с величайшей добротой и сообщил им о своих дружеских намерениях по отношению к ним и о том, что его враждебность полностью распространяется на мамлюков.

Каир и его цитадель были немедленно заняты французскими войсками, и 24 июля Наполеон при большом стечении народа публично въехал в столицу.

Ученые, сопровождавшие Бонапарта в экспедиции, не теряя времени, воспользовались представившимися возможностями и сразу же начали рыться в памятниках древности и основали коллекции, которые высоко оценили их усердие и мастерство. Сам Наполеон в сопровождении многих офицеров своего штаба посетил внутреннюю часть Великой пирамиды Хеопса в присутствии многих муфтиев и иманов и, войдя в тайную комнату, в которой три тысячи лет назад был похоронен какой-то фараон, еще раз повторил свое исповедание веры: "Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет - его Пророк". Сопровождавшие его ученые выходцы с Востока ответили с саркастической торжественностью: "Ты говорил, как самый ученый из пророков; но Бог милостив".

Через десять дней после сражения у пирамид Нельсон, прочесавший Средиземное море в поисках Наполеона, обнаружил французский флот под командованием адмирала Брюйеса, стоявший на якоре в бухте Абукир. Последовала потрясающая помолвка, длившаяся двадцать четыре часа, включая целую ночь. Одинокая пауза наступила в полночь, когда французский корабль *Orient*, превосходное судно со 120 пушками, загорелся и взорвался в самом центре конфликтующих эскадр, причем взрыв на мгновение заставил ярость замолчать в благоговейном страхе. Сам адмирал Брюйес погиб. На следующее утро два разбитых корабля из всего французского флота с трудом выбрались в море. Остальная часть великолепного флота была полностью уничтожена или осталась в руках англичан, которые с тех пор назвали это сражение "Битвой на Ниле".

Корабли были выстроены в полукруглую плотную боевую линию так близко к берегу, что Брюйес полагал, что между ними и сушей пробраться невозможно; но его отважный враг, хорошо знавший все окрестности, вскоре убедил его в ошибке. Авангард английского флота, числом шесть человек, успешно обогнул линию французов, бросив якорь между ней и берегом, и открыл огонь, в то время как Нельсон с другими своими кораблями выстроился вдоль нее с внешней стороны и таким образом поставил французский флот между двумя огромными пожарами. Адмирал Брюйес был ранен в начале боя, но продолжал командовать с предельной энергией. Когда он был смертельно ранен, он не позволил отнести себя вниз. "Французский

адмирал должен умереть на своей шканцах", - ответил он на мольбы своего друга Гантеума, сменившего его.

Когда Наполеон возвращался из Салахии в Каир, где преследовал вождя мамлюков Ибрагим-бея и разбил его, его встретил гонец с сообщением об уничтожении французского флота Нельсоном на дорогах Абукира. Это был ужасный удар для Наполеона, который, таким образом, был отрезан от всех сношений с Францией; его солдаты были, таким образом, полностью изолированы, за сотни миль от дома, и вынуждены полагаться на собственное оружие и ресурсы Египта. Он так беспокоился о флоте, что дважды писал адмиралу Брейесу, чтобы тот повторил приказ войти в Александрийскую гавань или плыть на Корфу; он также, прежде чем покинуть Каир, отправил Жюльена, своего адъютанта, привести в исполнение приказ; но этот несчастный офицер был окружен и убит вместе со своим эскортом в деревне на Ниле, где он высадился за провизией.

С гравюры Гюстава Леви

Бонапарт как главнокомандующий итальянской армией

У Наполеона вырвался одинокий вздох, когда он услышал эту новость. "Французской армии, - сказал он, - судьба даровала сухопутную империю, Англии — владычество на морях". Несколько лет спустя, узнав о результатах ужасного морского сражения при Трафальгаре, в котором Нельсон снова одержал победу, но которое стоило ему жизни, Наполеон повторил это замечание, добавив: "Ну, я не могу быть везде". Моряки, высадившиеся в Александрии, теперь были сформированы в бригаду морской пехоты и стали ценным дополнением к армии. Очень скоро после этого Порта объявила войну Франции.

В настоящее время в Каире и Александрии под руководством Бонапарта были начаты различного рода общественные работы, и многие из них продолжают по сей день. Во всех кругах сохранялась высочайшая дисциплина, и Наполеон приложил всю энергию своей натуры, чтобы увеличить оставшиеся у него ресурсы, а также сохранить и организовать Египет как французскую провинцию. "На каждом этапе своего наступления, - говорит Савари, - генерал Бонапарт быстро предвидел все, что нужно было сделать, чтобы сделать доступными ресурсы самой плодородной страны в мире и найти им подходящее применение". Его разум так быстро пришел в норму, что 21 августа (всего через неделю после того, как он узнал об уничтожении своего флота в Абукире) он основал в Каире Институт, в точности повторяющий модель этого ученого общества во Франции. Монж был президентом, сам Наполеон - вице-президентом.

21 октября в Каире произошло ужасное восстание, но вскоре оно было подавлено французскими войсками после ожесточенной борьбы, в ходе которой погибло много солдат. Наполеон был в самой гуще конфликта верхом на лошади в центре тридцати проводников и вскоре восстановил доверие среди своих солдат. Спокойствие было восстановлено через три дня, после чего многие лидеры были казнены. Остальные были помилованы.

Теперь Наполеон приступил к исследованию Суэцкого перешейка, где узкая полоска суши отделяет Красное море от Средиземного. Он посетил монахов-маронитов на горе Синай и, как это сделал до него Мухаммед, вписал свое имя в их хартию привилегий; он осмотрел также источники Моисея, а 28 декабря 1798 года едва не расстался с жизнью, исследуя во время отлива пески Красного моря, где, как предполагается, фараон погиб, преследуя евреев. "Ночь настигла нас, - рассказывает Савари, - вода вокруг нас начала подниматься; стражник заранее воскликнул, что их лошади плывут. Бонапарт спас нас всех одним из тех простых средств, которые приходят в голову невозмутимому уму. Встав в центр, он приказал всем остальным окружить его, а затем выехать верхом, каждому в отдельном направлении, и каждому остановиться, как только он обнаружит, что его лошадь плывет. Человек, чья лошадь продолжала идти последней, был уверен, по его словам, что идет в правильном направлении; соответственно, мы все последовали за ним и благополучно достигли Суэца в два часа ночи, хотя прилив был таким быстрым, что вода доходила до нагрудников наших лошадей еще до того, как мы достигли берега". Говоря об этом чудом избежавшем участи фараона, Наполеон заметил Лас Касасу: "Это дало бы всем проповедникам христианского мира великолепный текст против меня".

По возвращении в Каир Бонапарт отправил надежного гонца в Индию, пригласив Типпу Саиба сообщить ему о состоянии английской армии на этом участке и заявив, что Египет был лишь первым портом в походе, которому суждено превзойти поход Александра. По словам его секретаря, "он проводил целые дни, лежа плашмя на земле, растянутой на картах Азии".

После того, как в Каире прошел остаток года, командующий объявил, что настало время действовать. Оставив 15 000 человек в Каире и его окрестностях, дивизию Дезэ в Верхнем Египте и гарнизоны в главных городах, Бонапарт 11 февраля 1799 года выступил в Сирию во главе 10 000 отборных солдат с намерением сокрушить турецкие войска в этом квартале до того, как их главные силы, которые, как он узнал, собирались на Родосе, успеют добраться до Египта морем.

Враждебность Порты, которая, конечно, поощрялась и которой помогала Англия, подразумевала надвигающуюся опасность по двум причинам— приближение турецкой армии через Сирию и высадку другой на побережье Средиземного моря под защитой британских кораблей. Поэтому необходимость предотвратить их планы экспедицией в Сирию была очевидна. В январе 1799 года были собраны две турецкие армии: одна на Родосе, другая в Сирии. Первая должна была высадиться на побережье Египта в Абукире, вторая уже выдвинула свой авангард к Эль-Аришу, форту на египетской территории, установила большие склады в Газе и высадила в Яффо артиллерийский эшелон из сорока орудий.

Пересекши пустыню шириной семьдесят пять лье, отделяющую Египет от Сирии, с примерно двенадцатью тысячами человек, один полк которых был верхом на верблюдах, Наполеон 17 февраля после энергичного штурма овладел крепостью Эль-Ариш. Марш был совершен быстро и в хорошем порядке. Приняв решение о немедленном походе в Сирию, он не стал ждать, пока на него нападут с обеих сторон одновременно; но, согласно своему обычаю, решил продвигаться вперед и сталкиваться с одной дивизией своих врагов за раз. Он направил два письма сирийскому паше, прозванному Джеззаром, или "Мясником", за его ужасную жестокость, предлагая ему дружбу и союз, но паша хранил презрительное молчание относительно первого сообщения и ответил на второе в своей любимой манере — схватил гонца и отрубил ему голову. Следовательно, с Джеззаром ничего не оставалось делать, кроме как сражаться с ним вместе с такими генералами, как Клебер, Бессьер, Каффарелли, Мюрат, Ланн, Жюно и Бертье.

Продолжая свой марш, Наполеон взял Газу, древний город филистимлян, без серьезного сопротивления, хотя три или четыре тысячи всадников Джеззара были выставлены им навстречу. В Яффе, Иоппии Священного Писания, мусульмане 6 марта предприняли решительную оборону, но в конце концов стены были взяты штурмом. Три тысячи турок погибли с оружием в руках, защищая город, и город был оставлен на три часа для более жестокого грабежа, чем когда-либо прежде допускал Наполеон. За этим последовала резня сотен варваров, которых вывели из Яффы на некотором расстоянии от города в центре батальона под командованием генерала Бона, разделили на небольшие группы и расстреляли или закололи штыками до одного человека. Как истинные фаталисты, они молча подчинились, и их тела были собраны в пирамиду, где в течение полувека их кости все еще были видны в белеющем песке.

Наполеон, признавая, что этот поступок был одним из самых темных пятен на его имени, которое ему приходилось признавать, все же оправдывал себя двойной ссылкой на то, что он не мог позволить солдатам охранять такое количество заключенных — по разным оценкам, от 1200 до 3000 — и что он не мог предоставить им право досрочного освобождения, потому что это были те самые люди, которых он уже освободил на таких условиях в Эль-Арише после того, как они дали слово не служить против него в течение года. "Теперь, - сказал Наполеон на острове Святой Елены, - если бы я снова пощадил их и отправил под честное слово, они бы сразу отправились в Сен-Жан д'Акр, где снова сыграли бы со мной ту же шутку, что и в Яффо. Из уважения к жизням моих солдат, поскольку каждый генерал должен считать себя их отцом, а их - своими детьми, я не мог этого допустить. Оставить в качестве охраны часть моей армии, и без того малочисленную, из-за предательства этих негодяев, было невозможно. Поэтому я * * *

приказал выделить заключенных и расстрелять. * * "Я бы сделал то же самое завтра, и любой генерал, командующий армией, поступил бы так же при таких обстоятельствах".

Теперь Наполеон убедился, что сирийский паша находится в Сен-Жан-д'Акре, столь известном в истории крестовых походов, и решил защищать это место до конца силами, которые уже были собраны для вторжения в Египет. Сэр Сидней Смит с двумя военными кораблями крейсировал перед портом, и гарнизону помогали европейские ученые.

Французская армия двинулась на Акко, жаждая реванша, в то время как необходимое для осады оборудование было приказано отправить морем из Александрии. Джеббар сообщил сэру Сиднею Смиту о приближающейся буре и поспешил поддержать его в обороне Акко. Суда Наполеона, перевозившие оружие и припасы из Египта, попали в его руки, и он появился у города за два дня до того, как в поле зрения появилась французская армия. Ему было разрешено регулировать план обороны, направив против Наполеона собственные пушки со стен.

Наполеон начал осаду 18 марта и сразу же по прибытии открыл свои окопы. "От этого маленького городка, - сказал он одному из своих генералов, когда они стояли вместе на возвышении, - от того маленького городка зависит судьба Востока: вот ключ от Константинополя или от Индии". "В тот момент, когда падет Акко, - сказал он примерно в то же время Бурьену, - все друзья Горного Ливана присоединятся ко мне; сирийцы, уставшие от притеснений Джеббара, встанут под мои знамена; я пойду на Константинополь с армией, которой турки не смогут оказать эффективного сопротивления, и не исключено, что я вернусь во Францию путем Адрианополя и Вены, уничтожив по пути австрийский дом".

В течение десяти дней французы упорно трудились в своих траншеях, подвергаясь обстрелу обширных батарей, сформированных в основном из собственной артиллерии Бонапарта. Однако 28 марта брешь, наконец, была прорвана, и французы двинулись в атаку с таким яростным рвением, что гарнизон отступил. Вскоре после этого на зубчатых стенах появился сам Джеббар и, направив пистолеты во главе своих бегущих людей, призвал их возобновить оборону, что они в конце концов и сделали, заставив французов отступить с большими потерями.

Тем временем Жюно выступил со своей дивизией навстречу большой мусульманской армии, собравшейся в горах Самарии, и готовился к наступлению на Акко, Наполеон был вынужден следовать за ним в Назарет, где он был спасен 8 апреля. Здесь, как обычно, великолепная кавалерия восточных войск не смогла устоять перед плотными каре и хорошо направленным ружейным огнем французов. Генерал Клебер с другой дивизией был подобным же образом спасен главнокомандующим у горы Табор 15 апреля, после того как первый сражался с ужасающими силами противника с шести утра до часу дня.

Теперь Наполеон вернулся к осаде Акко со всей возможной быстротой, день за днем предпринимая отчаянные атаки, теряя многих своих лучших солдат. Привыкший к легким победам, которых он добивался в каждом столкновении с турецкими войсками в Сирии, он не был готов ожидать решительного сопротивления, из-за которого его продвижение теперь было

остановлено. Акко окружен стеной с башнями по бокам, и дополнительно был защищен широким и глубоким рвом с мощными укреплениями. В какой-то момент французам удалось ворваться в большую башню и на некоторое время закрепиться в одной из ее частей, несмотря на все сопротивление; но в конце концов они были выбиты; каждое преимущество заканчивалось само собой, и никакого прогресса в овладении этим местом достигнуто не было. В другой раз в стене в отдаленной части города был сделан пролом, и французский отряд вошел в Акко сразу после открытия. Затем Джеззар бросил на них такую толпу турок, что была утрачена всякая дисциплина и почти каждый французский солдат встретил смерть. Храбрый Ланн, возглавлявший отряд, был с трудом спасен после того, как был тяжело ранен.

Во время этой осады Наполеон послал офицера с приказом на наиболее уязвимую позицию; он был убит. Он послал другого, который тоже был убит; и так было с третьим. Приказ был императивным, и с Бонапартом было всего два помощника, Эжен Богарне и Лавалетт. Он сделал последнему знак подойти и сказал ему тихо, так, чтобы Эжен не мог слышать: "Примите этот приказ, Лавалетт, я не хочу посылать этого мальчика и убивать его таким молодым; его мать (Жозефина) доверила его мне. Ты знаешь, что такое жизнь. Иди! Помощник вернулся целым и невредимым.

В другой раз во время осады осколок снаряда попал Евгению в голову: он упал и долго лежал под развалинами стены, которую повалил снаряд. Бонапарт подумал, что его убили, и издал крик горя. Однако юноша был всего лишь ранен и по истечении девятнадцати дней попросил разрешения вернуться на свой пост, чтобы принять участие в других штурмах, которые, как и первый, провалились, несмотря на упрямство Бонапарта. "Эта проклятая дыра, - сказал он, - стоила мне уймы времени и множества людей, но дело зашло слишком далеко; я должен предпринять последнюю атаку".

Пример восторженной привязанности, которую Наполеон был способен внушить, произошел во время этой памятной осады. Однажды, когда командир находился в окопах, снаряд, брошенный сэрмом Сиднеем Смитом, упал к его ногам. Два гренадера немедленно бросились к нему, поместили его между собой и подняли руки над его головой так, чтобы полностью прикрыть каждую часть его тела. Снаряд разорвался, не ранив ни одного члена группы, хотя они были засыпаны песком. Оба этих гренадера были немедленно произведены в офицеры; одним из них, впоследствии, был генерал Дюмениль, о котором так много говорили в 1814 году за его решительную защиту Венсенна от русских. Он потерял ногу во время похода на Москву; и на призыв сдаться он ответил: "Верните мне мою ногу, и я сдам крепость!" Судьба его героического товарища не зафиксирована.

Осада продолжалась уже шестьдесят дней. 8 мая Наполеон снова командовал штурмом, и его офицеры и солдаты повиновались ему с преданной, но бесплодной храбростью. "Этот Сидни Смит, - сказал он позже, - заставил меня упустить свое состояние". Потери, понесенные его армией к этому времени, были очень велики, и сердца всех солдат быстро падали.

Среди офицеров и рядовых, павших в это памятное 8 мая, был Круазье, адъютант, навлекший на себя неудовольствие командующего в Яффо. Наполеон однажды уже был сильно разгневан на него за какое-то кажущееся пренебрежение в Каире, и у него вырвалось слово "трус". Чувства Круазье, тогда глубоко взволнованного, стали невыносимыми после событий в Яффо, и он искал

смерти при каждой возможности. В этот день Наполеон заметил высокую фигуру своего несчастного адъютанта, стоявшего на батарее, подвергшейся самому плотному обстрелу противника, и громко и повелительно крикнул: "Круазье, спускайся! тебе там нечего делать. Круазье не ответил и не пошевелился; в следующее мгновение он получил смертельную рану.

Турецкий флот теперь прибыл на подкрепление Джеззару, и после полного провала атаки 21 мая, одиннадцатой попытки овладеть городом штурмом, Наполеон уступил суровой необходимости, снял осаду и начал отступление к Яффе. Покидая это последнее место примерно шесть дней спустя, было обнаружено, что несколько больных чумой в госпиталях находятся в состоянии, не оставляющем надежды на выздоровление, и командир, не желая оставлять их на растерзание жестоким обычаям турок, предложил, чтобы кто-нибудь из медицинского персонала дал им опиум, чтобы ускорить смерть.

Различные рассказы об этом инциденте никоим образом не согласуются в деталях. Бонапарт отрицал, что на острове Святой Елены ему давали опиум, но сказал, что пациенты, которых было семеро, были брошены. Он также заявил, что, если бы среди них был его собственный сын, он посоветовал бы сделать это, а не оставлять их страдать от пыток турок. Сэр Сидни Смит нашел семерых живых в госпиталях, когда приехал. Для их защиты был оставлен арьергард, и они, вероятно, ускакали до того, как англичане вошли в город. Буррьен, который в то время исполнял обязанности секретаря Наполеона, дает другое объяснение, в то время как другие утверждают, что таким образом было уничтожено 500 человек. Реальные факты, вероятно, никогда не будут известны, хотя и Хэзлитт, и сэр Вальтер Скотт снимают с Наполеона всю вину после тщательного расследования всех фактов. То, что мотивы Бонапарта были благими, обычно признают его враги, поскольку он, по-видимому, намеревался, сокращая жизни этих людей, оказать им наилучшую услугу, которая была в его силах.

Марш-бросок был продолжающейся сценой страданий; раненых и больных было много, жара была невыносимой, а бремя почти невыносимым. Удрученный видом стольких страданий, Наполеон издал приказ, согласно которому все лошади, мулы и верблюды должны быть переданы больным, раненым и зараженным. Вскоре после этого один из его слуг подошел спросить, какую лошадь он хотел бы оставить для себя. "Негодяй! - закричал командир. - Ты что, не знаешь приказа? Пусть все маршируют пешком — я первый! Убирайтесь!" Соответственно, всю оставшуюся часть марша он шел рядом с больными, вселяя в них надежду на выздоровление и являя всем солдатам пример стойкости и сострадания одновременно. Как и в Италии, Наполеон всегда разделял лишения и усталость армии, и иногда их крайности были настолько велики, что войска были вынуждены бороться друг с другом за малейшие удобства. Однажды в пустыне солдаты едва позволили своему генералу окунуть руки в грязную лужу с водой; и когда он проходил мимо руин Пелузия, почти задохавшегося от жары, солдат уступил ему развалины древнего дверного проема, под которыми он ухитрился на несколько минут прикрыть голову, и что, по словам Наполеона, "было немалой услугой".

На марше между Кесарией и Яффой Наполеон чудом избежал смерти. Многие из солдат к этому времени вернули себе лошадей из-за постоянной гибели несчастных существ, которые были на них верхом. Командир был настолько измучен, что заснул прямо на лошади. Незадолго до рассвета местный житель, спрятавшийся в кустах у обочины, прицелился ему в голову и выстрелил. Пуля промахнулась: мужчину преследовали, поймали и приказали немедленно застрелить. Четверо проводников нажали на спусковые крючки, но все их карабины не

стреляли из-за чрезвычайной влажности ночи. Сириец прыгнул в море, которое находилось недалеко от дороги; подплыл к выступу скалы, взобрался на него и стоял там, неустрашимый и нетронутый выстрелами всего отряда, которые стреляли в него, как им заблагорассудится. Наполеон оставил Бурьенна позади, чтобы дожидаться Клебера, который формировал арьергард, и приказать ему "не забывать о наплузянине". Нет уверенности, что в конце концов его застрелили.

По возвращении в Каир 14 июня 1799 года, после двадцатипятидневного похода, Наполеон снова обосновался в своей прежней штаб-квартире; но он недолго занимался созданием нового правительства Египта, который тогда находился в состоянии совершенного спокойствия, когда до него дошло известие о возможном восстании в Александрии. Поэтому командир решил немедленно отправиться туда. Он прибыл 24 июля и обнаружил, что его армия разместилась в окрестностях Абукира, готовая отразить нападение турок, которые появились у Абукира под защитой двух британских кораблей под командованием сэра Сиднея Смита на следующее утро. Обозревая их укрепленный лагерь с высоты, командующий сказал Мюрату: "Как бы там ни было, завтрашняя битва решит судьбу мира". "По крайней мере, в этой армии, - ответил Мюрат, - но у турок нет кавалерии, и если когда-либо пехота была атакована до зубов конницей, то это будет сделано моей", - обещание, которое храбрый командир кавалерии выполнил.

На следующее утро турецкие аванпосты были атакованы, и враг был отброшен с большой резней. Отступление могло бы закончиться разгромом, если бы не рвение врага, который занимался избиением и калечением тех, кто пал перед ним. Это дало Мюрату возможность атаковать основные силы, которые были выстроены в боевом порядке на поле боя, во фланг своей кавалерии. С этого момента сражение превратилось уже не в битву, а в резню. Французская пехота, под бдительным оком Наполеона, пробила проход к укреплениям и, атаковав турок со всех сторон, вынудила их броситься очертя голову в волны, вместо того чтобы дожидаться ярости французской кавалерии и непрерывного огня артиллерии. Сначала море казалось буквально покрытым тюрбанами. Только когда они устали от резни, четвертование было предоставлено примерно 6000 человекам — остальная часть турецкой армии, насчитывавшая 18 000 человек, погибла на поле боя или в море. Шесть тысяч были взяты в плен.

Поражение турок при Абукире привело французских солдат в Каире в крайний восторг; Мюрат был произведен в чин дивизионного генерала, а Наполеон приказал выгравировать его имя и имя Руаза, а также номера кавалерийских полков, участвовавших в битве, на обломках медных пушек. Мустафа-паша, главнокомандующий турками, когда его привели к победителю, был встречен такими словами: "Вам было суждено проиграть этот день, но я позабочусь о том, чтобы сообщить султану о мужестве, с которым вы боролись".

"Избавь себя от этого беспокойства, - ответил гордый паша, - мой господин знает меня лучше, чем ты". Вечером после битвы генерал Клебер обнял Бонапарта и сказал ему: "Генерал, вы велики, как мир!" "Свыше не предначертано, что я должен погибнуть от рук арабов", - ответил Наполеон.

Эта блестящая и самая решающая победа при Абукире завершила карьеру Бонапарта на Востоке. Прежде чем он отважился бы оставить командование армией, было действительно необходимо, чтобы он имел в своем активе подобную славу после отступления из Сирии. Это сохранило его авторитет в глазах общественности и позволило ему заявить, что на время он

покинул Египет в абсолютной безопасности. После сражения Наполеон послал сэру Сиднею Смиту флаг перемирия, и между англичанами и французами начался обмен любезностями. Это обстоятельство, незначительное само по себе, привело к важным последствиям. Среди прочего, копия французского журнала, датированная 10 июня 1799 года, была отправлена на берег сэром Сиднеем Смитом. Никаких новостей из Франции не поступало в Египет в течение десяти месяцев. Наполеон с готовностью схватил бумагу, и ее содержание подтвердило его худшие опасения; некоторое время назад, находясь в Акко, он сказал, что, как он опасается, Франция в беде. Развернув газету, он воскликнул: "Боже мой! Мои предчувствия оправдались; эти идиоты потеряли Италию! Все плоды наших побед пропали! Я должен покинуть Египет". Затем он провел всю ночь в своей палатке, читая подшивку английских газет, которыми его снабдили. От них он узнал о победах Суворова над французами в Италии и о катастрофическом внутреннем состоянии Франции. Утром адмирал Гантеом получил срочный приказ подготовить два фрегата *Muiron* и *Carrère* и два корвета к выходу в море с соблюдением строжайшей секретности и оперативности, снабдив их провизией на два месяца для пятисот человек.

Наполеон вернулся в Каир 9 августа, но только для того, чтобы сделать некоторые прощальные приготовления относительно управления тамошними делами, поскольку он решил передать Египет в другие руки и сразу же отправился во Францию. Он снова добрался до Александрии, и там его встретили те, кого он решил сопровождать в обратном путешествии. Он отобрал Бертье, Ланна, Мюрата, Мармона и Андреосси с пятью сотнями отборных людей для сопровождения его: они вместе с Монжем и Деноном без промедления отправились из Александрии. 18-го курьер из Гантеума привез информацию, что сэр Сидней Смит покинул побережье, чтобы набрать воды на Кипре. Это был сигнал к немедленному отъезду Наполеона.

Утром 23 августа 1799 года Бонапарт и его избранные последователи сели в Розетте на два фрегата и два судна поменьше, которые были спасены в гавани Александрии. Недостаток воды и авария на одном из английских кораблей вынудили противника снять блокаду и тем самым способствовали его отходу. В письме Дивану, извещавшем о своем отъезде, он сказал: "Почаще напоминайте мидьянам о моей любви к ним. Объясни им, что у меня есть два великих средства управлять людьми — убеждение и сила; с помощью первого я приобретаю друзей, а с помощью другого уничтожаю своих врагов".

Теперь Наполеон назначил генерала Клебера командующим египетской армией, который сообщил своему преемнику о причинах своего отъезда во Францию и о своем намерении отправить рекрутов и боеприпасы как можно скорее. Он сказал Клеберу: "Армия, которую я доверяю вам, состоит из моих детей; во все времена, даже среди величайших страданий, я получал знак их привязанности; поддерживайте в них эти чувства. Вы обязаны этим особому уважению и истинной привязанности, которые я испытываю к вам".

Едва французские фрегаты скрылись из виду, как их заметил английский корвет, и это обстоятельство показалось дурным предзнаменованием. Бонапарт заверил своих спутников своими обычными намеками на свою собственную "судьбу", которая, как он заявил, защитит его как на море, так и на суше. "Мы прибудем невредимыми, — сказал он, — потому что ты никогда не покинет нас - мы прибудем невредимыми, несмотря на врага".

Наполеон не возлагал никакой ответственности на адмирала, которому приписывались различные маневры: "Как будто, - говорит Буррьен, - кто-то мог командовать в присутствии Бонапарта!"

По прямому указанию Наполеона эскадра, вместо того чтобы следовать обычным курсом, держалась вблизи африканского побережья в направлении южной оконечности Сардинии; его намерением было взять курс на север вдоль северного побережья этого острова. Он твердо решил, что, если появится английский флот, он сойдет на берег; с небольшой армией под своим командованием доберется до Орина, Туниса или какого-нибудь другого порта; а оттуда найдет другую возможность добраться до Франции.

Все путешествие было сопряжено с постоянными опасностями, поскольку Средиземное море во всех направлениях пересекали английские военные корабли. В течение двадцати одного дня неблагоприятные ветры, дувшие с запада или северо-запада, постоянно гнали эскадру к сирийскому побережью или обратно в Александрию. Однажды было предложено, чтобы они снова зашли в этот порт, но Наполеон и слышать об этом не захотел, заявив, что он выдержит любую опасность. 30 сентября он добрался до Аяччо и был с энтузиазмом встречен на месте своего рождения; но, по его собственному выражению, "шел дождь двоюродных братьев", и он был утомлен просьбами. "Что со мной будет, - сказал он, - если англичане, которые курсируют поблизости, узнают, что я высадился на Корсике? Я буду вынужден остаться здесь. Этого я никогда не смог бы вынести. На меня изливается поток родственников". "Его блестящая репутация, - говорит Бурьен, - необычайно расширила его семейные связи, и, судя по огромному количеству его мнимых крестников, можно было подумать, что он держал в купели для крещения четвертую часть детей Аяччо". Именно во время своего пребывания на Корсике Наполеон впервые услышал о поражении французской армии в битве при Нови и о смерти Жубера. "Если бы не этот проклятый карантин, - воскликнул он, - я бы поспешил на берег и встал во главе Итальянской армии. Еще не все кончено, и я уверен, что нет ни одного генерала, который отказал бы мне в командовании. Весть о одержанной мной победе достигла бы Парижа сразу же после битвы при Абукире; это, действительно, было бы превосходно!"

Битва при пирамидах

7 октября плавание, наконец, возобновилось, ветер снова стал благоприятным, и утром 9-го, чудом избежав нападения англичан, он благополучно пришвартовался в бухте Фрежюс.

Рассказ, который он привел о победе при Абукире, подлил масла в огонь всеобщего энтузиазма, и возвращение Наполеона в Париж выглядело как триумфальное шествие. Приветственным крикам, которыми его приветствовали, вторило все население Франции. Он вернулся из Египта "завоевателем", хотя и почти в одиночестве; однако Провидение устроило

так, что в этом, казалось бы, покинутом состоянии он стал орудием более поразительных перемен, чем когда-либо прежде могли произвести на цивилизованный мир величайшие усилия величайших завоевателей. Наполеон считался поборником свободы, а также успешным военачальником; и ни одно из его действий или высказанных мнений до сих пор не противоречило такой оценке его принципов.

Кампания в Египте принесла мало пользы Франции, но для Наполеона она была чрезвычайно полезна. Из адъютантов, которых он взял с собой, там погибли четверо: Круазье, Сулковский, Гибер и Джулиан; двое, Дюрок и Эжен Богарне, были ранены; только Лавалетт и Мерлен вернулись целыми и невредимыми. Бонапарт с величайшим уважением относился к сыну Жозефины Евгению. Он был храбрым и мужественным, и, хотя ему было семнадцать лет, вскоре завоевал прочную привязанность Бонапарта. Если предстояла опасная обязанность — отправиться в пустыню на разведку банд арабов или мамлюков, Юджин всегда первым вызывался добровольцем. Однажды, когда он спешил вперед со своим обычным рвением, Бонапарт отозвал его назад, сказав: "Молодой человек, помните, что в нашем деле мы никогда не должны *искать* опасности; мы должны довольствоваться выполнением своего долга, делать это хорошо, а остальное предоставить Богу!"

В столице французский народ встретил Наполеона со всеми проявлениями радости, которые теперь смотрели на него как на своего освободителя. Казалось, все партии устали от Директории и требовали решительного вмешательства непревзойденного солдата. По возвращении он был очень удивлен, узнав о реальном состоянии Франции, и эmissару Барраса сказал с некоторым чувством: "Что вы сделали с той землей Франции, которую я оставил на ваше попечение в таком великолепном состоянии? Я завещал вам мир, а по возвращении обнаружил войну. Я оставил вам память о победах, а теперь я вернулся, чтобы столкнуться с поражениями. Я оставил вам миллионы, которые собрал в Италии, и сегодня я повсюду не вижу ничего, кроме законов, разоряющих людей, вкуче с бедствиями. Что вы сделали со ста тысячами французских граждан, моих товарищей по славе, всех, кого я знал? Вы послали их на смерть. Такое положение вещей не может продолжаться долго, ибо оно привело бы нас к деспотизму, а мы требуем свободы, основанной на равенстве". Директория предложила ему на выбор любую армию, которой он будет командовать. Он не отказался, но сослался на необходимость короткого перерыва для восстановления своего здоровья и быстро покинул конференцию, чтобы избежать впредь подобных неловких предложений. Очевидно, к этому времени у него было очень ясное представление о предстоящем ему пути, и он решил поставить себя в условия, при которых можно было бы назначать высокие должности и командовать, вместо того чтобы принимать их.

Впоследствии, разговаривая с мадам де Ремюза об этом периоде своей карьеры, Наполеон сказал: "Директория не испытала беспокойства по поводу моего возвращения; я был предельно настороже, и никогда в жизни я не проявлял большего мастерства. Все попадались в мои ловушки, и когда я стал главой государства, во Франции не было ни одной партии, которая не возлагала бы свои надежды на мой успех".

IV

ПЕРЕХОД Через АЛЬПЫ И БИТВА При МАРЕНГО

Ко времени возвращения Наполеона из египетской экспедиции законодательные органы Парижа были разделены на две партии: умеренных во главе с Сийесом и демократов во главе с Баррасом. Сочтя невозможным сохранять нейтралитет, Бонапарт встал на сторону первого. Люсьен, его брат, только что был избран президентом Совета Пятисот; тонкий и способный Талейран и опытный Сийес были его доверенными лицами, и он решил свергнуть слабоумное правительство и взять бразды правления в свои руки. Он соизмерил свои силы, определил свою цель, и, поскольку Франция нуждалась в более энергичном и обновленном правительстве, теперь он спокойно приступил к ее осуществлению.

Во время его отсутствия в Египте Франция имела основания сожалеть об утрате его военного гения и приветствовала его возвращение восторженными возгласами. Едва о намерениях Наполеона заподозрили, как его окружили все те, кто был недоволен установившимся правительством и кто нашел в нем такого лидера, которого они долго и тщетно искали.

Вскоре он начал переговоры с Сийесом, который имел большинство в Совете старейшин, и не успел убедить его в том, что проект свержения Директорского правительства был его целью, как на него стали смотреть как на инструмент, призванный дать Франции ту "систематическую" конституцию, которую он так долго обдумывал и к которой стремился. Таким образом, попытки Наполеона были сердечно встречены, и Сийес направил всю тяжесть своего влияния на надвигающуюся революцию. К числу его приверженцев также присоединились два человека, чьи имена с тех пор были известны всей Европе: Талейран, недавно смещенный с должности в министерстве, и Фуше, министр полиции. Таланты обоих активно использовались на службе и материально способствовали его успеху. Он не верил в Фуше и использовал его, не оказывая ему доверия. Люсьен Бонапарт занимал важный пост председателя Совета пятисот; обстоятельство, весьма выгодное для его брата на данном этапе. Именно там будет оказано наибольшее сопротивление любой попытке, враждебной Конституции Третьего года.

Большая часть армии, несомненно, была на стороне Наполеона. Теперь его дом стал пристанищем всех генералов и выдающихся людей, которые служили под его началом в его кампаниях в Италии и Египте, и только Бернадот стоял в стороне.

6 ноября 1799 года состоялась встреча между Наполеоном и Сийесом, на которой было окончательно решено, что попытка революции должна быть предпринята 9 числа. Эта дата, получившая в истории того периода название 18 Брюмера, была ровно через месяц со дня высадки Наполеона во Фрежюсе по возвращении из Египта. Принятые меры были следующими: Совет старейшин, воспользовавшись статьей конституции, которая санкционировала эту меру, должен был издать указ о переводе законодательных органов в Сен-Клу, за стены города. Следующим они должны были назначить Наполеона главнокомандующим своей собственной гвардией, войсками парижской военной дивизии и Национальной гвардией. Эти декреты должны были быть приняты в семь часов утра; в восемь Наполеон должен был отправиться в Тюильри, где должны были быть собраны войска, и там принять командование столицей.

Наконец, Совет старейшин собрался в Тюильри рано утром, поскольку все было сделано в соответствии с этими резолюциями, объявил, что спасение государства требует энергичных мер, и предложил через своего президента (одного из доверенных лиц Наполеона) принять уже

согласованные декреты. Декреты были немедленно приняты без обсуждения, и Наполеон был уведомлен. Все произошло так, как было запланировано. Ранним утром 18 Брюмера дом Наполеона на улице Виктуар был переполнен большим скоплением офицеров. Она была слишком мала, чтобы вместить их всех, и многие стояли во дворе и у подъездов. Многие из них были посвящены ему; некоторые были посвящены в тайну, и все начали подозревать, что скоро произойдет что-то экстраординарное. Все были в форме, за исключением Бернадотта, который явился в штатском. Недовольный этим знаком отделения от остальных, Наполеон поспешно сказал: "Как это? Вы не в форме!"

"Я никогда не бываю там утром, когда не на дежурстве", - ответил Бернадотт.

- Вы сейчас заступите на дежурство, - ответил Наполеон.

"Я об этом не слышал; я должен был получить приказ раньше", - быстро последовал ответ.

Теперь Наполеон отвел его в сторону, раскрыл свои планы и пригласил принять участие в новом движении против ненавистного правительства. Единственным ответом Бернадотта было то, что "он не будет принимать участия в восстании", и с некоторой неохотой дал полуобещание о нейтралитете.

Как только поступили постановления Совета старейшин, Наполеон вышел на крыльцо своего дома, зачитал документы и пригласил всех следовать за ним в Тюильри. Энтузиазм присутствующих достиг высшей точки, и все офицеры обнажили шпаги, обещая свои услуги и верность. Наполеон немедленно вскочил в седло и встал во главе генералов и офицеров. Сопровождаемый тысячей пятьюстами всадниками, он остановился на бульваре на углу улицы Монблан; затем он отправил несколько конфиденциальных войск под командованием Моро для охраны Люксембурга, и Директория прекратила свое существование, хотя Баррас выразил умеренный протест, а затем удалился в свою загородную резиденцию, чтобы жить на огромные доходы от своей должности.

Час или два спустя собрался Совет Пятисот, чтобы узнать его судьбу. Соппротивление было бы бесполезным, и, прервав свое следующее заседание в Сен-Клу, они смешались с восторженными людьми, кричавшими: "Да здравствует Республика!" Когда на следующее утро они собрались в Сен-Клу, то обнаружили, что этот прекрасный замок полностью захвачен блестящими батальонами под командованием Мюрата.

Около часа дня 19 Брюмера Наполеон появился в Сен-Клу в сопровождении Бертье, Лефевра, Ланна и всех доверенных ему генералов. По прибытии он узнал, что в Совете Древних начались жаркие дебаты по вопросу отставки директоров и немедленного избрания других. Наполеон поспешно вошел в зал в сопровождении только Бертье и Буррьена, которые присутствовали при этом в качестве его секретарей. Он обратился к собравшимся с большим трудом и после многих драматических перерывов сказал им, что именно на них он полагается, заявив о своей вере в то, что Совет пятисот — частично соответствующий нижней палате Конгресса — восстановит Съезд, народные волнения, эшафот, царство террора. "Я спасу вас от всех этих ужасов, - сказал он, - я и мои храбрые товарищи, чьи мечи и шапки я вижу у дверей этого зала; и если какой-нибудь наемный предатель заговорит о преступлении, я обращусь к этим мечам. Вы стоите над вулканом. Позвольте солдату откровенно сказать правду. Я был спокоен в своем доме, когда этот Совет призвал меня к действию. Я повиновался: я собрал своих храбрых товарищей и поставил оружие моей страны на службу вам, кто является ее главой. Нам платят клеветой — они

говорят о Кромвеле, о Цезаре. Если бы я стремился к власти, у меня уже была такая возможность. Я клянусь, что во Франции нет более преданного патриота. Опасности окружают нас. Давайте не будем рисковать преимуществами, за которые мы так дорого заплатили — Свободой и Равенством!" Придя в себя под шум, который преследовал его до двери, Наполеон обернулся и призвал Совет помочь ему в спасении страны; и со словами: "Пусть те, кто любит меня, следуют за мной", он быстро вышел, добрался до внутреннего двора, где показал солдатам приказ о присвоении ему звания главнокомандующего, а затем вскочил на коня под крики "Да здравствует Бонапарт!", раздававшиеся со всех сторон.

Тем временем собрался враждебно настроенный Совет Пятисот, и там разыгрывалась совсем другая сцена. С той же решительностью и спокойствием Бонапарт вошел в зал в сопровождении двух гренадеров с каждой стороны, которые остановились у дверей, оставленных открытыми, в то время как генерал двинулся к центру зала.

При виде обнаженных мечей в коридоре и присутствия вооруженных людей у дверей этого совещательного органа раздались громкие крики: "Долой предателя!", "Да здравствует Конституция!" и т.д. Несколько членов группы бросились на Наполеона, некоторые схватили его за воротник, а один, как говорят, покушался на его жизнь с помощью кинжала. В одно мгновение гренадеры бросились вперед, восклицая: "Спасем нашего генерала!" - и вынесли своего командира из зала.

Наполеон быстро оказался среди своих солдат и нашел готовые уши и воодушевленный дух, чтобы выслушать его взволнованные слова. "Солдаты, — сказал он, - я предложил им победу и славу - они ответили мне кинжалами".

Говорят, что именно в этот момент Ожеро, чья вера в удачу своего бывшего генерала начала колебаться, обратился к нему со словами: "В прекрасное положение вы сами себя загнали!" На что Наполеон ответил: "Ожеро, при Арколе дела обстояли хуже; послушайся моего совета, сохраняй спокойствие; через короткое время все это изменится".

Тем временем волнение в Совете Пятисот достигло высшей точки, в Собрании разыгралась сцена самого дикого замешательства, и гренадеры, посланные Наполеоном, снова вошли и увели Люсьена, председателя, от его коллег. Они обвинили его в заговоре и уже собирались излить на него свою ярость, когда он сбросил знаки отличия своей должности и был спасен.

Люсьен застал солдат снаружи в сильном возбуждении. Он быстро вскочил на лошадь, чтобы его было лучше видно и слышно, и драматично обратился к собравшимся войскам: "Генерал Бонапарт и вы, солдаты Франции, - сказал он, - председатель Совета Пятисот объявляет вам, что мятежные люди с кинжалами прерывают работу Сената. Он уполномочивает вас применить силу. Собрание пятисот человек распущено". Солдаты встретили его речь криками: "Да здравствует Бонапарт!" Все еще чувствовалась некоторая нерешительность, и не было уверенности, что они готовы выступить против представителей народа, пока Люсьен не выхватил шпагу и неистово воскликнул: "Клянусь, я пронзу своего собственного брата в сердце, если он когда-либо попытается посягнуть на свободу французов".

Это заявление побудило солдат к действию, и теперь они были готовы подчиниться любому приказу Наполеона. По его сигналу Мюрат во главе отряда гренадеров немедленно приступил к

выполнению приказа президента. Под барабанную дробь и выровненные фигуры Люциен последовал за отрядом, взобрался на трибуну и разогнал Совет Пятисот. Депутаты совещались в состоянии дикой нерешительности и тревоги, когда медленно вошли войска. Мюрат, когда они двинулись вперед, объявил Совету, что ему следует разойтись. Несколько членов совета немедленно удалились, но большинство осталось непреклонным. Теперь плотной колонной прибыло подкрепление во главе с генералом Леклерком, командующим офицером, который громко сказал: "Именем генерала Бонапарта Законодательный корпус распущен; пусть все добропорядочные граждане удаляются. Гренадеры, вперед!" Последние двинулись вперед, нацелив свои мушкеты с примкнутыми штыками и заняв всю ширину зала. Большинство членов клуба сразу же с недостойной быстротой бросились бежать через окна; через несколько минут не осталось ни одного.

Люсьен немедленно собрал "умеренных" членов Совета, которые возобновили его заседание, и совместно с Советом Старейшин был принят декрет, передающий всю полноту государственной власти Временному консульству трех человек — Наполеона, Сийеса и Роже Дюко, которые были известны как "Консулы Французской Республики". Так закончились 18 и 19 Брюмера (10 и 11 ноября 1799 г.) одни из самых решающих революций, о которых история сохранила какие-либо записи; и настолько замечательными были приготовления Наполеона, что это не стоило Франции ни капли крови. "Большую часть этого богатого событиями дня, - говорит Бурьен, - он был спокоен, как перед началом великой битвы".

На следующий день три консула встретились в Париже, и Франция снова начала продвигаться вперед. На этом собрании Сийес, который до этого момента считал себя главой, а остальных - лишь исполнителями новой конституции, из вежливости спросил: "Кто из нас будет председательствовать?" "Разве вы не видите, - ответил Дюко, - что председательствует генерал?"

Сийес ожидал, что Наполеон удовлетворится верховным командованием всеми армиями, и понятия не имел, что он знаком с глубокими и обширными политическими делами и проектами или желает вмешиваться в них. Однако он был так поражен знаниями, проявленными Наполеоном в вопросах управления, вплоть до мельчайших деталей и в каждом ведомстве, что, когда их первое совещание было завершено, он поспешил к Талейрану, Кабанису и другим советникам, собравшимся в Сен-Клу, воскликнув: "Господа, теперь у вас есть хозяин. Он все знает, все устраивает и может всего добиться".

Те люди, должно быть, очень несовершенно знают характер Наполеона, которые считают его великим только во главе армий; ибо он был способен со славой справляться с различными функциями правительства, одинаково заметный как в кабинете министров, так и на поле боя.

Наполеон руководил и контролировал все; были приняты гуманные законы; христианство было снова восстановлено, и более 20 000 французских граждан теперь вышли из тюрем, чтобы благословить его имя. Многие, кто был сослан из-за того, что они не одобряли господство террора и деспотизма Директории, были отозваны, и многие другие благотворные реформы сразу же наложили на новое правительство печать общественного одобрения и доверия Европы. Во всем, что делалось, был виден гений Наполеона. У руля стоял великий человек, и мир видел, что его творческий гений возрождал Францию. Новая конституция нашла одобрение народа, и в феврале 1800 года Первый консул поселился в своей резиденции в Тюильри, старом доме монархов Франции. Вскоре после этого Наполеон произвел смотр парижской армии,

насчитывавшей 100 000 человек. Когда 96-я, 43-я и 50-я полубригады дефилировали перед ним, он снял шляпу и склонил голову в знак уважения при виде их цветов, разорванных в клочья пулями и почерневших от дыма и пороха.

Впервые в современной истории мир увидел величайшего полководца своего времени гражданским главой самого блестящего государства Европы. Теперь первый консул устраивал частые и великолепные смотры войск. Он объезжал ряды, то верхом, то пешком; вникал в мельчайшие подробности, касающиеся нужд солдат и службы, и раздавал от имени нации отличия и награды. В одном из таких случаев сотня солдат, отличившихся в бою, получили из его рук в подарок по красивой сабле каждому.

Парижане приняли новую конституцию с восторгом. Жители также с удивлением и самодовольством смотрели на пышность консульского правления. Они мало рассуждали и много надеялись. Наполеон был их кумиром, и только от него они ожидали всего. Конституция сохраняла исполнительную власть в руках трех консулов, которые должны были избираться сроком на десять лет, а затем имели право на переизбрание. Первый консул обладал полномочиями, намного превосходящими полномочия его коллег. Он один имел право назначать на все должности, гражданские и военные, и назначать почти всех должностных лиц вообще. Наполеон занял место первого консула без вопросов и дебатов. Затем он назначил Камбасереса и Лебрена Вторым и Третьим консулами соответственно.

Примерно в это же время Наполеон узнал о смерти Вашингтона. Он немедленно издал общий приказ, приказывающий французской армии в течение десяти дней заворачивать свои знамена в креп в честь "великого человека, который боролся против тирании и укрепил свободы своей страны". Затем он отслужил грандиозную заупокойную службу в память о Вашингтоне в зале совета инвалидов. По этому же случаю были представлены последние образцы, принятые в Египте; присутствовали все министры, государственные советники и генералы. Колонны и крыша были увешаны трофеями итальянской кампании, а бюст Вашингтона был установлен под трофеем, состоящим из флагов Абукира.

"С этого дня, - говорит Локхарт, - началась новая эпоха. Подчинись этому правительству, и никому не нужно будет бояться, что его прежние поступки, а тем более мнения, окажутся каким-либо препятствием для его безопасности — более того, для его продвижения по службе". На самом деле секрет всего плана Бонапарта раскрывается в его собственных запоминающихся словах Сийесу: "Мы создаем новую эру — из прошлого мы должны забыть плохое и помнить только хорошее".

За время отсутствия Бонапарта в Египте трехцветный флаг, который он оставил развеваться над замками вдоль Рейна и от Юлийских Альп до Средиземного моря, был унижен, и Англия и Австрия с союзниками, которых они могли привлечь в коалицию, снова готовились вынудить французов отступить к их древним границам и в конечном итоге предложить корону изгнанным бурбонам.

Но Наполеон знал, что Франция нуждается во внутреннем покое, и он желал всеобщего мира в Европе. Чтобы добиться этого, он даже зашел так далеко, что направил письмо Георгу III. в котором он сказал: "Ваше величество увидит в этой увертюре лишь мое искреннее желание во второй раз внести действенный вклад во всеобщее умиротворение — быстрым шагом,

предпринятым конфиденциально и свободным от тех форм, которые, какими бы необходимыми ни были для маскировки слабых опасений слабых государств, служат лишь для обнаружения у сильных мира сего взаимного желания обмануть. Франция и Англия, злоупотребляя своей силой, могут надолго отсрочить период ее полного истощения; но я осмелюсь сказать, что судьба цивилизованных наций зависит от прекращения войны, пламя которой бушует по всему миру. Имею честь и так далее, и тому подобное, Бонапарт".

Если бы у самого короля была возможность ответить на это письмо, как он впоследствии признал, это спасло бы Англии миллионы денег, а Европе миллионы жизней; но в очень недальновидном письме лорд Гренвилл, тогдашний государственный секретарь, ответил Талейрану, министру иностранных дел Франции, в котором он сказал: "Война должна продолжаться до тех пор, пока причины, породившие ее, не перестанут существовать. Восстановление изгнанной королевской семьи будет самым простым средством придать уверенности другим державам Европы". Отказ Англии к Консулар правительство Франции можно было ожидать, будучи совершенно в согласии с принципами, которыми руководствовались правители Англии в этот период. Они присоединились к другим правительствам Европы, начав войну против Франции, чтобы восстановить ее законного суверена вопреки воле французского народа.

Когда Наполеон прочитал письмо, он сказал: "Я отвечу на это из Италии!" - и немедленно созвал своих генералов и приказал им готовиться к новой кампании за Альпами. Говорят, что, получив ответ из Англии, Наполеон воскликнул Талейрану: "Это не могло быть более благоприятным", но этому верят лишь немногие историки, поскольку, по-видимому, его искренние убеждения заключались в том, что мир был лучшим для Франции.

Через три дня после письма Гренвилля Первый консул наэлектризовал Францию указом о создании резервной армии, в которую были включены все безработные на тот момент ветераны, когда-либо служившие стране, и новым набором в 30 000 рекрутов, или срочников, как их называли; и самые активные приготовления были быстро проведены. В это время четыре великие армии уже были в поле боя — одна на Северном побережье наблюдала за Голландией и защищала от любого вторжения из Англии; Журден командовал Дунайской армией, которая перешла Рейн; Массена стоял во главе армии Гельвеции и удерживал Швейцарию; а осколок могучего войска, которое сам Наполеон привел к победе, все еще назывался Армией Италии.

Более 350 000 человек теперь были отправлены в различные точки конфликта с европейскими державами — Англией, Австрией и Россией, а также Баварией, Швецией, Данией и Турцией, что создало грозный ряд врагов, с которыми Наполеону приходилось бороться. Операции проводились в строжайшей секретности. Наполеон решил нанести решающий удар по Австрии в Италии и лично командовать там. Статья в новой конституции запрещала Первому консулу принимать командование армией, но он нашел удобный способ уклониться от этого. Бертье был заменен Карно на посту военного министра и получил номинальное командование армией Италии. Обычно считалось, что войска должны были наступать на Италию. Тем временем, пока Австрия издевательски смеялась над французскими призывниками и "инвалидами" в Дижоне и забавлялась карикатурами на каких-то древних людей с деревянными ногами и двенадцатилетних мальчиков под названием "Резервная армия Бонапарта", настоящая итальянская армия уже была сформирована в сердце Франции и маршировала различными дорогами в сторону Швейцарии, и ею командовали офицеры с признанными способностями и

храбростью. Артиллерия была отправлена по частям из разных арсеналов; провизия, необходимая армии, собирающейся пересечь бесплодные горы, была отправлена в Женеву, отправлена по озеру и высадилась в Вильнев, недалеко от входа в долину Симплон.

Дерзкий план Наполеона состоял в том, чтобы переправить свою армию через Альпы; преодолеть самую высокую горную цепь в Европе по дорогам, опасным и труднопроходимым для необремененного путешественника; проникнуть в тыл австрийцев, прервать их коммуникации, поместить их между своей собственной армией и армией Массены, который командовал 12 000 человек в Генуе, отрезать им путь к отступлению, а затем дать им сражение при обстоятельствах, которые обязательно должны были сделать одно поражение решающим.

После отправки своих приказов Наполеон присоединился к Бертье в Женеве 8 мая 1800 года. Здесь он встретил генерала Мареско, инженера, который по его приказу исследовал дикие перевалы Альп. Он самым подробным образом описал Первому консулу почти непреодолимые препятствия, которые могли бы помешать проходу армии.

Со старого рисунка неизвестного художника

Бонапарт при осаде Акко

"Трудно, конечно; но возможно ли, чтобы армия прошла?" Наконец нетерпеливо спросил Наполеон.

"Это можно было бы сделать", - последовал ответ.

"Значит, так и будет; давайте начнем", - сказал первый консул, и сразу же начались приготовления к выполнению этой самой геркулесовой задачи, поскольку полководец намеревался проникнуть в Италию, как это некогда сделал Ганнибал, преодолев все опасности и трудности самих великих Альп.

С тройной целью - облегчить сбор достаточного запаса провизии для марша, ускорить его выполнение и сбить противника с толку по его окончании - Наполеон решил, что его армия

должна пройти четырьмя дивизиями по стольким же разным маршрутам. Левому крылу под командованием Монси, состоящему из 15 000 человек, отделенному от армии Моро, было приказано отступить через Сен-Готард. Корпус Тюрю численностью 5000 человек двинулся в направлении горы Сени; корпус Шабрана такой же силы двинулся у Маленького Сенбернара. Что касается основных сил, состоящих из 35 000 человек, то, хотя технически ими командовал Бертье, Первый консул лично взял на себя ответственность, включая гигантскую задачу по преодолению с помощью артиллерии огромных барьеров Большого Сенбернара. Перейдя границу, он рассчитывал броситься на Меласа, прервать все его коммуникации с Австрией, а затем вынудить его к конфликту.

15 мая основные силы армии выступили маршем из Лозанны в деревню Сен-Пьер, расположенную у подножия Большого Сен-Бернара, и в этом месте все следы практически возможного пути полностью исчезли. В Сен-Пьере были построены полевые кузницы для демонтажа орудий. Лафеты и колеса были подвешены к шестам, а ящики с боеприпасами должны были перевозиться мулами. Чтобы перевезти сами орудия, было срублено несколько деревьев, выдолбленных или рифленых, и поскольку орудия были помещены в эти грубые ящики, к каждому было прикреплено по сотне солдат, в обязанность которых входило перетаскивать их вверх по кручам. Теперь все было готово к началу великого похода.

"Первый консул приступил к своему грандиозному предприятию, - говорит Ботта в своем описании этой кампании, - его войска были уже у подножия Большого Святого Бернара. Солдаты с удивлением и нетерпением смотрели на воздушные вершины высоких гор. 17 мая весь корпус выступил из Мартиньи для завоевания Италии. Необычайным был их порядок, удивительной была их веселость, а также поразительны активность и энергия их действий. Смех и песни облегчали их труды. Казалось, они спешили не на страшную войну, а на праздник. Множество разнообразных и смешанных звуков разносилось эхом от холма к холму, и тишина этих уединенных и пустынных краев, которые сменявшиеся века оставляли нетронутыми, на мгновение была нарушена ликующими голосами веселых и воинственных людей. Крутые высоты, сильные потоки, пологие долины сменяли друг друга с удручающей частотой. Благодаря своей невероятной смелости и порядку Ланн был выбран Первым консулом для руководства каждым опасным предприятием. Теперь они достигли такой высоты, когда мастерство или храбрость казались бессильными перед царством Природы. От Сен-Пьера до вершины Большого Сен-Бернара нет никакой проторенной дороги, пока исследователь не достигнет монастыря религиозного ордена, посвященного сохранению путешественников, сбивших с толку в этих краях вечной зимы. Для перевозки артиллерии и багажа были приняты все возможные средства; повозки, которые были на колесах, теперь тащили волоком, а те, которые были запряжены, теперь несли. Самые большие пушки были установлены в желобах и на санях, а самые маленькие качались на уверенных в себе мулах. Подъем, который предстояло совершить, был огромным. В изгибах извилистых троп войска то терялись, то открывались взору. Те, кто первыми взобрались на кручи, увидев внизу своих товарищей, подбадривали их победными криками. Долины со всех сторон отзывались эхом на их голоса. Среди снега, в туманах и облаках сверкающее оружие и разноцветная форма солдат казались ярким и ослепительным контрастом: величие мертвой природы и энергия живого действия, соединившись таким образом, образовали зрелище невероятного чуда.

Консула, ликующего по поводу успеха своих планов, видели повсюду среди солдат, он с военной фамильярностью разговаривал то с одним, то с другим, и, искусный в лагерном красноречии, он так возбудил их мужество, что, преодолевая все препятствия, они теперь считали легким то, что раньше считали невозможным. Вскоре они приблизились к самой высокой вершине и различили вдалеке перевал, ведущий от прохода между высокими горами к самой высокой вершине. Восторженными криками они приветствовали эту крайнюю точку какокончание своих трудов и с новым рвением приготовились к восхождению. Когда их силы время от времени ослабевали из-за чрезмерной усталости, они били в свои барабаны, а затем, воодушевленные будоражающим дух звуком, продвигались вперед с новой энергией.

Наконец они достигли вершины и там поздравили друг друга, словно после полной и уверенной победы. Их веселье немало возросло, когда они обнаружили простую трапезу, приготовленную перед монастырем, поскольку предусмотрительный консул снабдил монахов деньгами на то, чего их собственные ресурсы не могли бы позволить для такого количества людей. Здесь их угощали вином, хлебом и сыром, они наслаждались кратким отдыхом среди демонтированных пушек и разбросанного багажа, среди льда и слежавшегося снега; в то время как монахи переходили по очереди от отряда к отряду, на их лицах было написано спокойствие религиозной жизнерадостности. Так доброта и сила встретились и поддерживали общение на этой экстремальной вершине".

Войска считали делом чести не оставлять свои орудия в тылу; и одна дивизия, вместо того чтобы бросить свою артиллерию, предпочла провести ночь на вершине горы, среди снега и сильного холода.

Так добралась эта храбрая армия до Приюта Святого Бернара, распевая песни среди пропастей, мечтая о завоевании той Италии, где они так часто вкушали прелести победы, и с благородным предчувствием бессмертной славы, которую им предстояло обрести; взбираясь вверх по воздушным скалистым хребтам и вечным снегам, где отваживаться привык только пастух, охотник на серн и контрабандист-разбойник; среди пропастей, где поскользнуться - смерть; под ледниками, с которых слышен грохот мушкетного выстрела. Часто этого бывает достаточно, чтобы вызвать лавину.

Для пехоты, насчитывающей 35 000 человек, включая артиллерию, труд был не так велик. Что касается 5000 кавалеристов, то они шли пешком, ведя своих лошадей под уздцы. В подъеме не было никакой опасности, но при спуске, поскольку тропинка была очень узкой, что вынуждало их идти впереди лошади, они были готовы, если животное сделает неверный шаг, быть утащенными ею в пропасть. Некоторые несчастные случаи такого рода, не так уж много, действительно произошли, и погибло несколько лошадей, но почти никто из людей.

После короткого отдыха в хосписе армия возобновила свой марш и без каких-либо неприятных происшествий дошла до Сен-Реми. Наполеон отдохнул и скудно поужинал в монастыре, после чего посетил часовню и три маленькие библиотеки, ненадолго задержавшись, чтобы прочитать несколько страниц какой-то старой книги. Он совершил спуск на санях вниз по леднику длиной почти в сто ярдов, почти перпендикулярно. Вся армия совершила переход через Большого Сенбернара в течение трех дней.

Перенос лафетов, повозок с боеприпасами и пушек был самым трудным из всех, но гений Наполеона совершил даже этот, казалось бы, невозможный подвиг. Окрестным крестьянам предлагали до тысячи франков за каждую пушку, которую им удавалось перетащить из Сен-Пьера в Сен-Реми. Потребовалось сто человек, чтобы перетащить каждый из них; один день, чтобы поднять его, и еще один, чтобы опустить.

Было сказано, что в этот период Наполеону предстояло разбогатеть; но к моменту перехода через гору Сен—Бернар он провел двадцать ожесточенных сражений, завоевал Италию, продиктовал мир Австрии, расположенной всего в шестидесяти милях от Вены, вел переговоры в Раштадте с графом Кобенцелем о сдаче укрепленного города Менц, собрал контрибуцию почти на триста миллионов, которая шла на снабжение армии в течение двух лет, создал Цизальпинскую армию и заплатил некоторым офицерам правительства в Париже. Он отправил в музей триста *шедевров* скульптуры и живописи; вдобавок к этому он завоевал Египет, подавил внутренние распри и полностью положил конец войне в Вандее.

Наполеон был изображен пересекающим альпийские высоты верхом на огненном скакуне. На самом деле он поднимался на Большой Сен-Бернар в том сером сюртуке, который обычно носил, иногда пешком, а иногда верхом на муле, ведомый местным проводником, проявляя даже на трудных перевалах отвлеченность ума, занятого чем-то другим, беседуя с офицерами, разбросанными по дороге, а затем, время от времени, расспрашивая сопровождавшего его проводника, заставляя его рассказывать подробности своей жизни, свои радости, свои страдания, как праздного путешественника, которому больше нечем заняться. "Этот проводник, - говорит Тьер, - который был совсем молод, вкратце рассказал ему подробности его темного существования и особенно о досаде, которую он испытывал из-за того, что из-за нехватки денег не мог жениться ни на одной из девушек своей долины. Первый консул, иногда выслушивая, иногда расспрашивая пассажиров, которыми была покрыта гора, прибыл в странноприимный дом, где достойные монахи оказали ему теплый прием. Не успел он слезть со своего мула, как написал записку и вручил ее своему проводнику, прося его непременно доставить ее армейскому квартирмейстеру, который остался на другом берегу реки Сен-Бернар. Вечером молодой человек, вернувшись в Сен-Пьер, с удивлением узнал, каким могущественным путешественником был тот, кого он сопровождал утром, и что генерал Бонапарте приказал немедленно предоставить ему дом и участок земли и, короче говоря, снабдить его средствами, необходимыми для женитьбы и осуществления всех мечтаний его скромного честолюбия".

Этот горец прожил еще несколько лет, и когда он умер, он все еще был владельцем земли, подаренной ему Первым консулом. Единственное, что запомнил этот сопровождающий спустя годы из разговора с Наполеоном во время его поездки, было то, что, стряхивая дождевую воду со шляпы, он воскликнул: "Вот! Посмотрите, что я натворил в ваших горах — испортил свою новую шляпу!— Что ж, я найду другую на другой стороне".

Переход через Альпы был достигнут задолго до того, как австрийцы узнали о движении армии Наполеона. Столь совершенно неожиданным было это внезапное появление первого консула и его армии, что не было принято никаких мер предосторожности, и ни один враг, казалось, не мог воспрепятствовать его продвижению к долине Аосты. После краткого сражения у крепости Сен-Бард и других незначительных сражений, в которых французы одержали победу, они теперь продвигались, не встречая сопротивления, вниз по долине к Иврее, где не было гарнизона. Здесь Наполеон оставался четыре дня, чтобы набрать численность своих войск.

Теперь Наполеон направился в Милан. Сесия была форсирована без сопротивления; переход Тесино был осуществлен после острого столкновения с отрядом австрийской кавалерии, который был обращен в бегство; и 2 июня Первый консул вступил в Милан под восторженные возгласы народа, который все верил, что он погиб в Египте и что этой армией командовал один из его братьев. Его с триумфом проводили во дворец герцогов, где он поселился. Он оставался в Милане шесть дней, за это время он получил самую важную информацию, все депеши между венским двором и генералом Меласом попали в его руки. Из них он узнал о численности австрийских подкреплений, которые сейчас направлялись в Италию; о расположении и состоянии всех австрийских складов, полевой техники и артиллерийских парков; а также о количестве и распределении всех австрийских сил. Наконец, он ясно осознал, что Мелас по-прежнему пребывает в полном неведении относительно силы и предназначения французской армии. В его депешах с презрением говорилось о том, что он называл "мнимой резервной армией", и утверждение о присутствии Наполеона в Италии рассматривалось как "простая выдумка". Обладая всей этой ценной информацией, Наполеон знал, как действовать ясно и точно.

Глаза австрийского генерала наконец открылись, и он приготовился встретить чрезвычайную ситуацию со всей энергией, которую позволяли приказы из Вены и его преклонный восьмидесятилетний возраст; но его промедления было достаточно, чтобы сделать его положение критическим. Его армия была разделена на две части: одна под командованием Отта близ Генуи, другая - под его собственным командованием в Турине. Существовал самый большой риск, что Наполеон, согласно своему старому плану, атакует и уничтожит одну дивизию до того, как другая сможет соединиться с ней. Чтобы предотвратить такую катастрофу, Отт получил приказ выступить вперед на Тесино, в то время как Мелас, двигаясь к Александрии, готовился возобновить связь с другой дивизией своей армии.

Теперь Наполеон продвигался к Страделле, где располагался штаб. 9 июня Ланн, который продолжал возглавлять авангард французской армии, был атакован превосходящей по численности австрийской дивизией под командованием Отта. Сражение, хотя и было ожесточенным, закончилось полным поражением австрийцев, которые потеряли три тысячи убитыми и шесть тысяч пленными. Битва при Монтебелло была выиграна в результате исключительно тяжелых боев, поскольку возможностей для мастерства или маневра было мало, поскольку поля были покрыты всходами ржи. Град пуль из австрийских мушкетеров был в свое время настолько сильным, что Ланн, говоря об этом впоследствии, описал его эффект с ужасающей графической невзрачностью. "В моем подразделении трескали кости, - сказал он, - как град, падающий на стеклянную крышу". Впоследствии Ланн был назначен герцогом Монтебелло.

Наполеон оставался неподвижным в Страделле в течение трех дней, используя это время для сосредоточения своей армии в надежде, что Мелас будет вынужден дать ему сражение на этой позиции; он не желал спускаться на обширную равнину Маренго, где австрийская кавалерия и артиллерия, значительно превосходившие его по численности, имели бы устрашающее преимущество. Тем временем он отправил Суше приказ выступить к реке Скривия и зайти в тыл врагу.

Генерал Дезэ теперь присоединился к армии со своими адъютантами Раппом и Савари, он вернулся из Египта и высадился во Франции почти в тот самый день, когда Наполеон покинул

Париж, и немедленно получил от него повестку отправиться в штаб Итальянской армии, где бы они ни находились. Дезэ и Наполеон были тепло привязаны друг к другу, и их встреча доставила большое взаимное удовольствие. Десо был назначен командиром дивизии, поскольку после смерти генерала Буде должность оставалась вакантной, и ему чрезвычайно хотелось заявить о себе. Под впечатлением, что австрийцы идут на Геную, Наполеон отправил дивизию Дезэ в качестве авангарда на крайнем левом фланге, в то время как Виктор, прибыв в Маренго из Монтебелло, где он помогал Ланну, разгромил арьергард из четырех или пяти тысяч австрийцев и овладел деревней Маренго.

Французская и австрийская армии, наконец, сошлись 14 июня на равнинах Маренго, чтобы решить судьбу Италии.

День Маренго навсегда запомнится тем, кто участвовал в упорной борьбе. Наполеон сражался с ужасным численным превосходством и позицией. Яростная канонада открыла сражение на рассвете по всему фронту, пушки и ружейные залпы сеяли повсюду опустошение - армии находились на небольшом расстоянии друг от друга, их части в некоторых случаях почти соприкасались. Наступление под командованием Гарданна было вынуждено отбросить Виктора, который находился с основными силами первой линии, на более чем два часа и в одиночку выдерживал энергичные атаки значительно превосходящих сил; Маренго был взят и отвоеван Виктором несколько раз, прежде чем Ланн, находившийся у него в тылу, командовавший второй линией, получил приказ усилить его. Наконец Наполеон приказал второй линии наступать, но они обнаружили, что первая отступает, и два корпуса заняли вторую линию обороны, значительно дальше от Маренго. Здесь они снова подверглись яростной атаке и снова после упорного сопротивления уступили. Отступление теперь стало всеобщим, хотя Ланн отступал в идеальном порядке.

Австрийцы сражались превосходно. Их пехота начала атаку на каждом участке французской линии, в то время как кавалерия прорвалась через мост, который французам не удалось разрушить, и атаковала правый фланг их армии с такой яростью и быстротой, что там царил полный беспорядок. Атака австрийцев везде была успешной; центр французов был прорван, левый фланг разгромлен, и еще одна отчаянная атака кавалерии положила бы конец сражению. Приказа на это, однако, отдано не было, но отступающие французы все еще находились в величайшей опасности. Наполеон собирал резервы между Гарафоло и Маренго и теперь отдал приказ своей армии отступить к этим резервам и сплотиться вокруг своей гвардии, которую он разместил в тылу деревни Маренго, и поставил себя во главе ее.

Чтобы занять позицию, более благоприятную для сопротивления превосходящей численности противника, Бонапарт теперь захватил ущелье, окруженное деревней Маренго, закрытое с одной стороны лесом, а с другой высокими и поросшими кустарником виноградниками. Здесь благодаря поразительным усилиям своего командира французы заняли твердую позицию и сражались штык к штыку с австрийской пехотой, в то же время подвергаясь нападению батареи из тридцати пушек, которая оказывала на них смертельное воздействие. Каждый солдат, казалось, считал это Фермопильским ущельем, где они должны были сражаться до тех пор, пока все не будут перебиты. С героизмом, достойным спартанского отряда, они выдержали чудовищный удар штыков и артиллерии, которая разрубала на куски не только людей, но и деревья, большие ветви при падении убивали многих раненых солдат, которые искали под ними убежища. В этот ужасный момент Бонапарт, невозмутимый, казалось, искал смерти и был

близок к ней, неоднократно наблюдалось, как пули разрывали землю под ногами его лошади. Встревоженные за его безопасность офицеры призвали его уйти в отставку, воскликнув: "Если тебя убьют, все будет потеряно". Но герой Лоди и Арколы не ушел в отставку. Невозмутимый среди этой ужасной бури, он наблюдал за каждым движением и отдавал приказы с предельным хладнокровием. Все солдаты могли видеть Первого консула с его штабом, окруженного двумя сотнями гренадеров гвардии, и это зрелище не давало их надеждам угаснуть. Правое крыло под командованием Ланна быстро сплотилось; центр, усиленный разрозненными войсками левого фланга, восстановил свои силы; левое крыло больше не существовало; его разрозненные остатки в беспорядке бежали, преследуемые австрийцами. Сражение продолжало бушевать и велось упорно; но основные силы французской армии, которые все еще оставались в боевом порядке, постоянно, хотя и очень медленно, отступали.

Теперь первый консул отправил своего адъютанта Брюйера в Дезэ со срочным приказом поспешить на поле битвы. Десо, со своей стороны, был задержан на марше к Нови повторяющимися выстрелами отдаленной артиллерии; вследствие этого он сделал остановку и отправил Савари, в то время своего адъютанта, с отрядом из пятидесяти всадников, скакать со всей возможной поспешностью в Нови, выяснить там положение дел, согласно приказам Наполеона, пока он поддерживает свою дивизию свежей и готовой к бою.

Савари обнаружил, что в Нови все спокойно, и, вернувшись в Дезэ по прошествии примерно двух часов с этим известием, был отправлен к первому консулу. Он пришпорил коня и помчался через всю страну в направлении Маренго и, к счастью, встретил генерала Брюйера, который шел тем же коротким путем, чтобы найти Дезэ. Дав ему необходимые указания, Савари поспешил навстречу Наполеону. Он нашел его среди своей гвардии, которая стояла на месте на поле боя; образовав плотный строй перед лицом вражеского огня, спешившиеся гренадеры были размещены впереди, и место каждого павшего человека немедленно занимали из рядов позади.

Перед Наполеоном были разложены карты; он планировал движение, которое должно было решить исход сражения. Савари сделал свой доклад и рассказал ему о позиции Десо.

- В котором часу он ушел от вас? - спросил Первый консул, вытаскивая свои часы. Получив информацию, он продолжил: "Ну, он не может быть далеко; пойдите и скажите ему, чтобы он строился в том направлении (указывая рукой на определенное место); пусть он сойдет с главной дороги и уступит дорогу всем этим раненым, которые только смутят его и, возможно, увлекут за собой его собственных солдат".

Было уже три часа пополудни; если бы Мелас использовал преимущество со всеми своими резервами, битва была бы выиграна австрийцами; но этот престарелый генерал (ему было восемьдесят лет) не сомневался, что он уже выиграл ее. В этот критический момент, совершенно измученный усталостью, он удалился в тыл, оставив генерала Зака продолжать то, что он теперь считал простым преследованием.

Армия Наполеона все еще медленно отступала с поля боя, одному корпусу потребовалось три часа на то, чтобы отступить на три четверти лиги, когда Дезэ, чья дивизия теперь формировалась слева от центра, подъехал к командующему и, вынув часы, сказал в ответ на вопрос: "Да, сражение проиграно; но сейчас только три часа; еще достаточно времени, чтобы выиграть еще одно!"

Бонапарт был в восторге от мнения Дезэ, дивизия которого прибыла полным галопом после форсированного тридцатимильного марша, и приготовился воспользоваться своевременной помощью, оказанной ему этим дальновидным генералом, и преимуществом, которое обеспечивала ему позиция, которую он недавно занял. Наполеон быстро объяснил маневр, который он собирался осуществить, и немедленно отдал приказы. Теперь он выстроил свою армию в третью боевую линию и, проехав вперед, сказал другим корпусам: "Солдаты! Мы достаточно далеко отступили. Ты знаешь, что у меня всегда был обычай спать на поле битвы. Теперь вся армия развернула свой фронт на левом фланге своего центра, одновременно продвигая вперед свой правый фланг. Этим движением Наполеон достиг двойной цели - повернуть все войска противника, продолжавшие преследование разбитого левого фланга, и отвести свое правое крыло на расстояние от моста, который был для него утром таким роковым. Артиллерия гвардии была усилена той, что принадлежала дивизии Десо, и образовала превосходящую батарею в центре.

Австрийцы не предприняли никаких усилий, чтобы предотвратить это решительное движение; они предположили, что первый консул был занят только обеспечением своего отступления. Их пехота глубокими сомкнутыми колоннами быстро продвигалась вперед, как вдруг на расстоянии ста шагов они внезапно остановились, увидев дивизию Десо прямо перед собой. Неожиданное появление шести тысяч свежих солдат и новая позиция, занятая французами, приостановили сражение: было слышно очень мало выстрелов; обе армии готовились к последнему броску.

Первый консул лично подъехал, чтобы отдать приказ об атаке, одновременно отправив Савари с приказами Келлерману, который был во главе примерно шести тысяч тяжелой кавалерии, атаковать австрийскую колонну с фланга, в то же время Дезэ атаковал ее спереди. Оба генерала осуществили это движение быстро и настолько успешно, что менее чем за полчаса французы обратили противника в бегство почти со всех сторон. Теперь была предпринята последняя атака, когда Десо, чье своевременное прибытие с подкреплением спасло положение и который тогда находился в самой гуще сражения, был застрелен как раз в тот момент, когда он вел свежую колонну из 5000 гренадеров навстречу Заку и остановил его продвижение. Но за несколько мгновений до этого Дезэ сказал Савари: "Пойди и скажи первому консулу, что я иду в атаку и что мне не хватает кавалерии для поддержки". Когда храбрец пал, он сказал: "Скройте мою смерть, это может обескуражить войска". Наполеон на мгновение обнял его и сказал, когда глаза его наполнились слезами: "Увы, я не должен сейчас плакать", — и, вскочив на коня, снова ринулся в самую гущу сражения.

Узнав о смерти Десо, вся армия сражалась с удвоенной энергией, каждый солдат был полон решимости индивидуально отомстить за потерю своего лидера. Объединенные силы теперь сосредоточились и бросили свои непобедимые колонны на австрийские позиции, наконец одержав победу над тысячами убитых. Генерал Зак и весь его штаб были здесь взяты в плен. Австрийские колонны позади, окрыленные победой, наступали слишком беспечно и были не в состоянии противостоять общему натиску всей французской линии, которая теперь продвигалась вперед под непосредственным командованием Наполеона. Разносилось сообщение за сообщением. Перепуганная кавалерия и разбитая пехота в замешательстве бежали к берегам Бормиды, в которую они были ввергнуты всей французской кавалерией, пронесшейся по полю боя. "Бормида" была забита и окровавлена трупами, и целый

корпус, будучи не в состоянии осуществить переход, сдался. Победа, которая казалась австрийцам вполне обеспеченной в 3 часа, была полностью одержана французами в шесть. Поведение Наполеона в течение дня и храбрость его войск были выше всяких похвал; и не менее важным фактом является то, что видимость победы на одном или двух участках обширного поля боя пробудила в австрийцах мужество, доведенное до энтузиазма, а в некоторых случаях и до фатального безрассудства. Они устремились вперед, чтобы завершить свой триумф, когда консульская гвардия, прозванная "гранитной стеной", встретила их и успешно выдержала удар. Взгляд Наполеона определил судьбу дня: он предвидел, что враг в пылу успеха слишком далеко растянет свою линию обороны, и произошло то, что он предполагал. Затем дивизия Десо ворвалась в ряды почти торжествующего врага, разделила его ряды и, наконец, довершила его разгром.

В этом кровопролитном сражении австрийцы потеряли около 8000 человек убитыми и ранеными, и еще 4000 были взяты в плен - треть их армии. Жизнь Десо была принесена в жертву. Потери французов составили 6000 убитых или раненых, и около 1000 из них были взяты в плен, что составляет примерно четверть потерь из 28 000 солдат, участвовавших в битве.

По оценке Первого консула, эта потеря была достаточно велика, чтобы уменьшить радость, которую он испытывал по поводу победы. Когда Буррьен, его секретарь, поздравил его с триумфом, сказав: "Какой славный день!", он ответил: "Да, это было бы действительно великолепно, если бы я только обнял Дезе этим вечером на поле боя. Я собирался назначить его военным министром; я бы сделал его принцем, если бы мог". Триумф этой решающей победы был омрачен смертью Десо. Кажется, что он никогда так сильно не любил и не сожалел ни об одном человеке и никогда не говорил о нем без глубокого чувства. Дезе встретил свою смерть в раннем возрасте тридцати трех лет, и Франция потеряла в нем великого полководца и человека с редкими перспективами. Савари, который был очень привязан к нему, искал его тело среди мертвых и нашел его полностью раздетым, лежащим среди многих других в таком же состоянии. "Франция потеряла одного из своих самых способных защитников, а я - своего лучшего друга", - сказал Наполеон после битвы. "Никто никогда не знал, сколько доброты было в сердце Дезе, сколько гениальности в его голове". Затем, после короткого молчания, со слезами на глазах, он добавил: "Мой храбрый Дезе всегда хотел умереть таким образом; но смерть не должна была с такой готовностью исполнять его желание".

С рисунка Х. Верне

Возвращение французской армии из Сирии

Хотя обширная равнина Маренго была залита французской кровью, радость переполняла армию. Как солдаты, так и генералы были отмечены за свое доблестное поведение и полностью осознавали важность победы для Франции. Так завершилась битва при Маренго, одна из самых решающих, которые когда-либо велись в Европе, и которая открыла Наполеону ворота всех главных городов северной Италии. В одном сражении он вернул себе почти все, что французы потеряли в неудачной итальянской кампании 1799 года, когда он был в Египте. Он также показал, что французские войска снова стали такими, какими они были, когда он командовал ими на поле боя.

Однажды в разговоре с Гойе Наполеон сказал: "Всегда большее число побеждает меньшее".

"И все же, - сказал Гойер, - с небольшими армиями вы часто побеждали большие". "Даже в этом случае, - ответил Наполеон, - превосходящая сила всегда терпит поражение от низшей. Когда с небольшим отрядом я оказался в присутствии большого отряда, собирая свой маленький отряд, я обрушился, как молния, на одно из крыльев вражеской армии и разгромил его.

Воспользовавшись беспорядком, который подобное событие неизменно вызывало во всей их линии, я повторил атаку с таким же успехом в другой четверти, по-прежнему всеми своими силами. Таким образом, я подробно отбил ее. Общая победа, которая стала результатом, все еще была примером истинности принципа, согласно которому большая сила побеждает меньшую". Говорят, одним из его любимых изречений было: "Бог всегда благоволит самым тяжелым батальонам".

Австрийцы были полностью окружены, и у них не было иного выбора, кроме как подчиниться закону завоевателя. На следующее утро на рассвете Мелас послал Наполеону флаг перемирия, и сразу же начались мирные переговоры. На последовавшей встрече Бонапарт потребовал, чтобы все крепости Лигурии, Пьемонта, Ломбардии и дипломатические миссии были немедленно переданы Франции, а австрийцы эвакуировали всю Италию вплоть до Минчо.

Мелас решительно возражал против сдачи Генуи, но завоеватель не отказался от этого пункта. Барон послал своего главного переговорщика высказать несколько замечаний против предлагаемого перемирия: "Сэр, - сказал Первый консул с некоторой теплотой, - мои условия не подлежат отмене. Я не вчера начал свою военную карьеру; ваше положение мне так же хорошо известно, как и вам самим. Вы находитесь в Алессандрии, обремененные убитыми, ранеными, больными, без провизии; вы потеряли лучшие части своей армии и окружены со всех сторон. Нет ничего, чего бы я не потребовал, но я уважаю седины вашего генерала и доблесть ваших войск, и я не требую ничего большего, чего настоятельно требует нынешнее положение дел. Возвращайся в Алессандрию; делай, что хочешь, других условий у тебя не будет.

Мирный договор был подписан в Алессандрии в тот же день, 15 июня 1800 года, как первоначально предлагал генерал Бонапарт. Затем он отправился в Париж через Милан, где в древнем соборе велись приготовления к торжественному богослужению, на котором присутствовал Первый консул. Он нашел город освещенным и звенящим от самых восторженных ликований. Улицы были заполнены людьми, которые приветствовали его

приветственными криками. С окон были свешены портьеры, которые были запружены женщинами первого ранга, которые бросали цветы в его карету, когда он проезжал мимо. Он отправился в Париж 24 июня и прибыл во французскую столицу в ночь со 2 на 3 июля, отсутствовав менее двух месяцев. Массена остался главнокомандующим итальянской армией.

Одному из своих попутчиков, с которым он беседовал по дороге в Париж о своей замечательной победе при Маренго, он сказал: "Что ж, несколько таких великих подвигов, как эта кампания, и я, возможно, буду известен потомкам". "Мне кажется, - сказал его спутник, - что вы уже сделали достаточно, чтобы о вас некоторое время говорили повсюду". "Сделано достаточно, - быстро сказал Бонапарт, - Вы очень добры! Разумеется, менее чем за два года я покорил Каир, Париж и Милан; что ж, мой дорогой друг, если бы мне суждено было умереть завтра, то через десять столетий я не заполнил бы и половины страницы всемирной истории!"

Ночью город Париж был ярко иллюминирован, и жители массово выходили на улицу. Ночь за ночью каждый дом был освещен. Людям так хотелось показать свою радость по поводу чудесной победы Наполеона, что они толпами стояли вокруг дворца, довольные, что им удалось хотя бы мельком увидеть спасителя Франции. Эти приемы так глубоко тронули его, что двадцать лет спустя, в одиночестве и изгнании, узник острова Святой Елены, он вспоминал об этом как об одном из самых гордых и счастливых моментов своей жизни.

На следующий день после его возвращения в столицу председатель Сената — весь его состав присутствовал при исполнении служебных обязанностей — сделал комплимент завоевателю Маренго в тех выражениях, в каких раньше обращались к королям, и, завершая свое обращение, сказал: "Мы с удовольствием признаем, что вам страна обязана своим спасением; что вам Республика будет обязана своей консолидацией, а народ - процветанием, которого вы добились за один день после десяти лет самой бурной из революций".

В ноябре после возвращения Наполеона в столицу он получил письмо, адресованное ему графом де Лиллем (впоследствии Людовиком XVIII), которое, как очевидно полагал изгнанный принц из Дома Бурбонов, возводило его на трон Франции. Он сказал: "Вы очень медлите с возвращением мне моего трона; следует опасаться, что вы можете упустить благоприятный момент. Вы не сможете обеспечить счастье Франции без меня; а я, с другой стороны, ничего не смогу сделать для Франции без вас. Тогда поторопись и сам укажи те должности и достоинства, которые удовлетворят тебя и твоих друзей".

Первый консул ответил так: "Я получил письмо вашего королевского высочества. Я всегда проявлял живой интерес к вашим несчастьям и несчастьям вашей семьи. Вы не должны думать о том, чтобы появиться во Франции — *вы не смогли бы этого сделать, не пройдя маршем по пятистам тысячам трупов*. Что касается остального, я всегда буду ревностно делать все, что в моих силах, чтобы смягчить судьбу вашего королевского высочества и заставить вас забыть, если это возможно, о ваших несчастьях. Бонапарт".

Битва при Маренго была отмечена в Париже праздником 14 июля, который представлял собой исключительно интересное зрелище благодаря появлению "гранитной стены", участники которой, как раз перед началом игр, вышли маршем на поле. Вид этих солдат, покрытых маршевой пылью, обожженных солнцем и перепачканных порохом, со следами героических подвигов на поле боя, представлял собой сцену настолько поистине трогательную, что стража

не могла удержать население от нарушения ограничений, чтобы поближе увидеть этих интересных героев.

Против УЛЬМА И АУСТЕРЛИЦА

Теперь Наполеон достиг такой точки могущества, что бурбоны отказались от всех надежд на реставрацию при его посредничестве, и в качестве следующего наилучшего средства получения контроля над тронem Франции было принято решение об убийстве. Первый консул не пробыл в Париже и месяца после ангажемента в Маренго, когда Черакки, довольно известный скульптор, покушался на жизнь Бонапарта, когда тот входил в театр. Если бы не его предательство со стороны сообщника, заговор увенчался бы успехом. За этой попыткой с помощью кинжала последовал взрыв адской машины, которая состояла из бочонка с порохом, окруженного огромным количеством виноградной дроби. В ночь на 10 октября машина была установлена на Насезе, узкой улочке, по которой должен был пройти Наполеон по пути в оперный театр.

Несколько лет спустя, рассказывая о том, как ему едва удалось спастись в ту ночь, он сказал: "Я весь день усердно работал, и после ужина меня так сморил сон, что Джозефине, которой очень хотелось пойти в оперу в тот вечер, было довольно трудно разбудить меня и убедить пойти. Я снова заснул после того, как мы сели в карету, и мне снилась опасность, которой я подвергся несколько лет назад, пересекая Тальяменто в полночь при свете факелов, во время наводнения, когда меня разбудил взрыв адской машины. "Мы взорваны", - сказал я Бессьеру и Ланну, которые были в экипаже, а затем быстро приказал кучеру ехать дальше".

Кучер, который был пьян, услышал приказ и, приняв взрыв за салют, яростно хлестал лошадей, пока они не подъехали к театру. Устройство было приведено в действие с помощью медленной спички, и взрыв произошел всего на двадцать секунд раньше положенного срока. Над виновными в этом позорном деянии было совершено немедленное правосудие, и некоторое время спустя герцог Энгиенский искупил ту роль, какой бы она ни была, которую бурбоны принимали в этих кровавых замыслах.

Австрия на несколько месяцев отложила окончательные переговоры по договору, согласованному после сражения при Маренго, очевидно, успокоенная покушениями на жизнь первого консула. Предварительные условия мира были подписаны в Париже между австрийским генералом Сент-Джулианом и французским правительством. Дюрок был отправлен к австрийскому императору за ратификацией статей; но, добравшись до штаба Рейнской армии, он получил отказ в выдаче пропуска для продолжения путешествия.

Наполеон немедленно приказал Моро возобновить военные действия, если император не сдаст крепости Ульм, Ингольштадт и Филлипсбург в качестве доказательств его искренности. Австрия, соответственно, купила дальнейшее продление перемирия этой дорогой ценой; в то же время предлагая вести переговоры о мире на новых основаниях. Весть о занятии трех крепостей

французскими войсками была объявлена в Париже 23 сентября 1800 года, где новые надежды на мир вызвали всеобщее удовлетворение.

Однако эти надежды оказались обманчивыми. Австрия медлила и уклонялась от ответа, пока не стало очевидно, что император не пойдет на сепаратный мир с Англией и что последняя готова поддержать своего союзника.

Наполеон, поняв, что с ним шутят, отдал приказ (в ноябре 1800 г.) всем своим генералам выступить со своими дивизиями в поход вдоль всех границ французских владений. Шок был мгновенным, от Рейна до Минчо. Брюн разбил австрийцев при Минчо; Макдональд удержал Тироль, а Моро одержал славную победу при Гогенлиндене после отчаянного и самого кровопролитного сражения. Этот последний конкурс решил судьбу кампании. Таким образом, имея три победоносные армии, любая из которых могла бы триумфально войти в Вену, Наполеон колебался достаточно долго, прежде чем сделать этот последний шаг, позволивший Австрии подписать честный и окончательный мир. Люневильский мирный договор был, наконец, добросовестно подписан 9 февраля 1801 года. Люневильским миром Наполеон во второй раз добился умиротворения Континента. Из всей могущественной коалиции, угрожавшей Франции в 1800 году, только Англия продолжала вести себя враждебно в 1801 году, если не считать Турции, с которой не могло быть достигнуто никакого соглашения, пока не будут улажены дела Египта.

8 марта 1801 года британская армия численностью 17 000 человек высадилась в Египте под командованием сэра Ральфа Аберкромби. Французы были очень плохо подготовлены к атаке. Английская армия преодолела сопротивление сил, которые препятствовали их высадке, из-за сильного прилива, образовавшегося на пляже, и двинулась на своего врага. Никаких общих действий не происходило до 21-го числа, когда англичане одержали решающую победу и отбросили Мему, который сменил командование войсками в Египте после смерти Клебера, с большими потерями за стены Александрии. Здесь он был блокирован, и генерал Бельяр, отрезанный от всякой связи с ним, капитулировал, после чего Мему подчинился. Каждый капитулировал при условии, что его заберут обратно во Францию со всеми его войсками, их оружием и багажом. Так закончилось завоевание Египта Наполеоном. Французский адмирал Гантеом долгое время предпринимал бесплодные попытки высадить подкрепление в Египте, но так и не смог ускользнуть от британских кораблей. Теперь ему было приказано возвращаться в Тулон, где велись приготовления к приему французских войск.

После известий о поражениях французской армии в Египте и великой морской победе Нельсона при Копенгагене, Наполеон был полон решимости склонить Англию к переговорам о мире и признании Французской Республики, и с этой целью он собрал армию в 100 000 человек на побережьях Франции, с флотилией, достаточно большой, чтобы осуществить высадку в Англии, когда обстоятельства, казалось, благоприятствовали такому движению. Именно в этот момент Фултон, изобретатель паровых лодок, сообщил о своем открытии Первому консулу. Таким образом, в руки Наполеона попал первый шанс на какое-то время исключительно обладать величайшим и наиболее разнообразным средством физической силы, когда-либо известным в мире. Едва соизволив задуматься на эту тему, Первый консул обошелся с изобретателем как с "провидцем".

Намеревался ли когда-либо Наполеон вторгнуться в Великобританию или нет, во всяком случае, ему удалось на какое-то время убедить мир в том, что таков был его замысел, и когда 25 марта

1802 года был подписан Амьенский мир, Париж и Лондон ликовали, как и все цивилизованные нации. Амьенский мир оставил военные ресурсы Франции без работы в руках Бонапарта. Это побудило его подумать о том, чтобы воспользоваться спокойствием в Европе и осуществить завоевание Сан-Доминго. Он передал командование экспедицией своему шуруину Леклерку, но она оказалась безуспешной.

Возобновление христианского богослужения во Франции в 1802 году дало Наполеону возможность показать, что в глубине души он разделяет интересы народа. Франция была неверующей нацией, и было модно верить, что Бога нет. Подписание Конкордата папой Пием VII дало Франции то, в чем она так долго нуждалась, — форму религиозного поклонения. Для этого шага потребовалась немалая целеустремленность. "Религия - это принцип, который невозможно искоренить из сердца человека", - сказал Наполеон. "В прошлое воскресенье я гулял здесь один, и церковные колокола деревни Руэл зазвонили на закате. Я был сильно тронут, настолько живо воспоминание о первых днях вернулось вместе с этим звуком. Если так происходит со мной, то как должно быть с другими? Восстанавливая Церковь, я учитываю пожелания подавляющего большинства моего народа". В соборе Нотр-Дам состоялась грандиозная религиозная церемония по случаю провозглашения Конкордата, на которой с большой помпой председательствовал Первый консул, на присутствовали все министры и высшие офицеры, находившиеся в то время в Париже. Другой мерой, принятой в этот период, был указ, разрешающий возвращение эмигрантов при условии, что они явятся и принесут присягу правительству в течение определенного срока. Подсчитано, что сто тысяч изгнанников вернулись в свою страну вследствие этого указа.

Примерно в этот же период Первый консул обратил свое внимание на систему национального образования. Он также приступил к титанической работе по подготовке кодекса законов для французской нации, в результате чего "Кодекс Наполеона" известен каждой цивилизованной нации земли. Общественные улучшения, которые ранее планировались, теперь были осуществлены, а науки и искусства развивались как никогда прежде.

Орден Почетного легиона обязан своим созданием Наполеону Бонапарту, и именно он поставил его на такую основу во Франции, что с тех пор он процветает там, как ни одно подобное учреждение на Континенте. Когда он был создан после нескольких месяцев тщательного рассмотрения, он считался необходимым для Франции. Обращаясь к своим государственным советникам, он сказал: "Они говорят о лентах и крестах, которые были игрушками монархов, и говорят, что у древних римлян не было системы почетных наград. У римлян были патриции, рыцари, граждане и рабы — для каждого класса были разные одежды и разные манеры — фресковые короны, гражданские венцы, речи, триумфы и титулы. Когда благородная банда патрициев потеряла свое влияние, Рим развалился на куски — народ превратился в мерзкий сброд. Именно тогда вы увидели ярость Мария, проскрипции Сциллы, а затем и императоров. Таким образом, о Бруте говорят как о враге тиранов; он был аристократом, который заколол Цезаря за то, что Цезарь хотел понизить авторитет сената. Вы называете эти ленточки и крестики детскими погремушками — пусть будет так: именно такими погремушками водят мужчин за нос. Я бы не сказал этого толпе, но на совете мудрецов и государственных деятелей можно говорить правду.... Понаблюдайте, как люди склоняются перед наградами иностранцев. Вольтер называет простых солдат "Александрами за пять су в день". Он был прав. Это именно так. Вы воображаете, что можете заставить людей сражаться рассуждениями? Никогда! Вы должны подкупить их славой, отличиями и наградами.... В общем, решено, что нам

нужны какие-то институты. Если этот орден Почетного легиона не одобрен, пусть будет предложен какой-нибудь другой. Я не претендую на то, что это само по себе спасет государство, но оно внесет свою лепту".

Орден Почетного легиона был учрежден 15 мая 1802 года. Когда Наполеон увидел плоды этого, он сказал: "Этот орден был наградой каждому, кто был честью для своей страны, стоял во главе своей профессии и внес свой вклад в национальное процветание и славу. Некоторые были недовольны тем, что этой наградой награждались одинаково офицеры и солдаты; другие — тем, что ее вручали за гражданские и военные заслуги без разбора; но если этот орден когда-нибудь перестанет быть наградой храброму рядовому или будет распространяться только на военных, он перестанет быть тем, чем я его наградил, - орденом Почетного легиона".

Первый консул по праву занимаемой должности был генерал-капитаном легиона и президентом административного совета. Назначение всех членов было пожизненным. Высшим офицерам назначалась ежегодная пенсия в размере свыше 1000 долларов. Пенсии, размер которых уменьшался, также присваивались нижестоящим степеням звания в ордене. Все члены должны были поклясться своей честью защищать правительство Франции и поддерживать неприкосновенность ее Империи, бороться всеми законными средствами против восстановления феодальных институтов и быть единодушными в поддержании принципа свободы и равенства. В день учреждения ордена Наполеон актом сената был назначен пожизненным консулом. Первый консул принял предложенную Сенатом отсрочку при условии, что по этому вопросу следует проконсультроваться с мнением народа. Вопрос, заданный им Камбасересом и Лебреном, звучал так: "Наполеон Бонапарт — будет ли он пожизненным консулом?" Реестры были открыты во всех муниципалитетах; и ответ людей, имеющих право голоса, был решающим. За предложение проголосовало свыше трех миллионов пятисот тысяч человек; 8300 человек были против. В августе месяце Наполеон был официально объявлен пожизненным консулом, и указ Сената немедленно укрепил его власть, позволив ему назначить своего преемника.

Это личное возвышение внесло свою лепту в увеличение числа врагов Наполеона. На самом деле кажется в какой-то мере удивительным, как какой-либо индивидуум мог изо дня в день убеждать целую нацию уступать ему такую часть своих прав и привилегий. Однако среди многих примеров его силы убеждения, которые можно было бы привести, один, произошедший примерно в этот период, не является наименее примечательным. В начале лета 1802 года некоторые высокопоставленные офицеры, восторженные республиканцы, обиделись на поведение Наполеона и решили пойти и возразить ему по пунктам, которые их оскорбили, и открыто высказать свое мнение. Вечером того же дня один из участников вечеринки дал следующий отчет об интервью: "Я не знаю, откуда это взялось, но в этом человеке есть очарование, неопишемое и неотразимое. Я не его поклонник; мне не нравится власть, до которой он дошел; и все же я не могу не признать, что в нем есть что-то такое, что, кажется, говорит о том, что он рожден повелевать. Мы вошли в его квартиру, полные решимости заявить о своих намерениях, горячо возразить ему и не уходить до тех пор, пока предмет нашей жалобы не будет устранен. Но в его манере принимать нас был определенный такт, который в одно мгновение обезоружил нас; мы не смогли произнести ни слова из того, что намеревались сказать. Он долго говорил с нами с присущим ему красноречием, объясняя с предельной ясностью и точностью необходимость неуклонного следования выбранной им линии поведения, и, не противореча нам в прямых выражениях, оспаривал наши мнения так умело, что

у нас не было ни слова, чтобы предложить в ответ, поэтому мы удалились, ничего не сделав, только выслушав, вместо того чтобы возражать ему, полностью убежденные, по крайней мере на данный момент, в том, что он был прав, а мы совершенно неправы!"

К концу 1802 года стало очевидно, что Амьенский мир покоился на непрочном фундаменте и в недалеком будущем был обречен на свержение. Вбеседе с лордом Уитвортом, послом Англии, Наполеон сказал: "Никакие соображения на земле не заставят меня согласиться на сохранение вами Мальты; я бы с таким же успехом согласился передать вам во владение Сент-Антуанское предместье. Каждый ветер, дующий из Англии, не приносит мне ничего, кроме ненависти и враждебности. Вторжение - это единственное средство нападения, которое я могу предпринять против нее, и я полон решимости поставить себя во главе экспедиции. Есть сто шансов против одного против моего успеха; но я не менее полон решимости предпринять попытку спуска, если следствием нынешнего обсуждения должна быть война ". Теперь он быстро довел дело до кризиса. Он обрушился на посла в резких выражениях на дипломатической встрече в Тюильри, которая закончилась резким прекращением совещания, когда Наполеон покинул комнату.

Перемирие длилось до 18 марта 1803 года, когда Англия снова объявила войну Франции. Было приказано арестовывать всю торговлю французской нации, где бы она ни была обнаружена, и двести судов, на которых находилось имущества на сумму не менее 15 000 000 долларов, попали в руки Англии. Наполеон нанес ответный удар, арестовав более десяти тысяч англичан, находившихся тогда во Франции. Военный набат прозвучал во всех частях Европы, и 160 000 французских солдат были выстроены на побережье Франции, снова угрожая вторжением в Англию. Франция в то время была совершенно не готова к войне; этого было достаточно, чтобы показать, что Первый консул не желал прекращения мира. Армия была полностью переведена на мирное положение; большое количество войск было распущено, а артиллерийские парки расформированы. Были предложены новые планы перекачки артиллерии, и они уже начали разбирать пушки, чтобы бросить их в печи. Военно-морской флот находился в еще менее пригодном для эксплуатации состоянии. В обращении к Сенату Наполеон сказал: "Переговоры закончены, и мы атакованы; давайте, по крайней мере, будем сражаться, чтобы сохранить веру в договоры и честь французского имени". Нация с энтузиазмом откликнулась на этот призыв; крупные города выделили денежные суммы на строительство кораблей, и армия была быстро набрана.

Первое враждебное движение Наполеона было направлено против континентальных владений Георга III. Генерал Мортье вторгся в курфюршество Ганновер с 15 000 человек, и ганноверская армия сложила оружие. Вторым шагом Первого консула была оккупация Неаполя. Попыток сопротивления предпринято не было. Эти меры, помимо того, что позволили Наполеону содержать свою армию за счет сборов с оккупированных им иностранных государств, также нанесли ущерб торговле Англии, прекратив всякое сообщение со многими из лучших рынков Континента. Теперь первый консул в сопровождении Жозефины посетил главные города, где производил наблюдения и отдавал приказы относительно укреплений. Все эти меры были подготовительными со стороны Наполеона к его решительному плану попытки вторжения в Англию. Средства были частично получены за счет продажи Луизианы Соединенным Штатам.

Теперь снова прибегали к покушениям, чтобы свергнуть Наполеона; но все попытки, как и прежде, оказывались тщетными. Раскрывался заговор за заговором — все они вели к политическим врагам Наполеона. Первый консул принял решение о возмездии и приказал

арестовать герцога Энгиенского в его замке в герцогстве Баден. Три дня спустя герцога перевезли в Париж, и после нескольких часов заключения его перевели в старую государственную тюрьму Франции, где он предстал перед военным трибуналом и самым кратким и поспешным образом был признан виновным в том, что воевал против Республики, и приговорен к смертной казни. Его спустили по винтовой лестнице при свете факелов и застрелили во рву на территории замка в шесть часов утра. Вся Европа содрогнулась от этого поступка, но он привел именно к тому результату, которого добивался Наполеон: после этого он навсегда был защищен от покушений на свою жизнь.

До раскрытия этого заговора французский сенат направил Наполеону обращение, поздравляя его с побегом из предыдущего заговора, в ходе которого сто человек замыслили лишить его жизни. В ответ он сказал: "Я уже давно отказался от надежды насладиться радостями частной жизни; все мои дни посвящены выполнению обязанностей, которые возложили на меня моя судьба и воля французского народа. Небеса будут присматривать за Францией и разгромят заговоры нечестивых. Граждане могут не беспокоиться; моя жизнь продлится до тех пор, пока это будет полезно нации; но я хочу, чтобы французский народ понял, что существование без их доверия и привязанности было бы для меня лишено утешения, а для них не имело бы цели".

Титул Первого консула, которым Наполеон отличался более четырех лет, был заменен 18 мая 1804 года на титул императора по совету Сената, где он был впервые публично озвучен, и при всеобщем согласии французского народа. Более 3 500 000 человек проголосовали за эту меру и около 2 000 - против. Дебаты в Сенате несколько затянулись, и так велико было нетерпение военных, что парижский гарнизон решил провозгласить своего начальника императором на первом смотре, и Мюрат, губернатор города, был вынужден собрать офицеров в своем доме и связать их обещанием сдерживать войска. Дух армии в Булони вскоре проявился, когда они проголосовали за возведение колоссальной бронзовой статуи Наполеона, которую следовало установить посреди лагеря. Каждый солдат выделял на эти цели часть своего жалованья, но была нехватка бронзы. Сульт, руководивший завершением предприятия, отправился во главе делегации к Наполеону и сказал: "Сир, одолжите мне бронзу, и я верну ее пушками противника в первом же сражении", - и он сдержал свое слово.

С картины Дж . Л. Дэвида

Аллегорическое изображение перехода Наполеона через Альпы

27 мая Наполеон принял присягу сената, официальных органов, ученых корпораций и войск парижского гарнизона. Louis XVIII. немедленно обратился с протестом ко всем государям Европы против узурпации власти Наполеоном. Фуше, который был первым, кто услышал об этом документе, немедленно сообщил об этом императору, чтобы тот подготовил необходимые распоряжения для наблюдения за теми, кто может попытаться его распространить; но велико было его удивление, когда на следующее утро он получил указание поместить всю статью в "Монитор", где она и появилась на самом деле. Это было все, на что обратил внимание Наполеон по этому поводу.

1 декабря того же года списки проголосовавших за установление наследственного наследования Империи в его семье были публично представлены Сенатом Наполеону, а на следующий день, в разгар одной из самых впечатляющих и блестящих сцен, когда-либо разыгрывавшихся во Франции, Наполеон и Жозефина были коронованы императором и императрицей Франции Пием VII., римским понтификом, в соборе Нотр-Дам.

Император принес свою коронационную присягу, как обычно в таких случаях, положив руку на Священное Писание и в форме, повторенной ему папой; но в самом акте коронации было заметное отклонение от общепринятого обычая. После того как корона была благословлена папой римским, Наполеон собственноручно взял ее с алтаря и возложил себе на лоб. Затем он надел диадему на голову Жозефины. Герольды провозгласили, что "трижды славный и трижды августейший Наполеон, император Франции, коронован и возведен на престол", и на этом представление закончилось. "Те, кто помнит, что видел это, - говорит сэр Вальтер Скотт, -

должны теперь усомниться, были ли они наяву, или же воображение создало видение, столь ослепительное по своему внешнему виду, столь необычное по своему происхождению и развитию и столь эфемерное по своей долговечности".

Вскоре после этого сенаторы Итальянской Республики потребовали, чтобы Наполеон был коронован как их король, и в мае следующего 1805 года в древнем Миланском соборе он принял Железную корону ломбардских королей, сказав при этом: "Бог дал ее мне; пусть остерегается, кто прикоснется к ней!"

В результате этой церемонии возник новый рыцарский орден Железной Короны, девизом которого стали эти слова.

8 мая, находясь по дороге в Милан, Наполеон выразил желание посетить поле битвы при Маренго, на котором он отвоевал Италию пять лет назад. Таким образом, все французские войска в этой части Италии были собраны там в количестве 30 000 человек. Одетый в шляпу и мундир, которые были на нем в день этого достопамятного сражения, император проехал верхом по армии на смотре и раздал кресты Почетного легиона с теми же церемониями, которые были соблюдены на Марсовом поле, и с той же ответной восторженной преданностью со стороны частей войск. "Было замечено, - говорит Бурьен, - что черви, которые не щадят ни костюмов живых королей, ни тел умерших героев, были заняты трофеями Маренго, которые, тем не менее, Бонапарт носил на смотре". Наполеон продолжил свое путешествие только после того, как заложил первый камень памятника, посвященного тем, кто был убит на поле боя, и в тот же день въехал в Милан. Тем временем активность во Франции не ослабевала, и едва ли день проходил без какого-нибудь пустякового столкновения, вызванного упорным преследованием эскадр французского флота, продвигавшихся к Булони.

Едва император вступил в Париж после своего возвращения с коронации в Италии, как узнал, что против него образовалась новая коалиция и что Англия, Россия, Австрия и Швеция с полумиллионной армией снова готовятся к войне. Предлагаемыми целями были, вкратце, независимость Голландии и Швейцарии; эвакуация Ганновера и севера Германии французскими войсками; возвращение Пьемонта королю Сардинии; и полная эвакуация Италии Францией. Великобритания, помимо оказания помощи своим войскам на море и суше, должна была выплачивать крупные субсидии для поддержки армий коалиции. Наполеон в значительной степени разгадал планы союзных держав, но не был готов к внезапному взятию Австрии в руки оружия без какого-либо объявления войны; мера, которую Австрия оправдывала, ссылаясь на усиливающиеся вторжения Франции в Италию.

Поскольку император желал иметь время для продолжения и совершенствования великих общественных работ, которые он начал или планировал, он самым искренним образом желал мира и снова направил письмо королю Англии, к которому отнеслись с презрением. Во Франкфурт-на-Майне был направлен посланник, чтобы окончательно выяснить, действительно ли Австрия намеревалась втоптать в грязь еще один мирный договор, причем так скоро после рокового дня при Маренго. Гонец вскоре вернулся с лучшими картами Германской империи и, развернув их на столе совета в Тюильри, сказал: "Австрийский генерал наступает на Мюнхен: русская армия в движении, и Пруссия присоединится к ним".

Император России двинулся в Берлин, чтобы склонить прусского монарха на сторону великой коалиции Бурбонов, и, чтобы сделать соглашение более впечатляющим, он попросил своего брата посетить вместе с ним могилу Фридриха Великого. При свете факелов они спустились в склеп, и там, над почетным прахом Фридриха, Франциск, его наследник, принес торжественную клятву, указав на меч своего предка, лежавший на гробу, присоединиться к европейской коалиции. Несколько недель спустя Наполеон посетил гробницу как победитель и сказал своему слуге, забирая драгоценные реликвии: "Эти ордена и шпага не будут свидетелями другой подобной сцены лжесвидетельства над прахом Фридриха!"

Молодой император Франции собрал своих орлов, чтобы повести их к Дунаю. Французскому сенату, которому Наполеон сообщил о враждебном поведении России и Австрии, император сказал: "Я собираюсь покинуть свою столицу, чтобы встать во главе своей армии, чтобы я мог оказать быструю помощь моим союзникам и защитить самые дорогие интересы моего народа.... Я сожалею о крови, которой это будет стоить Европе; но это будет средством придать новый блеск имени Франции". Еще одна кампания против королей Европы была неизбежна, и он приступил к уничтожению армии Македонии не одним генеральным сражением, как при Маренго, а серией грандиозных маневров и чередой частичных действий, необходимых для их выполнения, которые сделали невозможными как помощь, так и отступление.

Великая армия, которая была собрана на побережье Франции для вторжения в Англию, теперь была выведена из бездействия и направлена маршем к границам Германии. Граф де Сегюр, командовавший отрядом гвардии в Тюильри и сопровождавший Наполеона в этой кампании, описывает в своих "Мемуарах" примечательную сцену в личных покоях императора в Булони перед тем, как Наполеон двинулся к границе. Император только что получил известие о том, что адмирал Вильнев отвел французский флот в Ферроль и покинул Ла-Манш. Узнав об этом, император сразу решил, что предполагаемое вторжение в Англию в то время невозможно. Затем Сегюр говорит: "Садись сюда, - сказал Наполеон г-ну Дару, в то время исполнявшему обязанности генерал-интенданта армии, - и пиши". И затем, без перехода, без какого-либо видимого раздумья, со своим кратким и властным акцентом, он без колебаний продиктовал ему план кампании от Ульма до Вены! Береговая армия, протянувшаяся от океана более чем на двести лиг, должна была по первому сигналу развернуться и несколькими колоннами двинуться к Дунаю! Порядок маршей, их продолжительность, пункты сосредоточения, воссоединения колонн, неожиданности, атаки, различные передвижения, ошибки противника — все было предусмотрено.... Поля сражений, победы, даже даты, в которые мы должны были войти в Мюнхен и Вену, — все было записано точно так, как это произошло, причем за два месяца до этого, в этот самый час 13 августа, и от этого генерал-квартирмейстера на побережье. Дару, однако привыкший к вдохновениям своего вождя, остался ошеломлен, и он был еще больше удивлен, когда впоследствии увидел, что эти предсказания воплотились в жизнь. Император без промедления вернулся в Париж и там представил Сенату информацию о состоянии армии и объявил о начале военных действий.

Прошло пять лет с тех пор, как солдаты в последний раз участвовали в сражениях, и в течение двух с половиной лет они тщетно ждали возможности перебраться в Англию. Тогда было бы трудно составить какое-либо представление об их радости или об их рвении, когда они узнали, что будут задействованы в большой войне. Старые и молодые страстно желали сражений, опасностей, дальних походов. Они победили австрийцев, пруссаков, русских; они презирали

всех солдат Европы и не представляли, что в мире есть армия, способная противостоять им. Они начали петь и кричать: "Да здравствует Имперец!"

В то же время Массена получил приказ перейти в наступление в Италии и, по возможности, пробиться в наследственные государства Австрии. Две французские армии, одна из которых форсировала Рейн, а другая прорывалась через Тироль, рассчитывали соединиться у стен Вены. Назначив Жозефа Бонапарта руководить правительством в свое отсутствие, Наполеон покинул Париж 24 сентября 1805 года в сопровождении Жозефины до Страсбурга: здесь они расстались. Император встал во главе своей армии и 1 октября переправился через Рейн. Теперь он начал серию грандиозных маневров и частичных действий, требующих непревзойденного мастерства, с целью уничтожения великой австрийской армии под командованием генерала Мака.

Мак, возглавивший австрийские войска, разместил свой штаб на западной границе Баварии, в Ульме. Благоразумие подсказывало бы ему занять линию реки Инн, которая, простираясь от Тироля до Дуная у Пассау, обеспечивает надежную защиту австрийской территории и на которой он мог бы в относительной безопасности ожидать прибытия русских войск, а затем выступить на помощь Австрии в кампании.

Наполеон поспешил воспользоваться ошибкой Мака и сочетанием маневров со своими различными дивизиями добился того, что большая часть французской армии продвинулась в сердце Германии по левому берегу Дуная, а затем, переправившись через реку, закрепился в тылу австрийского генерала, когда тот ожидал нападения перед Ульмом. Как бы то ни было, связь Мака с Веной была прервана, и он оказался в полной изоляции.

Никогда еще не было такого изумления, какое охватило всю Европу при неожиданном прибытии французской армии. Предполагалось, что он находится на берегах океана, и через двадцать дней, едва ли за то время, чтобы слух о его походе распространился до этого места, он появился на Рейне.

Наполеону не удалось достичь своей цели занять позицию в тылу Мака без сопротивления, но в различных боях с различными дивизиями австрийской армии при Вертингене, Ганцбурге, Мемингене и Эльхингене французы добились одинакового успеха. В Мемингене генерал Шпангенбург был вынужден капитулировать, и 5000 человек сложили оружие. В период с 26 сентября по 13 октября в руки французов попало не менее 20 000 пленных.

Император проходил смотр драгун деревни Цумерсхаузен, когда приказал привести к нему драгуна по имени Маренте из 4-го полка, одного из доблестных солдат, который при переправе через Лех спас своего капитана, которым он за несколько дней до этого был лишен своего звания. Затем Наполеон наградил его орлом ордена Почетного легиона.

"Я всего лишь выполнил свой долг, - заметил солдат. - мой капитан разжаловал меня из-за какого-то нарушения дисциплины, но он знает, что я всегда был хорошим солдатом".

Император выразил свое удовлетворение драгунами за храбрость, проявленную ими в битве при Вертингене, и приказал каждому полку представить по драгуну, которым он также награждал орден Почетного легиона.

Наполеон рассматривал битву при Эльхингене, последовавшую за действиями при Вертингене и Ганцбурге, как один из величайших ратных подвигов, когда-либо совершенных его армией. С этого поля битвы он послал сенату сорок штандартов, взятых французской армией в различных битвах, последовавших за битвой при Вертингене. "С момента моего вступления в эту кампанию, - писал он, - я располагал армией в 100 000 человек. Я взял почти половину из них в плен; остальные либо дезертировали, либо убиты, ранены, либо приведены в величайший ужас ... С помощью Божественного Провидения я надеюсь за короткое время одержать победу над всеми моими врагами".

К 13 октября генерал Мак оказался полностью окружен в Ульме с гарнизоном из 20 000 отборных солдат. В этот день Наполеон обратился с волнующей речью к своим солдатам на мосту через Лех в самый сильный мороз, земля была покрыта снегом, а войска по колено увязали в грязи. Он предупредил их, что их ожидает большое сражение, и объяснил отчаянное положение врага. Ему ответили одобрительными возгласами и повторяющимися криками: "Да здравствует Император!" Слушая его волнующие слова, солдаты забывали о своей усталости и лишениях и сгорали от нетерпения ринуться в бой.

Когда Наполеон проходил сквозь толпу пленных, австрийский полковник выразил свое изумление при виде императора Франции, промокшего под дождем, покрытого грязью и уставшего не меньше, а то и больше, чем самый жалкий барабанщик в его армии. Присутствовавший адъютант объяснил ему, что сказал австрийский офицер, и император приказал дать такой ответ: "Ваш господин хотел, чтобы я вспомнил, что я был солдатом; я надеюсь, что он согласится с тем, что трон и императорский пурпур не заставили меня забыть мою первоначальную профессию".

С высоты Эльхингенского аббатства Наполеон теперь созерцал город Ульм у своих ног, со всех сторон окруженный его пушками; его победоносные войска были готовы к штурму, а великая австрийская армия заперта за стенами. Четыре дня спустя от генерала Мака прибыл флаг перемирия.

Наполеон призвал командующего сдаться, и в отличие от храброго Вурмзера, который держал Мانتую до последнего во время кампании при Альвинци, он капитулировал, не рискуя нанести удар. Накануне Мак опубликовал воззвание, призывающее его войска готовиться к "предельно упорной обороне" и запрещающее под страхом смерти произносить само слово "капитуляция" в стенах Ульма. Он объявил о прибытии двух мощных армий, одной австрийской, другой русской, появление которых "вскоре сняло бы блокаду". Он даже заявил о своем намерении есть конину, а не выслушивать какие-либо условия капитуляции!

Утром 15 октября Наполеон, наконец, решил довести дело до конца и отдал приказ маршалу Нею штурмовать высоты Михельсберга. Внезапно батарея, разоблаченная австрийцами, обрушила свой картечный огонь на имперскую группировку. Ланн, который должен был прикрывать Нея с фланга, резко схватил лошадь Наполеона, чтобы увести его из-под палящего огня. Последний занял позицию, чтобы наблюдать за Неем, который привел свои колонны в движение. Заняв безопасную позицию, император увидел, как этот бесстрашный предводитель взобрался на укрепления, возведенные на Михельсберге, и разнес их штыком. Мгновением позже Ланн обеспечил себе еще одно очко в атаке.

Затем Наполеон приостановил сражение до следующего дня, когда приказал бросить в Ульм несколько снарядов, а вечером отправил Сегюра к генералу Маку с призывом сдаться. Посланнику было очень трудно попасть в это место. Его привели к Маку с завязанными глазами, который, стараясь скрыть свое беспокойство, тем не менее не смог скрыть своего удивления и горя, узнав о масштабах своего бедствия и безнадежном положении.

17-го числа Мак подписал статьи, по которым военные действия были немедленно прекращены, и он со всеми своими людьми согласился сдаться (!) в качестве военнопленных в течение десяти дней, если только не появятся какие-нибудь австрийские или русские силы и не попытаются снять блокаду. 19-го, после личного визита в лагерь Наполеона, Мак подчинился "пересмотру" договора, а 20-го состоялась официальная эвакуация Ульма.

Тридцать шесть тысяч солдат выстроились в шеренгу и сложили оружие перед Наполеоном и его штабом. Был разведен большой сторожевой костер, возле которого расположился император, чтобы наблюдать за церемонией. Генерал Мак вышел вперед и обнажил свою шпагу, воскликнув с горечью: "Вот несчастный Мак!" Наполеон принял его и его офицеров с величайшей вежливостью. Восемнадцать генералов были уволены условно-досрочно, огромное количество всевозможных боеприпасов попало в руки победителя, а в Париж была отправлена повозка с австрийскими штандартами.

Наполеон обязал свои войска соблюдать строжайшее молчание, пока продолжалась эта церемония, столь болезненная для их врагов. В одном случае он немедленно приказал удалиться одному из своих генералов, от которого его чуткий слух уловил какую-то остроту, сказанную по этому поводу.

Всем австрийским офицерам было разрешено вернуться домой под честное слово не служить против Франции до тех пор, пока не состоится общий обмен пленными.

Эта кампания, возможно, не имеет аналогов в истории войн по величию ее результатов по сравнению с небольшими затратами, которыми они были достигнуты. Из французской армии было убито и ранено едва ли полторы тысячи человек; в то время как австрийская армия численностью почти в девяносто тысяч человек была почти полностью уничтожена; все, за исключением 15 000 человек, которым удалось спастись, были убиты, ранены или взяты в плен; кроме того, они потеряли 200 орудий и девяносто знамен. Среди солдат было распространено замечание: "Император нашел новый метод ведения войны; он заставляет нас использовать ноги вместо штыков". Пять шестых французской армии так и не сделали ни единого выстрела, что привело войска в ужас!

Массена также добился успеха в своем наступлении из Ломбардии, эрцгерцог Карл, который командовал армией численностью 80 000 человек для Австрии, был вынужден покинуть Италию, и маршал Ней, которого Наполеон отделил от своей основной армии, приказав наступать в Тироле, был не менее успешен. Количество пленных, взятых в этой кампании, было так велико, что Наполеон распределил их среди земледельцев, чтобы их работа на полях могла восполнить отсутствие призывников, которых он отстранил от этой работы.

Слухи о приближении русских, возглавляемых лично императором Александром, распространялись быстро и часто. Дивизии Массены и Нея находились теперь в распоряжении Наполеона, который сосредоточивал свои силы для нападения на Вену и вместе с основными силами двинулся на столицу австрийского императора. Император Франциск, поняв, что Вена

неспособна к обороне, 7 ноября покинул свой дворец и направился в ставку Александра в Брюнне.

Когда Наполеон ехал верхом по венской дороге, он заметил приближающийся открытый экипаж, в котором сидели священник и дама, залитая слезами. Император был одет, как обычно, в форму полковника гвардейского егерского полка. Дама не узнала его. Он спросил о причине ее расстройства и о том, куда она направляется.

"Сэр, - сказала она, - примерно в двух лье отсюда меня ограбил отряд солдат, которые убили моего садовника. Я собираюсь попросить вашего императора выделить мне охрану; когда-то он хорошо знал мою семью и был перед ними в долгу.

- Ваше имя? - осведомился Наполеон.

- Де Брюнни, - ответила дама. - Я дочь господина де Марбефа, бывшего губернатора Корсики.

"Я рад познакомиться с вами, мадам, — воскликнул наполеон с самой очаровательной откровенностью, - и иметь возможность служить вам, я император".

Дама выразила большое удивление и отказалась, согласившись подождать командира в штабе. Здесь ей устроили пикет из егерей.

13-го числа французы вошли в Вену, и Наполеон поселился в императорском дворце Шенбрунн, доме австрийских цезарей. В этот момент Наполеон узнал об успехе англичан при Трафальгаре 19 октября, на следующий день после того, как Мак капитулировал при Ульме. Это было сражение с ожесточенными боями, которое привело к окончательному уничтожению французского флота. Каким бы великим ни был триумф Англии, он был куплен дорогой ценой — Нельсон пал, смертельно раненный, в самом начале боя. Он прожил ровно столько, чтобы услышать победные крики, и, уходя из жизни, сказал: "Слава Богу! Я выполнил свой долг!"

Известие о Трафальгаре послужило лишь новым стимулом для энергии Наполеона. "Небеса даровали Англии морскую империю, - сказал он, - но нам судьба предопределила господство на суше". Но хотя такой знаменательный успех увенчал начало кампании, было необходимо нанести поражение надменным русским, прежде чем цель войны можно было считать достигнутой. Разбитые и раздробленные остатки австрийских войск сплотились с разных сторон вокруг еще нетронутой армии Александра; поэтому Наполеон подождал, пока в результате его искусных комбинаций вокруг него не соберутся самые большие силы, на которые он мог рассчитывать, прежде чем отважиться на генеральное сражение. Затем он покинул Вену и поставил себя во главе своих колонн, которые вскоре оказались в пределах досягаемости русских и австрийских войск, наконец объединенных и готовых к действию, и под присмотром своих императоров.

Теперь это должна была быть битва трех императоров — Франции, России и Австрии. Наполеон разместил свою штаб—квартиру в Брюнне, куда прибыл 20 ноября, и, проезжая верхом по равнине между этим пунктом и Аустерлицем, деревней примерно в двух милях от Брюнна, сказал своим генералам: "Хорошенько изучите это поле боя - вскоре нам придется сражаться за него".

Наполеон, узнав, что император Александр лично находится во вражеском лагере, послал Савари засвидетельствовать свое почтение этому государю и, конечно, "попутно понаблюдать, насколько это возможно, за численностью и состоянием войск противника". Гонец сообщал, что русские были убеждены, что неудачи предыдущей кампании были результатом непростительной трусости австрийцев, и первое генеральное сражение покажет, какими воинами были русские. Савари сказал, что из трехдневных бесед, которые он вел почти с тридцатью хлыщами о личности Александра, следует, что самонадеянность, невнимательность и неблагоразумие преобладали в решениях военных в той же степени, что и в политическом кабинете, и что армия, руководимая таким образом, неизбежно должна совершать большие ошибки.

Царь послал молодого адъютанта ответить на комплимент Савари, и тот обнаружил, что французские солдаты заняты укреплением своей позиции — позиции, которую Наполеон некоторое время назад решил занять; но переговоры ни к чему не привели: Наполеон хотел либо сокрушительного сражения, либо мира. Адъютант, посланный Александром, был впечатлен тем, что показалось ему свидетельством страха и настороженности со стороны французов. Установка сильной охраны и укреплений, возведенных с такой поспешностью, казалась ему мерами предосторожности наполовину разбитой армии. Русский князь обсуждал каждый пункт с видом дерзости, которую трудно себе представить. Он разговаривал с Наполеоном так, словно беседовал с русским офицером; но император подавил свое негодование, и молодой человек вернулся в полном убеждении, что французская армия находится на грани гибели. Говорят, что несколько старых австрийских генералов, участвовавших в кампаниях против Наполеона, предостерегали русский совет от излишней самонадеянности, поскольку им предстояло выступить против старых солдат и способных офицеров. Они сказали, что видели, как Наполеон, сведенный к горстке людей, вернул себе победу в самых трудных обстоятельствах путем быстрых и непредвиденных операций, в результате которых он уничтожил многочисленные армии. Самонадеянный молодой человек заявил, что присутствие российского императора вдохновит войска на победу, тем более что им будут помогать отборные войска императорской гвардии России.

1 декабря, увидев, что русские начали спускаться с цепи высот, на которых они могли бы принять атаку с большим преимуществом для себя и оставаться в безопасности до тех пор, пока эрцгерцог Карл не сможет подойти с 80 000 человек из Богемии и Венгрии, Наполеон восторженно воскликнул, став свидетелем этого опрометчивого маневра: "Через двадцать четыре часа эта армия будет моей!" Тем временем, выводя свои аванпосты и концентрируя силы, он продолжал имитировать сознательную неполноценность, которой на самом деле не существовало. В распоряжение дня (1 декабря) перед битвой при Аустерлице Наполеон включил следующее воззвание:

"Солдаты, русские перед вами, чтобы отомстить за австрийскую армию под Ульмом. Они состоят из тех же батальонов, которые вы разбили при Холленбруне и постоянно преследовали. Позиции, которые мы занимаем, внушительны; и, пока они будут маршировать справа от меня, они подставят мне свой фланг. — Солдаты, я сам буду командовать всеми вашими батальонами. Я буду держаться на расстоянии от стрельбы, если вы, с присущей вам храбростью, внесете смятение в ряды противника; но если победа покажется на мгновение сомнительной, вы

увидите, как ваш император подставит себя под первые удары; ибо победа не может колебаться в этот день, когда затронута честь французской пехоты, имеющая такое большое значение для всей армии. Не допускайте, чтобы ряды поредели под предлогом выноса раненых; но пусть каждый человек будет твердо убежден, что мы должны победить наемников Англии, которые одушевлены такой глубокой ненавистью к нашей нации. Эта победа должна положить конец нашей кампании, когда мы вернемся на зимние квартиры и к нам присоединятся новые армии, формирующиеся во Франции. Мир, который я установлю, будет достоин моего народа, вас и меня самого.

(Подпись)

Наполеон".

С рисунка Раффета

Французские войска пересекают реку Большой Сен - Бернар

В час ночи 2 декабря Наполеон, часок поспав у сторожевого костра, сел верхом и отправился на разведку передней части своей позиции. Он хотел сделать это так, чтобы его не узнали, но солдаты проникли в тайну, и, разожгв большие костры из соломы вдоль линии фронта, 80 000 человек встречали его от поста к посту с большим энтузиазмом. Они напомнили ему, что сегодня годовщина его коронации, и заявили, что отпразднуют этот день достойно его славы.

"Только пообещайте нам, - воскликнул один старый гренадер, - что вы не попадете под огонь: я обещаю вам от имени гренадеров армии, что вам придется сражаться только глазами, и мы привезем вам знамена и артиллерию русской армии, чтобы отпраздновать годовщину вашей коронации".

"Я так и сделаю, - ответил император, - но я буду с резервом, *пока мы вам не понадобится*". Это обещание Наполеон вскоре повторил в своем воззвании. Подписав этот документ, он бросил перо и воскликнул: "Это самый благородный вечер в моей жизни; но завтра я потеряю слишком многих из этих храбрых парней. Боль, которую я испытываю при этой мысли, заставляет меня

чувствовать, что они действительно мои дети; и я действительно злюсь на себя за эти ощущения, поскольку боюсь, что они лишат меня мужества на поле битвы ".

В ходе его приготовлений к этому решающему сражению, которые он предпринял немедленно, десять батальонов императорской гвардии и десять батальонов дивизии Удино должны были оставаться в резерве в тылу линии фронта под наблюдением самого Наполеона, который предназначил им с сорока полевыми частями действовать там, где судьба сражения сделает их услуги наиболее необходимыми.

"Сражение было спланировано Наполеоном во всех деталях, - говорит Сегюр, - точно так же, как он планировал стратегические передвижения армии. Рано утром он послал за всеми своими адъютантами, чтобы те пришли в маленький домик, где он провел ночь. У нас была легкая трапеза, которую, как и он сам, мы съели стоя; после чего, надев свой меч, он сказал: "А теперь, джентльмены, пойдете и начнем великий день. - Мы все побежали к нашим лошадям. Мгновение спустя мы увидели на вершине холма, который солдаты называли "холмом Императора", прибывающих с разных концов нашей линии, в сопровождении каждого из своих адъютантов, всех начальников наших армейских корпусов, Мюрата, Ланна, Бернадотта, Сульта, Даву, — все они прибывали, чтобы получить последние приказы. Если бы мне суждено было прожить так долго, как просуществует мир, я бы никогда не забыл эту сцену".

После туманного рассвета солнце, наконец, вошло с необычайной яркостью, настолько яркой, что "солнце Аустерлица" впоследствии вошло в поговорку у французских солдат, которые приветствовали подобные рассветы с ликованием и как верное предзнаменование победы. Император сказал, проходя перед несколькими полками: "Солдаты, мы должны завершить эту кампанию ударом молнии, который посрамит гордыню наших врагов". Они немедленно приподняли шляпы на остриях штыков, и крики "Да здравствует император!" послужили настоящим сигналом к битве. Мгновение спустя горизонт прояснился, и когда солнце выпустило свои сверкающие лучи, на конце правой линии послышалась канонада. Великая битва при Аустерлице началась.

В начале сражения русский главнокомандующий Кутузов попал в ловушку, расставленную для него Наполеоном, и послал большую дивизию своей армии обойти французов справа. Его войска, выделенные для этой цели, встретили неожиданное сопротивление Даву и были сдержаны. Наполеон немедленно воспользовался предоставленной ему противником возможностью, оставив глубокую брешь в их линии, и на это пространство Султ немедленно направил силы, которые полностью перерезали всякое сообщение между центром и левым флангом русских.

Царь быстро осознал фатальные последствия этого движения и приказал своей охране броситься на возвышенность, называемую холмом Працен, где происходило столкновение, и отбить Сульта. Русским удалось оттеснить французов от себя, когда Наполеон приказал Бессьеру отправиться им на выручку с императорской гвардией. Русские пришли в некоторое замешательство от нетерпения одержать временную победу, и хотя они упорно сопротивлялись Бессьеру, в конце концов они были сломлены и обратились в бегство. Полк великого князя Константина, который доблестно вел русских, теперь был уничтожен, и герцог спасся только благодаря скорости своей лошади.

Центр французов теперь продвигался вперед, и атаки кавалерии Мюрата были самыми решительными, в то время как левое крыло под командованием Ланна продвигалось вперед *эшелонами*, полками, таким же образом, как если бы они упражнялись дивизиями. Затем по всей линии фронта разразилась ужасающая канонада; было задействовано двести три орудия и почти двести тысяч человек, так что это действительно было грандиозное сражение. Успех не вызывал сомнений: в одно мгновение русские были практически разбиты, их полковник, артиллерия, штандарты и все остальное было уже захвачено. В час дня победа была предрешена; в ней ни на минуту не было сомнений, и резервистов не потребовалось.

С высот Аустерлица императоры России и Австрии наблюдали полное крушение своего центра, как они уже видели это с левого фланга. Только правое крыло осталось несломленным, оно успешно отразило стремительную атаку Ланна; но теперь Наполеон мог окружить их со всех сторон, и, поскольку его артиллерия вела по ним непрерывный огонь с высот, они в конце концов сочли невозможным удерживать свои позиции и были отброшены с позиции на позицию. В конце концов их загнали в лощину, где несколько замерзших озер были единственным способом спастись от приближающейся канонады. В этот момент французы разбили лед вокруг себя ураганным огнем из 200 тяжелых орудий, и почти 2000 человек погибли на месте, некоторых унесло артиллерией, но большая часть утонула под разбитым льдом.

Крики умирающих русских, когда они погружались под воду, были, однако, заглушены победоносными криками французов, которые преследовали рассеивающиеся остатки врага во всех направлениях. В "Бюллетене о сражении" Наполеон сравнил эту сцену с битвой при Абукире, "когда море было покрыто тюрбанами".

Император обратился к своим солдатам вечером, предшествующим битве, чтобы подбодрить их мужество и предвещать им победу; он не забыл обратиться к ним снова после битвы и поздравить их с тем, что они так благородно помогли подтвердить его предсказание. "Солдаты, - сказал он им, - в этот день Аустерлица вы оправдали все, чего я ожидал от вашего бесстрашия. Вы украсили своих орлов бессмертной славой. Когда все, что необходимо для обеспечения счастья и процветания нашей страны, будет выполнено, я отвезу вас обратно во Францию. Там вы будете объектами моей нежнейшей заботы. Мой народ снова радостно встретит вас, и вам будет достаточно сказать: "Я был в битве при Аустерлице", а им ответить: "Вот храбрый человек!"

Позже Наполеон сказал об этом сражении: "Я участвовал в тридцати подобных битвах, но я никогда не видел столь решающей победы или такой, где шансы были бы так неравномерно распределены". В другой раз, находясь на острове Святой Елены, он сказал: "Если бы я не победил при Аустерлице, вся Пруссия была бы против меня".

Императоры России и Австрии с большим трудом собрали вокруг себя отдельные части своих армий и, охваченные ужасом, начали отступление. С "завоевателем" осталось 20 000 пленных, 40 артиллерийских орудий и все штандарты Императорской гвардии России. Такова была битва при Аустерлице, или, как с удовольствием называли ее французские солдаты, "Битва императоров"; и таким образом армия Наполеона выполнила свое обещание отпраздновать годовщину его коронации.

Бегущие императоры остановились в полночь для совета и решили при свете дня отправить гонца к Наполеону с предложениями о мире. Посланник был вежливо принят, и сразу же были

приняты меры к встрече австрийского и французского императоров в десять часов следующего дня. Они встретились примерно в трех лье от Аустерлица, возле мельницы. Наполеон первым спустился на землю; он немедленно приказал разжечь два костра и с эскадроном своей гвардии, выстроившись на расстоянии около двухсот шагов, ожидал прибытия Франциска и его личной свиты. Когда показался Франциск в сопровождении нескольких принцев и генералов и эскорта венгерской кавалерии, Наполеон подошел к его карете и обнял его. Затем два императора, каждый со своим сопровождающим, подошли к одному из костров у входа в военную хижину, в то время как свита двух монархов собралась вокруг другого костра, на расстоянии нескольких шагов.

"Вот дворцы, которые вы заставили меня занимать в течение этих трех месяцев", - сказал Наполеон, указывая на свои скромные покои.

"Вы так хорошо ими воспользовались, - ответил Фрэнсис, - что вам не следует жаловаться на их удобство".

Побежденный император представлен так, будто возложил вину за войну на англичан. "Это группа торговцев, - сказал он, - которые готовы поджечь континент, чтобы обезопасить себя от мировой торговли".

Когда два великих лидера расстались после часовой беседы, они снова обнялись, и Наполеон сказал в присутствии джентльменов из свиты — принца Иоанна Лихтенштейнского, стоявшего рядом с Франциском, и маршала Бертье, стоявшего рядом с Наполеоном: "Я согласен на это, но ваше величество не должны снова начинать войну против меня". "Нет, я обещаю вам, что не буду этого делать", — сказал Фрэнсис в ответ. "Я сдержу свое слово" - обещание, которое вскоре было нарушено.

Подразумевалось, что российский император, хотя и не присутствовал при этом, должен был соблюдать соглашение о перемирии. Александр заверил в этом маршала Даву, который преследовал его в ночь битвы, и Наполеон позволил русским беспрепятственно удалиться на свою территорию по королевскому слову Франциска, что Россия будет поддерживать его союзницу Австрию.

"Русская армия окружена, - сказал Наполеон Франциску. - Ни один человек не может спастись от меня, но я хочу оказать услугу их императору и остановлю марш моих колонн, если ваше величество пообещает мне, что эти русские покинут Германию, а также австрийскую и прусскую части Польши". "Такова цель императора Александра", - последовал ответ. От царя не требовалось ничего другого, кроме его слова.

Когда переговоры были завершены и император Франциск удалился, Наполеон некоторое время торопливо ходил взад и вперед, и после глубокого молчания было слышно, как он сказал: "Я поступил очень неразумно. Я мог бы продолжить свою победу и собрать всю австрийскую и русскую армии. Они обе полностью в моей власти. Но — пусть будет так. По крайней мере, так будет пролито меньше слез".

Затем Наполеон прошел по полю битвы, приказывая убрать раненых, когда некоторые из этих несчастных, забыв о своих страданиях, спросили: "Победа вполне верна?" Пехотинцы императора, которым не разрешили вступить в бой, на самом деле плакали и настаивали на том, чтобы сделать что-нибудь, что отождествило бы их с победой.

"Будьте довольны, - сказал Наполеон, - вы - резерв; будет лучше, если вам сегодня нечего будет делать".

Командующий артиллерией русской императорской гвардии, потеряв свою пушку, встретился с французским императором и сказал: "Сир, прикажите расстрелять меня, я потерял свою пушку".

"Молодой человек, - ответил наполеон, - я разделяю ваше горе, но вы можете быть разбиты моей армией и все еще претендовать на славу".

За короткой кампанией последовал договор с австрийским императором, подписанный 15 декабря 1805 года, и другой - с Пруссией, подписанный 26 декабря в Вене. Победитель при Аустерлице выдвинул свои собственные условия на переговорах. Австрия отказалась от последней из своих итальянских узурпаций, которые были присоединены к Королевству Италия, а Тироль - к Баварии, и уступила другим условиям, которых требовал завоеватель, но которые были настолько умеренными, что вызвали удивление и восхищение всей Европы.

Перед отъездом Наполеона в Шенбрунн 27 декабря он издал следующее воззвание к своей армии:

- Солдаты! Мир между мной и императором Австрии подписан. В это позднее время года вы предприняли две кампании. Вы выполнили все, что я ожидал. Я отправляюсь в свою столицу. Я повысил в должности и раздал награды тем, кто наиболее отличился. Я выполняю все, что обещал. Вы видели, что ваш Император разделял все ваши опасности и тяготы; вы также увидите его окруженным всем тем величием и пышностью, которые подобают правителю первой нации в мире. В начале мая я устрою грандиозный фестиваль в Париже; вы все будете там. Мы почтим память тех, кто в ходе этой кампании пал на поле чести. Мир увидит, что мы готовы последовать их примеру и, если необходимо, сделать больше, чем мы делали до сих пор, против тех, кто позволил ввести себя в заблуждение золотом извечного врага континента".

Известие об успехе армии было воспринято большинством французского народа с величайшим энтузиазмом.

Мадам де Ремюза в письме своему мужу из Парижа после получения известий об Аустерлицкой битве написала: "Вы не можете себе представить, как все взволнованы. Хвала императору у всех на устах; самые непокорные обязаны сложить оружие и сказать вместе с императором России: "Он человек судьбы".

Кампания укрепила империю Наполеона, и когда он вернулся во Францию, горожане встретили его с ликованием, устраивая ему праздник за праздником, каких в столице не было годами. За этим последовало возведение многих его родственников и героев на престолы пышности и власти, коронация следовала за коронацией в быстрой последовательности, княжества и герцогства сопровождалась пожалованиями обширных поместий в странах, завоеванных французскими армиями. С этого момента фанатизм военной славы совершенно изгладил те немногие впечатления, которые оставались от любви к свободе.

VI БИТВА При ЙЕНЕ

Создание Рейнской конфедерации, ставшей одним из величайших последствий Аустерлица, фактически сделало Наполеона сувереном значительной части Германии. Короли Баварии и Вюртемберга, принц Мюрат, великий герцог Бергский и несколько других государей Германии заключили союз с Французской империей; и они представляли собой настолько грозную силу, что император добавил к своему имени новый титул — "Защитник" этой конфедерации. Таким образом, Наполеон стал сувереном большей части Германии, и его союзники были вынуждены предоставить по его призыву 60 000 вооруженных человек. Единственным методом противодействия консолидации французской власти над всей Германией, казалось, было создание другой конфедерации в северных кругах, способной уравновесить Рейнскую лигу и известной как Северный альянс. Этот союз Наполеон решил подавить. Отношения между Францией и Пруссией оставались неурегулированными: Пруссия, с одной стороны, отказывалась принять Конфедерацию, предложенную берлинским кабинетом министров, а с другой - отказывалась стать частью Рейнской лиги, к участию в которой ее часто и настойчиво приглашал Бонапарт.

Прошел год с тех пор, как российский император подписал знаменитый Потсдамский мирный договор, заманивая податливого короля Пруссии и его супругу всевозможными обещаниями, включая предложение Англии оплатить расходы на очередную кампанию против Наполеона и его империи. В течение нескольких недель возлагались большие надежды на удовлетворительное завершение мирных переговоров, но в конце концов переговоры прекратились из-за отказа Наполеона уступить Мальту Англии, если только Англия не позволит ему отвоевать Сицилию у несчастного государя, итальянское королевство которого уже перешло к его брату Жозефу.

Смерть Фокса, по словам самого Наполеона, была непосредственной причиной провала этих переговоров. Император утверждал, что, если бы великий английский государственный деятель был жив — он умер 23 января 1806 года, — переговоры были бы возобновлены и доведены до успешного завершения. Когда российский император отправился в Берлин, он предложил Пруссии все силы своей великой империи. В августе и сентябре 1806 года Королевство Пруссия было охвачено всевозможными военными приготовлениями. Несмотря на протесты, которые почти ежедневно делало прусское правительство через своего министра в Париже, к середине августа ее приготовления приняли такой решительный характер, что ее истинную цель больше нельзя было скрывать. От короля Пруссии Наполеону было даже отправлено дружеское письмо, и к французскому послу в Берлине отнеслись с должным вниманием, но оно было далеко не честным в глубине души.

21 сентября Наполеон написал принцам Рейнской конфедерации письмо с просьбой предоставить их контингент для его армии, что было выполнено в соответствии с договором. 25-го император покинул свою императорскую резиденцию, чтобы встать во главе армии. Находясь на театре военных действий в Сен-Клу, он получил депешу от Мюрата, содержащую отчет о нападении некоторых прусских отрядов на французские войска. "Я вижу, они полны решимости испытать нас", - сказал он графу Раппу, и немедленно был отдан приказ готовиться к отправлению на границу. Он прибыл в Майнц 28-го и 1 октября перешел Рейн.

В тот же день прусский министр в Париже вручил Талейрану, министру иностранных дел, ноту— ультиматум, в котором Пруссия требовала, среди прочего, чтобы французское вмешательство больше не препятствовало формированию Конфедерации на севере Германии, отказаться от королевств Голландии и Италии и чтобы французские войска, находящиеся на территориях Рейнской лиги, переправились через Рейн во Францию к 8 октября того же месяца - фактически объявление войны.

Поведение Пруссии, бросившейся таким образом в военные действия, не дожидаясь наступления своих союзников, русских, было столь же опрометчивым, сколь трусливым было ее отступление от Австрии во время кампании при Аустерлице. У Наполеона не хватило терпения дочитать этот документ до конца, в котором излагались эти требования, и он с презрением отбросил его.

6 октября Наполеон ответил на прусскую ноту из своего штаба в Бамберге. Он обратился с воззванием к своей армии, чтобы сообщить им о враге, с которым они собирались сражаться. "Солдаты, - сказал он, - боевой клич был услышан в Берлине; в течение двух месяцев наши провокации усиливались с каждым днем ... Давайте выступим - пусть прусскую армию постигнет та же участь, что постигла ее четырнадцать лет назад на равнинах Шампани". Тьер, выдающийся историк, говорит в своей "Истории консульства и Французской империи при Наполеоне": "Со стороны Пруссии было верхом неосторожности вступить в состязание с Наполеоном в тот момент, когда французская армия, возвращавшаяся из Аустерлица, все еще находилась в сердце Германии и была более боеспособна, чем какая-либо другая армия когда-либо".

Было очевидно, что Наполеон не испытывал ни малейшего беспокойства по поводу приближающейся войны. В это время он писал своим братьям в Неаполь и Голландию, заверяя их, что нынешняя борьба будет прекращена быстрее, чем предыдущая. Он призвал их посмотреть, каким образом немецкий монарх все еще осмеливается оскорблять солдат Аустерлица. Наполеон тогда лично находился на немецкой стороне Рейна. Прусский совет приказал своей армии наступать на французов вместо того, чтобы находиться на их собственной границе, и армия, соответственно, вторглась в саксонские провинции. Курфюрст Саксонии был вынужден принять союз, на котором настаивал берлинский кабинет, и неохотно присоединил свои войска к войскам Пруссии.

В Бамберге, в тот же день, когда он обратился с воззванием к своим солдатам, Наполеон сказал Бертье: "Маршал, у нас назначено почетное свидание на 8-е число; француз никогда не упускает случая соблюсти его; но поскольку нам сказали, что прекрасная королева желает быть свидетельницей битвы, давайте будем вежливы и без сна отправимся в Саксонию". Наполеон намекал на королеву Пруссии, которая была с прусской армией, одетая как амазонка, в форме своего драгунского полка, "писала по двадцать писем в день", - говорилось в первом бюллетене, отправленном в Париж, - "чтобы раздуть пламя во всех частях света".

Как только Наполеон узнал, что пруссаки продвинулись в сердце Саксонии, он составил свой план кампании: и они, продолжая наступление и заняв позицию на Заале, предоставили ему возможность повторить за их счет те самые маневры, которые погубили австрийцев в предыдущей кампании. Французский командующий сразу понял, что прусская армия растянута в слишком широкую линию, что позволило ему лучше уничтожить ее по частям. Он также обнаружил, что все основные склады и обоймы противника находятся в Наумбурге, в тылу, и он

решил начать операцию с попытки обойти с фланга и захватить обочины до того, как основные силы пруссаков, расположившиеся в Веймаре, узнают о его передвижении. Император покинул Бамберг 8-го числа, в три часа утра, и в тот же день прибыл в Кронах. Все армейские корпуса были тогда в движении.

Французы двинулись вперед тремя крупными дивизиями: корпуса Нея и Сульта в направлении Хофа; Даву, Мюрата и Бернадотта в направлении Заальбурга и Шлейца, а Ланн и Ожеро - в направлении Кобурга и Заальфельда. Этим последним генералам в Заальфельде с большой твердостью противостоял принц Людовик Прусский, двоюродный брат короля Германии, который неосторожно оставил мост через Заале, который он мог бы успешно оборонять, и вышел на открытую равнину, где его войска были разбиты французами. Сражаясь врукопашную с младшим офицером, который подбежал к нему и крикнул: "Сдавайтесь, генерал!", храбрый молодой офицер в блестящей форме, украшенный всеми своими орденами, ответил ударом сабли и тут же был сражен смертельным ударом сабли в лицо, из-за чего во втором бюллетене было отмечено, что "первый удар войны убил одного из его зачинщиков".

Принцу Фридриху Кристиану Людовику Прусскому не терпелось начать войну, и он подстрекал и ускорял военные действия. Кроме того, он был человеком большого мужества и таланта. Рапп в своих "Мемуарах" говорит: "Наполеон, которому не понравилось это раздражительное рвение, однажды вечером беседовал с нами о генералах вражеской армии. Кто-то из присутствующих случайно упомянул принца Людовика. "Что касается его, - сказал он, - я предсказываю, что он будет убит в этой кампании". Кто бы мог подумать, что предсказание так скоро сбудется?"

Пруссаки бежали, оставив мост, который давал французам доступ в страну заале. Фланг прусской позиции был обойден; французская армия полностью обошла их, и Наполеон захватил и взорвал склады в Наумбурге. Взрыв возвестил королю Пруссии и его генералиссимусу, герцогу Брауншвейгскому, что Наполеон находится у них в тылу. С этого момента пруссаки были изолированы и полностью отрезаны от всех своих ресурсов — так же полностью, как армия Мака была отрезана под Ульмом годом ранее. Сражение при Шлейце способствовало ускорению отступления противника, который бросил на дорогах большое количество мушкетов и шляп, оставив в руках французов 400 пленных и столько же убитых или раненых. Но моральный эффект от этой акции был больше, чем материальный, пруссаки впервые узнали, с какими солдатами им приходилось иметь дело.

Наполеон был чрезвычайно доволен этим первым сражением при Шлейце, поскольку оно доказало, как мало прусской кавалерии, хотя и превосходно конной и очень искусно управляемой своими лошадьми, стоило опасаться его надежной пехоте и смелым кавалеристам.

Герцог Брауншвейгский, льстивший себя надеждой, что французы не смогут отступить, поспешно попытался сосредоточить свои силы с целью отрезать себе путь обратно к границе, которую он так опрометчиво покинул. Тем временем Наполеон разместил свои дивизии так, чтобы наблюдать за главными проходами Заале, и ожидал подхода своего обманутого противника.

Манифест Фридриха Вильгельма прибыл в столицу через день или два после того, как Наполеон покинул Париж, направляясь в лагерь, и именно сейчас он нашел время ответить на него,

призвав своих маршалов в свидетели того, как "Французская армия выполнила приказ; сегодня 8 октября, и мы эвакуировали территории Рейнской конфедерации!"

Королю Пруссии Наполеон писал: "Поверьте мне, моя сила такова, что ваши силы не смогут долго удерживать равновесие в победе. Но зачем пролито столько крови? С какой целью? Я обращусь к вашему величеству с теми же словами, с какими обращался к императору Александру за два дня до битвы при Аустерлице: "Почему мы должны заставлять наших подданных убивать друг друга? Я не ценю победу, которая приобретается жизнями стольких моих детей. "Если бы я только начинал свою военную карьеру и если бы у меня были какие-либо причины опасаться вероятности войны, эти формулировки были бы совершенно неуместны. Сир, ваше величество будет побеждено; вы поставите под угрозу покой вашей жизни, существование ваших подданных без малейшего предлога. В настоящее время вы невредимы и можете обращаться ко мне в порядке, соответствующем вашему званию; не пройдет и месяца, как вы будете обращаться, но в другой должности".

Узнав о падении Наумбурга, прусский король прекрасно осознал неминуемую опасность своего положения. Его армия была немедленно приведена в движение двумя большими группами, одной из которых командовал он сам, продвигаясь к Наумбургу, другая таким же образом пыталась прорвать французскую линию в окрестностях Йены. Королевский поход был задержан в Ауэрштадте Даву, который после ожесточенных столкновений в конце концов отразил нападение. Сам Наполеон, тем временем, был занят другим крупным отрядом пруссаков.

Прибыв вечером 13 октября в Йену, он сразу понял, что противник готов предпринять наступление на следующее утро, в то время как его собственный тяжелый обоз все еще находился в тридцатишестичасовом переходе у него в тылу. "Но, - как сказал император в своем отчете о сражении, произошедшем на следующий день, - на войне бывают моменты, когда никакие соображения не могут уравновесить преимущество быть лицом к лицу с врагом и атаковать первым".

С рисунка Мартине

Капитуляция генерала Мака под Ульмом

На высотах от Йены до Ландграфенберга он расположил дивизию Газана слева, дивизию Суше справа, а в центре и тылу - пешее охранение. Он разбил последний лагерь квадратом из 4000 человек и в центре этого квадрата, откуда открывался вид на равнины внизу, разбил свой бивуак. С тех пор люди называют эту высоту "Наполеонсбергом", отмечая грудой необработанных камней место, где император провел часть той памятной ночи.

Император усердно трудился с факелом в руке, направляя и поощряя своих солдат прорубать дорогу через скальный выступ и подтягивать таким образом те легкие орудия, которыми он командовал, на позиции на высоком плато перед Йеной. Это была самая грозная позиция, и ей было суждено оказаться более решающей, чем позиции гораздо более крупного противника, которые могли бы быть при других обстоятельствах. Наполеон провел всю ночь среди солдат, помогая перетаскивать орудия на утесы и предлагая награды за каждое орудие, которое должно быть установлено на высотах. Он напомнил своим последователям, что пруссаки собирались сражаться — не за честь, а за свои жизни.

"Ночь, - говорит Наполеон, -представляла собой зрелище, достойное наблюдения; две армии, одна из которых охватывала своим фронтом протяженность в шесть лье и наполняла атмосферу своими пожарами, другая, у которой видимые огни были сосредоточены в небольшой точке, и в обоих лагерях наблюдалась активность и движение. Огни двух армий были на расстоянии половины пушечного выстрела; часовые почти касались друг друга, и ни одно движение не могло быть сделано незамеченным".

Около 5 часов Наполеон спросил маршала Сульта: "Будем ли мы их бить?"

"Да, если они там, - ответил маршал. - Боюсь только, что они ушли".

В этот момент послышались первые выстрелы: "Вот они!" - радостно воскликнул император. "Вот они! Дело только начинается".

Затем Наполеон проехал по рядам, обращаясь к своим солдатам. Он напомнил им, что год назад, в то же время, они завоевали Ульм, и порекомендовал им быть настороже против прусской кавалерии, которая была представлена как столь грозная. "Эта кавалерия, - сказал он, - должна быть уничтожена здесь, перед нашими каре, как мы сокрушили русскую пехоту при Аустерлице". Он сказал им, что если они преуспеют в попытке пробиться с боем через какой-либо пункт, корпус, который позволит им пройти, должен лишиться своей чести и характера.

Солдаты ответили на его оживленную речь требованием вести их на врага; раздались крики: "Вперед! Давайте маршировать!" - раздавалось со всех сторон.

Снова, как и при Аустерлице, облако тумана полностью окутало соперничающие войска. Обе армии были почти в самом разгаре сражения, прежде чем стали различимы различные дивизии. Ожеро командовал правым крылом, Султ - левым, Канн - центром, а Мюрат - кавалерийским резервом. В сопровождении людей с факелами Наполеон снова шел впереди войск, разговаривая с офицерами и солдатами. Он призвал их быть настороже против прусской кавалерии и встретить ее с присущей им твердостью. Его слова повсюду вызвали крики "Вперед! Vive l'Empereur!" В этот момент корпус Ланна пришел в движение по сигналу Наполеона.

Битва началась справа и слева, и конфликт оказался ужасным. Даву, в частности, был поставлен в ситуацию, достаточную для того, чтобы испытать человека самой решительной отваги и твердости, но Бернадотт отказался поддержать его. Он маршировал вокруг Апольды, в то время как 26 000 французских солдат сражались с 60 000 отборными людьми под командованием герцога Брауншвейгского и короля Пруссии. Таким образом, по словам генерала Гурго, он стал причиной гибели пяти или шести тысяч французов и поставил под угрозу успех дня, за что испытал очень короткий позор. Наполеон по этому поводу заметил, что Бернадотт вел себя нехорошо и что он почувствовал бы удовлетворение, потерпев Даву поражение; "но, - добавил император, - это дело свидетельствует о высочайшей чести победителя, тем более что Бернадотт сделал его положение чрезвычайно трудным". Поведение Бернадотта было таково, что Наполеон подписал указ, который, должно быть, привел к его расстрелу, но из уважения к его жене император уничтожил приказ в тот момент, когда собирался передать его в руки одного из своих офицеров.

За первой атакой пруссаков последовала рукопашная схватка. Это было принято Сультом, и это было сомнительное сражение, пока не появился Ней со свежей дивизией и не отбросил пруссаков назад. Ничто, кроме дыма битвы, теперь не загораживало обзор, знаменитое солнце Наполеона, взошедшее на небеса, заливало потоком света потрясающее сражение. Атака следовала за атакой, обе стороны стойко и доблестно удерживали свои позиции. Командиры постоянно выполняли маневры, как на параде. Однажды император заметил, как Ней, который, как он предполагал, находился в тылу, вступил в бой с пруссаками. Крайне недовольный, он поспешил вверх, но, увидев храброго маршала, обороняющегося в центре двух слабых каре против всей прусской кавалерии, его неудовольствие сменилось восхищением, и Бертран и Ланн немедленно вызвали подкрепление. В течение времени, прошедшего до прибытия подмоги, он сражался так же бесстрашно, как и прежде, и его нисколько не смущало его опасное положение. Планы Даву были так хорошо разработаны, а его генералы и войска проявили такое мужество и мастерство, что Блюхер с 12 000 кавалеристов не имел удовольствия прорваться через одну роту. Король, гвардия и вся армия атаковали французов, не добившись большего успеха. Среди огненного потока, окружавшего их со всех сторон, они сохранили всю свою национальную веселость. Французский солдат по кличке "Император", раздраженный упорством прусских гвардейцев, воскликнул: "За мной, гренадеры! Придите, следуйте за императором!" когда, ворвавшись в самую гущу сражения, войска последовали за ним, и враг был прорван. За этот поступок он был произведен в чин капрала.

Наполеон с биноклем в руке, наконец, приказал начать общее наступление по всей линии фронта, за которым последовала смелая атака кавалерии Мюрата в том месте, где император обнаружил слабину в рядах противника. Когда прозвучал сигнал к наступлению, нетерпеливые эскадрильи, которые в течение нескольких часов с нетерпением вдыхали запах дыма битвы, бросились вперед, навстречу славе или смерти. Они атаковали со всей яростью и стремительностью французского кавалериста, каждый из которых верил, что от него, и только от него, зависит судьба дня, и, как во многих подобных случаях, они одержали победу. Крепкие прусские колонны были разбиты, — пехота, кавалерия, гвардия и гренадеры косили тысячами. Французская пехота дала новое доказательство своей доблести и поддержала свою репутацию в этом сражении. В одной из атак, которые дивизиям под командованием Морана пришлось выдержать от многочисленной прусской кавалерии под командованием принца Генриха, 17-й полк, прежде чем предъявить оружие, приложил свои фуражки к концам штыков, выкрикивая: "Да здравствует Император!" "Тогда почему бы не открыть огонь?" - воскликнул полковник

Лануссе, который опасался, что враг нападет на них прежде, чем они будут готовы. "О, для этого достаточно времени, - ответили они, - с пятнадцати шагов вы увидите". На самом деле смертоносный выстрел с такого расстояния заставил пруссаков повернуть своих лошадей и отступить.

Пыл войск в этот важный день был таков, что некоторые корпуса, которым обстоятельства помешали принять участие в сражении, громко выражали свое недовольство. Одна из этих черт достаточно характерна для солдата и императора, на глазах у которых они сражались. В ранний период конфликта, когда с тревогой ожидалась французская кавалерия, Наполеон, видя, что его пехотные фланги находятся в состоянии возбуждения, находясь под угрозой вражеской кавалерии, пустился полным галопом, чтобы руководить маневрами и разделить фронт на квадраты. Пехота императорской гвардии, видя, что все остальные войска вступили в бой, в то время как император оставил их в бездействии, услышала множество голосов, кричавших "Вперед!" "Кто это?" - быстро спросил император, представ перед батальонами.; "Это какой-то безбородый молодой человек, который хочет предвосхитить то, что я намереваюсь сделать. Пусть он подождет, пока не примет командование в тридцати крупных сражениях, прежде чем притворяться, что дает мне советы".

Из 70 000 пруссаков, появившихся на поле боя, ни один корпус не остался целым, ни один не отступил в полном порядке. Из 100 000 французов, состоявших из корпусов маршалов Сульта, Ланна, Ожеро, Нея, Мюрата и гвардии, сражалось не более 50 000 человек, и их было достаточно, чтобы разгромить прусскую армию.

Этот разгром закончился полным разгромом прусской армии, конница и пешая часть которой в беспорядке и панике бросились врассыпную по дороге на Веймар. В этот момент беглецы встретились и смешались со своими собратьями, бежавшими из Ауэрштадта так же растерянно, как и они сами.

В своем отчете о битве при Йене Наполеон с удовольствием говорил об энтузиазме, проявленном его солдатами в пылу сражения. В заключение он сказал: "В столь жарком бою, в котором враг потерял почти всех своих генералов, мы должны благодарить Провидение, которое наблюдало за нашей армией, за то, что ни один выдающийся человек не был убит или ранен. Маршалу Ланну расцарапали грудь, но он не был ранен. У маршала Даву унесли шляпу, а в одежде нашли множество мячей". Жозефине, которая ожидала результатов кампании в Майнце, он написал 16 октября: "Все получилось так, как я планировал, и никогда еще армия не была так основательно разбита и уничтожена". Император признался, что в ночь перед битвой при Йене он подвергался самой неминуемой опасности и мог исчезнуть, так что никто толком не знал о его судьбе. Он приблизился к бивуакам пруссаков в темноте, чтобы произвести разведку, имея при себе всего несколько офицеров. Французская армия почти повсеместно находилась в состоянии боевой готовности, будучи убеждена, что пруссаки сильно пристрастились к ночным атакам. Возвращаясь с этого осмотра, император был обстрелян первым часовым его собственного лагеря, что послужило сигналом для всей линии обороны; и ему не оставалось ничего другого, как пасть ниц, пока ошибка не будет обнаружена. Его главное опасение, однако, не оправдалось; он меньше всего опасался, что прусская линия фронта, находившаяся тогда совсем рядом с ним, может действовать таким же образом.

Когда конфликт закончился, 20 000 пруссаков лежали мертвыми на поле боя или были взяты в плен, в том числе двадцать генералов. Среди военных трофеев были 300 пушек и шестьдесят королевских штандартов.

Королева Пруссии была бесстрашной наездницей и столкнулась с большими опасностями в Йене. Когда она выезжала перед своими войсками в шлеме из полированной стали, украшенном плюмажем, в сверкающей золотой кирасе, тунике из серебряной материи, красных сапогах с золотыми шпорами, она напоминала героиню Тассо. Солдаты разразились восторженными криками, увидев свою воинственную королеву: перед ней были склонены флаги, которые она вышила собственными руками, и старые, порванные и покрытые пятнами сражений штандарты Фридриха Великого. После битвы ей пришлось пуститься в бегство на полном скаку, чтобы не попасть в плен к французским гусарам.

Герцог Брауншвейгский, сражавшийся с Наполеоном в этом памятном сражении, был ранен в лицо картечью в начале сражения и был унесен с поля боя так и не оправившись.

Различные разгромленные дивизии бродили по стране в поисках путей к отступлению и стали легкой добычей французов. Принц Гогенлоэ, наконец, собрал не менее 50 000 этих бродячих солдат и бросился во главе их на Магдебург, но эта огромная крепость была лишена всех своих припасов для службы армии герцога Брауншвейгского под Йеной, и Гогенлоэ был вынужден отступить. Он потерпел поражение в ряде стычек и в конце концов, обнаружив, что у него нет ни боеприпасов, ни провизии, сложил оружие. Герцог Вюртембургский, один из прусских генералов, занял позицию в Галле, и Бернадот двинулся на него. Он атаковал врага штыком, убивая и обращая в бегство всех, кто осмеливался противостоять ему. Резня была ужасной, и Наполеон, посетивший поле битвы на следующий день, был поражен видом груд мертвецов, окружающих тела французских солдат. Заметив на мундирах несколько пуговиц 32-го полка, он сказал со вздохом: "Так много солдат этого полка погибло в Италии, Египте и других местах, я думал, что никого не осталось".

Вскоре после этого генерал Блюхер был вынужден сложить оружие после потери 4000 человек из 10 000 в Любеке, где 6 ноября на улицах города развернулись ожесточенные бои. Крепости прусского монарха теперь капитулировали так быстро, как того требовали их командиры, и 25 октября Наполеон с триумфом вступил в Берлин. Честь овладения этим городом Наполеон оставил за корпусом Даву, который внес такой большой вклад в победу при Йене.

Пруссаки не могли понять стремительных маршей и стремительности, с которой они были встречены при бегстве. Как сказал император в своем 14-м бюллетене: "Эти дворяне, несомненно, привыкли к маневрам "Семилетней войны". Они потребовали бы три дня, чтобы похоронить своих мертвых. "Подумайте о живых, - ответил император, - и предоставьте заботу о погребении мертвых нам; для этого нет необходимости в перемирии".

Таким образом, в ходе недельной кампании гордая прусская монархия была стерта с лица земли. Народ, веривший, что падение вооруженных сил неизбежно означает падение самой монархии, гордость и сила нации исчезли, и все узы союза между различными провинциями короны, казалось, были разом распущены.

25 октября 1806 года, после смотра императорской пехоты под командованием Лефевра, Наполеон посетил могилу Фридриха Великого в Потсдаме, где хранился ряд памятных вещей о великом воине. Прусский двор бежал из Потсдама с такой поспешностью, что ничего не унес с собой. Даже меч Фридриха Великого, пояс и орденская повязка с его орденами были оставлены там.

Обнаружив, что двор не подумал о том, чтобы поместить эти реликвии вне досягаемости вторжения, император завладел ими. Демонстрируя меч Фридриха, он сказал: "Я предпочитаю эти трофеи всем сокровищам короля Пруссии. Я пошлю их своим ветеранам, участвовавшим в ганноверских кампаниях. Я подарю их начальнику госпиталя инвалидов, который сохранит их как свидетельство побед армии и мести, которую она предприняла за бедствия при Росбахе".

"Дверь памятника была открыта, - рассказывает генерал Сегюр. - Наполеон остановился у входа в серьезной и почтительной позе. Он взгляделся в тень, окутывавшую прах героя, и простоял так почти десять минут неподвижно, безмолвно, словно погруженный в глубокую задумчивость. С ним было пятеро или шестеро из нас: Дюрок, Коленкур, его адъютант и я. Мы смотрели на эту торжественную и экстраординарную сцену, представляя двух великих людей лицом к лицу, отождествляя себя с мыслями, которые мы приписывали нашему императору перед этим другим гением, чья слава пережила крах его творения, который был столь же велик в экстремальных невзгодах, как и в успехе".

Во время своего пребывания в Берлине Наполеон издал знаменитые "Берлинские декреты", с помощью которых он попытался установить "континентальную систему", целью которой было перекрыть торговлю и сношения Великобритании с европейским континентом. Крушение морской мощи Франции при Трафальгаре и почти повсеместное господство Французской империи на суше не оставили Наполеону, по его собственному мнению, никаких других средств возмездия. С помощью этой континентальной системы он в течение нескольких лет пытался уничтожить все торговые связи между континентом и Англией.

Принц Хацфельд был уличен во время пребывания Наполеона в Берлине в передаче врагу секретной информации о состоянии и передвижениях французской армии. Одно из его писем попало в руки французов, и он был арестован. Его жена получила доступ в апартаменты Наполеона, не подозревая о поведении своего мужа, со смелостью невинности высказалась в его пользу. Когда ей вручили письмо, написанное ее мужем, она была совершенно потрясена и упала на колени перед императором, умоляя его о прощении. "Бросьте эту бумагу в огонь, мадам, - сказал Наполеон, - и тогда у военной комиссии не будет доказательств его вины".

С криком радости принцесса сделала, как ей было приказано, и приказ об аресте, который привел бы к смерти Хацфельда через час, был отозван.

Находясь в Берлине, император обратился к своим войскам с воззванием, в котором сказал: "Нашему вступлению в Потсдам и Берлин предшествовала слава наших побед. Мы взяли в плен 60 000 человек, захватили шестьдесят пять штандартов, среди которых цвета гвардии короля Пруссии, шестьсот пушек и три крепости. Среди пленных более двадцати генералов; и все же, несмотря на все это, более половины наших солдат сожалеют, что не сделали ни единого выстрела * * Солдаты, русские хвастаются, что идут нам навстречу, но мы двинемся навстречу и сэкономим им половину пути; они встретят еще один Аустерлиц в сердце Пруссии. Нация, которая может так быстро забыть о нашем великодушном обращении после той битвы,

обязанная своей безопасностью только капитуляции, которую мы им предоставили, — это сила, которая не может успешно противостоять нам. Мы больше не будем обмануты вероломным миром".

Перед отъездом из Берлина Наполеон принял депутацию Сената, присланную из Парижа, чтобы поздравить его с успехом кампании. Сопровождаемый представителями армии, он сделал их носителями трофеев своих недавних побед. Затем он приготовился подавить любое сопротивление, существовавшее в нескольких гарнизонах прусской монархии, и встретить, прежде чем они смогут достичь земли Германии, тех русских, которые теперь слишком поздно пришли на помощь Фредерику Вильгельму.

VII

БИТВА При ЭЙЛАУ

Перед началом великой кампании с Россией Наполеон получил объяснение курфюрста Саксонии, который искренне заявил, что Пруссия вынудила его принять участие в войне. Извинения были приняты, и с этого времени курфюрст примкнул к Рейнской лиге и был верным союзником Наполеона. 25 ноября 1806 года император Франции покинул Берлин и 27-го обосновался в Позене, центральном городе Польши, в стране начало проявляться волнение, вызванное воодушевляющей перспективой восстановления независимости. Несчастные, но храбрые поляки умоляли его о помощи, но Наполеон не мог дать им твердого обещания о восстановлении их как королевства. Его замечание по этому поводу сводилось к следующему: "если спичку однажды зажечь, то неизвестно, как долго она может продолжать гореть".

Из штаб-квартиры в Познани Наполеон обратился к своим солдатам 2 декабря со словами: "Ровно год назад, в этот самый час, вы были на поле битвы при Аустерлице. Встревоженные русские батальоны в беспорядке бежали или, оказавшись в окружении, сдавали оружие своим победителям. На следующий день они запросили мира, но нам навязали его: едва избежав благодаря нашему, возможно, чрезмерному великодушию, бедствий третьей коалиции, они отважились на четвертую.... Солдаты, мы не сложим оружия до тех пор, пока всеобщий мир не укрепит мощь наших союзников и не восстановит безопасность нашей торговли и ее колоний". Это воззвание произвело воодушевляющий эффект на солдат и на всю Германию.

Тем временем Варшава была переведена в состояние обороны, а вспомогательные силы Саксонии и новых рейнских конфедератов были подтянуты форсированными маршами, в то время как сильные подкрепления из Франции восполнили потери ранней части кампании.

Наконец французская армия двинулась вперед в полном составе и последовательно форсировала реки Висла, Нарев и Буг, форсируя проход везде, где он был оспорен, причем русские отряды получали отпор всякий раз, когда они появлялись. Но в намерения русского генерала Беннигсена не входило давать бой превосходящим его силам, и поэтому он отступил за Зкра. 23 декабря Наполеон лично прибыл на Вкра и отдал приказ о наступлении своей армии тремя дивизиями. Он полностью осознавал, что приближается к конфликту совершенно иного рода, чем тот, который он вел с Австрией, а в последнее время и с Пруссией. Эти войска, какими бы высокодисциплинированными они ни были, стремились к томусильному индивидуальному чувству, которое было сильной характеристикой русских, — чувству, которое побуждает солдата

сопротивляться до последнего момента, даже когда сопротивление может обеспечить ему только месть. Фактически это были те самые русские, о которых Фридрих Великий сказал, "что он мог убивать, но не мог победить их". Они также были крепкого телосложения и привыкли к суровому климату, в котором французы впервые вели боевые действия. Казаков с раннего детства приучают к обращению с копьем и мечом, а также знакомят с лошадью, характерной для данной страны, — послушной, выносливой, быстрой и уверенной в себе, превосходящей, возможно, любую породу в мире. На настоящем поле боя способ атаки казаков необычен; вместо того, чтобы действовать в линию, их отряд, готовый броситься в атаку, рассеивается по команде и присоединяется к громкому крику и ура, каждый действует индивидуально по объекту атаки, будь то пехота, кавалерия или артиллерия, со всеми которыми они сражались этим диким способом борьбы с самыми грозными противниками.

В этой кампании казаки вышли на поле боя в большом количестве под командованием своего знаменитого гетмана Платова. У русских также были на службе татарские племена, которые в военном отношении напоминали казаков; но они были немногим лучше орд кочующих дикарей. На равнине между городом Пултуск и лесом была сформирована правая часть русской позиции, и 26 декабря они были атакованы французской дивизией Ланна и Даву с частичным успехом. Французы потеряли почти 8000 человек убитыми и ранеными, в то время как потери русских составили около 5000. Французы отступили после наступления темноты. В тот же день другая дивизия вступила в бой при Голымыне, отбросив французов, после чего русский командующий отступил с целью сосредоточения своих сил вместе с Великой армией. Оба сражения не принесли немедленных результатов, и вместо того, чтобы продолжать свои операции, французы отступили на зимние квартиры, Наполеон отвел свою гвардию до Варшавы, в то время как другие дивизии были расквартированы в городах к востоку.

Теперь Беннигсен был назначен верховным командующим русскими войсками, насчитывавшими 90 000 человек, и он сразу же решил не дожидаться наступления Наполеона, а предпочел опередить его, мудро заключив, что желание его противника воздержаться от активных действий, проявленное размещением его войск на зимних квартирах, должно быть сигналом для русских снова выступить в бой. Таким образом, французский император оказался вынужденным начать зимнюю кампанию, и он сразу же отдал общие приказы об отводе своих войск с целью сосредоточения их в Вилленберге, в тылу русских, которые тогда были расквартированы в Морингене. Зимние квартиры, на которых были размещены французские войска, продлились не дольше, чем позволяла погода. Армия отдыхала почти весь декабрь, и к началу января 1807 года передвижения с обеих сторон, казалось, указывали на более серьезные операции. Оказалось, что русские приняли обширный план обороны. Их генералы, казалось, вновь обрели уверенность, увидев, что Наполеон остановился среди приобретенных им преимуществ, и приписали это страху, который возник в нем из соображений благоразумия. Они не могли себе представить, какая еще причина могла быть у него для того, чтобы отправиться в расквартирование на Висле.

Теперь Наполеон намеревался оттеснить своих врагов на восток, к Висле, подобно тому, как при Йене он вынудил пруссаков сражаться, повернув их тыл к Рейну. Бернадотт получил приказ привлечь внимание Беннигсена справа и задержать его в его нынешнем положении; или, скорее, если возможно, побудить его продвинуться на восток, чтобы облегчить операции, которые он задумал.

Русский командующий узнал о намерениях Бонапарта из перехваченной депеши и изменил свою цель наступления на Ней и Бернадот. Проходили марши и контрмарши по местности, во все времена труднопроходимой, а теперь покрытой снегом. Беннигсен сознавал, что ему выгодно затягивать кампанию таким образом, поскольку он находился недалеко от своих подкреплений, а французы были далеко от своих: следовательно, каждая потеря была пропорциональна потерям противника, а не его собственной армии.

Несмотря на это очевидное преимущество, бедственное положение русской армии из-за отсутствия подходящих припасов было настолько сильным, что побудило генерала Беннигсена, вопреки его здравому смыслу, дать сражение с любым риском и с этой целью сосредоточить свои силы у Пройсс-Эйлау, который был выбран в качестве поля, на котором он предполагал сразиться с Наполеоном.

Предполагалось удержать сам город, в который Беннигсен вступил 7 февраля, и для этой цели был оставлен отряд войск; но в сумятице, сопровождавшей движение такой большой армии, приказ был неправильно понят, и дивизия, предназначенная для этой службы, покинула это место, как только через него прошел арьергард. Русской дивизии было спешно приказано вновь занять город; но они обнаружили, что французы уже овладели им, и хотя они выбили их, сами они, в свою очередь, были вытеснены другой французской дивизией, которой Наполеон пообещал необычные награды. Третья дивизия русских теперь продвигалась вперед, поскольку Беннигсен желал затянуть сражение за город до прибытия своей тяжелой артиллерии, которая присоединилась к нему другим путем. Когда бы дело дошло до этого, он прекратил бы борьбу за Эйлау, но было невозможно сдержать пыл русских колонн, которые упорно продвигались вперед, под бой барабанов ворвались в город и застали французов врасплох при разграблении его, убив многих из них штыковыми ударами.

С картины Ф. Жерара

Битва при Аустерлице

Другая дивизия французов, наступавшая теперь под прикрытием холмов и пересеченной местности, окружавших деревню, открыла огонь по улицам, и русские снова отступили со значительными потерями. Теперь город снова и окончательно был занят французами.

Наступила ночь, и бой прекратился только для того, чтобы возобновиться с еще большей яростью на следующий день.

Русские заняли участок неровной местности, около двух миль в длину и мили в глубину, с деревней Серпаллен слева от них. Перед их армией находился город Пройсс-Эйлау, расположенный в ложине и находящийся во владении французов. Последние заняли Эйлау своим левым флангом, в то время как их центр и правый фланг располагались параллельно русским, на цепи высот, которые в значительной степени господствовали над территорией, занятой противником. Французы также ожидали получить подкрепление за счет дивизии Нея, которая еще не подошла и которой было суждено сформироваться на крайнем левом фланге. Пространство между вражескими армиями было открытым и ровным, покрытым снегом и пересеченным замерзшими озерами. Солдаты могли отслеживать позиции друг друга по бледному мерцанию сторожевых огней на снегу.

Наполеон, проспавший той ночью всего три или четыре часа в кресле в доме почтмейстера, разместил корпус маршала Сульта у самого Эйлау, частично внутри города, частично справа и слева от него, корпус Ожеро и императорскую гвардию немного в тылу, а всю кавалерию на флангах, пока рассвет не позволит ему окончательно расположить пятьдесят с лишним тысяч человек, не считая корпуса Нея, которые должны были встретить девяносто тысяч русских и пруссаков.

На рассвете 8 февраля 1807 года две сильные колонны французов двинулись вперед с целью повернуть направо и атаковать центр русских, которые одновременно открыли огонь; но они были отброшены в большом беспорядке сильным и продолжительным огнем русской артиллерии. Атака на левом фланге противника была столь же безуспешной. Русская пехота стояла подобно каменному валу, каждый раз отражая атаку французов — их кавалерия затем приходила на подмогу, преследовала отступающих нападавших и забирала штандарты и орлов.

Около полудня разыгралась сильная снежная буря, которую ветер гнал прямо в лица русским, усугубляя темноту, вызванную дымом от горящей деревни Серпаллен, который стелился вдоль линии фронта. Снегопад прекратился, и перед нами предстало печальное зрелище. Тысячи убитых и раненых лежали на земле, а несколько дивизий все еще были выведены из боя. Две дивизии Ожеро были разгромлены неприкрытой батареей из семидесяти двух орудий, и Ожеро, сам раненный, но больше пораженный поражением своего корпуса, чем личной опасностью, был доставлен на кладбище Эйлау к ногам Наполеона. Императору он не без горечи пожаловался на неспособность прислать ему своевременную помощь. Безмолвная скорбь отразилась на каждом лице в императорском штабе. Наполеон, спокойный и непреклонный, обратился к Ожеро с несколькими успокаивающими словами, затем отправил его в тыл и принял меры для устранения причиненного ущерба.

Отправив в первую очередь гвардейских егерей и несколько имевшихся под рукой эскадронов драгун, он послал за Мюратом и приказал ему нанести решительный удар по линии пехоты, составлявшей центр русской армии, которая, воспользовавшись неудачей Ожеро, начала продвигаться вперед. При первом же призыве Мюрат прискакал галопом: "Ну что, - сказал Наполеон, - ты собираешься позволить этим парням съесть нас?" Затем он приказал героическому начальнику своей кавалерии собрать егерей, драгун, кирасир и восемьдесятую

эскадронами обрушиться на русских, чтобы посмотреть, какой эффект окажет такая масса конницы, яростно атакующей, на пехоту, слывущую непоколебимой. Кавалерия гвардии была выдвинута вперед, готовая добавить свой удар к удару кавалерии армии.

Момент был критическим, поскольку, если русскую пехоту не остановить, она вскоре атаковала бы кладбище, центр французских позиций, а у Наполеона было всего шесть пеших батальонов императорской гвардии для его защиты. Мюрат ускакал, собрал свои эскадроны и заставил их пройти между кладбищем и Ротененом, где корпус Ожеро прошел маршем почти на верное уничтожение. Атака за атакой предпринимались, и они успешно отражались. Наконец один из них, устремившись вперед с еще большей яростью, в одном месте прорвал вражескую пехоту и пробил брешь, через которую устремились кирасиры и драгуны, каждый из которых стремился проникнуть первым. Когда первая и вторая линии русских были прорваны, они направили батареи своей артиллерии на растерянную массу, убив столько же своих солдат, сколько и французов, не заботясь о том, убивают ли они друзей или врагов, чтобы избавиться от грозных французских сил; но их усилия были бесполезны.

Наполеон, более серьезный, чем обычно, в сером сюртуке для верховой езды и польской фуражке, неподвижно сидел на кладбище, где грудой лежали тела множества его офицеров; его гвардия была позади него, а перед ним егеря, драгуны, кирасиры; они формировались заново и были готовы посвятить себя тому, чему он мог приказать. Император долго ждал, прежде чем окончательно решиться на свою последнюю атаку. Никогда ни он, ни его солдаты не участвовали в таком ожесточенном бою. Вокруг засвистели пули, и снаряд разорвался в нескольких шагах от него. У Ожеро была сломана рука, а Ланн был ранен, но не серьезно.

Под покровом темноты шесть колонн французов двинулись вперед с артиллерией и кавалерией и были близко от русских позиций, прежде чем им оказали сопротивление. Беннигсен во главе своего штаба вывел резерв на позицию и, соединившись с первой линией, отбросил французов назад острием штыка. Их колонны, частично разбитые, были снова оттеснены на их собственные позиции, где они с трудом сплотились. Французский кирасирский полк, который во время этой части сражения пробил брешь в русской линии, был атакован казаками и обнаружил, что их защитные доспехи не защищают от копий. Все, кроме восемнадцати, были убиты.

В тот момент, когда казалось, что русские вышли победителями, дивизия Даву, которая с начала боя маневрировала, чтобы повернуть налево и зайти в тыл русской линии, теперь появилась на поле боя. Эффект был внезапным и деморализующим для русских; Серпаллен был потерян, русское левое крыло и часть его центра были приведены в беспорядок и вынуждены отступить и сменить фронт.

В этот момент сражения прусские подкрепления, которых давно ожидали, в свою очередь внезапно появились на поле боя и, обойдя слева французов и справа русских, двинулись тремя колоннами, чтобы завершить сражение в центре и тылу русских. Пруссаки под командованием своего доблестного предводителя Л'Эстока никогда не стреляли, пока не приблизились к врагу на расстояние нескольких шагов, а затем со страшным эффектом пустили в ход штык. Они отвоевали территорию, потерянную русскими, и, в свою очередь, отбросили назад войска Даву

и Бернадотта, которые недавно одержали победу. Ней тем временем появился на поле боя со своим передовым отрядом и занял Шнадиттен, деревню по дороге в Кенигсберг. Поскольку это ставило под угрозу сообщение русских с этим городом, было сочтено необходимым взять его штурмом; решение, которое было успешно выполнено, арьергард противника в беспорядке отступил.

Это был последний акт того кровавого дня в Эйлау. Было десять часов вечера, и темнота положила конец бою. После четырнадцати часов боев обе армии заняли те же позиции, что и утром. Фактически это было самое продолжительное и, безусловно, самое жестокое сражение, в котором когда-либо участвовал Наполеон. В начале сражения Ожеро едва ли был в здравом уме из-за сильной ревматической боли, которой он был подвержен; но звук пушечного выстрела пробудил храбрецов: он мчался во весь опор во главе своего отряда, после того как заставил привязать себя к лошади! Он постоянно подвергался сильнейшему обстрелу и был лишь слегка ранен.

Через несколько дней после битвы Наполеон отправил в Париж шестнадцать знамен, взятых по этому случаю, и приказал переплавить пушку и сделать из нее статую генерала д'Оту в форме своего полка, который доблестно командовал второй дивизией кирасиров, когда был убит в бою.

В трех письмах, которые император написал Жозефине в феврале месяце, он с глубочайшей любовью упоминал об ужасах этой помолвки. "Вчера у нас было, - сказал он, - великое сражение. Победа была за мной, но я лишился очень многих людей. Потери врага, еще более значительные, меня не утешают". "Земля покрыта убитыми и ранеными, - добавляет он во втором письме, - "Это не самая благородная часть войны. Человеку больно, и душа угнетается при виде стольких жертв".

На пронизывающем морозе, перед лицом тысяч убитых и умирающих, когда мрачный день переходил в мучительную ночь, император сказал: "Это зрелище наполняет правителей любовью к миру и ужасом перед войной", и в своем отчете о сражении он сказал: "Представьте себе на площади в один квадратный километр девять или десять тысяч трупов, четыре или пять тысяч мертвых лошадей, ряды русских ранцев, обломки ружей и сабель; землю, покрытую пулями, снарядами, припасами; двадцать четыре пушки, окруженные своими артиллеристами". , убит как раз в тот момент, когда они пытались отобрать у себя ружья; и все это очень рельефно на снежной полосе!"

Двенадцать орлов Наполеона оказались в руках русских, и поле между ними было покрыто 50 000 трупами, из которых по меньшей мере половина были французами. Каждый лидер заявил о своей победе. Русские отступили из Эйлау в сторону Кенигсберга в ту же ночь после битвы, и французы не предпринимали попыток преследовать противника, но оставались на поле боя девять дней, чтобы дать войскам немного отдохнуть.

На самом деле это была битва вничью. Вопрос о превосходстве в этот ужасный день было бы трудно решить, но победа, если бы на нее справедливо претендовала какая-либо из сторон, должна быть объявлена оставшейся за Наполеоном; ибо Бенигсен отступил и оставил его хозяином поля битвы, где он спал и оставался в течение нескольких дней; но это был ужасный триумф. За все время, пока длилось состязание, никто не заметил, чтобы выражение лица

Наполеона изменилось; он также не выказывал никаких эмоций; но все свидетельства сходятся в том, что ужасы последовавшей ночи произвели на него глубокое впечатление.

Наконец, 19 февраля Наполеон оставил Эйлау и отступил со всей своей армией к Остероде на Висле. Здесь он основал свою штаб-квартиру, живя в чем-то вроде сарая, управляя своей Империей и контролируя Европу. Сомнительный исход битвы при Эйлау потряс общественное мнение, и потребовались все благоразумие и решительность императора, чтобы преодолеть его. "Вестник битвы" вызвал в Париже сильное уныние, и в фондах наступила заметная депрессия.

VIII ФРИДЛАНД И ТИЛЬЗИТСКИЙ МИР

Вскоре Наполеон решил, что было бы фатальной опрометчивостью начинать еще одну кампанию в Польше, пока несколько укрепленных городов, и прежде всего Данцик, держатся у него в тылу. Он решил захватить все эти места и вызвать новые силы из Франции, прежде чем снова встретиться на поле боя с такими врагами, какими показали себя русские.

Данцик, наконец, был вынужден сдаться 7 мая 1807 года, маршал Лефевр получил титул герцога Данцика в ознаменование своего важного успеха, после чего чрезвычайные усилия Наполеона по срочной доставке припасов из Франции, Швейцарии и стран Рейна, а также пополнение дивизии численностью 25 000 человек, захватившей Данцика, позволили ему снова выступить в бой к первому июня во главе не менее 280 000 человек. Русский генерал также сделал все, что было в его силах, чтобы набрать свою армию, которая теперь была усилена на 90 000 человек за этот промежуток времени.

Русские были в поле боя к 5 июня и первыми атаковали; но ничего, кроме стычек, не получилось, пока русская армия не была вынуждена отступить к Гейльсбергу, где они остановились и, сосредоточив там свои силы, оказали самое отчаянное сопротивление. Однако они были подавлены численным превосходством после того, как удерживали свои позиции в течение целого дня. Битва продолжалась до полуночи на равных условиях, и когда наступило утро, пространство между русскими и французами было буквально завалено телами убитых и раненых.

После сражения русские отступили, переправившись через реку Аллер, и 13 июня достигли Фридланда, довольно важного города на западном берегу реки, сообщаемого с восточным, или правым берегом реки длинным деревянным мостом. Намерением Наполеона было побудить русского генерала перейти по этому узкому мосту на левый берег, а затем втянуть его в генеральное действие в положении, когда общая трудность прорыва через город и по мосту должна была сделать отступление почти невозможным. Для этой цели он показал только ту часть своих сил, которая убедила генерала Беннигсена в том, что французские войска на западном берегу Аллера состоят только из дивизии Удино, с которой жестоко обошлись в битве при Гейльсберге и которую он теперь надеялся полностью уничтожить. Воспользовавшись этим обманом, Беннигсен приказал русской дивизии перейти мост, дефилировать по городу и двинуться на штурм. Французы очень заботились о том, чтобы не оказывать такого сопротивления, которое показало бы их действительную силу, и Беннигсен, полагая, что перед

ним только одна дивизия французской армии, и забыв обычную быстроту комбинаций, которой отличался Наполеон, продвинулся вперед и начал операцию, которую, как он полагал, он мог завершить быстро и триумфально. Вскоре ему пришлось усилить эту первую дивизию другой. За ними последовали другие неподвижные дивизии, и, поскольку сражение становилось все более ожесточенным, русский генерал, наконец, переправил всю свою армию, за исключением одной дивизии, на левый берег Аллера с помощью деревянного моста и трех понтонов и выстроил их перед городом Фридланд, чтобы одолеть, как он предполагал, потрепанную дивизию французов, перед которой, по его мнению, он был беззащитен. Но не успел он сделать этот непоправимый шаг, как маска была сброшена.

Наполеон сначала не мог поверить, что Беннигсен отважится оставить какую-либо часть своей армии на какой-либо срок в таком опасном положении, в какое он ее поставил, ведя сомнительный бой без каких-либо средств отступления, кроме как через окруженный город Фридланд, и по длинному узкому мосту через Аллер. Поэтому его удивление было велико, когда он узнал от офицеров, которых послал на разведку, что вся русская армия переходит мост, за исключением одной небольшой дивизии, и выстраивается перед городом. Он обеспечил себе победу численностью и позицией, но его замечание Савари, который передал ему информацию о движении русских, было характерным: "Что ж, - сказал он, - теперь я готов, у меня часовое преимущество перед ними, и я дам им сражение, раз они этого хотят".

Французские стрелки двинулись вперед в полном составе, начали показываться тяжелые колонны пехоты, были выдвинуты на позиции пушечные батареи, и Беннигсен оказался в присутствии всей французской армии. Его позицию, представлявшую собой нечто вроде равнины, окруженной лесами и пересеченной местностью, было трудно защищать; с городом и большой рекой в тылу было опасно пытаться отступить, а наступлению препятствовало неравенство его сил. Беннигсен счел целесообразным выделить 6000 человек для защиты моста в Аллерберге, примерно в шести милях от Фридланда на Аллере, а с остальными своими силами он решил удерживать свою нынешнюю позицию до ночи, надеясь на прусское подкрепление от генерала Л'Эстока через город Велау.

Около 10 часов утра 14-го числа французы перешли в атаку. "Сегодня 14 июня; это будет счастливый день для нас, - сказал Наполеон, возвращаясь к самому славному дню в своей жизни. - Это годовщина битвы при Маренго". Пересеченная и лесистая местность, которую занимали французы, позволяла им поддерживать и возобновлять свои усилия в свое удовольствие, в то время как русские на своей открытой позиции не могли сделать ни малейшего движения незамеченными. Около полудня французам, казалось, надоело это соревнование, и они собирались уходить. Это, однако, было лишь уловкой, чтобы дать отдых тем силам, которые были задействованы, и подтянуть подкрепление. Канонада продолжалась после 4 часов, русская линия обороны выдерживала атаку за атакой и ни разу не отступила и не сломалась перед пехотой или кавалерией. Наполеон со своего наблюдательного пункта недалеко от поля боя был свидетелем провала каждой стратегии и атаки каждой дивизии и, наконец, обнаружив, что день идет на убыль, лично собрал все свои силы с целью предпринять одну из тех отчаянных и обычно непреодолимых попыток, к которым он часто прибегал, чтобы навязать решение в сомнительный день.

В его империи не было маршала, под началом которого войска не вели бы себя доблестно, но когда император встал во главе своей армии и повел ее в атаку, ничто не могло устоять перед

потрясением. Храбрый Удино, подбежавший с пробитым пулями плащом и окровавленной лошастью, воскликнул императору: "Поспешите, сир, дайте мне подкрепление, и я сброшу всех русских в воду!" День клонился к вечеру, и некоторые из лейтенантов Наполеона придерживались мнения, что им следует отложить последнее и решительное наступление до завтра. "Нет! Нет!" - ответил Наполеон. "В такой переделке нельзя дважды застать врага врасплох". Затем он определил расположение нескольких корпусов для последней атаки.

Окруженный своими помощниками, он энергично и точно объяснял им, какую роль должен сыграть каждый из них. Схватив за руку маршала Нея и указав на Фридланд, на мосты, на русских, столпившихся впереди, он сказал: "Вот цель, маршируйте к ней, не оглядываясь по сторонам; ворвитесь в эту густую массу, чего бы вам это ни стоило; войдите во Фридланд, захватите мосты и не заботьтесь о том, что может произойти справа, слева или в тылу. Армия и я будем там, чтобы позаботиться об этом".

Ней тут же пустился галопом выполнять эту грандиозную задачу. Пораженный его воинственным настроением, Наполеон, обращаясь к маршалу Мортье, сказал с большим удовлетворением: "Этот человек - лев!"

Теперь был отдан приказ к атаке кавалерией, пехотой и артиллерией по всей линии фронта, и одновременно русские начали сдаваться, а французы одновременно наступали с криками об уверенной победе. Теперь русские были вынуждены отступить перед лицом врага, и через полчаса разгром был завершен. Напрасно враг перебрасывал все свои резервы вперед; Фридланд наконец был взят, но в разгар ужасной резни. Противник оставил на поле боя 20 000 человек, из которых 15 000 были убиты и 5000 ранены, в том числе тридцать генералов.

Дюпон, которого послали на помощь Нею, встретил его в самом сердце Фридланда, тогда охваченного пламенем, и они поздравили друг друга со славным успехом: Ней продолжал идти прямо вперед, а Наполеон, поставленный в центр дивизий, которые он держал в резерве, не переставал следить за его продвижением. Была половина одиннадцатого вечера. За всю свою обширную карьеру Наполеон не одерживал более блестящей победы. В качестве трофеев у него было восемьдесят пушек, правда, пленных было немного, потому что русские предпочли утопиться, чем сдаться. Двадцать пять тысяч русских были убиты против 8000 французов. Из 80 000 французов 25 000 не сделали ни единого выстрела. Тем временем мост и понтоны были подожжены, чтобы помешать французам, ворвавшимся в город, завладеть ими. Дым, окутавший место происшествия, усилил ужас окружающей обстановки.

Центр и правый фланг русских, которые оставались на западном берегу Аллера, предприняли отступление круглым путем, оставив справа город Фридланд с его горящими мостами, которые больше не могли использовать ни друзья, ни враги, и перешли Аллер по броду, обнаруженному в самый критический момент ниже по реке. Наполеон не послал в погоню кавалерию, хотя у него было сорок эскадронов, которые могли бы разорвать их на куски. На него было брошено много упреков за то, что он не улучшил свою победу таким образом; но причина казалась ясной: его целью было заключить мир с императором Александром, и резня разбитых батальонов русской гвардии никоим образом не способствовала бы достижению этой цели, и не осталось силы, способной противостоять огромной силе победоносного французского воина.

Так завершилась великая битва при Фридланде. "Мои дети, - писал Наполеон Жозефине, - достойно отпраздновали битву при Маренго. Битва при Фридланде будет столь же знаменательной для моего народа.... Это достойная сестра Маренго, Аустерлица и Йены".

На следующее утро Наполеон посетил поле боя и стал свидетелем ужасающего зрелища. Порядок расположения русских каре можно было проследить по ряду куч убитых, а о расположении их артиллерии можно было догадаться по мертвым лошадям. Как хорошо сказал Савари: "Можно с уверенностью сказать, что государи должны ставить на карту великие интересы своих подданных, чтобы оправдать такие ужасные жертвы".

Император Александр, благоговейный трепет перед гением Наполеона, одержавшего победу над войсками более решительными, чем когда-либо прежде, противостоявшими ему, и встревоженный последствиями каких-либо решительных мер по преобразованию поляков как нации, начал серьезно задумываться о мире. 21 июня генерал Беннигсен попросил о перемирии, и победитель Фридланда немедленно согласился на это по прибытии в Тильзит. 22 июня Наполеон обратился к своей армии с воззванием, в котором говорилось: "С берегов Вислы мы достигли берегов Немана с быстротой полета орла. Вы отмечали при Аустерлице годовщину коронации, а в этом году соответствующим образом отметили битву при Маренго, которая положила конец второй коалиции. Французы, вы доказали, что достойны себя и меня. Вы вернетесь во Францию, увенчанные лаврами, после того как добьетесь славного мира, который несет в себе гарантию его продолжительности".

Было известно, что император Александр находится на другом берегу Немана, в деревне неподалеку, и Наполеон лично адресовал свой ответ государю. Смысл его сводился к тому, что он был вполне готов заключить мир, но не согласился бы на перемирие, если бы война продолжалась. Результатом стало предложение Александра о проведении беседы между ним и императором Франции, которое было принято. Перемирие было ратифицировано 23 июня, а 25-го императоры Франции и России встретились лично, каждый в сопровождении нескольких сопровождающих, на плоту, пришвартованном посреди реки Неман, недалеко от Тильзита, города, который дал свое название секретному договору, согласованному в то время. Монархи обнялись при встрече со своими армиями на обоих берегах реки и, удалившись под навес, под одобрительные крики войск, вели долгую беседу, свидетелем которой никто не был.

По его окончании была отмечена видимость взаимной доброй воли и доверия, и два императора основали там свои дворы и жили вместе среди недавно враждовавших армий, скорее как старые друзья, чем враги и соперники, пытаясь дипломатическими средствами урегулировать разногласия, которые в течение многих лет заливали Европу кровью. По этому договору король Пруссии был принят в качестве участника, Наполеон вернул Фридриху Вильгельму древнюю Пруссию и французские завоевания в Верхней Саксонии — король согласился принять "Континентальную систему".

Прекрасная и обворожительная королева Пруссии также прибыла в Тильзит, но слишком поздно, чтобы добиться для своей страны более выгодных условий, чем те, которые уже были предоставлены ее мужу. "Простите нас, - сказала она, когда Наполеон принял ее, - простите нам эту роковую войну; память о великом Фридрихе обманула нас; мы считали себя равными ему, потому что мы его потомки; увы! мы этого не доказали!"

Королева использовала все стратегии, какие только могли придумать остроумие и гений, и все очарование, которому красота могла придать очарование, но безрезультатно. Потерпев неудачу в своих амбициях, она вскоре после этого умерла, как говорят, от огорчения.

Ни один эпизод в карьере Наполеона Бонапарта не был прокомментирован более негативно, чем его предполагаемое нарушение верности королеве Пруссии, когда владения ее мужа были полностью у его ног. Он всегда отрицал, что нарушил свое слово, и, согласно его собственной истории, рассказанной после его окончательной отставки, у королевы не было причин для жалоб.

"Королева Пруссии все еще была красивой женщиной, - сказал он, - но она утратила многие чары молодости. Она, очевидно, рассчитывала использовать свою силу убеждения на благо Пруссии. За ужином я взял со стола красивую розу и преподнес ей. Она взяла его, мило улыбнулась и воскликнула: "Надеюсь, по крайней мере, в Магдебурге". Я ответил: "Ваше величество заметит, что я даю, а вы получаете то, что я даю".

"Я ускорил подготовку к завершению договора, и он был подписан. Когда королева узнала, что Магдебург не был передан Пруссии, она была очень разгневана. Она пошла к царю Александру и сказала со слезами на глазах: "Этот человек нарушил данное мне слово". "О нет!" - ответил царь. "Я с трудом могу так думать. Мне кажется, я присутствовал при каждой вашей встрече с Наполеоном и слушал более внимательно, чем вы думали. Но если вы сможете доказать мне, что он дал какое-либо обещание, которое не сдержал, я даю вам слово мужчины, что прослежу, чтобы он его сдержал.

— О, но он дал мне понять...

"В том-то и дело", - ответил царь. "Он ничего не обещал". Королева быстро повернулась и вышла из покоев. Она была слишком горда, чтобы признать, что в своей попытке перехитрить меня ее перехитрили.

При последующей встрече с Наполеоном королева сказала: "Возможно ли, что после того, как мне выпала честь находиться так близко к герою века и истории, он не оставит мне силы и удовлетворения от возможности заверить его, что привязал меня к себе на всю жизнь?"

"Сударыня, - ответил император серьезным тоном, - меня следует пожалеть; это результат моих несчастливых звезд". Затем он попрощался с королевой, которая, подойдя к своему экипажу, в слезах бросилась на сиденье.

С картины барона Гро

Встреча Наполеона и Франциска II. Австрийский король

Александр был очарован присутствием Наполеона. Они провели вместе несколько дней в Тильзите, и он ни разу не покидал французского императора, не выразив ему своего безграничного восхищения им. "Какой великий человек, - беспрестанно говорил он тем, кто подходил к нему. - Какой гений! Какие широкие взгляды! Какой капитан! Какой государственный деятель! Если бы я узнал его раньше, от скольких ошибок он мог бы избавить меня! Каких великих свершений мы могли бы достичь вместе!"

В июле Наполеон поспешил обратно в Париж, прибыв туда 27-го. Он был встречен Сенатом и другими государственными органами, а также народом демонстрациями, подобными тем, которые были продемонстрированы ему по возвращении с победы при Аустерлице. Праздники и торжества в честь его достижений поразили весь мир. Теперь он добился от последнего из своих заклятых врагов, за исключением Англии, признания его императорской власти, которая уже охватывала более широкую территорию и гораздо большее число подданных, чем Карл Великий, правивший как император Запада тысячу лет назад. Можно сказать, что могущество Наполеона, процветание Франции и великолепие Парижа достигли в этот период своего наивысшего расцвета. Управление всей Империей находилось в руках самого Наполеона, и поскольку слава Франции всегда была и продолжала оставаться его великой целью, все силы его интеллекта были направлены на ее продвижение.

"Я склонен думать, что счастливее всего я был в Тильзите", - сказал однажды Наполеон Гурго на острове Святой Елены, когда его спросили, в какое время он был счастлив больше всего. "Я пережил превратности судьбы, заботы и провалы, - продолжал он, - Эйлау напомнил мне, что удача может отвернуться от меня, и я оказался победителем, диктуя мир с императорами и королями, которые сформировали мой двор. В конце концов, это не настоящее удовольствие. Возможно, после моих итальянских побед я был действительно более счастлив, слыша, как люди возвышают свои голоса только для того, чтобы благословить своего освободителя, и все это в двадцать пять лет! С того времени, как я увидел, кем я мог бы стать, я уже видел мир, летящий подо мной, как будто меня несли по воздуху".

Нейпир, выдающийся историк и сам актер во многих сценах, которые он описывает, говорит: "До Тильзитского мира войны Франции были по существу оборонительными; ибо кровавое соперничество, на которое Континент потратил столько лет, было не борьбой за превосходство между амбициозными державами - не спором за какое-то приобретение территории — или за политическое господство той или иной нации, — а смертельным конфликтом за определение того, должна ли преобладать аристократия или демократия, — должна ли аристократия или привилегии отныне быть принципом европейских правительств".

15 августа император с большой помпой отправился в Собор Парижской Богоматери, где была пропета "Te Deum" и вознесена благодарность за Тильзитский мир — мир, который принес Франции много славы, но который, по общему признанию, был "плохой политикой"; но, как хорошо сказал Тьер: "На войне Наполеоном руководил его гений, в политике - его страсти".

IX ВОЙНА С ИСПАНИЕЙ

При подписании Тильзитского мирного договора Наполеон достиг такого возвышения, которое, если бы его карьера завершилась в то время, оставило бы ему имя, почитаемое во всем мире — за исключением, возможно, тех врагов, которых он победил на поле битвы. Звезда его судьбы, однако, вскоре померкла из-за поступков, о которых он впоследствии никогда не сожалел и которые, как он сам неоднократно заявлял, были средством достижения цели, которая в конечном итоге привела к его упадку.

Теперь Наполеон обратил свое внимание на Испанию, где под покровительством Карла IV, старого и слабоумного короля Бурбонов, разыгрывались сцены, шокирующие мораль, чтобы, как он тогда полагал, обеспечить успех своей "континентальной системы". Фердинанд, наследный принц, сформировал партию против своего отца и пытался свергнуть его с престола, в то время как кровожадные придворные заполнили залы королевского дворца Мадрида и диктовали законы рушащейся монархии.

Огромные масштабы, в которых запрещенные товары и колониальные мануфактуры Англии попадали на испанский полуостров, и особенно в Португалию, а оттуда через руки целых легионов дерзких контрабандистов в саму Францию, привлекли внимание Наполеона, который был раздражен нарушением его "берлинских декретов", направленных против континентальных перевозок с Англией. По правде говоря, прокламация, изданная в Мадриде незадолго до битвы при Йене и внезапно отозванная при известии об этой великой победе, подготовила императора к тому, чтобы с большим подозрением относиться к поведению испанского двора и объяснять каждое нарушение его системы его преднамеренным и враждебным попустительством. Наполеон знал, что испанский кабинет министров, как и австрийский, был готов объявить себя союзником России, Пруссии и Англии, когда битва при Йене обманула надежды коалиции. Последний час древнего режима был близок по ту сторону Пиренеев; Наполеон чувствовал себя призванным дать сигнал к страшному звону о его погребении.

29 октября 1807 года в Фонтенбло был ратифицирован мирный договор между Францией и Испанией, предусматривающий немедленное вторжение в Португалию силами в 28 000 французских солдат под командованием Жюно и 27 000 испанцев; в то время как резерв в 40 000 французских солдат должен был быть собран в Байонне, готовый выступить в поход к концу ноября, на случай, если Англия предоставит армию для защиты Португалии, или народ этой страны встретит Жюно национальным восстанием. Жюно немедленно начал свой марш через Испанию, где французских солдат повсюду встречали холодно и подозрительно, но нигде не было отмечено какого-либо враждебного движения народа. Он прибыл в Португалию по безапелляционному приказу Наполеона в конце ноября. Туда же прибыл и контингент испанцев, которые перешли под командование Жюно.

29 ноября, всего за несколько часов до того, как Жюно появился у ворот Лиссабона, принц-регент опрометчиво сбежал и отплыл в Бразилию. Отвращение португальцев к этому трусливому поступку было в высшей степени полезно захватчикам, и, за исключением одного незначительного восстания, когда завоеватель сложил португальское оружие и заменил его оружием Наполеона, несколько месяцев прошли в кажущемся спокойствии. "Дом Браганса (Бурбонов) прекратил свое правление", - объявлено в парижском "Монитере".

Таким образом, Наполеон увидел Португалию в своих руках; но он все это время рассматривал ее как место второстепенной важности и, воспользовавшись Фонтенблонским мирным договором, хотя португальцы не подняли восстания, он приказал своей армии в 40 000 человек, указанной в договоре, медленно, но неуклонно продвигаться в сердце Испании и не встречать сопротивления. Королевская семья в течение нескольких месяцев молча соглашалась с этим движением, будучи, по-видимому, гораздо более заинтересованной в собственных мелких заговорах и внутренних распрях. Внезапная паника наконец охватила короля и его министра, которые приготовились к бегству. 18 марта 1808 года дом Годоя, фаворита двора, был разграблен населением, сам Годой подвергся нападению, и королевская стража с большим трудом спасла ему жизнь, поместив его под арест. При этом Карл IV. В ужасе отрекся от престола, и 20 марта его сын Фердинанд был провозглашен королем в Мадриде под бурные аплодисменты публики.

Мюрат до этого принял командование всеми французскими войсками в Испании и, услышав о крайностях, на которые пошли придворные группировки, теперь быстро двинулся на Мадрид, окружил столицу 30 000 войсками и 23 марта лично овладел ею во главе еще 10 000 человек. Карл IV тем временем отправил гонцов как к Наполеону, так и к Мюрату, утверждая, что его отречение было невольным, и призывая их помочь против его сына.

Фердинанд вступил в Мадрид 24-го, застал французского генерала командующим столицей и тщетно требовал его признания королем. Наполеон с сожалением узнал о поступке Мюрата, который рискнул возбудить гордыню и гнев испанцев. Поэтому он послал Савари, в опытности которого надеялся найти средство против военной опрометчивости Мюрата и который должен был взять на себя главное руководство делами в Мадриде.

В конце концов Савари убедил Фердинанда, что его лучший шанс заручиться помощью и защитой Наполеона заключается в том, чтобы встретиться с ним на пути в испанскую столицу и попытаться добиться его расположения до того, как эмиссары Годоя смогут произвести

впечатление относительно прав Карла. Поэтому Фердинанд предпринял свой отъезд и, перейдя границу, прибыл в Байонну 20 апреля, где был любезно принят Наполеоном. Вечером Савари, сопровождавший его, сообщил ему, что его судьба предрешена — "что династия Бурбонов прекратила правление в Испании" и что его личная безопасность должна зависеть от готовности, с которой он передаст все свои притязания в руки Наполеона.

Теперь Мюрату было приказано использовать средства, чтобы отправить старых короля и королеву также в Байонну, что они и сделали, прибыв туда 4 мая. После ожесточенной семейной ссоры Карл IV. отказался от короны Испании ради себя и своих наследников, приняв взамен из рук Наполеона безопасное убежище в Италии и великолепный особняк. На первом собеседовании Карл IV. и его сын были безвозвратно осуждены. "Когда я увидел их у своих ног, - говорил позже Наполеон, - и смог оценить всю их неспособность, я сжалился над судьбой великой нации; я воспользовался единственной возможностью, которую предоставила мне судьба, для возрождения Испании, отделения ее от Англии и тесного объединения с нашей системой". Несколько дней спустя Фердинанд VII. последовал примеру своего отца и совершил аналогичный акт отставки.

Подозрение, что Франция замышляла уничтожение национальной независимости Испании, теперь начало распространяться, и 2 мая, когда дон Антонио, президент Регентского совета в Мадриде и дядя Фердинанда, начал приготовления к отъезду из столицы, жители пришли в ярость. Вокруг кареты собралась толпа, намеревавшаяся, как они пришли к выводу, вывезти последних членов королевской семьи из Испании; пути были перерезаны, и в адрес французов посыпались проклятия. Полковник Ла Гранж, адъютант Мюрата, случайно оказавшийся на месте происшествия, подвергся жестокому обращению, и через мгновение вся столица была охвачена волнением. Французские солдаты подвергались нападениям повсюду, около семисот человек были убиты. Французская кавалерия, услышав шум, вошла в город, и последовала кровавая резня. Многие сотни были взяты в плен. Затем войска прошли по улицам из конца в конец, освободили своих товарищей и еще до наступления темноты, по-видимому, восстановили спокойствие. Мюрат приказал предать всех заключенных суду военной комиссии, которая обрекла их на мгновенную смерть.

Слухи о восстании быстро распространились по всему полуострову, и почти в каждом городе Испании были совершены грабежи против французских граждан, многие из которых были спровоцированы агентами Англии, чьи военно-морские силы стояли вдоль побережья, разжигая страсти толпы.

Наполеон с тревогой воспринял это известие, но он уже зашел слишком далеко, чтобы отступать. Поэтому он продолжал действовать так, как будто никакого восстания не было. Когда в Мадриде восстановилось спокойствие, был созван Совет Кастилии, и императорским указом брат Наполеона Жозеф был избран их правителем. Девяносто пять знатных людей встретились с ним в Байонне и поклялись в верности ему и новой конституции. При въезде в Испанию Жозеф был встречен множеством демонстраций неодобрения и ненависти, но главная дорога была занята войсками Наполеона, и он благополучно добрался до Мадрида.

Теперь Англия стала стремиться оказать испанцам любую возможную помощь. 4 июля король обратился по этому поводу к английскому парламенту, заявив, что Испания больше не может

считаться врагом Великобритании, но признана им естественным другом и союзником. Туда щедро переправлялись поставки оружия и денег, и в Португалии, охваченной пламенем и вызвавшей всеобщее восстание, вскоре был заключен союзный договор, наступательный и оборонительный, между Англией и двумя королевствами полуострова.

Для Наполеона было невозможно сосредоточить все свои гигантские силы в 500 000 человек на территории Испании, поскольку его отношения с теми державами на Континенте, которые он не подчинил полностью, носили самый нестабильный характер. Более того, его войска, набранные из множества разных стран и языков, не могли быть едины сердцем или дисциплиной, как солдаты чисто национальной армии. С другой стороны, военный гений, которым он командовал, никогда не был превзойден ни в одну эпоху и ни в одной стране. Его офицеры привыкли побеждать, а его собственная репутация оказывала магическое влияние как на друзей, так и на врагов.

В момент, когда произошло восстание, 20 000 испанских солдат находились в Португалии под командованием Жюно; еще 15 000 человек под командованием маркиза де Рома служили Наполеону в Гольштейне. Оставалось 40 000 испанских регулярных войск, 11 000 швейцарцев и 30 000 ополченцев для борьбы с 80 000 французских солдат, которые тогда владели половиной главных крепостей страны.

После различных мелких стычек, в которых французы неизменно добивались успеха, 14 июля Бессьер наткнулся на объединенные армии Кастилии, Леона и Галисии под командованием генералов Куэсты и Блака при Риосекко и разгромил их в отчаянной схватке, в ходе которой погибло не менее 20 000 испанцев. Это катастрофическое сражение открыло ворота Мадрида новому королю, который прибыл в столицу 20 числа того же месяца только для того, чтобы менее чем через две недели снова покинуть ее и занять свою главную квартиру в Виттории, чтобы сохранить свою безопасность. Английское правительство тем временем начало готовиться к эффективному вмешательству в дела полуострова. Тысячи английских солдат были высажены, Дюпон, Лефевр и Жюно потерпели неудачу, которая в конечном итоге привела к эвакуации всей французской армии из Португалии.

Битва при Байлене была одним из первых и самых роковых поражений французов. Здесь, после отчаянного сражения 23 июля, свыше 18 000 человек под командованием генерала Дюпона сдались испанцам, дефилировали перед испанской армией с воинскими почестями и сложили оружие в порядке, согласованном обеими сторонами. Генерал Дюпон и все офицеры, участвовавшие в капитуляции, которым было разрешено вернуться во Францию, были арестованы и содержались в тюрьме. Наполеон глубоко ценил важность поражения, которое потерпели его армии, но еще более горько он переживал позор. Говорят, что до последнего периода своей жизни он проявлял неконтролируемые эмоции при упоминании об этой катастрофе. Впоследствии появился императорский указ, который запрещал каждому генералу или командиру группы людей вести переговоры о какой-либо капитуляции, находясь в открытом поле; и объявлял позорной и преступной и, как таковая, караемой смертью любую капитуляцию такого рода, результатом которой должно было стать сложение войск.

Катастрофа при Байлене и доблестная защита Сарагосы в какой-то мере открыли Наполеону глаза на характер нации, с которой он боролся. Он слишком поздно осознал, что

неосмотрительно вступил в войну и совершил большую ошибку, начав ее со слишком малочисленными и слишком дико разбросанными силами. Услышав о неудаче трех своих генералов, он сразу понял, что дела на полуострове требуют более зоркого взгляда и твердой руки, чем у его брата, и он сразу же решил выступить в поход самому, лично перейти Пиренеи во главе войск, способных смести весь полуостров "одним махом" и восстановить правление своего брата под покровительством благоприятной судьбы.

Выезжая из Парижа в начале октября 1808 года, император объявил, что крестьяне Испании восстали против своего короля, что предательство привело к гибели одного корпуса его армии, а другой был вынужден англичанами эвакуироваться из Португалии. Набирая свои армии на границе с Германией и в Италии, он теперь приказал своим ветеранам численностью 200 000 человек, включая многочисленную и блестящую кавалерию и большой отряд императорской гвардии, быть отозванными с этих границ и двинутыми маршем через Францию в сторону Испании.

Когда эти воинственные колонны проходили через Париж, Наполеон обратился к ним с одной из тех речей, которые никогда не переставали наполнять их энтузиазмом. "Товарищи, - сказал он на торжественном смотре, который состоялся в Тюильри 11 сентября, - после триумфа на берегах Дуная и Вислы вы быстрыми шагами прошли через Германию. В этот день, без минуты отдыха, я приказываю вам пересечь Францию. Солдаты, вы мне нужны. Отвратительное присутствие английского леопарда загрязняет полуостров Испании и Португалии. В ужасе он должен лететь перед вами. Давайте перенесем наших торжествующих орлов к Геркулесовым столбам; там нам тоже есть за что отомстить. Солдаты! Вы превзошли славу современных армий, но вы еще не сравнялись со славой тех римлян, которые в одной и той же кампании одержали победы на Рейне и Евфрате, в Иллирии и на Тахо! Долгий мир, прочное процветание будут наградой за ваши труды. Настоящий француз не мог и не должен успокаиваться, пока моря не станут свободными и открытыми для всех. Солдаты, то, что вы сделали и собираетесь сделать для счастья французского народа и для моей славы, навсегда останется в моем сердце".

Распустив таким образом свои верные войска, сам Наполеон быстро отправился в Эрфурт, куда пригласил императора Александра для совещания с ним. Здесь они обратились с совместным письмом к королю Англии, еще раз предлагая всеобщий мир, но поскольку они оба отказались признавать какую-либо власть в Испании, кроме власти короля Иосифа, ответ был отрицательным. Австрия также решительно отказалась признать Жозефа Бонапарта королем Испании, и этого ответа было достаточно, чтобы убедить Наполеона в том, что она решительно настроена на новую кампанию.

14 октября конференция в Эрфурте завершилась, Наполеон искренне считал себя другом Александра и вряд ли думал, что однажды скажет о нем: "Он вероломный грек!" Десять дней спустя Наполеон присутствовал на открытии законодательной сессии в Париже, где он с уверенностью говорил о своих планах и надеждах в отношении Испании. "Я уезжаю через несколько дней, чтобы встать во главе своих войск, - сказал он, - и, с Божьей помощью, короновать короля Испании в Мадриде и водрузить своих орлов на форты Лиссабона".

Два дня спустя он покинул столицу и 3 ноября достиг Байонны, где оставался, руководя передвижениями последних колонн своей армии до утра 8-го. В тот же вечер он прибыл в Витторию, штаб-квартиру своего брата Джозефа. У ворот города его встретили гражданские и военные власти, где были проведены роскошные приготовления, но вместо того, чтобы принять их гостеприимство, он зашел в первую попавшуюся гостиницу и, попросив карты и подробный отчет о расположении всех армий, французской и испанской, немедленно приступил к составлению своего плана ведения войны. В течение двух часов он выполнил свою задачу. Сулыт, сопровождавший его из Парижа, немедленно отправился в путь, и в течение нескольких часов вся армейская машина, насчитывавшая 200 000 человек, пришла в движение.

Вскоре Наполеон увидел, что главный путь на Мадрид открыт перед ним, за исключением некоторых сил, которые, как говорят, были размещены в сильном ущелье Сомосьерра, в десяти милях от столицы. Сарагоса на востоке, британская армия в Португалии на западе и Мадрид впереди были единственными удаленными друг от друга пунктами, на которых все еще можно было проследить какое-либо проявление сопротивления от границ Франции до границ Португалии и от побережья до Тежу.

Приведя в порядок все на своих флангах и в тылу, император со своей императорской гвардией и первой дивизией армии двинулся маршем к Мадриду, его авангард достиг подножия цепи Сомосьерра 30 ноября. Здесь он обнаружил, что для защиты этого перевала был собран корпус численностью 12 000 или 13 000 человек под командованием генерала Сан Хуана, способного и доблестного офицера, который выставил авангард из 3000 человек у самого подножия склона, по которому французам предстояло подняться, а затем распределил более 9000 человек на перевале Сомосьерра, на дне ущелья; там наступающая армия должна была пройти. Одна часть сил Сан-Хуана, размещенная справа и слева от дороги, которая образовывала многочисленные изгибы, должна была остановить продвижение французов двойным ружейным огнем. Остальные перегородили саму дамбу, недалеко от самой труднодоступной части перевала, батарей. Ущелье было узким и чрезмерно крутым, и дорога была полностью расчищена шестнадцатью орудиями.

На рассвете 1 декабря французы начали свои попытки обойти с фланга Сан-Хуана, который считал себя непобедимым на своей позиции. Три батальона рассредоточились по противоположным сторонам ущелья, и началась жаркая перестрелка. В этот момент подъехал Наполеон, во главе кавалерии своей гвардии въехал в устье перевала, на мгновение оглядел местность и, заметив, что его пехота не продвигается вперед, сразу же загорелся дерзкой идеей заставить своих храбрых польских улан атаковать дамбу перед батареей.

Император остановился у подножия горы и внимательно осмотрел позицию противника, огонь с которой, казалось, удвоился, множество ядер падало рядом с ним или проходило над его головой. Полковник Пире был сначала отправлен во главе поляков и, разведав позицию, отменил наступление и послал офицера уведомить Наполеона, "что предприятие невыполнимо". Узнав об этом, император сильно разозлился и, ударив по луке своего седла, воскликнул: "Невозможно! Для моих поляков нет ничего невозможного".

Присутствовавший генерал Ваттье попытался успокоить его, но он все еще продолжал восклицать: "Невозможно! Я не знаю такого слова. Что, мою охрану проверили испанцы,

вооруженные крестьяне?" В этот момент вокруг него засвистели пули, и несколько офицеров вышли вперед и убедили его удалиться. Среди них Наполеон заметил майора Филиппа Сегюра; ему он сказал: "Иди, Сегюр, возьми поляков и заставь их взять испанцев или позволь испанцам взять их".

Полковник Пире, проинформировав Козетульского, командующего польскими войсками, о словах императора, этот офицер ответил: "Тогда пойдемте со мной наедине и посмотрим, возьмется ли за это дело сам дьявол, созданный из огня".

Продвигаясь вперед, они увидели 13 000 испанцев, расставленных как бы амфитеатром таким образом, что ни один батальон не был замаскирован другим, и они могли только объединяться в колонны. С этого момента полякам приходилось выдерживать сорок тысяч ружейных и столько же пушечных залпов каждую минуту. Однако приказ был положительным.

- Комендант, - сказал Сегюр, - отпустите нас, таково желание императора; почести будут нашими; Поляки наступают. *Vive l'Empereur!*" Наполеон хотел научить своих солдат, что с испанцами они не должны считаться с опасностью, а гнать их куда угодно.

Дым стрелков на боковых холмах смешивался с густым туманом и испарениями утра, и под этой завесой храбрая кавалерия гвардии бесстрашно прокладывала путь и устремлялась вверх по склону. Блестящий кавалерийский офицер, генерал Монбрен, в то время несколько впавший в немилость у императора, выступил вперед во главе польской легкой кавалерии, молодого элитного отряда, который Наполеон сформировал в Варшаве, чтобы иметь в своей гвардии представителей всех наций и костюмов. Генерал Монбрен со своими доблестными молодыми солдатами галопом бросился на пушки испанцев, несмотря на ужасающий ружейный огонь. Первый эскадрон получил залп, который привел его в беспорядок, уничтожив тридцать или сорок человек в строю; но те, что последовали за ним, минуя раненых, добрались до частей, перерезали артиллеристов и захватили все пушки.

Когда мчащиеся кони миновали испанскую пехоту, последние открыли огонь, а затем побросали ружья, оставили свои укрепления и обратились в бегство. Храбрый Сан-Хуан, весь в крови, получив несколько ран, тщетно пытался остановить своих солдат, которые разбежались направо и налево в горах, оставив знамена, артиллерию, 200 повозок с припасами и почти всех офицеров в руках победителей. К тому времени, когда император добрался до вершины, над Буитраго уже развевался не только французский флаг, но и кавалерия Монбрена преследовала разбитых испанцев в лиге от города.

Наполеон был рад доказать своим генералам, что такое испанские повстанцы, что такое его солдаты и как следует ценить и то, и другое, а также преодолеть препятствие, которое некоторым казалось чрезвычайно серьезным. У поляков было около пятидесяти человек убитыми или ранеными. В тот вечер Наполеон похвалил и наградил выживших и включил в раздачу своих милостей мсье Филиппа де Сегюра, получившего несколько огнестрельных ранений в этой атаке; он также поручил ему передать Законодательному органу Парижа знамена, взятые при Сомосьерре, и назначил Монбрена дивизионным генералом.

Утром 2-го три дивизии французской кавалерии появились на возвышенности к северо-западу от столицы. Жители Мадрида в течение восьми дней готовились к сопротивлению вторжению. В городе находилось шесть тысяч регулярных войск, и толпы горожан и крестьян соседней страны были с оружием в руках вместе с ними. Мостовые были разобраны, улицы забаррикадированы, дома на окраинах окружены петлями и заняты сильным гарнизоном. Многие лица, заподозренные в переходе на сторону французов, были преданы смерти, и при звоне колоколов церквей и монастырей началось всеобщее восстание с применением всех средств обороны, когда появилась французская кавалерия.

Этот день был годовщиной коронации Наполеона и битвы при Аустерлице, и как для императора, так и для его солдат эта памятная дата была связана с суеверием. Прекрасная кавалерия, увидев своего славного командира, подняла единодушные крики одобрения, которые смешались с криками ярости, поднятыми испанцами при виде французов у своих ворот.

В полдень город был призван открыть свои ворота. Молодой офицер, доставивший послание, едва спасся, поскольку толпа была полна решимости расправиться с ним. Только вмешательство испанских регулярных войск спасло ему жизнь, вырвав его из рук убийц. Хунта поручила испанскому генералу передать отрицательный ответ на вызов французов. Когда его отправили обратно, его заверили, что стрельба начнется немедленно, хотя и сказали, что при сопротивлении они подвергнут резне только население, состоящее из женщин, детей и стариков, и сообщили, что город не сможет долго продержаться против французской армии.

С картины Горация Верне

Наполеон в битве при Йене

Наполеон подождал, пока вечером подойдет его артиллерия и пехота, а затем окружил город с одной стороны. Император лично провел разведку верхом вокруг Мадрида и разработал план нападения, который можно было разделить на несколько последовательных действий, чтобы после каждого из них захватывать это место и сокращать его скорее путем запугивания, чем применения грозных военных средств.

В полночь город был снова вызван, и ответ по-прежнему был вызывающим, батареи начали открывать огонь. Теперь в городе начал царить ужас, и вскоре после этого город был созван в третий раз. Губернатор Томас де Морла прибыл, чтобы потребовать прекращения боевых действий. Он сказал, что все здравомыслящие люди в Мадриде убеждены в необходимости капитуляции; но что необходимо заставить французские войска отступить и дать хунте время успокоить народ и побудить его сложить оружие.

Наполеон ответил с некоторым гневом, что Морла сам возбудил и ввел в заблуждение народ: "Соберите духовенство, настоятелей монастырей, алькальдов, главных владельцев, - сказал он, - и если между этим и шестью часами утра город не сдастся, он перестанет существовать. Я не буду и не должен выводить свои войска.... Возвращайтесь в Мадрид. Даю вам время до шести завтрашнего утра. Тогда возвращайся; тебе нечего сказать мне о людях, кроме как сказать, что они покорились. Если нет, ты и твои войска будете преданы мечу".

Морла вернулся в город и настаивал на необходимости немедленной капитуляции, с чем согласились все власти, кроме Костелласа, командующего регулярными войсками. Крестьяне и горожане продолжали обстреливать французские аванпосты в течение ночи, а затем Костеллас, видя, что дальнейшее сопротивление бесполезно, отвел свои войска и шестнадцать пушек в безопасное место.

В восемь часов утра 4-го числа Мадрид капитулировал. Испанцы были немедленно разоружены, а французские войска заполнили город и укрепились в огромных зданиях. Наполеон поселился в загородном доме недалеко от столицы. Он отдал приказ о всеобщем и немедленном разоружении, и спокойствие снова было восстановлено, магазины и театры открылись как обычно.

Теперь Наполеон воспользовался всеми правами завоевателя и издал эдикты, отменяющие, среди прочего зла, инквизицию иезуитов, а также феодальные институты средневековья. Он принял делегацию главных жителей, которые пришли выразить свое желание снова увидеть среди них его брата Джозефа. Он ответил, что Испания принадлежит ему по праву завоевания; что он легко может править ею через вице-королей; но если они захотят собраться в своих церквях, священники и народ поклянутся в верности Джозефу, он не прочь выслушать их просьбу. Он ясно подтвердил, что в случае, если они окажутся нелояльными, возложит корону на свою голову, будет относиться к стране как к завоеванной провинции и найдет другое королевство для своего брата: "ибо, - добавил он, - Бог дал мне склонность и силу преодолевать все препятствия".

Тем временем Наполеон готовился к завершению своего завоевания. Его план состоял в том, чтобы вторгнуться в Андалусию, Валенсию и Галисию с помощью своих лейтенантов и лично выступить маршем на Лиссабон.

Узнав 19 декабря, что английская армия под командованием сэра Джона Мура численностью 20 000 человек пришла в движение, продвинулась в Испанию и оставила Саламанку, чтобы проследовать в Вальядолид; что отдельный британский корпус численностью 13 000 человек под командованием сэра Дэвида Бэрда недавно высадился в Ла-Корунье с приказом пройти через Галисию и соединиться с Муром либо в Саламанке, либо в Вальядолиде, Наполеон решил наступать лично и сокрушить Мура. Его решение было принято мгновенно, с той быстротой принятия решений и безошибочностью суждения, которые никогда его не покидали. Он

немедленно встал во главе 50 000 человек и двинулся маршем с невероятной быстротой, намереваясь перехватить сообщения Мура с Португалией и, короче говоря, зажать английского командующего между собой и Сультом.

Как только Мур услышал о приближении Наполеона, он понял необходимость немедленного отступления; и он начал, соответственно, самое катастрофическое отступление через голые горы Галиции, в которых его войска проявили самое прискорбное отсутствие дисциплины. Они плохо обращались с жителями, выбились из их рядов и, короче говоря, потеряли видимость армии, за исключением тех случаев, когда труба предупреждала их, что они могут ожидать нападения французов.

Покинув Шамартен утром 22 декабря, Наполеон прибыл к подножию Гвадаррамы, когда пехота его гвардии начинала подниматься по ней. Погода, которая до этого была превосходной, внезапно стала ужасной, причем в тот самый момент, когда предстояло совершить форсированный марш, поскольку было необходимо, не теряя времени, догнать англичан.

Наполеон, видя, что пехота его гвардии скапливается у входа в ущелье, в котором также были сбиты в кучу орудийные лафеты, пустил свою лошадь галопом и достиг головы колонны, которую, как он обнаружил, задержал ураган. Крестьяне заявили, что невозможно пройти, не подвергаясь величайшим опасностям. Этого, однако, было недостаточно, чтобы остановить покорителя Альп. Он приказал егерям своей гвардии спешиться и приказал им продвигаться вперед сомкнутой колонной, ведомыми проводниками. Эти отважные ребята, шедшие во главе армии и топтавшие снег своими ногами и ногами своих лошадей, проложили проторенную дорогу для следовавших за ними войск.

Император сам поднялся на гору пешком, в окружении егерей своей гвардии, просто опираясь, когда чувствовал усталость, на руку генерала Савари. Холод, который был таким же сильным, как и в Эйлау, не помешал ему пересечь Гвадарраму. Генерал Марбо, сопровождавший Наполеона в путешествии, рассказывает в своих "Мемуарах": "Яростная снежная буря с яростным ветром сделала переход через горы почти невозможным. Людей и лошадей швыряло в пропасти. Передовые батальоны действительно начали отступать; но Наполеон был полон решимости любой ценой настичь англичан. Он обратился к солдатам и приказал, чтобы члены каждого отделения держали друг друга за руки. Кавалерия, спешившись, сделала то же самое. Штаб был сформирован аналогичным образом: Император между Ланом и Дюроком, мы следовали за ним, взявшись за руки; и так, несмотря на ветер, снег и лед, мы продвигались вперед, хотя нам потребовалось четыре часа, чтобы достичь вершины. На полпути маршалы и генералы, обутые в высокие сапоги, не могли идти дальше. Поэтому Наполеон вскочил на пушку и оседлал ее; маршалы и генералы сделали то же самое, и в таком гротескном порядке они добрались до монастыря на вершине. Там войска отдохнули и им подали вино. Спуск, хотя и неловкий, был лучше".

Наполеон провел ночь в жалком почтовом домике в маленькой деревушке Эспинар. На мулах, нагруженных его багажом, были доставлены необходимые средства для ужина, который он разделил со своими офицерами, весело беседуя с ними о той череде необычайных приключений, которые начались в бриенской школе и закончились неизвестно где!

На следующий день император двинулся дальше со своей гвардией; но пехота продвигалась с трудом, а артиллерия не могла двинуться с места из-за ужасных болот. Отставшие солдаты и

обоз медленно подходили, в то время как Наполеон, стремясь встретить бегущие английские войска, продвигался вперед со своим авангардом и егерями, пока не достиг Беневенто. Здесь он выступил со своими войсками в погоню за Муром в Беневенто 29 декабря и на мгновение наслаждался из своего расположенного там штаба зрелищем полного отступления английской армии.

Французские колонны, казалось, соперничали друг с другом в своих попытках настичь врага. В своем стремлении англичане бросили своих больных, подрезали сухожилия своим лошадям, когда те не могли поспевать за ними, и уничтожили большую часть их боеприпасов и багажа.

Маршал Султ, избравший другую дорогу, находился гораздо ближе к врагу. Его приказ следовать за английским антрактом было трудно выполнить, так как грязь была глубокой, и солдаты проваливались по колено.

Теперь Наполеон решил, что Мур больше не достоин его собственного внимания, и поручил довершение его гибели Султу, которому было приказано преследовать англичан до последней крайности, "приставив свой меч к их чреслам". Поэтому он немедленно отправился в путь, и его войска промаршировали мимо императора.

Султ держался вплотную к тылам англичан; он поравнялся с ними в горах Леона и продолжал преследовать их, пока они не достигли порта Корунья. Здесь Мур понял, что было бы невозможно отправиться в путь без съезда или сражения, и он выбрал последнее. Атака была предпринята французами 16 января тяжелыми колоннами и с присущей им живостью; но она была поддержана и отбита англичанами, и им было разрешено отправиться в путь без дальнейших препятствий. Сэр Джон Мур пал в бою, смертельно раненный пушечным выстрелом. Его тело было завернуто в военный плащ вместо обычного надгробного облачения и опущено в могилу, наспех вырытую на валах цитадели Коруньи, в то время как орудия противника воздавали ему погребальные почести. На следующее утро французские гренадеры, восхищенные рыцарством английского командующего, благоговейно собрались вокруг свежевырытой могилы, и, пока английский флот еще был виден на просторах Средиземного моря, они воздвигли над его телом памятник и поместили на нем соответствующую надпись.

Наполеон, получив сообщение о высадке английской армии, вместо того, чтобы вернуться в Мадрид для завершения своего испанского завоевания, сразу же направился к Асторге, где его опасения относительно Австрии усилились благодаря вестям из Парижа с курьером. Штурм, который снова надвигался на берега Дуная, имел более важные последствия для Франции, чем королевство Жозефа Бонапарта. По прибытии в Асторгу он изменил все свои планы. "Было поздно ночью, когда император и Ланн в сопровождении только своих штабов и нескольких сотен кавалеристов вошли в Асторгу", - рассказывает генерал Марбо. "Все так устали и жаждали укрытия и тепла, что это место почти не обыскивали. Если бы враги были предупреждены об этом и вернулись по своим следам, они, возможно, похитили бы императора; к счастью, они слишком спешили, и мы не нашли ни одного из них в городе. Каждую минуту подходили новые части французских войск, и вскоре безопасность имперской ставки была обеспечена".

Отправившись в Вальядолид со своей Гвардией, которую он хотел держать как можно ближе к событиям в Германии, после того как снова посадил Иосифа на трон в Мадриде, он вскоре после этого поспешил в Париж со всей скоростью, проехав однажды на почтовых лошадях не

менее восьмидесяти пяти миль за пять с половиной часов. Он пересек Испанию со скоростью молнии, сопровождаемый своей Охраной, туда, где его ждали новые опасности и триумфы. Он оставил после себя слабого короля, столь же неспособного удержать, сколь и добиться завоевания; и маршалов, которые, больше не сдерживаемые присутствием непреклонного вождя, по большей части отдались своему собственному самолюбию или личной зависти.

В своем "Мемориале", написанном в изгнании на острове Святой Елены, Наполеон сказал, "что испанская война уничтожила его и что все обстоятельства его бедствий связаны этим роковым узлом". "В кризис, в который была поставлена Франция, - сказал он в другой раз, - в борьбе новых идей за великое дело эпохи против остальной Европы, мы не могли оставить Испанию позади".

X ВОЙНА С АВСТРИЕЙ, 1809 ГОД.

Прежде чем Наполеон вернулся в Париж из Испании, он узнал, что, поддавшись на уговоры Англии, Австрия собирается воспользоваться тем, что он находится так далеко, пересечь свои границы, вторгнуться в Баварию, перенести войну на берега Рейна, а затем осуществить освобождение Германии. Возможность была отличной для попытки такого предприятия. Император был вынужден отправить отборные батальоны на другую сторону Пиренеев, тем самым значительно сократив количество врагов Франции в Германии. Французский министр иностранных дел Талейран во время отсутствия Наполеона прилагал все усилия, чтобы умиротворить императора Франциска, но военные приготовления во всех австрийских владениях продолжались со все возрастающей энергией.

После объявления войны Австрией 6 апреля были немедленно отправлены курьеры с приказом армиям на Рейне и за Альпами сосредоточиться на боевых действиях. Послам в Париже император весьма откровенно говорил о грядущем завоевании. "Они забыли уроки, полученные там на опыте, - сказал он. - Они хотят новых уроков; они их получают, и на этот раз они будут ужасными, я обещаю вам. Я не желаю войны; я не заинтересован в ней, и вся Европа является свидетелем того, что все мое внимание и все мои усилия были направлены на поле битвы, которое выбрала Англия, то есть в Испанию. Австрия, которая спасла англичан в 1805 году, когда я собирался пересечь пролив Кале, спасла их еще раз, остановив меня, когда я собирался преследовать их до Ла-Коруни. Она дорого заплатит за этот новый маневр в их пользу. Либо она должна немедленно разоружиться, либо ей придется вести войну на уничтожение. Если она разоружится таким образом, чтобы у меня не осталось сомнений относительно ее дальнейших намерений, я сам вложу свой меч в ножны, ибо я не желаю обнажать его иначе, как в Испании против англичан; в противном случае конфликт будет немедленным и решающим, и таким, что у Англии в будущем не будет союзников на Континенте".

Как только Наполеон узнал, что Бавария захвачена эрцгерцогом Карлом, он сразу же отправился без охраны, без экипажей, в сопровождении одной только верной Жозефины во Франкфурт, а оттуда в Страсбург. Здесь он принял командование армией 13 апреля и немедленно разработал план своей кампании. Он обнаружил, что два крыла его армии, одно

под командованием Массены, другое под командованием Даву, находятся на таком расстоянии от центра, что, если бы австрийцы воспользовались случаем, последствия могли быть фатальными для французов.

17 апреля, находясь при Донауэрте, Наполеон приказал Даву и Массене одновременно выступить на позицию впереди, а затем лично выдвинул центр к тому же месту. Эрцгерцог Людовик, который заранее командовал австрийскими дивизиями, таким образом, был неожиданно окружен тремя армиями, двигавшимися одновременно из трех разных пунктов.

В Донауэрте Наполеон обратился к своим войскам с воззванием, в котором сказал: "Солдаты, территория Конфедерации была нарушена. Австрийский генерал ожидает, что мы обратимся в бегство при виде его оружия и оставим ему наших союзников. Я прибываю с быстротой молнии. Солдаты, я был окружен вами, когда государь Австрии прибыл в мой лагерь в Моравии; вы слышали, как он умолял меня о помиловании и клялся в вечной дружбе по отношению ко мне. Победители, в трех войнах Австрия всем обязана вашему великодушию; трижды она лжесвидетельствовала. Наши прошлые успехи являются надежной гарантией победы, которая нас ожидает. Давайте выступим, и при нашем появлении пусть враг признает своего победителя".

Следует помнить, что в то время, когда Наполеон поражал Европу быстротой своих передвижений и проявлением ресурсов своего военного и политического гения, он оставил армию на полуострове, разбросанную на огромном пространстве территории, ослабленную болезнями, уменьшенную в результате частичных боев и не получавшую подкреплений из внутренних районов империи. В течение всей германской кампании 1809 года французы в Испании были просто в состоянии удерживаться на позициях, которые они заняли вскоре после ухода Наполеона.

Австрия рассчитывала на отсутствие Наполеона и его гвардии, а также на то, что ветераны Маренго и Аустерлица были далеко. Она знала, что по всей Германии осталось не более 80 000 французов, в то время как ее армия, разделенная на девять корпусов под командованием эрцгерцога Карла, насчитывала не менее 500 000 человек.

Эрцгерцог Людовик был разбит и отброшен назад при Абенсберге 20-го и наголову разбит при Ландсхуте 21-го, потеряв 9000 человек, тридцать орудий и все свои припасы. Те несчастные австрийцы, которых увели из Вены, распевая песни, под убеждением, что французской армии в Германии больше нет и что им придется иметь дело только с вюртембургцами и баварцами, испытали величайший ужас, когда вступили в конфликт и оказались побежденными. Принц Лихтенштейнский и генерал Лузиньян были ранены, в то время как потери австрийцев в полковниках и офицерах низшего ранга были значительными.

В битве при Абенсберге, которая произошла 20-го числа, Наполеон был полон решимости уничтожить корпус эрцгерцога Людовика и генерала Келлера численностью в шестьдесят тысяч человек. Враг простоял на своих позициях всего час и оставил восемнадцать тысяч пленных. Канонада французов была успешной на всех участках, и австрийцы, сбитые с толку блестящими действиями Наполеона, поспешно отступили, оставив восемь штандартов и двенадцать пушечных орудий. Потери французов были очень невелики.

Перед этим сражением Наполеон увидел, как на плато перед Абенсбергом дефилируют вюртембергские и баварские войска, союзники французов, которые собирались выстроиться в

линию и которых переполняла гордость за то, что они сражались под командованием такого известного генерала. Император приказал им построиться и обратился к ним с речью, одной за другой, офицеры переводили его слова войскам. Он сказал, что заставляет их сражаться не за себя, а за них самих; против амбиций австрийского дома, который был взбешен тем, что не держит их, как прежде, под своим ярмом; что на этот раз он скоро восстановит им мир, причем навсегда, и с таким увеличением могущества, что в будущем они смогут защитить себя от притязаний своих старых властителей. Его присутствие и слова наэлектризовали его немецких союзников, которым было лестно видеть его среди них, поскольку он полностью полагался на их честь, поскольку в тот момент у него не было другого сопровождения, кроме нескольких отрядов баварской кавалерии.

Когда Наполеон прибыл в тот вечер в Роттербург, он был опьянен радостью. Сражение, которое было непродолжительным, стоило австрийцам 7000 или 8000 человек, и он видел, как его противник был отброшен к Изеру в самом начале кампании, а австрийские солдаты пали духом, как пруссаки после Йены.

Битва при Ландсхуте завершила поражение предыдущего вечера. В этот день генерал Мутон во главе колонны гренадеров прорвался сквозь пламя, пожиравшее один из мостов через Изер: "Вперед, но придержите огонь!" он закричал солдатам громовым голосом и в несколько мгновений проник в город, который затем стал ареной кровопролитной борьбы и который австрийцы вскоре оставили.

На следующий день Наполеон выполнил ряд маневров, считавшихся одними из самых замечательных в его науке, посредством которых он перебросил все свои войска разными маршрутами в один и тот же момент на позиции эрцгерцога Карла, который был укреплен в Экмюле со 100 000 человек. С обеих сторон все было готово к решительным действиям. До 8 часов густой туман окутывал сельскую местность, которой вскоре предстояло обагриться кровью тысяч мужчин. Как только все рассеялось, обе стороны приготовились к бою. Однако до полудня не прозвучало ни мушкетного, ни пушечного выстрела.

Не было необходимости подавать сигнал к битве, поскольку ужасное противостояние началось с обеих сторон одновременно около 2 часов дня, Наполеон командовал атакой и возглавлял ее в сопровождении Ланна и Массены. Теперь представилось одно из самых прекрасных зрелищ, какие только могла представить война: сто десять тысяч человек были атакованы со всех сторон, повернуты налево и последовательно вытеснены со всех своих позиций, хотя в бой не вступила и половина французских войск. Битва была жестокой и продолжалась до сумерек, закончившись полным разгромом армии эрцгерцога и оставив Наполеона с 20 000 пленными, пятнадцатью имперскими штандартами и огромным количеством пушек в руках, в то время как побежденный и разгромленный враг в замешательстве бежал обратно в город Ратисбон. Австрийская кавалерия, сильная и многочисленная, попыталась прикрыть отступление пехоты, но была атакована французами как справа, так и слева. Эрцгерцог Карл был обязан своей безопасностью только скорости своего коня, когда темнота, наконец, вынудила победителей остановиться.

В то время как французы скакали по дороге в погоне за австрийцами, обнаружив, что равнина, на которую они отступали, заболочена, они попытались вернуться на дорогу и таким образом смешались с массой победоносной кавалерии. Затем при неверном свете луны произошло множество единоборств, и не было слышно ничего, кроме звона сабель о кирасы, криков комендантов и тяжелого топота лошадей. Французские кирасиры, одетые в двойные кирасы, которые покрывали их со всех сторон, могли легче защищаться, чем австрийцы, которые, имея только нагрудники, падали в большом количестве, смертельно раненные ударами, наносимыми им сзади. Ночь положила конец состязанию, где были сцены кровавой бойни, равных которым не было уже много лет.

В битве при Абенсберге император разбил по отдельности два корпуса эрцгерцога Людовика и генерала Келлера; в битве при Ландсхуте он захватил центр их коммуникаций и общий склад их боеприпасов и артиллерии; и, наконец, в битве при Экмюле были разбиты корпуса Гогенцоллерна, Розенберга и Лихтенштейна.

Австрийцы, ошеломленные стремительными действиями, превосходящими их расчеты, вскоре были лишены своих оптимистических надежд и перешли от бредовой самонадеянности к унынию, граничащему с отчаянием. Два дня спустя эрцгерцог предпринял попытку собрать свои войска, и не только для того, чтобы удержать Ратисбон, но и для встречи с Наполеоном. Он был вынужден уступить это место при штурме стен французами, которые прогнали австрийцев по улицам. Все, кто сопротивлялся, были убиты. Вражеский командир опрометчиво бежал в Богемию, еще раз бросив столицу Австрийской империи на милость Завоевателя.

Наполеон был ранен в ногу во время штурма Ратисбона. Он приблизился к городу под огнем снайперов, который поддерживали австрийцы со стен и французы с края рва. Пока он смотрел в подзорную трубу, он получил пулю в подъем ноги и сказал с хладнокровием старого солдата: "Я ранен!" Когда император получил свое ранение, он разговаривал с Дюроком. "Это, - сказал он своему маршалу, - может исходить только от тирольца; ни один другой стрелок не смог бы прицелиться с такого расстояния; эти ребята очень ловки".

Рана могла быть опасной, потому что, если бы она была выше, стопа была бы раздроблена и ампутация неизбежна. Первый хирург гвардии, доктор Ларри, оказавшийся поблизости, снял сапог и приготовился перевязать рану, которая оказалась несерьезной.

При известии о том, что император ранен, войска в большой тревоге столпились вокруг него. Офицеры и солдаты подбегали со всех сторон; в одно мгновение он был окружен тысячами людей, несмотря на огонь, который вражеские орудия сосредоточили на огромной группе. Император, желая увести свои войска от этой бесполезной опасности и успокоить беспокойство более отдаленных частей, которые начинали сомневаться в своем желании приехать и посмотреть, в чем дело, вскочил на коня, как только ему перевязали рану, и проехал впереди всего строя под громкие приветственные крики. Окружающие упрекали его в постоянном разоблачении своей личности, на что он отвечал: "Что я могу сделать? Я должен посмотреть, как идут дела".

"Именно на этом импровизированном смотре, - говорит генерал Марбот, - проводившемся в присутствии противника, Наполеон впервые наградил рядовых, назначив их рыцарями Империи и одновременно кавалерами ордена Почетного легиона. Командиры полковрекомендовали, но

император также разрешил солдатам, которые считали, что у них есть претензии, прийти и представлять их перед ним; затем он сам принял решение по ним ".

Старый гренадер, участвовавший в кампаниях в Италии и Египте, не услышав, что его назвали по имени, подошел и спокойным голосом попросил крест.

"Но, - сказал Наполеон, - что вы сделали, чтобы заслужить это?"

"Это я, господин, в пустыне Иоппия, когда было так ужасно жарко, угостил тебя арбузом!"

"Я еще раз благодарю вас за это, - сказал император, - но дар в виде фруктов едва ли стоит креста Почетного легиона". Тогда гренадер, который до тех пор был хладнокровен как лед, доведя себя до исступления, заорал во весь голос: "Ну, а разве вы не считаете, что семь ран были получены на мосту Аркола, при Лоди, при Кастильоне, у Пирамид, при Акко, Аустерлице, Фридланде; одиннадцать кампаний в Италии, Египте, Австрии, Пруссии, Польше..."

Но император оборвал его смехом и, подражая его взволнованной манере, воскликнул: "Ну вот, ну вот, как вы накручиваете себя, когда подходите к самому главному! Вот с чего вам следовало начать; это стоит гораздо больше, чем ваша дыня. Я произвожу вас в рыцари Империи с пенсией в 1200 франков. Вас это устраивает?"

- Но, ваше величество, я предпочитаю крест.

- У тебя есть и то, и другое с тех пор, как я посвятил тебя в Рыцари.

С рисунка Л. Марина

Вступление Наполеона в Берлин

"Что ж, я бы предпочел крест", - и достойный гренадер не мог сдвинуться с этого места. Потребовалось много объяснений, чтобы заставить его понять, что титул рыцаря Империи сопровождался орденом Почетного легиона. Он не успокоился на этот счет до тех пор, пока

император не прикрепил ему на грудь орден, и он, казалось, думал об этом гораздо больше, чем о своей ренте в 1200 франков.

Именно фамильярностью такого рода император заставил солдат обожать его, но, как снова верно заметил Марбо, это было средство, доступное только командиру, прославленному частыми победами; любой другой генерал этим подорвал бы свою репутацию.

Теперь Наполеон послал к Ланну адъютанта, убеждая его ускорить взятие Ратисбона. Этот бесстрашный маршал направил всю свою артиллерию против выступающего дома, возвышавшегося над стеной, окружающей город. Дом был разрушен, и руины упали в ров. Тем не менее, предстояло занять две укрепленные позиции. Гренадеры раздобыли лестницы и установили их в критических точках, но каждый раз, когда кто-то из них появлялся, он мгновенно падал под меткими выстрелами австрийских снайперов. После того, как несколько человек были таким образом поражены, остальные, казалось, отступили. Вслед за этим выступил Ланн, увешанный орденами, схватил одну из лестниц и крикнул: "Вы увидите, что ваш маршал, несмотря на то, что он маршал, не перестал быть гренадером!" Два адъютанта бросились вперед и вырвали лестницу у него из рук, гренадеры последовали за ними, схватили лестницы и, несмотря на продолжающийся огонь снайперов, благополучно переправились, за ними в одно мгновение последовали сотни других.

Взобравшись на стены, город вскоре оказался в руках французов, которые бросились по пылающим улицам, уводя пленных во всех направлениях. Внезапно они были остановлены криком ужаса, изданным австрийцами: "Берегитесь, нас всех взорвут!" - крикнул офицер. На улице осталось несколько бочек с порохом, которые могли взорваться в результате выстрелов, которыми обменялись обе стороны. Воюющие стороны единодушно остановились и, взявшись за руки, перенесли бочки в безопасное место. Затем австрийцы отступили и оставили город французским войскам.

После взятия Ратисбона Наполеон обратился к своим солдатам с обращением, в котором высоко оценил их доблесть. "Вы оправдали мои ожидания", - сказал он. "Ты компенсировал численный перевес своей храбростью; ты великолепно отметил разницу, которая существует между солдатами Цезаря и армиями Ксеркса. За несколько дней мы одержали победу в трех битвах при Танне, Абенсберге и Экмюле, а также в сражениях при Пейзинге, Ландсхуте и Ратисбоне. Сто пушек, пятьдесят тысяч пленных, три обоза, три тысячи обозных повозок, все средства полков - вот результаты быстроты ваших маршей и вашего мужества.... Не пройдет и месяца, как мы будем в Вене!"

Таким образом, за пять дней, несмотря на численное превосходство и неблагоприятный способ, которым его лейтенанты распределили меньшие силы, единственной энергией своего гения Наполеон одержал победу над главными силами своего противника. Император произвел смотр своей армии 24-го числа, щедрой рукой раздавая всевозможные награды. Даву он пожаловал титул герцога Экмюля.

3 мая корпус из 30 000 австрийцев, оставшийся от армии Ландсхута, отступил к Эберсбергу, где Массена вступил в упорное сражение, и генералу Клапареду пришлось обороняться в течение

трех часов всего с 7000 человек против 30 000 австрийцев. Наконец прибыло подкрепление, и противник в беспорядке отступил к реке Энс, где сжег мост, чтобы защитить свое бегство в направлении Вены. Битва стоила австрийцам 12 000 человек, из которых 7500 были пленными. Поле боя было ужасающим, а город Эберсберг был настолько объят пламенем, что раненых невозможно было вывести. Чтобы огонь не достиг моста, было необходимо перекрыть подходы с обоих концов, так что на несколько часов была прервана связь между войсками, переправившимися через реку, и теми, кто шел им на помощь. Наполеон прискакал галопом, услышав канонаду, и, хотя привык ко всем ужасам войны, говорят, был сильно потрясен открывшимся ему зрелищем.

Проезжая мимо развалин замка Дирнштейн, расположенного на возвышенности за рекой Мольк, в направлении Вены, куда он направлялся, Наполеон сказал маршалу Ланну, который был рядом с ним: "Смотрите! Узри тюрьму Ричарда Львиное сердце. Как и мы, он отправился в Сирию и Палестину. Львиное сердце, мой храбрый Ланн, не было храбрее тебя. Ему повезло больше, чем мне, в Сен-Жан д'Акр. Герцог Австрийский продал его императору Германии, который заключил его там в тюрьму. Это было в варварские времена. Как это отличается от нашей собственной цивилизации! Вы видели, как я обращаюсь с императором Австрии, которого я мог бы взять в плен. А! что ж! Я снова обращаюсь с ним таким же образом. Это не мое желание, а желание эпохи!"

Из Молька штаб-квартира императора была перенесена в Санкт-Пельтен, и два дня спустя, в 9 часов утра, Наполеон был в Вене, которую он хотел взять немедленно, но взять, по возможности, не разрушая.

Встретив сопротивление при входе в город, жители которого приготовились к энергичной обороне, Наполеон начал атаку своими тяжелыми батареями на город. Бомбардировка вскоре убедила их в безнадежности сопротивления, и Вена сдалась 12 мая после тяжелых страданий. За несколько часов на город упало тысяча восемьсот снарядов. Улицы были узкими, дома высокими, и население, толпившееся внутри узких укреплений, было напугано и взбешено при виде разрушений, причиненных снарядами, которые вызвали пожары во всех направлениях. Кто бы сказал венцам, которые тогда осыпали всевозможными проклятиями Наполеона, виновника всех их бед, что десять месяцев спустя они будут петь хвалу этому ненавистному императору и добровольно вывесят французские флаги в своих окнах как символы дружбы?

Вся королевская семья бежала, за исключением молодой эрцгерцогини Марии Луизы, которая была задержана во дворце из-за оспы. Когда Наполеон услышал, что она была изолирована там, он приказал, чтобы ни одна батарея не была направлена в ту часть города, в которой находилась та, кому меньше чем через год суждено было стать его невестой! В то время сам Наполеон, без сомнения, от души посмеялся бы, если бы ему сказали, что в этом дворце находится женщина, которая сменит Жозефину в его борьбе за династию, станет императрицей Франции, а позже родит ему долгожданного сына и наследника.

О том, что у Марии не было подобных мыслей или склонностей, легко догадаться из факта нынешней кампании, в которой ее отец, император, сражался за свою Империю. Император Франциск покинул свою столицу 8 апреля 1809 года, оставив там свою жену и детей,

но все они уехали, за исключением Марии, 5 мая. Из Вены Мария часто писала своему отцу. До столицы дошел слух, что битва при Экмюле была блестящей победой австрийцев, и юная эрцгерцогиня написала своему отцу 25 апреля: "Мы с восторгом услышали, что Наполеон присутствовал в великой битве, которую французы проиграли. Пусть он тоже потеряет голову! Существует великое множество пророчеств о его скором конце, и люди говорят, что к нему применим Апокалипсис. Они утверждают, что он умрет в этом году в Кельне, в гостинице под названием "Красные раки". Я не придаю большого значения этим пророчествам, но как я должен быть рад видеть, что они сбываются!"

13 мая была подписана капитуляция австрийской столицы, и армия Наполеона снова вошла в Вену, а император занял свои старые покои в императорском дворце Шенбрунн. Он сказал своим солдатам: "Жители Вены, по выражению депутации, усталые, покинутые, овдовевшие, будут объектом вашего почтения. Я беру жителей под свою особую защиту. Что касается беспокойных и недоброжелательных, я покажу им суровый пример. Давайте будем добры к бедным крестьянам, к этим хорошим людям, которые так много претендуют на наше уважение. Давайте не будем тщеславиться всеми нашими успехами, но посмотрим на них как на доказательство той божественной справедливости, которая карает неблагодарность и лжесвидетельство".

XI БИТВА При ВАГРАМЕ

Австрийская армия, оставив столицу империи, не отказалась от войны, хотя за тридцать три дня Наполеон одним ударом шпаги рассек надвое массу их армий и вторым ударом распахнул ворота Вены. Теперь он прочно обосновался в этой столице и распоряжался основными ресурсами монархии; но его работа была далека от завершения ни в Австрии, ни в Германии. Оставалось преодолеть великую трудность — переправиться через обширную реку перед лицом врага и дать бой, когда река была у него за спиной. Эту трудность Наполеон не смог предотвратить, и она неизбежно вытекала из природы вещей. Покидая Ратисбон, он был вынужден выбрать кратчайший маршрут, таким образом, отделяя две основные дивизии австрийской армии друг от друга. Следовательно, он был вынужден идти вдоль правого берега Дуная, оставив левый австрийцам, но обеспечив себе исключительно средства переправы с одного на другой.

Эрцгерцог Карл вскоре поддался искушению покинуть крепость Богемию и еще раз попытать счастья в битве. Восстановив порядок и увеличив численность своей армии до 100 000 человек, он вскоре был размещен на берегах Дуная. Напротив стояли французы, а река сильно разлилась, и все мосты были разрушены, так что две армии, казалось, разделяла непреодолимая преграда. Наполеон решил пройти ее, и после неудачной попытки у Нуссдорфа ему повезло больше в Эберсдорфе, где река широкая и пересечена рядом низких и лесистых островов, самый большой из которых носит название Лобау. Здесь Массена перебросил несколько мостов через рукава Дуная.

На этих островах Наполеон разместил большую часть своей армии 19 мая, а на следующий день успешно переправился по лодочному мосту на левый берег Дуная, где овладел деревнями Асперне и Эсслинг при столь незначительном сопротивлении, что стало очевидно, что эрцгерцог хотел, чтобы неизбежное сражение произошло на реке между его врагом и Веной.

21-го числа, на рассвете, эрцгерцог появился на возвышенности, отделенной от французских позиций обширной равниной. Все его силы были разделены на пять тяжелых колонн и защищены не менее чем двумя сотнями артиллерийских орудий. Сражение началось в 4 часа пополудни яростным штурмом деревни Асперн, которая была взята и отвоевана несколько раз и до наступления темноты оставалась в оккупации частично французов, а частично нападавших, которые обосновались в церкви и на церковном дворе. Эсслинг также выдержал три атаки, но там французы полностью владели мячом. Одно время Ланн, оборонявший этот пункт, был так стеснен, что, должно быть, уступил бы, если бы Наполеон не сменил его и не дал ему передышку своевременной и сокрушительной атакой кавалерии под командованием Бессьера, которая обрушилась на их центр.

Ночь, наконец, прервала сражение, австрийцы ликовали по поводу своего частичного успеха, а Наполеон был удивлен, что ему не удалось одержать полную победу. С обеих сторон бойня была ужасной, и дороги в деревнях были буквально завалены мертвецами.

Как раз в тот момент, когда Наполеон собирался удалиться на несколько часов отдыха, он был прерван яростной перепалкой между двумя своими старшими лейтенантами, Бессьером и Ланом, первый из которых пожаловался на язык, используемый вторым, более низким по званию, при отдаче необходимого приказа для атаки кирасир и егерей, действовавших тогда по приказу самого маршала Бессьера. Массена, находившийся на месте, был вынужден вмешаться между этими доблестными людьми, которые, выдержав в течение целого дня перекрестный огонь 300 пушек, были готовы обнажить шпаги ради своей оскорбленной гордости. Наполеон уладил их ссору, которая должна была быть прекращена противником на следующий день самым печальным образом для них самих и для армии.

На следующее утро сражение возобновилось в 4 часа с такой же яростью, французы отбили Асперн; но правое крыло австрийцев возобновило атаки на этом участке, причем в таком количестве, что Наполеон предположил, что их центр и левое крыло были ослаблены с целью усиления правого фланга. Поверив в это, он немедленно двинул такие массы войск на австрийский центр, что линия эрцгерцога была поколеблена, и на мгновение показалось, что победа французов обеспечена. На самом деле было крайне сомнительно, что австрийский центр сможет противостоять массе в 20 000 пехотинцев и 6000 всадников, которую Ланн бросил на него.

Эрцгерцог Карл поспешил на место, чтобы предотвратить катастрофу, угрожавшую его центру, и в этот критический момент одновременно исполнил обязанности генерала и простого солдата. Он подтянул резервы, заделал бреши, образовавшиеся в его линии из-за яростного натиска французов, и, ожидая исполнения этих приказов, схватил знамя и сам повел гренадер в атаку, в то время как его самые храбрые офицеры были сражены рядом с ним. Ланн, который также лично руководил своими солдатами, видя, что австрийская пехота дезориентирована, выпустил на них Бессьера и своих собственных кирасиров, которые, атаковав корпус Гогенцоллерна, разбили несколько каре и взяли пленных, пушки и знамена.

Успех теперь казался несомненным, и Ланн послал штабного офицера сообщить Наполеону о своих успехах и попросил его прикрыть его тыл, пока он продвигается по равнине, оставляя такое большое пространство между собой и Эсслингом. Офицер застал Наполеона наблюдающим за грандиозным зрелищем, режиссером которого он был. Он не выразил ничего похожего на удовлетворение, которое, как можно было ожидать, он испытал при подобном общении. Дело в том, что произошел досадный несчастный случай. В этот критический момент мост, соединяющий остров Лобау, был полностью разрушен с помощью брандеров, посланных австрийцами вниз по реке. Наполеон сразу понял, что если он хочет сохранить свои коммуникации с правым берегом Дуная, где все еще находился его резерв, он должен немедленно отступить к Лобау. Нехватка войск, однако, не была первым следствием разрушения моста, поскольку 60 000 человек, уже перешедших через него, было достаточно, чтобы разбить австрийцев. Больше всего вызвала сожаление нехватка боеприпасов, огромное количество которых уже было израсходовано и которых вскоре станет не хватать.

Поэтому Наполеон решился на мучительную жертву, чтобы не подвергать себя риску, на который благоразумие велело ему отважиться. Приняв это решение, он немедленно приказал штабному офицеру как можно быстрее вернуться в Ланн и передать ему, чтобы он приостановил движение и постепенно отступал на линию Эсслинг и Асперн. Он также должен был порекомендовать маршалу экономить боеприпасы.

Получив этот приказ, Ланн и Бессьер были вынуждены, к своему глубокому сожалению, остановиться посреди обширной равнины Марчфилд. Как только французские войска начали отступление, австрийцы восстановили свой порядок и рвение, атаковали в свою очередь и, наконец, овладели Асперном.

Эсслинг, где командовал Массена, держался стойко, и под защитой этой деревни и многочисленных батарей, установленных рядом с ней, Наполеону удалось вывести все свои силы в течение ночи. Ранее в тот же день командующий послал узнать у Массены, может ли он рассчитывать на овладение Асперном; ибо до тех пор, пока оставались он и Эсслинг, безопасное отступление армии было обеспечено. Штабной офицер, доставивший сообщение, нашел Массену на куче мусора, измученного усталостью, с налитыми кровью глазами, но с неослабевающей энергией духа.

Получив сообщение, он встал и ответил с необычайной выразительностью: "Идите и скажите императору, что я продержусь два часа — двадцать четыре - столько, сколько будет необходимо для безопасности армии!"

Именно во время этого захватывающего отступления армию постигло ужасное бедствие. Пока Ланн скакал галопом перед строем от одного корпуса к другому, подбадривая солдат своим голосом и примером, офицер, встревоженный тем, что он подвергается такой большой опасности, умолял его спешиться для большей безопасности. Он последовал совету, хотя не в его привычках было беречь свою жизнь. В этот момент в него попало пушечное ядро, раздробившее ему оба колена. Бессьер с помощником подняли его и обнаружили, что он весь в крови и почти без чувств. Бессьер, с которым он поссорился накануне, пожал его слабую руку. Его положили на кирасирский плащ и отнесли к небольшому мосту, где стояла санитарная машина. Новость вскоре распространилась по армии и наполнила ее печалью. Хирург объявил, что его раны смертельны.

В своем безумии храбрый маршал позвал Наполеона, своего друга. Последний заметил наступающую группу, поддерживавшую Ланна на носилках, сделанных из перекрещенных брандеров и нескольких дубовых ветвей. Двенадцать старых гренадеров, покрытых кровью и пылью, несли этого прославленного воина. Как только император увидел, что это герцог Монтебелло, он поспешил ему навстречу. Гренадеры остановились, и Наполеон, бросившись к своему старому товарищу по оружию, который потерял сознание от потери крови, еле внятным голосом несколько раз повторил: "Ланн, друг мой, ты узнаешь меня? Это император, это Бонапарт, твой друг."

При этих словах Ланн открыл глаза, до этого закрывавшиеся, собрался с духом и сделал несколько попыток заговорить; но, будучи не в состоянии, он смог только поднять свои умирающие руки, чтобы обнять ими шею Наполеона. Страх истощить то небольшое, что еще оставалось в маршале, побудил императора покинуть его.

Некоторое время спустя Наполеон навестил своего раненого друга и коротко побеседовал с ним. "Мой благородный маршал, - сказал император, - все кончено". "Что?! - воскликнул умирающий. - Неужели ты не можешь спасти меня?" Он умер в бреду несколько дней спустя на руках своего начальника, который оплакивал его, как оплакивал смерть Десо при Маренго. Французские солдаты с удовольствием называли его "Роландом Лагеря", а Наполеон сказал: "Невозможно было быть более храбрым, чем Ланн". Ни один человек не мог внушить своим войскам большей уверенности, чем этот храбрый солдат, который был спутником удачи и славы Наполеона с самого начала его государственной карьеры.

Наполеон поручил Ланну поддерживать Эсслинг во что бы то ни стало, и он доблестно выполнил свою задачу. Наконец, в девять часов вечера кровопролитный бой прекратился; французы сохранили позицию, которую они занимали утром, а австрийцы расположились бивуаком там, где они были. Обе стороны понесли равные потери: от пятнадцати до двадцати тысяч человек были убиты или ранены с обеих сторон. Среди австрийцев было четыре фельдмаршала, восемь генералов и шестьсот шестьдесят три офицера убитыми или ранеными.

Утром 23 мая французы были заперты в Лобау и на прилегающих островах Асперн и Эсслинг - весь левый берег реки оставался во владении австрийцев. Обе стороны одержали победу. В глазах Европы это было испытанием для Наполеона, привыкшего сокрушать своего врага, поскольку на этот раз он не смог выбить австрийцев с их позиций.

Положение французского императора было неминуемо опасным; он был отделен от Даву и его резервов, и, если бы враг либо атаковал его на островах, либо перешел реку выше по течению и таким образом разбил Даву и освободил Вену, результаты могли бы быть фатальными. Но потери эрцгерцога за эти два дня были очень велики; и вместо того, чтобы рисковать перейти в наступление, он удовлетворился укреплением позиций у Асперна и Эсслинга и спокойно ожидал момента, когда его враг решит еще раз попытаться переправиться на левый берег и вновь занять эти упорно оспариваемые деревни.

Наполеон воспользовался этой паузой со своим обычным мастерством. Он хорошо знал, что его остановили, и что новость будет воспринята с энтузиазмом. Следовательно, было необходимо восстановить славу, окружавшую начало кампании, и он сделал все возможное для еще одного решающего сражения. Прошло несколько недель, прежде чем он отважился перейти в наступление.

4 июля 1809 года Наполеон, наконец, восстановил сообщение с правым берегом и организовал переход на левый в том месте, где эрцгерцог почти не готовился к его приему. 5 июля, в 10 часов вечера, французы начали переправляться с островов в Дунае на левый берег. Подготовленные для этой цели канонерские лодки заставили замолчать некоторые австрийские батареи; других удалось избежать, перейдя реку вне досягаемости их огня по мостам, которые были тайно возведены французами. Когда Наполеону предстояло форсировать реку, он начал операцию с внезапной переброски нескольких решительных людей на противоположный берег в лодках. Они приступили к разоружению или уничтожению передовых постов противника и починке причалов, к которым должны были быть прикреплены лодки, которые должны были нести мост. Затем армия перешла границу так быстро, как только было возможно.

Первая из этих операций была самой сложной в присутствии такого многочисленного и хорошо подготовленного противника, каким были австрийцы. Чтобы облегчить это, Наполеон построил большие плоские лодки, способные перевозить по 300 человек каждая и имеющие подвижный планшир для защиты людей от мушкетной стрельбы, который, будучи спущенным, служил бы вместо досок для высадки. Каждый корпус был снабжен пятью такими плоскодонками, что позволило сразу перебросить авангард из 1500 человек, и противник, не зная точно, где будет осуществлена переправа, не мог выставить французам передовых постов в достаточном количестве, чтобы предотвратить их высадку.

Австрийцы опрометчиво рассчитали, что Асперн и Эсслинг должны стать объектом следующего сражения, как и предыдущего, и были захвачены почти врасплох появлением Наполеона в другом квартале. Они мгновенно изменили свою линию и заняли позицию, центром и ключом которой был маленький городок Ваграм. Здесь 6 июля должно было состояться последнее и решающее сражение. Если сложить вместе войска Массены, Удино, Даву, Бернадотта, принца Евгения, Макдональда, Мармона, де Вреде и гвардию, то получится 150 000 человек, из которых 26 000 были кавалеристами и 12 000 артиллеристами, обслуживавшими 550 орудий; огромная сила, какую Наполеон еще никогда не собирал на поле боя, и, согласно некоторым источникам, такое войско, которое никогда не вводил в бой ни один предводитель. Помимо этих огромных сил, Наполеон имел при себе непобедимого Массену, который в то время страдал от падения с лошади, но который был способен перенести все физические страдания в день сражения; упрямого Даву, порывистого Удино, бесстрашного Макдональда и множество других, которые были готовы своей кровью купить триумф французского оружия. Героический Ланн был единственным, кого не хватало. Судьба запретила ему быть свидетелем победы, которой он в значительной степени способствовал своим поведением в этой кампании.

Когда на берегах реки рассвело, около 4 часов утра, обеим армиям предстало самое впечатляющее зрелище. Солнце блестело на тысячах штыков и шлемов, и семьдесят тысяч человек уже выстроились в боевой порядок на вражеском берегу реки, способные дать достойный бой войскам эрцгерцога. Увидев Наполеона, едущего впереди строя, его солдаты подняли кивера на штыках и закричали: "Да здравствует Император!" Территория, покрытая двумя армиями, была протяженностью около двух лье. Ближайшие войска находились примерно в 1200 морских саженях от Вены, так чтобашни, шпили и крыши самых высоких домов были покрыты многочисленным населением, которое, таким образом, стало зрителями готовившегося в то время ужасного состязания.

Эрцгерцог растянул свою линию на слишком большое расстояние, и его прежняя ошибка позволила Наполеону сразу же увидеть возможность погубить его своим старым приемом - обрушить всю мощь удара на центр. Фактически, позиция австрийцев в то время была настолько явно слабой, что император в своем бюллетене о сражении, отправленном в Париж, сказал следующее: "Такое расположение армии казалось настолько абсурдным, что опасались какой-нибудь ловушки, и император некоторое время колебался, прежде чем отдать приказ о легкой диспозиции, которую он должен был произвести, чтобы свести на нет действия противника и сделать их фатальными для него". На рассвете на двух линиях началась канонада. Наполеон, заметив, что принц Розембергский движется на маршала Даву, лично отправился на правое крыло, которое он усилил кирасирами под командованием генерала Арриге, и приказал двенадцати орудиям легкой артиллерии наступать на фланг колонн противника. После упорного двухчасового сражения Даву удалось отбросить своего противника до Нойзиделя.

В то время как французская армия, таким образом, ознаменовала себя успехом в начале дня, сражение на остальной линии фронта велось с большой решимостью. Огонь мушкетов и пушек был теперь общим на этом обширном фронте протяженностью почти в три лиги, вдоль которого друг против друга были выстроены 300 000 человек и 1100 орудийных орудий. Принцип Наполеона заключался в том, что сосредоточение действий определенных специальных родов войск в одной точке должно было привести к грандиозным результатам, и поэтому он придал гвардии огромное количество артиллерии и держал под рукой резерв из четырнадцати кирасирских полков.

Император приказал теперь, чтобы вся гвардейская артиллерия вместе со всем, что могло быть оставлено в распоряжении нескольких корпусов, двинулась галопом. Как раз в это время генерал де Вреде прибыл на место с двадцатью пятью превосходными артиллерийскими орудиями и попросил чести принять участие в решающем движении, на что Наполеон согласился. Затем он послал за генералом Макдональдом, намереваясь потрясти австрийский центр огнем 100 орудий, а затем пронзить его штыками Макдональда и саблями Нансути. Эти приказы были выполнены незамедлительно.

Ожидая выполнения этих маневров, с нетерпением ожидая прибытия Макдональда и Лористона, Наполеон разъезжал по полю боя на своем ослепительно белом персидском коне, постоянно отдавая приказы своим помощникам. Канонада к этому времени приобрела частоту мушкетной пальбы, и все содрогались при мысли о том, что человек, от жизни которого зависело так много судеб, будет поражен одним из этих слепых вестников смерти. Теперь сто орудий были выстроены в линию, и немедленно началась самая ужасная бойня, когда-либо известная тем, кто был ее свидетелем. Наполеон наблюдал в свою подзорную трубу за действиями этой грозной батареи, увидел, что артиллерия противника снята с вооружения, и был удовлетворен правильностью своих собственных представлений. Но артиллерии было недостаточно, чтобы прорвать австрийский центр; штыки тоже были необходимы.

С картины барона Гро

Наполеон в битве при Эйлау

Теперь бесстрашный Макдональд продвигался во главе своего корпуса под шквалом огня, оставляя землю на каждом шагу усеянной убитыми и ранеными, по-прежнему без колебаний смыкая ряды и демонстрируя своим солдатам собственную доблесть. "Какой храбрый человек!" Несколько раз восклицал Наполеон, видя, как он марширует под градом картечи и пуль. Центр эрцгерцога, потрясенный огнем сотни частей ордонанса, отступает, как и его правое крыло. Теперь Даву сотрясает австрийское левое крыло, и в этот момент Наполеон восклицает: "Битва выиграна!", — и так оно и было. Лористон с сотней орудий и Макдональд во главе отборной дивизии атаковали австрийцев в центре и прорвали его. Победа снова осталась за французами.

Наконец австрийская армия пришла в беспорядок, ее центр был отброшен на две или три мили от линии фронта; слышались крики тревоги, правое крыло отступило, и вскоре за ним последовало левое. Разгром был завершен. К концу сражения в руках французов оставалось 20 000 пленных, не считая всей артиллерии и обоза. В этот день Наполеон проявил все свое мужество и таланты и всегда был в самом разгаре боевых действий, хотя появление его свиты обрушивало на него виноградный дождь, из-за которого он неоднократно подвергался опасности. С раннего утра он был занят тем, что скакал галопом по разным линиям, ободряя войска своим присутствием и убедительным красноречием; многие были убиты летавшими вокруг него шарами. Было замечено, что огонь противника был направлен в первую очередь против императора, вследствие чего Наполеону пришлось трижды менять свой сюртук. Адьютантам и офицерам штаба также было дано понять, что им следует держаться на большем расстоянии, а полкам было приказано не приветствовать императора приветствиями в тот момент, когда он проезжал мимо.

На следующее утро, осмотрев поле битвы, Наполеон отправился занять место в гуще своих войск, которые собирались преследовать отступающего врага. Он обходил бивуаки без шляпы и шпаги, скрестив руки за спиной, и когда он разговаривал с солдатами своей гвардии, его манеры и выражение лица выражали крайнее удовлетворение и уверенность. Проходя мимо Макдональда, у которого он потерял расположение и который уже несколько лет не следил за судьбами императора, Наполеон остановился и протянул ему руку, сказав: "Пожми руку, Макдональд; больше никакой вражды между нами, мы должны отныне быть друзьями; и, как

залог моей искренности, я пошлю тебе твой маршальский жезл, который ты так славно заработал во вчерашнем сражении". Генерал, нежно пожимая руку императора, воскликнул: "Ах, сир, отныне это для нас вопрос жизни и смерти". Акт высочайшей по благодати и доброй воли, с которой она была выполнена. Через несколько дней такое же звание было присвоено генералу Удино и герцогу Рагузскому (Мармону) за их выдающиеся заслуги.

После битвы Наполеон узнал среди погибших полковника, который вызвал его неудовольствие. Он остановился и на мгновение посмотрел на изуродованное тело, а затем сказал: "Я сожалею, что не сказал ему перед битвой, что я все забыл".

Эрцгерцог в большом смятении бежал до Знайма в Моравии, оставив в качестве трофеев своего поражения десять штандартов, сорок пушек, почти 18 000 пленных, девять тысяч раненых и большое количество снаряжения.

Потери французов, хотя и намного меньшие, чем у противника, составили 6000 раненых и 2600 убитых. Маршал Бессьер был в числе первых. Французской армии пришлось оплакивать потерю доблестного Ласалья, одного из первых генералов легкой кавалерии. О его смерти очень сожалели как император, так и армия. Он считался лучшим офицером легкой кавалерии для несения службы на заставе и обладал самым верным глазомером. Он мог охватить весь район за одно мгновение и редко ошибался, так что его донесения о расположении противника были ясными и точными. Он был красивым мужчиной с ярким умом, превосходным наездником и храбрым до безрассудства. Впервые он привлек внимание генерала Бонапарта в битве при Риволи, когда галопом спустился по склону, к которому прибегли спасающиеся австрийцы, и взял несколько тысяч пленных на глазах у генерала Бонапарта и армии. С этого времени Ласаль был в большом фаворе у Наполеона, который быстро повысил его в должности и отправил в Египет, где произвел в полковники. Он отличился при Аустерлице и в Пруссии.

Имперский совет понял, что дальнейшее сопротивление бесполезно, и в Знайме было заключено перемирие. Наполеон, вернувшись в Вену, продолжал оккупацию до октября. В третий раз он оказался хозяином судеб Лотарингского дома, которого он обвинил в неблагодарности и лжесвидетельстве перед Европой и перед лицом истории; в третий раз этот завоеватель, такой жестокий в своих угрозах, такой непреодолимый в своих упреках, с готовностью принял предложения тех, кто спровоцировал войну, чьи надежды были разрушены, а ресурсы уничтожены в день Ваграма. Результаты сражения, не будучи столь экстраординарными, как при Аустерлице, Йене или Фридланде, тем не менее, были велики.

Объявление перемирия с Австрией фактически положило конец всем враждебным выступлениям на континенте, за исключением полуострова, и Германия с кажущимся спокойствием ожидала результатов переговоров в Вене.

Через несколько дней после того, как Наполеон вернулся в Шенбрунн из Моравии, он чудом избежал кинжала молодого человека, который бросился на него во время торжественного смотра императорской гвардии, находясь в окружении всего своего штаба. Бертье и Рапп бросились на потенциального убийцу и обезоружили его в тот момент, когда его нож был готов вонзиться в тело императора.

Наполеон потребовал сообщить, какие мотивы двигали убийцей. "Какой вред, - сказал он, - я причинил вам?"

"Лично для меня - нет, - ответил юноша, - но вы угнетатель моей страны, тиран всего мира, и предать вас смерти было бы высшей честью для человека чести".

Юноша, сын эрфуртского священника по имени Штаапс, был приговорен к смертной казни. Говорят, Наполеон хотел помиловать Стаапса, чья откровенность и мужество поразили его и в ком, кроме того, он видел лишь слепое орудие страстей, разжигаемых монархией; но его приказы поступили слишком поздно. Молодой немец встретил свою смерть с величайшим хладнокровием, воскликнув: "Да здравствует Свобода! Германия навеки! Смерть тирану!"

Длительность, на которую затянулись переговоры с Австрией, вызвала много удивления, но у Наполеона, который был постоянно занят своими министрами и генералами и редко показывался на публике, были и другие дела, помимо заключения договора с императором Франциском. Его давняя ссора с папой теперь достигла своего апогея, возникнув из-за Конкордата, затронув дела в Испании и Португалии и, наконец, из-за отказа понтифика согласиться с берлинскими и миланскими декретами, направленными против торговли Англии. 17 мая Наполеон издал из Вены свой последний указ, объявляющий, что светскому суверенитету папы полностью положен конец, включающий Рим во Французскую империю и объявляющий его своим вторым городом, назначающий солидную пенсию святому отцу в его духовном качестве и назначающий административный комитет для гражданского правительства Рима. Папа ответил буллой об отлучении от церкви Наполеона, которая в конечном итоге привела к высылке Его Святейшества в Фонтенбло, где он оставался пленником, хотя к нему лично относились с уважением и великолепием, в течение более чем трех лет.

Договор с Австрией был, наконец, подписан в Шенбрунне 14 октября, Австрия отказалась от территории в 45 000 квадратных миль с населением в четыре миллиона человек и лишилась своего последнего морского порта. И все же, по сравнению со знаменательными триумфами кампании при Ваграме, условия, на которых завоеватель подписал мир, повсеместно рассматривались как примечательно умеренные. Впоследствии Наполеон назвал себя в высшей степени виновным в том, что оставил Австрию слишком могущественной после событий при Ваграме, сказав по этому поводу следующие слова: "На следующий день после битвы я должен был опубликовать в порядке дня, что я не ратифицирую никакого договора с Австрией до тех пор, пока предварительно не будет разделена корона Австрии, Венгрии и Богемии; она будет возложена на три разные головы".

Наполеон покинул Вену 16 октября, и 14 ноября общественные организации Парижа поздравили его в Фонтенбло как "величайшего из героев, который никогда не одерживал побед, кроме как ради счастья мира". Когда он вновь появился во дворце Фонтенбло 26 октября 1809 года, увенчанный победой при Ваграме, была одна особа, которую посетили мрачные предчувствия — Жозефина почувствовала, что ее судьба предрешена. На самом деле, как сказал современный писатель, непосредственным результатом Ваграма стал развод с императрицей.

Первое публичное упоминание о мерах, которые в течение значительного периода времени занимали мысли Наполеона, прозвучало от самого императора, когда он сказал в

императорской речи, в которой описывал события прошедшего года и состояние Франции: "Я и мой дом всегда будем готовы пожертвовать всем, даже нашими самыми дорогими узами и чувствами, ради благополучия французского народа".

XII ПОХОД РУСИ

Задолго до того, как Наполеон принял императорский титул, его надеждам на потомство от союза с Жозефиной пришел конец, но императрица некоторое время жила в надежде, что император удовлетворится усыновлением ее сына Евгения. Луи Бонапарт женился на Гортензии Богарне, дочери Жозефины, и маленький сын стал настолько любимцем Наполеона, что императрица, как и другие, стала считать этого мальчика наследником Франции. Но ребенок рано умер, и тогда император начал обдумывать наилучшие способы расторгнуть свой брак с Жозефиной, чтобы заключить союз с какой-нибудь дочерью России или другой императорской семьи. К императору Александру обратились с этим вопросом и сообщили, что одна из его сестер, великая княгиня Анна, была бы приемлема, но императрица-мать колебалась, и, будучи воспринято Наполеоном как отказ, он добивался руки эрцгерцогини Марии Луизы, дочери австрийского императора Франциска.

15 декабря 1809 года император созвал свой совет и объявил им, что в ущерб всем своим личным чувствам он, всецело преданный благу государства, решил разойтись со своей самой дорогой супругой. "Достигнув сорокалетнего возраста, - сказал он, - я могу лелеять надежду прожить достаточно долго, чтобы воспитать в своем уме и в соответствии со своими представлениями детей, которыми Провидению будет угодно благословить меня. Одному Богу известно, чего стоило моему сердцу это решение.; * * * Я должен также добавить, что мне никогда не приходилось жаловаться, напротив, у меня были только основания восхвалять привязанность и нежность моей любимой жены. Она украсила пятнадцать лет моей жизни. Воспоминание об этом навсегда останется выгравированным в моем сердце".

Затем среди них появилась Жозефина и не без слез выразила свое согласие с этим указом. "Я полагаю, что признаю все эти чувства, - сказала она, - соглашаясь на расторжение брака, который в настоящее время является препятствием на пути к благополучию Франции, который лишает ее возможности в один прекрасный день стать управляемой потомками великого человека, столь очевидно поставленного Провидением для того, чтобы изгладить бедствия ужасной революции и восстановить алтарь, трон и общественный порядок".

Совет, обратившись к императору и императрице с просьбой о благородстве их взаимной жертвы, принял и утвердил расторжение брака. Титул императрицы был сохранен за Жозефиной пожизненно и пенсия в размере двух миллионов франков, к которым впоследствии Наполеон добавил третий миллион из своего личного кошелька. Затем она удалилась из Тюильри, проживая с тех пор в основном в Мальмезоне, и в течение нескольких недель Австрия была вызвана за ее дочерью.

Отдав свою руку в Вене 11 марта 1810 года Бертье, который имел честь представлять особу императора, молодая эрцгерцогиня 13-го числа отправилась во Францию.

28-го, когда ее карета направлялась в Суассон, к ней подъехал Наполеон в простом платье, совершенно без присмотра, и представился своему доверенному лицу невесты. До тех пор она никогда не видела его лично, и, говорят, ее первым восклицанием было: "Фотографии вашего величества не отдали вам должного".

Они провели вечер в Компьенском замке, а 1 апреля в Сен-Клу среди всего великолепия было отпраздновано религиозное бракосочетание; на следующий день они въехали в столицу. Наполеон в своем изгнании сказал, что "испанская язва" и австрийский брак были двумя главными причинами его разорения; и они оба внесли в это большой вклад, хотя и далеко не в равной степени. По собственному мнению Изгнанника, ошибка заключалась не в том, что он искал невесту императорского происхождения, а в том, что выбрал ее в Вене. Если бы он настоял на своих требованиях, царь, он не сомневался, подарил бы ему свою сестру; гордые мечты о Тильзите осуществились бы, и Париж и Санкт-Петербург стали бы единственными двумя столицами Европы. Возможно, тогда у него не было бы случая сказать, что он "ступил ногой в пропасть роз", когда женился на Мари.

Если бы он женился на дочери Франции или даже на принцессе Российской империи, он мог бы сделать это, не жертвуя престижем знати и даже божественностью народа, за который он так славно боролся; но когда было объявлено, что он заключил союз с Домом Габсбургов — этой ненавистой расой, против которой и принципов которой он провел сотню битв, они были убеждены, что ничего хорошего из этого не выйдет — и они были правы.

Тем временем война на полуострове продолжалась без перерыва; куда, если бы не его женитьба, Наполеон, несомненно, отправился бы лично после того, как Шенбруннский мир успокоил его. Испанская кампания, проведенная в отсутствие Наполеона, была настолько успешной, что французы не могли насчитать ни пяди земли за пределами своих аванпостов. Их войска постоянно подвергались преследованиям и редели из-за неукротимых партизан, которые действовали поодиночке или группами по мере возможности.

За женитьбой императора 20 апреля 1811 года вскоре последовало рождение сына и наследника, о котором Наполеон объявил ожидавшим придворным следующими словами: "Это король Рима!" Радостное событие, о котором население возвестило стрельбой из ста одного орудия, было встречено многими проявлениями верноподданнического энтузиазма. Даже Жозефина присоединилась к выражению своего удовлетворения событием, которое, казалось, так много предвещало для основания наполеоновской династии, которую император теперь считал возможной по прямой линии.

Когда российскому императору сообщили о приближающейся свадьбе Наполеона с австрийской принцессой, его первым восклицанием было: "Тогда следующим шагом будет загнать нас обратно в наши леса". По правде говоря, конференции в Эрфурте лишь затянули рану, которую ничто не могло вылечить, кроме полного изменения политики Наполеона. Российская нация так сильно пострадала от континентальной системы, что царь вскоре оказался вынужден смягчить декреты, составленные в Тильзите в духе тех, которые ранее были объявлены в Берлине и Милане. Некоторые гавани были частично открыты для приема колониальных товаров и экспорта местных продуктов; и последовал ряд возмущенных

заявлений со стороны Наполеона, и высокомерных уверток со стороны царя, которые вскоре убедили всех внимательных наблюдателей в том, что Россия не замедлит воспользоваться любой благоприятной возможностью еще раз обратиться к оружию.

Летом 1811 года отношения России и Франции становились с каждым днем все более сомнительными, и когда ближе к концу года австрийский император опубликовал рескрипт, разрешающий войскам своего зятя свободный проезд через свои территории, Англия, всегда настороже относившаяся к своему злейшему врагу, ясно поняла, что у Франции вот-вот появится союзник. Александр уже давно перестал считать дружбу с этим великим человеком благословением небес. От торжественной сердечности в Тильзите и более недавней встречи в Эрфурте в душе царя не осталось ничего, кроме неудовольствия и обиды, вызванных угасшими чувствами и обманутыми надеждами.

С того момента, как российское правительство начало серьезно протестовать против некоторых аспектов его поведения, Наполеон постепенно наращивал свои военные силы на севере Германии и в Великом герцогстве Варшавском и продвигал значительные группы войск все ближе и ближе к польской границе царя. Эти приготовления были встречены аналогичными движениями с другой стороны; тем не менее, в течение многих месяцев надежда на прекращение разногласий путем переговоров не оставлялась. Россия особенно возражала против правил Континентальной системы, и царь, прислушавшись к заявлениям английского кабинета министров, попросил, чтобы от них отказались, поскольку он заявил, что больше не может мириться с ограничениями торговли независимой империи с целью обслуживания политики иностранной державы.

Наполеон признал, что, возможно, необходимо изменить систему, на которую жаловались, и выразил свое убеждение, что будет сочтено возможным разработать какой-то промежуточный курс, с помощью которого могли бы быть согласованы коммерческие интересы Франции и России. Наконец было произведено весьма значительное послабление в применении берлинского кодекса и введена лицензионная система, которая позволила Александру получить долю денежных преимуществ. Если бы не было никакой причины для раздора между этими державами, кроме той, которая проявилась на первый взгляд в ходе их переговоров, вряд ли можно сомневаться в том, что новый договор мог бы быть заключен. Однако с момента замужества Марии Луизы царь был убежден, что ослабление могущества России на севере Европы станет следующей великой целью честолюбивых замыслов Наполеона. Поэтому царь заверил себя, что, если война должна начаться, не может быть и речи о том, чтобы начать ее до того, как Австрия полностью оправится от последствий Ваграмской кампании, и, прежде всего, пока полуостров продолжают занимать 200 000 наполеоновских войск.

Что касается испанских армий, то все же можно сказать, что король Джозеф находился в военном владении всеми частями своего королевства, за исключением некоторых. Англичане одержали победу в Португалии, а французские войска в Испании потеряли больше жизней в этой непрекращающейся борьбе, в которой не могло быть достигнуто никакой славы, чем за любой аналогичный период, проведенный в любой регулярной кампании; и Жозеф, в то время как вопрос о мире или войне с Россией еще не был решен, так устал от своего положения, что искренне умолял Наполеона возложить корону Испании на какую-нибудь другую голову. Таковы были обстоятельства, при которых начался богатый событиями 1812 год.

Его министры обращались к Наполеону с самыми убедительными призывами воздержаться от начала агрессивной кампании против России. Сообщается, что Наполеон сказал в ответ министру полиции Фуше: "Разве я виноват в том, что высота власти, которой я достиг, вынуждает меня подняться до мировой диктатуры? Моя судьба еще не решена, — картина существует пока только в общих чертах. Должен быть один кодекс, один апелляционный суд и одна чеканка монет для всей Европы. Государства Европы должны объединиться в единую нацию, и Париж должен стать ее столицей".

В аргументах, использованных советниками Наполеона в то время, они пытались показать ему, среди прочего, огромные ресурсы Александра — его 400 000 регулярных войск и 50 000 казаков, которые, как известно, уже были вооружены, — и огромное население, на которое у него были средства привлекать рекрутов; восторженные национальные чувства москвитов; удаленность их страны; суровость их климата; возможность, которую война предоставила бы Англии для закрепления своих успехов в Испании; и вероятность восстания Германии в случае каких-либо неудач.

Среди большей части населения Франции, и особенно среди армии, угроза войны была чрезвычайно популярна. Россия, наивно воображавшаяся самой обширной империей в Европе, была на грани падения перед мощью Великой Нации; и тогда Англии пришлось бы бороться с Францией за господство без посторонней помощи. Это считалось определенным залогом победы, поскольку сам император должен был повести свои ветеранские легионы к новой сцене триумфа.

Кардинал Феш, дядя императора, обратился к нему по другим основаниям. На кардинала сильно подействовало обращение папы, и он с ужасом рассматривал эту новую войну, как возможность обрушить кару небес на голову того, кто посмел растоптать ее вице-регента. Наполеон подвел кардинала к окну, открыл его и, указывая вверх, сказал: "Вы видите вон ту звезду?"

"Нет, сир", - ответил кардинал. "Но я вижу это", - ответил наполеон, и священник был отпущен.

Доверяя этой звезде — своей "Звезде Судьбы", в которую он все еще твердо верил, — он был далек от благоговейного трепета, когда в апреле 1812 года Россия объявила войну Франции. Это было непростительное нарушение Тильзитского мирного договора, но оно показало Наполеону, что Европа полна решимости сокрушить его, и он сплотил силы своей империи для более страшного конфликта, чем тот, к которому его когда-либо призывали.

Не удовлетворившись тем, что распорядился всем для войны в лоне империи, Наполеон, желавший выступить в Россию во главе своей огромной европейской армии, занялся формированием и цементированием внешних могущественных союзников. С этой целью были заключены два договора: один с Пруссией, а другой с Австрией 24 февраля и 14 марта 1812 года.

В начале апреля министру Александра было приказано потребовать вывода войск севера вместе с эвакуацией крепости в Померании на случай, если французское правительство все еще пожелает вести переговоры. Наполеон ответил, что он не привык регулировать распределение своих сил предложениями иностранной державы. Затем посол потребовал свои паспорта и покинул Париж.

Император Франции был уверен в себе и, по-видимому, не сомневался в своем успехе в предстоящей кампании. "Война, - сказал он, - это мудрая мера, продиктованная истинными интересами Франции и общим благосостоянием. Великая власть, которой я уже достиг, вынуждает меня установить всеобщую диктатуру. Мои взгляды - это не амбиции. Я не желаю больше ничего приобретать и оставляю за собой только славу творить добро и благословения потомков".

Покидая Париж вместе с императрицей 9 мая 1812 года, направляясь присоединиться к Великой армии, формировавшейся в то время на польской границе, императорская чета неизменно торжествовала. Не только во Франции, но и по всей Германии, где бы они ни появлялись, их ждали колокольный звон, музыка и самые восторженные приветствия. 16 мая император прибыл в Дрезден, куда на встречу с ним были приглашены император Австрии, короли Пруссии, Неаполя, Виртемберга и Вестфалии и почти все немецкие монархи низшего ранга. Он послал просить царя также присутствовать на этом блестящем собрании в качестве последнего шанса на дружеское соглашение, но гонец не смог добиться допуска к Александру.

Теперь Марию Луизу отправили обратно во Францию, и началась русская кампания. Маршал Ней с одной крупной дивизией армии уже перешел Вислу; Жюно с другой оккупировал оба берега Одера. Было известно, что царь находился в Вильне, собирая силы своей огромной империи и поручая общие приготовления к предстоящей кампании маршалу Барклаю де Толли, офицеру, родившемуся и получившему образование в Германии. Сезон приближался, и пришло время принудительно решать вопрос о мире или войне.

Наполеон, прежде чем покинуть веселый двор Дрездена, где его приветствовали как "короля королей", отправил графа де Нарбонна к императору Александру, чтобы тот предпринял новую попытку переговоров, чтобы избежать еще большего кровопролития. По возвращении Нарбонн заявил, что "он не нашел русских ни подавленными, ни хвастливыми; что результатом всех ответов царя было то, что они предпочли войну позорному миру; что они будут проявлять особую осторожность, чтобы не рисковать битвой с таким грозным противником; и, наконец, что они были полны решимости принести все жертвы, чтобы затянуть войну и отбросить захватчика".

Наполеон прибыл в Данциг 7 июня, и в течение последующих двух недель было известно, что между ним и Александром происходят последние переговоры. 22-го французский император нарушил молчание в бюллетене, в котором он сказал: "Солдаты, Россия повинна в своей судьбе; ее предназначение должно быть выполнено. Давайте выступим; давайте перейдем Неман, давайте перенесем войну на ее территорию. Наша вторая кампания в Польше будет такой же славной, как и первая; но наш второй мир принесет с собой свою собственную гарантию. Это навсегда положит конец тому высокомерному влиянию, которое Россия оказывала в течение пятидесяти лет на дела Европы".

Царь объявил о прекращении переговоров, заявив о бесчисленных усилиях по достижению мира, и заключил следующими словами: "Солдаты, вы сражаетесь за свою религию, свою свободу и свою родную землю. Ваш император среди вас, а Бог - враг агрессора".

Наполеон произвел смотр большей части своих войск на поле битвы при Фридланде и, заверив их в еще более блестящих победах над тем же врагом, отдал свои последние приказы высшим офицерам своей армии. Расположение его сил на момент начала кампании было следующим:

Левое крыло под командованием Макдональда, численностью в 30 000 человек, имело приказ пройти маршем через Курляндию с целью, по возможности, обойти правый фланг русских и овладеть морским побережьем в направлении Риги. Правое крыло, состоявшее почти полностью из австрийцев численностью 30 000 человек и находившееся под командованием Шварценберга, было дислоцировано на Волынской границе. Между ними перемещались различные корпуса, образующие великую центральную армию под общим руководством самого Наполеона, а именно корпуса Даву, Нея, Жерома Бонапарта, Эжена Богарне, князя Понятовского, Жюно и Виктора; их численность достигала 250 000 человек. Связь центра и левого фланга поддерживалась корпусом Удино, а центра и крайне правого фланга - корпусом Ренье, который имел при себе саксонские вспомогательные части и польский легион Домбровского. Главное командование всей кавалерией войска было возложено на Мюрата, который лично находился в ставке императора, имея непосредственно в своем распоряжении три кавалерийские дивизии — Груши, Монбрена и Нантоси. Ожеро со своей дивизией должен был остаться на севере Германии для наблюдения за Берлином и защиты коммуникаций с Францией. Операционная база Наполеона, как видно из карты, простиралась на добрых сто лиг, а головы его различных колонн были так распределены, что русские не могли догадаться, Санкт-Петербург или Москва были главной целью его похода.

С картины Лайонела Ройера

14 - я линия в Эйлау

Русская армия под командованием де Толли располагалась в Вильне и насчитывала в начале кампании 120 000 человек. Значительно левее располагалась "вторая армия", как ее называли, численностью в 80 000 человек под командованием Багратиона, с которым были Платов и 12 000 его казаков; в то время как на крайнем фланге "Волынская армия" численностью 20 000 человек под командованием Тормазова наблюдала за Шварценбергом. Справа от де Толли находился Витгенштейн с 30 000 человек, а между ними и морем - эссенский корпус численностью в 10 000 человек. Позади всей линии фронта в Новгороде и Смоленске быстро формировались две резервные армии, каждая, вероятно, численностью около 20 000 человек. Русские, фактически находившиеся в поле боя в начале кампании, составляли, насколько

можно судить, 260 000 человек; в то время как Наполеон был готов перейти Неман во главе 470 000 человек.

Царь с самого начала был полон решимости действовать исключительно в обороне и втянуть Наполеона, если возможно, в сердце его собственной страны, прежде чем дать ему сражение. Различные подразделения русских войск получили приказ не спеша отступать по мере продвижения противника, уничтожая все, что они не могли взять с собой, и останавливаясь только в определенных точках, где для их приема уже были созданы укрепленные лагеря.

Трудность прокормить полмиллиона человек в стране, заранее заведомо опустошенной и отделенной таким большим пространством от Германии, не говоря уже о Франции, несомненно, возрастала с каждым часом и шагом. Следовательно, главной целью Александра было беречь собственные силы до тех пор, пока вокруг чужаков не наступит полярная зима и не доведет несчастья, которые он таким образом предвидел, до кризиса.

Наполеон, с другой стороны, рассчитывал, что русские встретят его у своей границы или даже впереди нее (как это было с австрийцами в кампании при Аустерлице и пруссаками в кампании при Йене); что он выиграет крупное сражение, немедленно двинется либо на Санкт-Петербург, либо на Москву и продиктует мир в стенах одного из собственных дворцов царя.

24 июня Великая императорская армия, объединенная в три группы, начала переход через Неман— Жером Бонапарт у Гродно, Евгений у Пилони и сам Наполеон у Ковно. Император выехал впереди своей армии в два часа ночи на разведку берегов, скрывшись от наблюдения благодаря польскому плащу и шляпе; его лошадь споткнулась, и он упал на землю. "Дурной знак — римлянин возвращается", - заметил кто-то. После тщательного расследования он обнаружил место близ деревни Пойнмен, выше Ковно, подходящее для переправы его войск, и отдал приказ перебросить через него три моста с наступлением темноты. Первыми, кто переправился через реку, были несколько саперов на лодке. На чужой земле было пустынно и тихо, и никто, казалось, не возражал против их действий, за исключением единственного вооруженного казака, который с видимым удивлением спросил, кто они такие и чего хотят. "Французы, - был ответ, - мы пришли, чтобы пойти войной на вашего императора, взять Вильну и освободить Польшу".

Казак дал шпоры своему коню, и трое французских солдат разрядили свои ружья в мрачную глубину леса, где они потеряли его из виду, в знак враждебности. В тот же миг разразилась страшная гроза. Так началось роковое вторжение.

Прохождение войск на некоторое время было затруднено, так как мост через Вилию, ручей, впадающий в Неман, был разрушен русскими. Император, однако, презрев это препятствие, приказал польскому конному эскадрону переправиться вплавь через реку. Они немедленно повиновались, но, достигнув середины, течение оказалось слишком сильным для них, сломало их ряды, унесло и поглотило многих из них. Даже во время своей последней схватки храбрецы обращали лица к берегу, где Наполеон с глубочайшим волнением наблюдал за их тщетными усилиями, и кричали на последнем издыхании: "Да здравствует Император!"

Трое из этих благородных патриотов издали этот клич, когда над водой показалась только часть их лиц. Армия была поражена смесью ужаса и восхищения. Наполеон наблюдал за происходящим внешне невозмутимо, но отдал все приказы, какие только смог придумать, с целью спасти как можно больше из них, хотя и без особого эффекта. Вероятно, самым сильным

его чувством даже в то время было предчувствие, что это катастрофическое событие было лишь началом других, одновременно грандиозных и обширных.

Когда эти огромные полчища вторглись на территорию России, Александр отвел свои армии так же сознательно, как и захватчик продвигался вперед. Вильно, сама столица, была эвакуирована за два дня до того, как французы увидели ее, и Наполеон занял там свою квартиру 28 июня. Здесь было обнаружено, что все журналы, которые он рассчитывал захватить, были сожжены до того, как русские отступили. Имперские бюллетени уже начали осуждать "варварский метод", с помощью которого враг решил вести свою оборону.

Наполеон оставался в Вильне двадцать дней, в течение которых он удвоил свои усилия по обеспечению достаточного количества провизии, которая должна была быть доставлена вместе с его армией; это должно было сделать его независимым от стран, через которые он мог пройти. Уничтожение складов в Вильне убедило его в том, что он правильно поступил, отойдя от старой системы мародерства, которая с успехом применялась в предыдущих кампаниях. В конце этого периода Наполеон осознал, что, хотя контракты, заключенные его военным министром, соответствовали потребностям армии, обработка такого огромного количества провизии при самых благоприятных обстоятельствах должна быть медленной и в некоторой степени ненадежной. Таким образом, император оказался перед необходимостью либо отложить свое вторжение еще на год, либо настаивать на нем перед лицом любых трудностей, все из которых он предвидел, за исключением медлительности комиссариата.

Когда Наполеон прибыл в Вильну, народ считал его своим освободителем. Варшавский сейм направил к нему депутацию с просьбой оказать помощь в восстановлении их древнего королевства, поскольку было провозглашено восстановление Польши. Они пришли, по их словам, просить Наполеона Великого произнести эти несколько слов: "Пусть царство Польское существует!" - и тогда оно будет существовать; чтобы все поляки посвятили себя орденам четвертой французской династии, для которой века были лишь мгновением, а пространство - не более чем точкой.

Ответ Наполеона не был удовлетворительным: "В моем положении мне нужно согласовать многие интересы, - сказал он, - и выполнить множество обязанностей". Его ответ был настолько осторожным, что поляки остались недовольны и практически не оказывали поддержки французам. "Если бы Польша была возрождена, - говорит Бурьен, - Наполеон нашел бы средства добиться успеха в своей экспедиции. В его походе на Москву его тыл и припасы были бы защищены, и он обеспечил бы себе отступление, которое последующие неудачи сделали лишь слишком необходимым".

Во время этой задержки Александр получил возможность отвести войска, которые он держал на флангах своих европейских владений, и привести их все на помощь своей основной армии. Энтузиазм русского народа проявился в необычайной быстроте, с которой к ногам царя были брошены всевозможные припасы. Отовсюду он получал добровольные предложения людей, денег и всего, что могло помочь в ведении войны. Великая герцогиня Анна, руки которой добивался Наполеон, подала пример, разместив полк в своем поместье. Платов, ветеран казачества, пообещал свою единственную дочь и 200 000 рублей человеку, от руки которого падет Наполеон. Дворяне повсюду набирали войска и проявляли свой патриотизм, сами служа в рядах и доверяя командование опытным офицерам, выбранным правительством.

Наполеон, наконец, вернулся на поле боя, ничего не сделав для исправления беспорядков в своем комиссариате. Сначала он решил оставить свой след в Санкт-Петербурге, во многом рассчитывая на эффект, который триумфальный въезд в столицу произведет по всей стране, но, столкнувшись с некоторыми неудачами в Риге и Дюнабурге, он изменил свои планы и решил вместо этого двинуться на Москву.

Центр армии был теперь переброшен вперед под командованием Даву с целью обойти позиции Барклая и отрезать его сообщение с Багратионом. Это привело к столкновению с последним 23 июля близ Могилева, при этом французы оставались во владении городом. Русский командующий при отступлении сообщил Барклаю, что теперь он идет не на Витебск, а на Смоленск.

В течение трех дней - 25, 26 и 27 июля - французы снова одержали победу. Наполеон остановился в Витепске на несколько дней, чтобы дать своим войскам возможность восстановить силы. 8 августа император покинул Витепск и после частичного сражения при Красном 14-го числа 16-го оказался в поле зрения Смоленска. Было замечено, что 10 августа Наполеон написал восемь писем Даву и почти столько же каждому из своих командиров. "Если враг защитит Смоленск, - писал он в одном из своих писем Даву, - а я склонен верить, что он это сделает, у нас будет там решающее сражение, и у нас не может быть слишком больших сил. Орча станет центральным пунктом армии. Все заставляет меня верить, что под Смоленском будет великая битва".

День, в который произошло сражение при Красном, пришелся на день рождения императора. Не было никакого намерения проводить его в этом огромном уединении и в нынешних обстоятельствах опасности и беспокойства. Не могло быть сердечного праздника без полной победы. Однако Мюрат и Ней, сообщая о своих недавних успехах, не смогли удержаться от комплимента императору по случаю годовщины его рождения. Теперь был слышен салют из ста артиллерийских орудий, произведенный согласно их приказу.

Наполеон с недовольным видом заметил, что в России важно экономить французский порох; но в ответ ему сообщили, что это русский порох, и его забрали накануне вечером. Мысль о том, что его день рождения будет отмечаться за счет русских, вызвала у Наполеона улыбку.

Принц Евгений также выразил свое почтение императору по этому случаю, но был прерван словами Наполеона: "Все готовится к битве. Я добьюсь этого, и тогда мы увидим Москву". Сегюр говорит, что было слышно, как Эжен заметил, выходя из императорского шатра: "Москва уничтожит нас!"

Первая и вторая армии царя под командованием Багратиона и Барклая, наконец, соединившись, отступили со 120 000 человек за реку, которая протекает за этим городом.

Как только Наполеон издали увидел приближающиеся массы людей, он радостно захлопал в ладоши, воскликнув: "Наконец-то они у меня!" Момент, который должен был решить судьбу России или французской армии, по-видимому, настал.

Наполеон прошел вдоль линии и назначил каждому командующему его пост, оставив обширную равнину незанятой впереди между ним и Днепром. Это место он предложил врагу в качестве поля битвы, но вместо того, чтобы принять вызов, Барклай и Багратион были замечены на следующее утро в полном отступлении.

Ночью русский гарнизон отступил и присоединился к армии, переправившейся через реку. Перед своим уходом они предали город огню, и поскольку здания были в основном деревянными, пожар, согласно французскому бюллетеню, "напоминал по своей ярости извержение Везувия". "Никогда, - сказал Наполеон, - война не велась с такой бесчеловечностью; русские обращаются со своей собственной страной так, как если бы она принадлежала врагу". Однако теперь,, стало чрезвычайно трудно тушить пламя, созданное отступающими русскими. Император лично приложил все усилия, чтобы остановить продвижение всепожирающей стихии и оказать помощь раненым. "Наполеон, - говорит Гурго, - из всех генералов, как древних, так и современных, уделял наибольшее внимание раненым. Опыание победой никогда не могло заставить его забыть о них, и его первая мысль после каждой битвы всегда была о них".

Было совершенно очевидно, что русский командующий не имел ни малейшего желания, чтобы Наполеон обосновался на зимних квартирах в этот момент. Из Смоленска русские отступили к Дорогобургу, а оттуда к Вязьме, останавливаясь в каждом из этих городов и намеренно сжигая их перед лицом врага. Вернувшись в Смоленск, Наполеон стал жертвой самых тягостных размышлений о так недавно ускользавшей от него возможности уничтожить всю русскую армию и добиться скорейшего заключения мира. Им начала овладевать неуверенность; смутные предчувствия вызывали у него желание как можно скорее завершить этот далекий поход. "Мы слишком далеко зашли, чтобы отступать, - сказал император по прибытии в Угею. - и если бы я только мечтал о славе военных подвигов, мне оставалось бы только вернуться в Смоленск, водрузить там своих орлов и довольствоваться тем, что я протяну правую и левую руки, которые сокрушат Витгенштейна и Тормасова. Эти операции были бы блестящими; они завершили бы кампанию очень удовлетворительно, но они не положили бы конец войне. Наши войска могут наступать, но не способны оставаться на месте, движение может удерживать их вместе: остановка или отступление сразу же развели бы их. Наша армия предназначена для нападения, а не для обороны; для действий, а не для позиции. Мы должны наступать на Москву, овладеть этой столицей и там диктовать царю условия мира! Мир перед нами; мы всего в восьми днях пути от него; когда цель так близка к достижению, было бы неразумно медлить. Итак, давайте двинемся на Москву!"

В этот период Барклай был назначен в военное министерство в Санкт-Петербурге, и Кутузов, принявший командование вместо него, начал сомневаться, не была ли система отступления недостаточно продумана. Наполеон приказал энергично преследовать врага, надеясь догнать и сокрушить его прежде, чем он успеет добраться до своей древней столицы. Честь выступить в поход с авангардом досталась маршалу Нею, который блестяще оправдал доверие Наполеона умом и храбростью, проявленными им в битве при Валутине. Это был самый кровопролитный бой. Четыре раза русские были вытеснены со своих позиций, и каждый раз подтягивали подкрепления и отбивали их; наконец, они были окончательно разбиты доблестным Гуденом, который атаковал во главе своей дивизии, энергия и стремительность которой заставили врага поверить, что они подверглись удару императорской гвардии. Тридцать тысяч человек были введены в бой с обеих сторон, и резня была ужасной. В этом случае также было продемонстрировано много личной храбрости. Если бы Жюно, который начал проявлять признаки приближающегося безумия, не сумел точно выполнить его приказы, победа могла бы оказаться решающей. Однако император был очень доволен поведением своих войск при Валутине. Он лично отправился на поле битвы и провел смотр различным полкам, которые отличились там. "Прибыв в 7—й полк легкой пехоты, - рассказывает Гурго, - он приказал

капитанам выступить вперед и сказал им: "Покажите мне лучшего офицера полка". "Сир, все они хороши". "Это не ответ; обратимся хотя бы к заключению Фемистокла: "Я первый; второй - мой сосед".

Наконец был назван капитан Монси, отсутствовавший из-за своих ран. "Как, - сказал император, - Монси, который был моим пажом! сын маршала! Ищите другого!" "Сир, он лучший". "Ну что ж! - сказал Наполеон. - Я вручу ему награду".

До этого времени 127-й полк маршировал без орла, не имея возможности отличиться. Императорский флаг теперь был доставлен туда собственными руками Наполеона.

Новый русский генерал, наконец, решил уступить громким просьбам своих войск и занял сильную позицию между Бородино и Москвой на большой дороге в Москву, где он решил дожидаться нападения Наполеона, который энергично вел войну с мечом в руке в надежде завершить военные действия одним решающим сражением.

5 сентября Наполеон подошел к позиции Кутузова и сумел захватить редут, который был возведен для охраны большой дороги на Москву. Это было сделано на острие штыка, хотя и не обошлось без большой резни с обеих сторон.

На следующий день две армии стояли друг против друга, готовясь к великому сражению. Накануне и до рассвета 6-го числа император был верхом на лошади, закутанный в свой серый плащ, и демонстрировал всю живость своей молодости. Вернувшись в штаб, он обнаружил, что прибыл курьер с депешами, извещающими о поражении Мармона и передаче Саламанки в руки Веллингтона. Прибыл также месье де Боссе, привезший из Парижа портрет сына Наполеона, который глубоко тронул императора. Он распорядился разместить картину за пределами своей палатки, где ее могли увидеть его офицеры. Затем он сказал своему секретарю: "Заберите это и тщательно охраняйте; он слишком рано видит поле битвы".

Русские были размещены на возвышенной равнине; на правом фланге у них был лес, на левом - одна из деревень, а впереди - глубокий овраг, русло небольшого ручья. Обширные полевые укрепления покрывали каждую выступающую точку этой естественно очень сильной местности; и в центре всей линии пологое возвышение было увенчано огромной батареей, служившей своего рода цитаделью. Русская армия насчитывала около 120 000 человек, которым противостояло почти равное количество французских войск. В артиллерии армии также были равны. Император расположил свой штаб в редуте, откуда утром отдал приказ к сражению; возвышенность местности позволяла ему наблюдать за большей частью русской линии и различными передвижениями противника. Молодая гвардия и кавалерия были перед ним, а старая гвардия - в тылу.

Перед сражением Наполеон обратился к своим войскам: "Вот сражение, которого вы ждали, — сказал он, - ибо оно принесет нам многое: хорошие зимние квартиры и безопасное отступление во Францию. Ведите себя так, чтобы потомки могли сказать о каждом из вас: "Он участвовал в той великой битве под стенами Москвы".

В 4 часа утра 7-го числа французы продвинулись вперед под прикрытием густого тумана и атаковали сразу центр, справа и слева от позиции Кутузова. Стремительность атаки была такова, что они выбили русских из их редутов, но это было лишь на короткое время, поскольку они сплотились под каждым огнем французов и мгновенно продвинулись вперед. Русские

крестьяне, которые до этого часа никогда не видели войны и которые все еще носили свою обычную деревенскую одежду, отличавшуюся только крестом, нашитым на ней спереди, бросились в самую гущу боя. Когда они пали, другие бросились вперед и заняли их место. Некоторое представление об упорстве сражения может составить тот факт, что из одной дивизии русских, которая утром насчитывала 30 000 человек, в живых осталось только 8000. Эти люди сражались в сомкнутом строю и непоколебимо, под огнем восьмидесяти артиллерийских орудий. У русских было преимущество в местности, в том, что они говорили только на одном языке, в одной униформе, были единой нацией и сражались за одно дело. Однако к двум часам дня, согласно имперскому бюллетеню, всякая надежда покинула противника; сражение подходило к концу, хотя канонада еще не прекращалась. Русские сражались за свое отступление и безопасность, но уже не за победу.

Результатом этого ужасного дня, в который французы выпустили шестьдесят шесть тысяч пушечных ядер, стало то, что, хотя русские потерпели поражение, они были далеки от разгрома. "Каким бы большим ни был успех этого дня, - говорит Сегюр, - он мог бы быть еще большим, если бы Наполеон, вместо того чтобы закончить сражение в 4 часа пополудни, воспользовался оставшейся частью дня, чтобы ввести в бой свою гвардию и таким образом превратить поражение противника в полный разгром".

Хорошо известно, что император сильно страдал в течение дня. Он провел беспокойную ночь, и сильный и непрекращающийся кашель прерывал его дыхание.

Что касается его желания сохранить резерв невредимым и сформировать его из отборных и преданных войск, таких как его гвардия, Наполеон объяснил это своим маршалам словами: "И если завтра состоится второе сражение, что я могу этому противопоставить?"

Генерал Гурго добавил: "Если бы гвардия была уничтожена в битве при Москве, французская армия, ядро которой постоянно составляла гвардия и мужество которой она поддерживала во время отступления, вряд ли смогла бы когда-либо снова форсировать Неман".

Этот отказ Наполеона задействовать свою гвардию обычно считается одной из его величайших военных ошибок. В то время, когда их потребовали Ней и другие, враг был почти разбит, и появление императора во главе их, по всей вероятности, завершило бы день великой победой на его счету и, по мнению многих военных того времени, завершило бы русскую кампанию одним этим сражением.

Ночь застала обе армии на земле, которую они заняли на рассвете. Количество орудий и пленных, взятых французами и русскими, было примерно равным; и в обоих войсках пало не менее 40 000 человек. В некоторых источниках общее число убитых оценивается в 100 000 человек.

Русский командир сражался отчаянно, но в конце концов был вынужден отступить. Его армия была опорой страны, и если бы она была уничтожена, царю было бы трудно сформировать другую. Удостоверившись затем в размерах своих потерь и похоронив своих погибших, среди которых был доблестный Багратион, русские вышли из своих укреплений и двинулись на Можайск. Маршал Ней был награжден за благородную роль, которую он сыграл в успехе этой битвы, титулом князя Московского.

Небольшое количество пленных, взятых при Москве, — или Бородино, как часто называют это сражение, — то обстоятельство, что русские смогли унести своих раненых, и многие другие соображения убедительно доказывают, что еще одно такое сражение погубило бы Наполеона. Русские приказали распевать *Te Deums* в Москве в честь того, что они называли своей победой, и Наполеон отправил аналогичные инструкции своим епископам во Франции.

Наполеону так повезло, что как раз в это время к нему присоединились две свежие дивизии из Смоленска, которые почти восстановили его боеспособность до того уровня, который был, когда началось сражение, и, таким образом, подкрепленный, он приказал продолжить преследование. 9-го числа французский авангард снова появился в поле зрения русского тыла, и Наполеон приготовился к сражению, но Кутузов снова опрометчиво бежал в направлении столицы.

Император достиг "Холма Спасения", названного так потому, что с этого возвышения русский путешественник впервые видит древнюю столицу, нежно называемую "Матушкой Москвой" и едва ли менее священную в его глазах, чем Иерусалим. Солдаты с радостью и ликованием созерцали величественные размеры этого места; его смесь готических шпилей и восточных куполов; и высоко над всем остальным возвышались огромные башни Кремля, одновременно дворца и цитадели старых царей. Крик "Москва! Москва!" пробежал по рядам. Сам Наполеон натянул поводья и воскликнул: "Узрите, наконец, этот прославленный город!"

Вскоре было замечено, что из труб не идет дым, и опять же, что на зубчатых стенах и башнях не появилось ни одного военного. Мюрат, командовавший авангардом, теперь подъехал верхом и сообщил императору, что он провел переговоры с Милародовичем, генералом русского арьергарда, и что он заявил, что, если не будет предоставлено двух часов для безопасного вывода его войск, он немедленно подожжет Москву. Наполеон немедленно заключил перемирие. Когда император остановился у барьера, он произвел рекогносцировку внешней стороны города; Евгению было приказано окружить его с севера, а Понятовскому - с юга, в то время как Даву оставался ближе к центру; затем гвардии был отдан приказ выступить, и под командованием Лефевра Наполеон вошел в Москву и приготовился закрепиться в городе. Он обнаружил, что столица покинута всеми, кроме самых низших и обездоленных представителей ее огромного населения. Французские солдаты вскоре рассредоточились по его бесчисленным улицам, заполнив великолепные дворцы, базары торговцев, церкви, монастыри и общественные здания всех видов. Самый подлый солдат одевался в шелка и меха и пил в свое удовольствие самые дорогие вина. Наполеон, озадаченный оставлением такого большого города, с большим трудом удерживал вместе 30 000 человек под командованием Мюрата, который следовал за Милародовичем и наблюдал за стенами с той стороны.

В полночь император, удалившийся отдыхать в пригородный дворец, был разбужен криком "Пожар!". Главная рыночная площадь была объята пламенем, и прошло несколько часов, прежде чем ее удалось потушить. Пока еще горел огонь, Наполеон обосновался в Кремле и при этом роковом свете написал царю письмо, содержащее предложения о мире. В своем письме он заверял царя, "что, каковы бы ни были превратности войны, ничто не может умалить уважения, которое питают к нему его друзья из Тильзита и Эрфурта".

С картины Горация Верне

Наполеон в битве при Фрейдланде

Письмо было передано высокопоставленному заключенному, но ответа на него так и не было получено. На следующий день пламя вспыхнуло снова, и за короткое время различные отдельные части города были объаты пламенем, во многих местах были найдены горючие материалы и спички, а водопроводные трубы перерезаны так, что попытки остановить распространяющееся пламя были почти бесполезны. За ночь ветер менялся трижды, и пламя всегда вспыхивало с новой силой в том квартале, откуда преобладающий бриз дул прямо на Кремль. Теперь выяснилось, что губернатор, покинув город, выпустил на свободу всех преступников, содержащихся в многочисленных тюрьмах.

В течение четырех дней пожар продолжался с большей или меньшей яростью, и четыре пятых города было полностью уничтожено. "Дворцы и храмы, - говорит русский писатель Карамзин, - памятники искусств и чудеса роскоши, остатки давно минувших веков и творения вчерашнего дня, гробницы предков и колыбели детей были без разбора разрушены. От Москвы не осталось ничего, кроме памяти о ее жителях и их глубокой решимости отомстить за ее падение".

На третью ночь поднялся шторм в день равноденствия, сам Кремль, с которого Наполеон наблюдал за распространением этого ужасающего опустошения, загорелся, и стало сомнительно, сможет ли император безопасно отступить.

Около 4 часов утра один из офицеров Наполеона разбудил его, чтобы сообщить о пожаре. Всего несколько минут назад он бросился на кровать, продиктовав приказы различным подразделениям своей армии и поработав со своими секретарями. Он наблюдал из окна за огнем, пожиравшим его честную победу, и у него вырвалось восклицание: "Вот, значит, как они воюют! Цивилизация Санкт-Петербурга обманула нас; они действительно скифы!"

В течение нескольких часов он оставался неподвижным в Кремле. Дворец был теперь объят пламенем, и он согласился, чтобы его вывели из города. Он проехал по улицам, во многих местах объатым пламенем, и скрылся там, где этого не было, в одной плотной завесе дыма. "Именно тогда, - говорит Сегюр, - мы встретили принца Экмюля (Даву). Этот маршал, раненный под Москвой, желал, чтобы его отнесли обратно в пламя, чтобы спасти Наполеона или погибнуть

вместе с ним. Он с восторгом бросился в его объятия; император принял его ласково, но с тем хладнокровием, которое в опасности он не терял ни на минуту".

"Даже выдумки о сожжении Трои, - сказал император, - хотя и усиленные всеми силами поэзии, не могли сравниться с разрушением Москвы".

Во второй половине дня 16-го числа Наполеон покинул Москву и еще до наступления темноты достиг Петровского, загородного дворца царя, примерно в лиге от нее, где он разместил свою штаб-квартиру.

20-го числа, когда пламя наконец было подавлено или иссякло, Наполеон вернулся в Кремль, все еще надеясь, что царь смягчится, узнав о разрушении его древней и священной столицы. Проходил день за днем, а ответа от Александра по-прежнему не было. Положение императора с каждым часом становилось все более критическим. Опасность грозила со всех сторон; казалось, что все силы России собираются вокруг него. К тому же сезон был далеко в разгаре; суровая северная зима была не за горами, а решительная враждебность крестьян препятствовала доставке в столицу даже самых незначительных запасов провизии.

Дару посоветовал императору стянуть все свои отряды, превратить Москву в укрепленный лагерь, убить и засолить каждую лошадь, а остальное доверить отрядам фуражиров — словом, оставить все мысли о поддержании связи с Францией, или Германией, или даже Польшей; и выступить из Москвы со своей армией в полном составе и обновленной в начале весны. Но Наполеон опасался, и не без оснований, что, если бы он и его армия были отрезаны от всех коммуникаций, пруссаки и австрийцы в течение шести месяцев могли бы сбросить ярмо; в то время как, с другой стороны, русские вряд ли смогли бы за столько месяцев накопить в своей собственной стране силы, перед которыми его изолированная армия, вернувшись с зимних квартир, показалась бы всего лишь пятнышком.

Теперь Наполеон отправил в штаб Кутузова еще одно письмо для Александра. Граф Лористон был принят командующим в окружении своих генералов и ответил с такой вежливостью, что посланник не сомневался в успехе. В конце концов, однако, ему сообщили, что никакие переговоры невозможны, и он заявил, что не может даже санкционировать поездку какого-либо французского посланника в Санкт-Петербург без разрешения своего хозяина. В конце концов Кутузов предложил отправить письмо Наполеона через одного из своих адъютантов, и на это Лористон был вынужден согласиться. Собеседование состоялось 6 октября; ответа нельзя было ожидать раньше 20-го. Один раз уже выпал снег, и опасности, связанные с более длительным пребыванием в разрушенной столице, возрастали с каждым часом.

Именно при таких обстоятельствах Наполеон задержался в Кремле до 19 октября, когда решил покинуть Москву. В тот вечер несколько дивизий были приведены в движение, и утром 22-го метрополия была полностью эвакуирована. Этот внезапный отъезд был частично вызван боем Мюрата с Беннигсеном при Виньково 18-го числа, в день истечения срока приостановки вооружений, в результате чего он потерял 3000 пленных и сорок артиллерийских орудий. Генерал Милародович во время беседы с Мюратом за несколько дней до этого очень откровенно рассказал о сложившейся ситуации. Мюрат считал мир необходимым для России и подчеркивал "продолжающийся успех французов", открыв для них ворота Москвы. "Да, генерал, - живо ответил Милародович, - кампания для французов закончена, и настало время начать ее для русских".

19 октября император с 6000 отборных всадников двинулся в путь к Смоленску, забота о подтягивании основных сил была возложена на Эжена Богарне, в то время как Ней командовал арьергардом.

Покидая Москву, Наполеон сказал Мортье: "Уделите максимум внимания больным и раненым. Пожертвуйте им свой багаж — все. Предоставьте повозки в их распоряжение и, при необходимости, ваши собственные седла. Таков был курс, которым я следовал в Сен-Жан-д'Акре. Сначала офицеры откажутся от своих лошадей, затем младшие офицеры и, наконец, солдаты. Соберите генералов и офицеров, находящихся под вашим командованием, и объясните им, насколько необходима гуманность в их обстоятельствах. Римляне даровали гражданские короны тем, кто спасал своих граждан; я буду не менее благодарен".

С начала этого марша не прошло и дня, чтобы какое-нибудь новое бедствие не постигло эти доселе непобедимые легионы. Казаки Платова наткнулись на одну дивизию в Колоцке, недалеко от Бородино, 1 ноября и нанесли им полное поражение. Вторая дивизия была атакована на следующий день и почти с таким же успехом иррегулярными войсками графа Орлова Денизова. Французы теперь были разделены атаками, предпринятыми Милародовичем, и солдаты начали страдать от сильного голода. 6 ноября их страдания усилились из-за наступления русской зимы. С тех пор, между тяжелыми колоннами регулярных войск, которые со всех сторон наблюдали за ними и угрожали им, продолжавшимися атаками казаков, которые тучами висели вокруг них днем и ночью, бросаясь на каждый отдельный отряд, подобно египетским мамлюкам, нарушая каждый бивуак, разрушая мосты впереди и уничтожая каждого отставшего от них, в условиях ужасной суровости климата, мороза, снега, ветра — страдания этой некогда великолепной армии были такими, каких едва ли можно было найти в мировой истории.

Огромный обоз артиллерии, который Наполеон привел из Москвы, вскоре уменьшился, и дороги были завалены городскими трофеями, брошенными по необходимости, поскольку транспортные средства вышли из строя. Лошади, которых месяцами плохо кормили, были совершенно неспособны противостоять совокупному воздействию холода и усталости. Они тонули и коченели сотнями и тысячами. Умиравшие от голода солдаты убивали других этих животных, чтобы напиться их теплой крови и завернуться в их еще вонючие шкуры! Вся дисциплина исчезла.

Им удалось удержать вместе несколько батальонов арьергарда и показать преследователям смелый вид: героический маршал Ней не брезговал огнестрельным оружием и разделял самые тяжелые испытания своих храбрых последователей.

Основная русская армия, продвигавшаяся бок о бок с французами, теперь находилась к юго-западу от Смоленска, готовая прервать марш противника в любой момент, когда того пожелает Кутузов. Милародович и Платов держались вплотную позади и с каждым часом редели жалкие отряды, у которых больше не было ни мужества, ни, по большей части, какого-либо оружия, чтобы противостоять им. Все донесения, доставленные в штаб офицерами, представляли Кутузова как склонного выступить против французской армии и рискнуть вступить в сражение, вместо того чтобы оставить свои позиции, которые находились на дороге, которую он хотел закрыть от продолжающегося отступления императора. Эти сообщения не убедили Наполеона. На рассвете, сев верхом на коня, он отправился на разведку лагеря и расположения противника, который готовился захватить Калугу. Когда император прибыл к Малоярославцу, было замечено

приближение отряда казаков. Наполеон и его эскорт приготовились защищаться. Рапп едва успел схватить своего вождя за уздечку и крикнуть: "Это казаки, поворачивайте назад!" - как к ним галопом подскочил свирепый отряд. Император, презрев бегство, обнажил меч и направил свою лошадь к обочине дороги. Отряд промчался мимо, ранив Раппа и его лошадь. "Когда Наполеон увидел мою лошадь, покрытую кровью, - рассказывает Рапп в своих "Мемуарах", - он спросил, не был ли я ранен. Я ответил, что отделался несколькими ушибами, на что он начал смеяться над нашим приключением, хотя я, со своей стороны, находил его совсем не забавным". Появления маршала Бессьера, прибывшего во главе нескольких эскадронов гвардейских гренадер, было достаточно, чтобы прекратить беспорядки и обратить казаков в бегство.

Великая армия насчитывала 120 000 человек, когда покидала Москву. Включая фрагменты различных дивизий, которые встречали императора под Смоленском, теперь с большим трудом удалось собрать 40 000 человек в состоянии, хоть сколько-нибудь напоминающем боевую готовность. Их Наполеон разделил на четыре колонны, почти равные по численности; первой, включавшей 6000 человек императорской гвардии, он сам принял командование и двинулся с ней на Красный. Вторым корпусом командовал Эжен Богарне, третьим - Даву, а четвертый, предназначенный для опасной службы в тылу и соответственно усиленный 3000 гвардейцами, был вверен под командование маршала Нея.

Юджин и Ней, наконец, вошли в Смоленск. Название этого города до сих пор было единственным заклинанием, которое сохраняло хоть какую-то надежду у солдат отступления. Там, как им сказали, они найдут еду, одежду и всевозможные припасы и, снова собравшись под присмотром Наполеона, быстро примут облик, на который не осмелился бы отважиться ни один из северных варваров.

Этим ожиданиям не суждено было сбыться. Смоленск был почти полностью разрушен русскими в начале кампании. Его разрушенные стены давали лишь скудное убежище изголодавшимся и продрогшим беглецам, а собранного там провианта было настолько недостаточно для удовлетворения потребностей войск, что по прошествии нескольких дней Наполеон оказался перед необходимостью еще раз возобновить свой катастрофический поход. Находясь в Смоленске, Наполеон получил депеши из Франции, сообщавшие ему, что ложное сообщение о его смерти вызвало вспышку восстания, которая на короткое время поставила под угрозу колоссальную империю, которой он управлял. Получив это известие, он воскликнул с глубоким чувством в присутствии своих генералов: "Неужели моя власть висит на таком тонком волоске? Неужели мой суверенитет настолько хрупок, что один-единственный человек может поставить его под угрозу? Поистине, моя корона плохо сидит на моей голове, если в самой моей столице дерзкая попытка двух или трех авантюристов может пошатнуть ее. После двенадцати лет правления, после моего замужества, после рождения моего сына, после моих клятв — моя смерть снова погрузила бы страну в пучину революционных ужасов. А о Наполеоне II больше не думали?"

Наполеон покинул Смоленск 13 ноября 1812 года, приказав другим корпусам следовать за ним 14, 15 и 16 числа соответственно, таким образом, делая дневной переход между каждыми двумя дивизиями.

По-видимому, общепризнано, что имя Наполеона спасло ту часть его войска, которая в конце концов бежала с территории России. Кутузов, по-видимому, исчерпал лучшую часть своей

отваги при Бородино и с тех пор придерживался плана уклонения от сражения. Он, по—видимому, не смог снова избавиться от того благоговения, которое было вызвано сотней побед Наполеона; - если бы он был в состоянии сделать это, император, вероятно, погиб бы на каком-нибудь поле битвы между Смоленском и Березиной или был бы взят в плен в стране, в которую три месяца назад он вторгся во главе полумиллиона человек. Армия Наполеона уже превратилась в очень малую часть своей первоначальной численности, и даже эта часть теперь была разделена на четыре дивизии, против любой из которых было бы легко сосредоточить подавляюще превосходящие силы.

Император беспрепятственно добрался до Красного, хотя вся русская армия, двигавшаяся параллельной дорогой, внимательно наблюдала за его маршем; Евгений, следовавший за ним, был, однако, перехвачен по пути Милародовичем и, доблестно выдержав схватку с очень непропорциональным числом солдат и ужасную канонаду, в конце концов был спасен только наступлением ночи. В темноте Евгений совершил долгий и опасный обход и присоединился к императору в Красном 17-го; две передовые дивизии, теперь объединенные, насчитывали едва ли 15 000 человек. Затем было сочтено целесообразным дожидаться прибытия дивизий Даву и Ней, прежде чем двигаться дальше. Кутузов снова был вынужден воспользоваться этой возможностью и обрушить непреодолимую силу на позиции французов, и хотя он проредил ряды противника с помощью 100 хорошо размещенных артиллерийских орудий, он не отважился на более близкое столкновение, чем одна или две отдельные кавалерийские атаки. Таким образом, Наполеон удерживал свои позиции перед лицом всего этого воинства до наступления ночи, когда дивизия Даву, окруженная и преследуемая бесчисленным количеством казаков, наконец получила возможность снова собраться вокруг своей штаб-квартиры. Ней, однако, все еще находился в Смоленске.

Теперь император двинулся дальше, чтобы сменить Евгения, командовавшего авангардом, с приказом выступить на Ляды и обеспечить переправу через Днепр в этом месте.

Даву и Мортье были оставлены в Красном с приказом продержаться как можно дольше в надежде, что к ним там присоединится Ней. Однако задолго до того, как этот доблестный лидер смог достичь этой точки, русские, как будто отсутствие Наполеона сразу восстановило всю их энергию, бросились вниз и навязали Даву и Мортье сражение, которого напрасно добивался Наполеон. На этом роковом поле боя французы оставили сорок пять пушек и 6000 пленных, не считая убитых и раненых. Остальным с трудом удалось бежать в Ляды, где Наполеон еще раз принял их и переправился через Днепр.

Ней, тем временем, по указанию императора взорвав все, что осталось от стен и башен Смоленска, наконец привел в движение свой арьергард и двинулся к Красному, не подвергаясь преследованиям со стороны никого, кроме Платова, казаки которого вошли в Смоленск прежде, чем он смог полностью оставить его. Ней продолжал наступать по следам тех, кто таким образом разгромил Даву и Мортье, и его никто не останавливал, пока он не достиг оврага, в котором протекает речушка Лосмина. На земле лежал густой туман, и Ней был уже почти на краю оврага, когда заметил, что он весь окружен русскими, в то время как на противоположных берегах виднелась длинная линия специально расставленных батарей, а все холмы позади были покрыты войсками.

Появился русский офицер и потребовал от Нея сдаться. "Маршал Франции никогда не сдается!" - был его бесстрашный ответ, и тотчас же батареи, находившиеся всего в двухстах пятидесяти ярдах, открыли страшный шквал картечи. Ней, тем не менее, хватило смелости нырнуть в овраг, расчистить проход через ручей и атаковать русских с оружием в руках. Его маленький отряд был отброшен со страшной резней; но он время от времени возобновлял свои усилия в течение дня, а ночью, хотя и со значительно уменьшенной численностью, все еще занимал свою первоначальную позицию перед лицом целой армии, вставшей между ним и Наполеоном. Император к этому времени потерял всякую надежду когда-либо снова увидеть что-либо из своей тыловой колонны.

В течение последующей ночи Ней совершил побег — побег настолько чудесный, что история войн едва ли может привести ему параллель. Маршал свернул свой бивуак в полночь и двинулся обратно из Лосмины, пока не наткнулся на другой ручей, который, как он заключил, также должен впадать в реку Днепер. Он последовал за этим проводником и, наконец, достиг великой реки в том месте, где она была покрыта льдом, хотя и таким тонким, что лед прогибался и трескался под ногами людей, которые пересекали ее гуськом. Повозки, груженные ранеными, и те огромные орудия, которые все еще оставались у Нея, были слишком тяжелы для этого хрупкого моста. Они пытались пройти в разных местах и один за другим спускались вниз под крики умирающих и стоны зрителей.

Казаки к этому времени сильно отстали и подобрали много отставших, не считая больных. Но Ней достиг своей великой цели; и 20 ноября он со своим небольшим и преданным отрядом в 1500 человек снова присоединился к императору в Орче. Наполеон, увидев его, заключил в объятия и воскликнул: "Что за человек! Что за солдат!" Он не мог найти слов, чтобы выразить восхищение, которое внушал ему бесстрашный маршал; он приветствовал его как "храбрейшего из храбрых" и с жаром заявил: "У меня есть двести миллионов (франков) в подвалах Тюильри, и я бы отдал их все, чтобы спасти маршала Нея!"

Император снова был во главе своей объединенной "великой армии" — печального остатка ее былой славы и могущества. Между Смоленском и Днепром русские захватили 228 орудий и 26 000 пленных. При выходе из Смоленска Наполеон собрал 40 000 боеспособных людей — теперь он мог насчитать только 12 000, после того как Ней присоединился к нему в Орче. Из них было всего сто пятьдесят кавалеристов; и, чтобы исправить этот недостаток, офицеры, все еще имевшие лошадей, в количестве 500 человек, были теперь сформированы в "священный отряд", как его называли, которым командовал генерал Груши под командованием Мюрата, для немедленного присутствия при особе императора.

Русские теперь объединяли все свои силы для обороны следующей большой реки на пути Наполеона — Березины. Едва император решил перейти эту реку у Боризова, как, в довершение всех затруднений, он получил сведения, что в результате боя с Домбровским противник удержал город и мост. Виктор и Удино немедленно выдвинулись на помощь Домбровскому и отбили Боризов; но русские сожгли мост, прежде чем снова переправиться через Березину.

Теперь Наполеон решил перейти Березину выше по течению, у Студзянска, и немедленно бросился в огромные леса, окаймляющие реку, применяя все уловки, с помощью которых его враги могли быть сбиты с толку относительно непосредственной цели его похода. Его 12 000 храбрых и решительных людей прокладывали свой путь среди этих темных лесов, когда внезапно воздух вокруг них наполнился звуками, которые могли исходить только от марша

какого-то гораздо большего войска. Они готовились к худшему, когда оказались в присутствии авангарда объединенной армии Виктора и Удино, которые, хотя и потерпели поражение от Витгенштейна, все еще насчитывали 50 000 человек, полностью экипированных и почти не пошатнувших дисциплину.

Теперь Наполеон продолжил свой марш на Студзянску, применив, однако, все свое остроумие, чтобы укрепить веру русских в то, что он намеревался перейти Березину в другом месте, и это с таким успехом, что русский арьергард оставил сильную позицию, господствующую над рекой, в ту самую ночь, которая предшествовала появлению там императора.

Были наведены два моста, и Удино успел перейти их, прежде чем Чаплиц, командовавший русским арьергардом, осознал свою ошибку и снова повернул к Студзянске. Обнаружив, что переправа уже началась и что из-за узости единственных двух мостов она должна продвигаться медленно, Чичагов и Витгенштейн теперь разработали совместный план атаки. Платов и его неутомимые казаки присоединились к Витгенштейну, прибыв задолго до того, как арьергард Наполеона смог форсировать реку. Французы, совершившие переправу, были атакованы Чаплицем, и, будучи отброшены Удино, они беспрепятственно овладели не только мостами на Березине, но и длинной цепью деревянных мостовых, протянувшихся на многие мили за реку по глубоким и опасным болотам, для воспламенения и уничтожения которых требовалось всего несколько искр.

Виктор с тыловым подразделением, состоящим из 8000 человек, все еще находился на восточной стороне, когда на высотах появились Витгенштейн и Платов. Все еще многочисленная прислуга лагеря, толпы больных, раненых и женщин, а также большая часть артиллерии находились в таком же положении.

Когда русские пушки начали стрелять по этой толпе, столпившейся у берега, и каждый с тревогой ожидал, что вот-вот пройдет очередь, по ним пробежал крик крайнего ужаса, и мужчины, женщины, лошади и повозки гурьбой бросились по мостам. Более крупный из них, предназначенный исключительно для повозок и пушек, вскоре сломался, сбросив все находившееся на нем в темный и наполовину замерзший поток. "Крик, раздавшийся в этот момент, - говорит один из слышавших его, - неделями не покидал моих ушей; он был слышен ясно и громко, перекрывая крики казаков и грохот артиллерии".

Оставшийся мост был теперь единственным спасением, и все без разбора пытались закрепиться на нем; подвергаясь непрекращающемуся ливню русской канонады, они падали и умирали тысячами. Виктор храбро стоял на своем до позднего вечера, а затем повел свое подразделение через мост. Позади было оставлено большое количество иррегулярной прислуги, помимо тех солдат, которые были ранены во время сражения, а также пушки и обозные повозки в большом количестве. Теперь французы подожгли мост, и все они были брошены на произвол судьбы. В российском отчете говорится, что весной, когда Березина разлилась, в русле реки было найдено 36 000 тел.

3 декабря Наполеон прибыл в Моргони и объявил своим маршалам, что новости, полученные им из Парижа в Смоленске относительно попытки Малле свергнуть его правительство, объявив о смерти императора, и неопределенные отношения с некоторыми из его союзников делают необходимым для него без дальнейших задержек покинуть свою армию и вернуться в Париж со всей возможной скоростью. Теперь, по его словам, они были почти в пределах видимости

Польши; в Вильне они найдут вдоволь всего. Его делом было подготовить дома средства для начала следующей кампании способом, достойным великой нации.

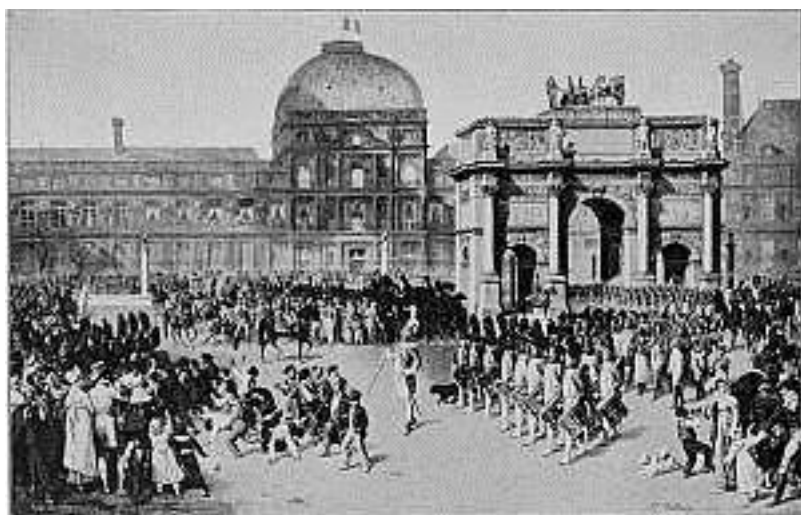
5-го числа в Моргони вильненский гарнизон встретился с императором, а затем, поручив этим свежим войскам охрану тыла и передав главное командование Мюрату, он, наконец, попрощался с правителями своего войска. Он отправился в путь в санях в полночь в сопровождении Коленкура, чье имя он взял. Чудом избежав захвата отрядом русских иррегулярных войск при Юпранони, император прибыл в Варшаву с наступлением темноты 10 декабря. Здесь он встретился со своим послом, аббатом де Прадтом, которому сказал: "Я с сожалением покидаю свою армию, но я должен следить за Австрией и Пруссией, и я имею больше веса на своем троне, чем в штаб-квартире. Русские станут невосприимчивы к своим успехам. Я разобью их в одном—двух сражениях на Одере и через месяц снова буду на Немане - месье посол, от возвышенного до смешного всего один шаг.

Возобновив свое путешествие, Наполеон вечером 14 декабря достиг Дрездена, где его посетил король Саксонии и заверил в своей верности. Затем он продолжил путь в свою столицу и прибыл в Тюильри 18-го, поздно вечером, после того, как императрица удалилась.

Остатки Великой армии тем временем разрозненными колоннами двинулись по направлению к Франции. Они перешли Неман у Ковно, и русские не стали преследовать их на прусской территории. Здесь около 1000 вооруженных людей и, возможно, еще 20 000 совершенно деморализованных были встречены с сочувствием. Они заняли свои квартиры и некоторое время оставались в Кенигсберге и его окрестностях в полном покое. Французская армия переправилась через Неман по льду 13 декабря, все еще обороняемая Неем, которому пришлось сражаться с русскими в Ковно. Теперь он сражался во главе всего тридцати человек и был последним бойцом французской армии, покинувшим территорию России, при этом он бросил свой мушкет в реку, бросая вызов врагу до последнего вздоха. Когда он встретился с генералом Дюма в прусской Польше, его с трудом узнали, и на вопрос, кто он такой, с красными и сверкающими глазами ответил: "Я арьергард Великой армии; я произвел последний мушкетный выстрел на мосту в Ковно!"

Те немногие, кто пережил все эти ужасы, люди, сражавшиеся во всех кампаниях Наполеона и носившие на груди крест Почетного легиона, теперь были настолько истощены голодом, что плакали, когда видели буханку хлеба!

Общие потери в этой ужасной кампании составили где-то около 450 000 человек; усталость, голод и холод привели к гибели 132 000 человек; а русские взяли в плен 193 000 человек, включая сорок восемь генералов и три тысячи офицеров полков. Орлов и штандартов, оставшихся в руках противника, было семьдесят пять, а пушечных орудий - почти тысяча.

С картины Х. Белланже

Смотр войск на площади Карусель, Париж

XIII КАМПАНИЯ 1813 ГОДА

Преждевременному похолоданию и сожжению Москвы Наполеон приписал провал своей кампании в России. Его прибытию в Тюильри предшествовал 29-й бюллетень, в котором были полностью и наглядно изложены роковые события кампании. Хотя он и не смог победить стихию, он обнаружил, что Сенат и все государственные органы полны преклонения и готовности подчиняться его приказам. Однако вскоре последовало то, что предвидели почти все проницательные люди, за исключением Наполеона, а именно союз Пруссии, России и Австрии против Франции.

Теперь требовались новые призывы, и они были приняты; полки прибыли из Испании и Италии; каждый арсенал гремел подготовкой новой артиллерии. "Удивительная энергия ума Наполеона, - говорит Скотт, - и влияние, которое он мог оказывать на умы других, никогда не были столь поразительны, как в этот период его правления. Он вернулся в центр своей империи в момент ужасного кризиса и в самом плачевном состоянии. Его подданные в течение трех недель не знали, жив он или мертв. Когда он прибыл, это означало объявить об ужасной катастрофе. * * "И все же Наполеон пришел и, казалось, всего лишь ступил на землю, и по его зову поднялись вооруженные легионы: сомнения и недовольство общественности рассеялись, как туман с восходом солнца, и та же уверенность, которая сопровождала его процветающую судьбу, возродилась в полной мере, несмотря на его недавние неудачи".

Не прошло и нескольких недель, как Наполеон снова оказался в состоянии выступить в бой с не менее чем 350 000 солдат. Таков был эффект его нового обращения к национальным чувствам французского народа. Тем временем французские гарнизоны, рассредоточенные по территории Пруссии, были совершенно неспособны внушить благоговейный страх нации,

жаждущей мести. Король пытался защитить солдат Наполеона, но вскоре стало очевидно, что их безопасность должна зависеть от того, сосредоточатся ли они в небольшом количестве укрепленных городов. Теперь Мюрат сложил с себя командование войсками, и его сменил Эжен Богарне, пользовавшийся полным доверием императора. Новый командующий обнаружил, что Фридрих Вильгельм больше не мог, даже если бы захотел, подавлять всеобщий энтузиазм пруссаков, требовавших войны. 31 января 1813 года король бежал в Бреслау, в окрестностях которого не было ни одного французского гарнизона, поднял свой штандарт и призвал нацию взяться за оружие. После этого Евгений удалился в Магдебург и заперся в этой огромной крепости с таким количеством войск, какое только смог собрать к западу от Эльбы. Когда Наполеон услышал, что Пруссия объявила войну Франции, он сказал с совершенным спокойствием: "Лучше иметь объявленного врага, чем сомнительного союзника".

Прошло уже шесть лет со дня рокового дня под Йеной, и, несмотря на всю бдительность Наполеона, прусская нация в значительной степени восстановила свою энергию. Люди откликнулись на призыв сердцем и голосом одного человека. Молодежь всех рангов, высших и низших, без разбора стекалась к знамени. Женщины складывали свои безделушки в королевскую сокровищницу, благородные мужчины растопляли свою посуду, — Англия щедрой рукой сыпала свое золото. Гром пушек Березины вселял надежды в Дом Бурбонов вплоть до Людовика XVIII. в конце концов добился опубликования в Англии и распространения по всему Континенту прокламации, в которой он обращался к народу, ловко поддерживая общее мнение, приписывавшее Наполеону затягивание войны и обещавшее, среди прочего, "отменить воинскую повинность".

Император России, как только узнал об этом великом движении, решил наступать в Силезию. Замаскировав несколько французских гарнизонов в прусской Польше и захватив другие, он двинулся со своей основной армией на поддержку Фридриха Вильгельма. Очевидно, он не собирался позволять пруссакам в одиночку противостоять первому натиску Наполеона, о масштабных приготовлениях которого знала вся Европа.

Два монарха встретились в Бреслау 15 марта. Слезы потекли по щекам Фридриха Вильгельма, когда он упал в объятия Александра. "Вытри их, - сказал царь. - это последние слезы, которые Наполеон заставит тебя пролить".

Престарелый Кутузов умер, и командование русской армией теперь перешло к Витгенштейну; в то время как командование пруссаками было поручено Блюхеру, офицеру, который первоначально обучался у великого Фридриха и который после битвы при Йене жил в отставке. Солдаты задолго до этого присвоили ему звание "Маршал Вперед" и с восторгом слышали о его назначении. Блюхер ненавидел само имя Франции и Бонапарта, и, когда ему еще раз позволили обнажить шпагу, он поклялся никогда не вкладывать ее в ножны, пока месть Пруссии не будет завершена. Бернадотт, ныне наследный принц Швеции и неблагодарный человек, обязанный Наполеону не только своим положением, но и самим своим существованием, высадился в Штральзунде и продвигался через Мекленбург, в то время как государи России и Пруссии сосредоточивали свои армии в Силезии. Было объявлено и ожидалось, что немецкие войска присоединятся к Бернадотту, чтобы дать ему возможность начать кампанию на нижней Эльбе с отдельной армией численностью в 100 000 человек. Веллингтон тоже собирался еще раз двинуться в Испанию со своими победоносными армиями. Таким образом, три великие

армии, две из которых могли легко взаимодействовать друг с другом, выступили против Наполеона одновременно.

Прежде чем император снова покинул Париж, он назначил Марию Луизу императрицей-регентшей Франции на время своего отсутствия. По мере приближения времени, когда он должен был принять командование своей армией в полевых условиях, его преданные подданные снова и снова выражали свою преданность ему и Франции. Он покинул Париж в середине апреля.

Вступая в свою молодую и неопытную армию в Эрфурте, Наполеон сказал: "Я завидую судьбе самого подлого крестьянина в моих владениях. В моем возрасте он выполнил свой долг перед своей страной и может оставаться дома, наслаждаясь обществом своей жены и детей; в то время как я— я должен лететь в лагерь и участвовать в войне. Такова моя судьба".

"Моя добрая Луиза, - сказал он в то же время, - нежная и покорная, я могу доверять ей. Ее любовь и верность мне никогда не иссякнут (!). В ходе событий могут возникнуть обстоятельства, которые решат судьбу Империи. В таком случае я надеюсь, что дочь Цезарей будет вдохновлена духом своей бабушки Марии Терезии".

За три месяца была собрана, экипирована и сведена воедино армия численностью в 350 000 человек, и генерал Сегюр говорит: "В любой час дня и ночи император, что бы он ни делал, мог сообщить численность, состав, силу каждого из тысяч подразделений каждого рода войск, которые он отправил в движение из любой части Империи, то, как они были одеты или экипированы, количество маршей, которые каждый должен был совершить, день, место и даже час, в который каждый должен был прибыть".

18-го он достиг берегов Заале, где к войскам, которые он собирал и организовывал во Франции, теперь присоединились Евгений и гарнизон Магдебурга.

Было известно, что царь и его прусский союзник находятся в Дрездене, и вскоре выяснилось, что, пока они обдумывали поход на запад, на Лейпциг, французы намеревались продвинуться на восток с целью закрепления за собой этого великого города. У него было войско численностью около 200 000 человек, сосредоточившееся для боевых действий, в то время как резервы почти такой же численности постепенно формировались позади него на Рейне. Наполеон прибыл в Эрфурт 23 апреля, в то время как маршал Ней овладевал Вайсенфельсом, после сражения, которое заставило его сказать, что "он никогда и ни за что не видел столько энтузиазма и *хладнокровия* в пехоте". И все же ветераны Аустерлица, Йены, Фридланда и Ваграма почти все были из рядов, и честь этих орлов, так долго одерживавших победы, была возложена на молодых призывников, едва знакомых с физическими упражнениями и никоим образом не привыкших к тяготам войны.

Армии встретились первого мая — раньше, чем Наполеон смел надеяться, — близ города Лютцен, прославившегося тогда как место битвы, в которой погиб король Густав-Адольф. Вечером накануне сражения маршал Бессьер форсировал ущелье близ Позерны и, когда, согласно обычаю, продвинулся в самую гущу стрелков, мушкетная пуля попала ему в грудь, и он

безжизненно распростерся на земле. Его смерть была скрыта от храбрых людей, которыми он так долго командовал и которые его очень любили, до победы следующего дня.

Союзники внезапно переправились через Эльстер под прикрытием густого утреннего тумана и атаковали левый фланг французов, которые наступали колонной и, таким образом, начали бой в невыгодных условиях. Но император так искусно изменил расположение своей армии, что еще до исхода дня союзники больше боялись оказаться обреченными на гибель в пределах двух его флангов, чем надеялись прорваться и уничтожить ту часть его сил, которую они первоначально атаковали и ослабили и которая теперь стала его центром.

Ночью конфликт был прерван, а на следующее утро противник отступил, оставив поле боя за Наполеоном. Его победа была менее полной, чем хотелось бы, хотя он потерял всего десять или двенадцать тысяч человек, в то время как союзники потеряли более двадцати тысяч.

Однако битва произвела большой моральный эффект. Наполеон, которого считали уже побежденным, снова одержал победу. Император немедленно разослал депеши всем дворам, находившимся в союзе с Францией, чтобы сообщить об этом событии. "В моих молодых солдатах, - сказал он, - я нашел всю доблесть моих старых товарищей по оружию. За двадцать лет, что я команду французскими войсками, я никогда не был свидетелем большей храбрости и преданности. Если бы все союзные монархи и министры, управляющие их кабинетами, присутствовали на поле битвы, они отказались бы от тщетной надежды заставить Звезду Франции закатиться".

Разбитые при Лютцене, Александр и король Пруссии отступили к Лейпцигу, оттуда к Дрездену и, наконец, через Эльбу к Баутцену. Отсутствие кавалерии помешало их преследованию.

Наполеон вступил в Дрезден 11 мая, а 12 мая к нему присоединился король Саксонии, который все еще поддерживал его. Саксонские войска вновь решили действовать заодно с французами. Когда Наполеон приближался к Дрездену, его встретили магистраты, которые предали его и своего короля и приветствовали союзников.

"Кто вы?" Строго спросил Наполеон.

"Члены муниципалитета", - ответили дрожащие бургомистры.

"У вас есть хлеб для моих войск?" - спросил наполеон.

"Наши ресурсы, - ответили они, - были полностью истощены реквизициями русских и пруссаков".

"Ах! - воскликнул Наполеон. - Это невозможно, не так ли? Я не знаю такого слова. Приготовьте хлеб, мясо и вино. Вы вполне заслуживаете того, чтобы с вами обращались как с покоренным народом. Но я прощаю все из уважения к вашему королю. Он - спаситель вашей страны. Вы уже были наказаны присутствием русских и пруссаков и тем, что вами управлял барон Штейн".

Став хозяином Дрездена, император, как обычно, направил союзникам предложения мирного характера, предложив созвать в Праге всеобщий конгресс для заключения мира. Однако ни Россия, ни Пруссия не захотели благосклонно выслушать то, что, по их мнению, было

признанием их неспособности реализовать свое хвастовство быстрым свержением "бича и тирана Европы и человечества".

Австрия была заслушана и выразила готовность присоединиться к коалиции при первой благоприятной возможности. В это время она в значительной степени наращивала свой военный потенциал, и большая часть войск уже была сосредоточена за гористой границей Богемии. Таким образом, Австрия получила возможность перевернуть чашу весов в любую сторону, какую бы она ни выбрала.

Теперь Наполеон был полон решимости сокрушить армию, отступившую из Лютцена, прежде чем церемонный венский кабинет успеет прийти к четкому соглашению со штаб-квартирой Александра и Фридриха Вильгельма. Наполеон ясно видел, что победа была лучшим способом заручиться помощью Австрии.

Союзники при отступлении взорвали великолепный мост через Эльбу у Дрездена, и, поскольку он был частично заменен несколькими деревянными арками, Наполеон двинулся к Баутцену и утром 21 мая оказался в поле зрения противника. Позиция союзников была почти идеальной: перед ними была река Шпрее; лесистые холмы поддерживали их справа, а возвышенности хорошо укрепляли их слева.

Действие началось с попытки повернуть их направо, но Барклай де Толли предвидел это движение и отразил его с такой энергией, что целая колонна из 7000 человек рассеялась и бежала в холмы Богемии в поисках безопасности.

Теперь Наполеон решил перейти Шпрее на глазах у противника, и они позволили ему это сделать, вместо того чтобы спускаться со своих позиций. Он расположился в городе Баутцен, и вся его армия расположилась бивуаком в присутствии союзников.

Сражение возобновилось на рассвете 22-го; когда Ней справа и Удино слева попытались одновременно обойти фланги позиции; в то время как Султ и сам Наполеон направляли атаку за атакой в центр. В течение четырех часов борьба велась с непоколебимым упорством. Лесистые высоты, которыми командовал Блюхер, были взяты и отвоеваны несколько раз, прежде чем союзники осознали необходимость отступления или поражения в сражении. В конце концов они отступили, охваченные паникой, продолжая свое отступление с такой скоростью, чтобы выиграть время для того, чтобы сплотиться на дорогах, ведущих в Богемию, поскольку все остальные дороги были перекрыты для них. Однако нехватка кавалерии снова помешала Наполеону обратить свой успех во внимание.

В течение всего следующего дня Наполеон во главе гвардейской кавалерии поощрял преследование и постоянно подставлял свою персону под самый жаркий огонь. Рядом с ним был Дюрок, великий магистр дворца — его самый близкий друг. "Дюрок, - сказал император утром в день битвы, - сегодня фортуна отвернулась от нас".

Около 7 часов вечера Дюрок беседовал на небольшом возвышении на значительном расстоянии от места стрельбы с маршалом Мортье и генералом Кирженером, — все трое были пешими, — когда пушечное ядро, нацеленное в группу, вспахало землю недалеко от Мортье, вспорол живот Дюроку и сразило генерала Кирженера насмерть на месте.

Наполеон поспешил к Дюроку, как только услышал об этом событии, и был глубоко тронут, увидев его. Последний, который все еще был в сознании, сказал императору: "Вся моя жизнь была посвящена службе вам, и я сожалею только о ее потере из-за той пользы, которую она могла бы принести вам".

- Дюрок, - ответил император, - есть другая жизнь! именно там вы будете ждать меня, и там мы однажды встретимся". — "Да, сир, но это будет через тридцать лет, когда вы одержите победу над вашими врагами и осуществите надежды вашей страны; я жил честным человеком, и мне не в чем себя упрекнуть. Я оставляю дочь, ваше величество будете ей отцом".

По просьбе самого Дюрока император удалился, чтобы избавить его от дальнейших огорчений. Наполеон приказал своим войскам остановиться, и он весь день оставался перед своей палаткой, окруженный гвардией, которая не без слез наблюдала за его страданиями. Он был рядом с Дюроком, когда тот умирал, и собственноручно начертил эпитафию, которую местный пастор должен был возложить на его останки и который получил двести наполеонов на покрытие расходов на подходящий памятник. Таким образом, закрылся 22-й день.

В ту ночь Наполеон, продиктовав отчет о битве, написал следующий указ, "о котором, - говорит Элисон, - должны сожалеть все любители искусств, а также почитатели патриотических добродетелей, поскольку его падение помешало привести его в исполнение": "На горе Сени должен быть установлен памятник; на самом видном месте должна быть сделана следующая надпись: "Император Наполеон с поля боя при Вюршен приказал установить этот памятник в знак своей благодарности народам Франции и Италии". Этот памятник будет передавать из века в век память о той великой эпохе, когда в течение трех месяцев тысяча двести тысяч человек взяли за оружие, чтобы защитить целостность Французской империи".

Союзники, хотя и занимали сильные позиции в течение большей части дня, потеряли 10 000 человек. Они продолжали отступать в Верхнюю Силезию, а Наполеон продвинулся к Бреслау и освободил гарнизон Глогау. На следующий день генерал Ренье получил новое преимущество над русскими в битве при Горлице, а 24-го маршал Ней форсировал Нейс и утром 25-го был за Квиссом, где встретился с императором.

Тем временем австрийцы, наблюдая за этими нерешительными, хотя и кровавыми сражениями и ежедневными поражениями союзников, стремились добиться перемирия, но только с целью выиграть время для восстановления сил. Государи России и Пруссии выразили готовность принять это, и Наполеон также желал мирного урегулирования своих споров до 10 августа. Он согласился на перемирие и, согласовав его условия, согласился отступить из Силезии, что позволило союзникам возобновить сообщение с Берлином. Первого июня линии перемирия, которые должны были быть заняты армиями, были подписаны, французский император вернулся в Дрезден, и общий конгресс дипломатов приготовился собраться в Праге, и только Англия отказалась прислать представителя, утверждая, что Наполеон пока не выразил намерения отступить от своей позиции в отношении Испании.

Перемирие было заключено исключительно для того, чтобы выиграть время. Успехи Наполеона, хотя и непродуктивные, были ослепительны по своему исполнению, и союзники сочли чрезвычайно важным прекратить военные действия до наступления Бернадотта и обеспечить

дополнительное время для прибытия новых подкреплений из России; для завершения прусской организации и, прежде всего, для определения политики Вены.

В то время как дипломаты низшего уровня тратили много времени на бесконечные дискуссии в Праге, одна беседа между князем Меттернихом и Наполеоном в Дрездене вывела весь вопрос на определенный уровень. Говорят, что император в ходе их разговора спросил: "Какова ваша цена? Удовлетворит ли вас Иллирия? Я только хочу, чтобы вы сохраняли нейтралитет — я могу справиться с этими русскими и пруссаками в одиночку".

Меттерних ответил, что время, когда Австрия могла сохранять нейтралитет, прошло; что необходимо учитывать ситуацию в Европе в целом. Он заявил, что Рейнская конфедерация должна быть распущена, что Франция должна довольствоваться границей по Рейну и больше не притворяться, что сохраняет свое неестественное влияние в Германии. Наполеон ответил: "Ну же, Меттерних, скажи мне честно, сколько англичане дали тебе, чтобы ты встал на их сторону против меня?"

Наконец австрийский суд направил официальный документ, содержащий его ультиматум, суть которого Меттерних изложил в своей беседе. Два закоренелых интригана, Талейран и Фуше, убедили Наполеона согласиться на предложенные условия. Их аргументы были подкреплены разведданными самого катастрофического характера из Испании. Веллингтон, поняв, что Наполеон значительно ослабил свои армии в этой стране, готовясь к своей кампании против Пруссии и России, еще раз продвинулся вперед и теперь обладал верховной властью над испанскими армиями, а также португальскими и английскими, и появился в большей силе, чем когда-либо. Французы потерпели поражение в нескольких пунктах, и 21 июня Жозеф Бонапарт и маршал Журден потерпели полное поражение, и первый теперь отступал к Пиренеям.

Бертье согласился настаивать на том, чтобы император заключил мир на предложенных условиях или стянул свои гарнизоны на Одере и Эльбе, в результате чего он усилил бы свою армию 50 000 ветеранами и отошел к Рейну. Утверждалось, что там, с такими силами, собранными на такой реке, и со всеми ресурсами Франции за спиной, он мог бы бросить вызов объединенным армиям Европы и, в худшем случае, добиться мира, который оставил бы его в безопасном владении более благородными владениями, чем те, которыми даже надеялся обладать любой из королей, его предшественников. "Десять проигранных сражений, - ответил он, - не опустили бы меня ниже, чем вы хотели бы, чтобы я опустился моим собственным добровольным поступком; но одно выигранное сражение позволяет мне захватить Берлин и Бреслау и заключить мир на условиях, соответствующих моей славе".

Наконец, Меттерних внезапно прервал все переговоры, и 12 августа Австрия объявила войну Франции. Это был акт смелого и бесстыдного вероломства; но Меттерних был щедро вознагражден за свое предательство коронованными особами Европы. Именно тогда Наполеон осознал глубину пропасти, на которую он ступил. Он жил надеждой, что его союз с Австрийским домом путем брака с Марией Луизой помешает отцу эрцгерцогини выступить против него, но в этом его постигло печальное разочарование. Теперь Австрия подписала союз, наступательный и оборонительный, с Россией и Пруссией. Так была, наконец, объединена великая коалиция. Правители народов Европы объединились и поклялись сокрушить императора Франции.

В ночь с 10-го на 11-е число ответные ракеты, летевшие с высоты на высоту вдоль границ Богемии и Силезии, возвестили всем армиям союзников о пополнении сил и немедленном

возобновлении боевых действий. Наполеон уже несколько недель находился со своей армией в Дрездене, и население наивно надеялось, что в день рождения французского императора будет подписан мир с Европой. Они подготовили великолепный праздник в его честь и в ознаменование восстановления мира. Однако их надежды были значительно ослаблены приказом о проведении праздника 10-го числа в связи с большим смотром армии. На большой равнине Остра-Гехеге, недалеко от Дрездена, были выстроены императорские войска, и в присутствии короля Саксонии, братьев императора, маршалов и высших сановников империи Наполеон провел свой последний смотр. Двадцать тысяч солдат Старой гвардии, пять тысяч из которых были верхом на прекрасных лошадях в богатых пополах, вместе со всей его огромной армией дефилировали перед своим имперским Командующим. Вечером в честь его доблестных ветеранов был устроен банкет.

Во время прекращения боевых действий с обеих сторон велись военные приготовления. Теперь у Наполеона были силы в 250 000 человек, распределенные следующим образом: Макдональд располагался со 100 000 человек в Бунцлаве, на границе Силезии; другой корпус численностью в 50 000 человек располагался в Циттау, в Лужице; Сен-Сир с 20 000 человек находился в Пирне, на большом перевале из Богемии; Удино с 60 000 человек находился в Лейпциге; в то время как с самим императором в Дрездене оставалось 25 000 человек императорской гвардии, цвет Франции.

За Эрцгебирге, или Металлическими горами, со штаб-квартирой в Праге располагалась великая армия союзников, состоящая из 120 000 австрийцев и 80 000 русских и пруссаков; главнокомандующим был австрийский генерал Шварценберг. Французские корпуса в Циттау и Пирне были готовы встретить их в случае попытки прорваться в Саксонию либо справа, либо слева от Эльбы. Вторая армия союзников, состоявшая из 80 000 русских и пруссаков, называвшаяся Силезской армией и находившаяся под командованием Блюхера, наступала на Бреслау. Наконец, наследный принц Швеции Бернадот, на которого повлияла вера в то, что он унаследует трон Франции, находился в Берлине с 30 000 своими собственными войсками и 60 000 русскими и пруссаками. Удино и Макдональд были размещены так, что он не мог приблизиться к верхней долине Эльбы, не столкнувшись с кем-нибудь из них, и у них также были средства взаимной связи и поддержки.

Наполеон, очевидно, расположил свои войска с таким расчетом, чтобы предпринимать отдельные атаки и разбивать их по частям. Однако ему противостояли генералы, которые были хорошо знакомы с его тактикой, но ни один из которых, за исключением Блюхера, не был выше посредственности в полководческом мастерстве. Три союзных командующих подготовили контрразведку, чтобы сорвать его планы, договорившись, что на кого бы из них ни напали французы первыми, они ни в коем случае не должны принимать бой, а отступать; таким образом, лично соблазняя Наполеона последовать за ними, оставив Дрезден открытым для нападения какой-либо другой крупной ветви их союзников, и дать им возможность сразу захватить все его склады, нарушить коммуникации между оставшимися дивизиями его армии и нанести удар вражеским силам в тыл им всем - между Эльбой и Рейном.

Считается, что этот план кампании был составлен двумя старыми маршалами Наполеона — Бернадотом и Моро - оба предатели. Последний только что вернулся из Америки по приглашению императора Александра, куда он отправился после ссылки, и присоединился к союзникам в их войне против французского императора.

Первое движение предпринял Блюхер, и как только Наполеон осознал, что он угрожает позициям Макдональда, он покинул Дрезден. Он ушел со своей гвардией и мощным отрядом кавалерии 15 августа и отправился на поддержку своего маршала. Прусский командующий точно придерживался общего плана и отступил за реку Кацбах перед лицом своих врагов. Преследуя его, Наполеон получил информацию, что Шварценберг бросился вниз с богемских холмов и, оставив Блюхера на попечение Макдональда, отправил свою охрану обратно в Дрезден, сам отправившись в тот же пункт 23 числа.

Шварценберг появился на высотах к югу от саксонской столицы 25-го числа, прогнав перед собой Сен-Сира и его 20 000 человек.

Армии ул. Сир бросил себя в городе Дрездене, а 26 обрушивался в шесть колонн, каждый более многочисленными, чем ее гарнизон. Французский маршал уже почти начал отчаиваться, когда появилась императорская гвардия, пересекавшая мост с восточного берега Эльбы, и среди них был сам император. Его прибытие было весьма своевременным, и две вылазки, совершенные этими войсками, разгоряченными и уставшими от долгого и утомительного марша, заставили союзников отступить на некоторое расстояние. Затем наступила ночь, и две армии оставались очень близко друг к другу до следующего утра, когда битва возобновилась среди штормового ветра и дождя.

С рисунка Ф. Гренье

Восстание в Мадриде

Император, совершив самые феноменальные действия, собрал теперь вокруг себя 200 000 человек, и он с таким мастерством обрушил их на оба фланга линии противника, что еще до конца дня они были вынуждены отступить. В 3 часа дня битва при Дрездене была окончательно выиграна для Наполеона. Союзные монархи, которым угрожала потеря сообщения с Богемией,

были вынуждены обеспечить свою безопасность и отступить, оставив во власти Завоевателя от двадцати пяти до тридцати тысяч пленных, сорок знамен и шестьдесят пушек.

Наполеон оставался на поле боя до тех пор, пока его победа не была предрешена, а затем вернулся в Дрезден верхом; с его серого сюртука и поношенной шляпы стекала вода, и весь его внешний вид составлял разительный контраст с Мюратом, который ехал рядом с ним во всем великолепии своего обычного боевого облачения. Последний, однако, особенно отличился во время этой акции.

С обеих сторон было убито или ранено 8000 человек, а один из самых способных вражеских генералов - Моро — пал. Рано утром Наполеон заметил группу офицеров-разведчиков и приказал немедленно подготовить десять пушек. Ему показалось, что он узнал в этой группе "предателя Моро". Он немедленно приказал направить тяжелые орудия, заряженные со всей их мощностью, в этом направлении. Он руководил операцией и сам определил угол возвышения, цель и момент для выстрела. Десять орудий взорвались одновременно, вызвав шквал пушечных выстрелов над головами сражающихся армий. За этим последовало движение, которое, как считалось, указывало на то, что был ранен какой-то важный человек.

Вечером пришел крестьянин и принес с собой окровавленный сапог и серую гончую, которые, по его словам, принадлежали великому человеку, которого больше нет; на ошейнике собаки было написано: "Я принадлежу генералу Моро". Моро был мертв. Обе его ноги были отстрелены. Говорят, что он продолжал курить сигару, пока хирург перевязывал его раны в присутствии Александра, и вскоре после этого скончался.

Усталость, которой подвергся Наполеон в период с 15 по 28 августа, теперь одолела его, и он не смог оставаться с колоннами в тылу Шварценберга, а вернулся в Дрезден. Здесь он узнал о неудаче Вандама в сражении в долине Кульм с прусским корпусом под командованием графа Д'Остермана, в котором французский лейтенант сложил оружие с 8000 пленными. Это известие дошло до Наполеона, все еще больного, в Дрездене. "Такова, — сказал он Мюрату, - удача войны: утром высоко, вечером низко; между триумфом и гибелью всего один шаг".

Как только Блюхер понял, что Наполеон отступил из Силезии, он возобновил наступление, все еще следуя совету Моро: "атакуйте Наполеона там, где его нет!" - и спустился с позиции, которую он занял у Яуэра. 26 августа он столкнулся с Макдональдом, который никоим образом не был готов к встрече с ним, на равнинах между Вальштадтом и рекой Кацбах и после дня тяжелых боев одержал полную победу. Французы потеряли 15 000 человек и 100 орудий и отступили к Дрездену. Удино потерпел поражение 23 августа от Бернадотта при Гросс-Бирене, а Ней потерпел такое же поражение 7 сентября при Денневице, оставив в руках Бернадотта 10 000 пленных и сорок шесть орудий.

Теперь Наполеон восстановил свое здоровье и активность, и усилия, приложенные им в то время, никогда не были превзойдены даже им самим. 3 сентября он отправился на поиски Блюхера, который к этому времени продвинулся ближе к Эльбе, но пруссаки отступили и, как и прежде, сбили его с толку. Вернувшись в Дрезден, он получил известие о Денневице и сразу же после этого услышал, что Витгенштейн во второй раз спустился к Пирне. Он вылетел туда в тот

же миг, как русские уступили, согласно плану кампании, и Наполеон снова вернулся в Дрезден. И снова ему сообщили, что Блюхер, с одной стороны, и Витгенштейн, с другой, воспользовались его отсутствием и наступают. Он снова вернулся в Пирну; в третий раз русский отступил. Наполеон последовал за ним до Петерсвальда и снова вернулся на свой центральный пункт.

Бернадотт и Блюхер, наконец, осуществили соединение к западу от Эльбы, несмотря на героические усилия Нея, который, став свидетелем соединения этих армий, отступил к Лейпцигу. Теперь Наполеон приказал Ренье и Бертрону внезапно выступить из Дрездена в Берлин в надежде отозвать Блюхера, но безуспешно. Тем временем было обнаружено, что Шварценберг огибает холмы на западе, как будто с целью присоединиться к Блюхеру и Бернадотту в окрестностях Лейпцига.

Стало очевидно, что Лейпциг теперь становится общим центром, к которому стягиваются силы Франции и всех ее врагов. Наполеон достиг этого почтенного города 15 октября, и почти сразу же с юга начали появляться головы колонн Шварценберга. Наполеон, сделав все свои приготовления, лично осмотрел каждый аванпост и раздал орлов некоторым новым полкам, которые только что присоединились к нему. Молодые солдаты с пышной церемонией поклялись скорее умереть, чем стать свидетелями бесчестия Франции. Пятьсот тысяч человек находились теперь друг против друга под стенами или в окрестностях Лейпцига, и грандиозное сражение стало неизбежным.

В полночь три ракеты, испускающие яркий белый свет, взмыли в небо к югу от города. Они обозначали позицию, на которой Шварценберг, имея при себе императора Австрии, а также Александра и Фридриха Вильгельма, расположил свою штаб-квартиру. Им ответили четырьмя ракетами темно-красного цвета, поднявшимися из-за северного горизонта.

Теперь Наполеон убедился, что завтра ему предстоит выдержать атаку Блюхера и Бернадотта, а также великой армии союзников. Блюхер действительно был готов сотрудничать со Шварценбергом, и хотя кронпринц еще не достиг своих позиций, численный состав противника был очень велик. Наполеон имел при себе для защиты линии деревень к северу и югу от Лейпцига 134 000 пехотинцев и 22 000 кавалеристов; в то время как даже в отсутствие Бернадотта, которого можно было искать ежечасно, союзники собрали не менее 340 000 бойцов, включая 54 000 кавалеристов.

На рассвете 16 октября началось сражение на южной стороне, союзники атаковали там французскую линию шесть раз подряд и так же часто были отбиты. Но императору было недостаточно успешно сопротивляться и удерживать свои позиции; он больше, чем когда-либо, нуждался в сигнальном триумфе, в решительной победе; и когда его враги потерпели неудачу в своей первой атаке, именно он должен был быстро атаковать их по очереди, не давая им времени остановить беспорядок и уныние в их колоннах и заменить свежими войсками усталых и побитых солдат; и это Наполеон и сделал. Он сразу же бросился в атаку, причем с таким успехом, что кавалерия Мюрата в какой-то момент оказалась в большом промежутке между двумя флангами противника. Однако казаки Русской императорской гвардии столкнулись с французской кавалерией и снова отбросили ее назад, спасая армию союзников от полного разгрома. Бой бушевал без перерыва до наступления темноты, когда обе армии расположились бивуаками именно там, где их застал утренний свет. "Союзники были так многочисленны, - сказал Наполеон на острове Святой Елены, - что, когда их войска уставали, их регулярно

сменяли, как на парадном строю!" При таком численном превосходстве их едва ли можно было окончательно разбить; поэтому, несмотря на чудеса доблести, проявленные французской армией, победа оставалась почти нерешенной. В центре и справа французы сохранили свои позиции, но на левом фланге предательство заставило их сдать позиции.

Мармон командовал на этой стороне. Блюхер атаковал его значительно превосходящими по численности силами, и хотя ничто не могло быть более упорным, чем его оборона, он потерял много пленных и орудий, был вытеснен со своих первоначальных позиций и на исходе дня занял новую позицию, гораздо ближе к стенам города.

Наполеон убедился, что он должен наконец отступить из Лейпцига, и теперь предпринял попытку добиться мира. Генерал Мерфельд, тот самый австрийский офицер, который пришел в свою штаб-квартиру после битвы при Аустерлице, чтобы помолиться о перемирии со стороны императора Франциска, был взят в плен в течение дня, и Наполеон решил использовать его в качестве своего посыльного. Мерфельд сообщил ему, что король Баварии наконец присоединился к союзу, что значительно усилило его недоумение при обнаружении нового врага, дислоцированного на пути его похода во Францию.

Император попросил австрийца обратиться за личным вмешательством Франциска. "Я откажусь от Польши и Иллирии, - сказал он, - Голландии, Ганзейских городов и Испании. Я соглашусь потерять суверенитет королевства Италия при условии, что это государство останется независимым, и я эвакуирую всю Германию. Adieu! Граф Мерфельд. Когда вы, со своей стороны, произнесете слово "перемирие" в адрес двух императоров, я не сомневаюсь, что этот звук пробудит у многих воспоминания.

Наполеон не получил ответа на свое послание. Союзные принцы поклялись друг другу не заключать никаких договоров, пока один французский солдат остается на восточном берегу Рейна. Поэтому он приготовился к трудной задаче отступления со 100 000 человек через переполненный город в присутствии врага, уже вдвое превосходящего его по численности, и в ежечасном ожидании, что к нему присоединится третья великая и победоносная армия. В течение 17-го битва не возобновлялась, за исключением отдаленной и частичной канонады. Союзники были полны решимости заручиться поддержкой Бернадотта в решающем сражении.

Утром 18-го числа бой снова начался около 8 часов и продолжался до наступления темноты без перерыва. Никогда полководчество Наполеона и доблесть его войск не подвергались более тщательному испытанию, чем в этот ужасный день. Он снова командовал наступлением на юг, и снова, несмотря на огромное численное превосходство противника, французы удерживали свои позиции до конца. На севере прибытие Бернадотта позволило Блюхеру использовать свои преимущества с неотразимым эффектом; а положение Мармона и Нея было еще более осложнено позорным дезертирством 12 000 саксонцев, которые перешли со всей своей артиллерией на сторону противника в самый разгар сражения. Эти саксонцы, составлявшие почти треть левого фланга, перебежали к русским, ворвались в их ряды и по просьбе Бернадотта обрушили свою артиллерию на французов, своих товарищей по оружию, которых они только что бросили!

Потери с обеих сторон были очень велики. Армия Наполеона состояла в основном из очень молодых людей, многие были просто мальчиками, но они сражались так же храбро, как гвардия. Неудача императора была отчасти вызвана нехваткой боеприпасов; так как в течение пяти дней

его войска произвели более двухсот пятидесяти тысяч выстрелов, и их не хватило, чтобы продолжать стрельбу еще на два часа. Поскольку ближайшие резервы находились в Магдебурге и Эрфурте, Наполеон решил двинуться к последнему месту. В полночь он отдал приказ о начале неизбежного отступления, и, пока длилась темнота, войска продолжали проходить через город и по двум мостам, через Плейссу, за его стенами. Один из этих мостов был временным сооружением и обрушился еще до наступления рассвета, чтобы показать врагу движение отступающих французов.

Неразбериха, неизбежно сопровождавшая марш целой армии по узким улицам и по единственному мосту, была ужасающей. Союзники атаковали ворота с обеих сторон, и, если бы не героизм Макдональда и Понятовского, которым Наполеон доверил оборону пригородов, сомнительно, смог бы он сам спастись бегством. В 9 часов утра 19-го Наполеон попрощался с королем Саксонии, который все это время оставался в самом сердце своего древнего города. Королю оставалось заключить любые возможные условия с союзными монархами.

Битва теперь бушевала по всему периметру стен, и в 11 часов союзники собрались у моста. Офицер, которому Наполеон поручил взорвать сооружение, когда наступление противника сделало бы это необходимым, поджег поезд слишком рано. Толпу людей, подталкивавших друг друга к безопасному месту, нельзя было сразу остановить, и солдаты, лошади и пушки кубарем скатились в глубокую, но узкую реку. Маршал Макдональд благополучно переплыл реку, но доблестный Понятовский, который дюйм за дюймом защищал предместья и был дважды ранен, прежде чем бросил свою лошадь в поток, утонул и больше не поднялся. Этот приказ был отдан Понятовскому самим императором: "Принц, - сказал ему Наполеон, - вы будете защищать южное предместье". "Сир, - ответил он, - у меня мало людей". "Ах! что ж! вы будете защищаться тем, что у вас есть". "Ах! Сир, мы сохраним это! Мы всегда готовы погибнуть за ваше величество". Прославленный, несчастный поляк сдержал свое слово; он больше никогда не видел императора. Позже Наполеон сказал о нем: "Понятовский был благородным человеком, благородным и храбрым. Если бы я преуспел в России, я намеревался сделать его королем Польши".

Тело принца было найдено рыбаком на пятый день. На нем был парадный мундир, эполеты которого были усыпаны бриллиантами, а на пальцах красовалось несколько колец, усыпанных бриллиантами, а в карманах лежали табакерки значительной ценности и другие безделушки. Многие из них были охотно приобретены польскими офицерами, попавшими в плен. Двадцать пять тысяч французов, которым пути к отступлению были полностью отрезаны, теперь сложили оружие в городе, имея при себе более двухсот пушек. Убитыми, ранеными и пленными Наполеон потерял под Лейпцигом по меньшей мере 50 000 человек.

"Это поражение под Лейпцигом, - говорит Сент-Аман, - было для Наполеона сочетанием горя и неожиданности. Из всех сражений, в которых он участвовал, это было первое, которое он проиграл. До того времени он мог похвастаться, что если бы он был побежден стихией, то никогда не был побежден человеком; и теперь ему предстояло самому познать страдания, которые он причинил другим. Ему предстояло на личном опыте познать горечь поражения, муку отступления, отчаяние от бесполезного кровопролития. Война, которая до этого времени была источником удовлетворения его беспримерной гордости, теперь показала ему свои ужасы, с их унижениями и невыразимой тоской. Пробил час, когда он мог с запозданием размышлять о пустоте гения и славы, об опьянении гордыней, вскружившем ему голову".

Отступление французов через Саксонию стало печальным завершением благоприятного начала, которым император начал кампанию. Наполеон вел себя как подобает великому среди великих несчастий; он всегда казался спокойным и самообладающим, каждый день получая новые вести о зле, поскольку крестьянство было враждебно, припасов не хватало, и к этому добавлялось упорное преследование казаков, которые атаковали при каждом удобном случае.

Император остановился на два дня в Эрфурте, где были созданы обширные склады, употребив всю свою энергию на восстановление дисциплины. 25 октября 1813 года он возобновил свой поход к Рейну. Австро-баварцы поспешили ему навстречу и заняли позицию в лесу близ Ханау еще до того, как император достиг Майна. Он подошел к ним утром 30-го, и его войска немедленно бросились в атаку с яростью отчаяния. Наполеон прорвался до наступления ночи, и Мармон с арьергардом добился такого же успеха 31-го. В этих боях французы потеряли 6000 человек, но противник имел 10 000 убитых или раненых и потерял 4000 пленных.

Мельница на реке Кинциг, протекающей за пределами города, была ареной многих отчаянных схваток. Здесь французы вытеснили баварцев на берег, сбросив сотни человек в глубокий поток. Мельник, однако, рискуя своей жизнью, в конце концов хладнокровно вышел под градом пуль и закрыл шлюзы, чтобы предоставить баварцам безопасное отступление через мельничную плотину. Сторона города, примыкающая к месту сражения, постоянно захватывалась и отвоевывалась противоборствующими армиями, и в течение ночи 30-го контрольное слово менялось не менее семи раз. Шесть австро-баварских генералов были убиты или ранены, а пушки и знамена остались во власти завоевателя.

Преследование Наполеона, которое было поручено австрийцам, было далеко не энергичным, и в битве при Ханау не последовало никаких серьезных неприятностей. Остатки французского войска, численность которого теперь составляла 60 000 человек, наконец перешли Рейн; и император, покинув их в Майнце, прибыл в Париж 9 ноября.

XIV ВТОРЖЕНИЕ Во ФРАНЦИЮ

В результате поражения императора в кампании 1813 года Рейнская конфедерация была распущена навсегда. Принцам, примкнувшим к этой лиге, теперь разрешалось просить прощения, принося годовой доход и двойную воинскую повинность под знамена союзников. Бернадотт повернул из Лейпцига, чтобы сократить гарнизоны, которые Наполеон не считал нужным привлекать, и один за другим они пали, хотя в большинстве случаев, особенно в Данциге, Виртемберге и Гамбурге, сопротивление было упорным и длительным.

Наследный принц Швеции, ставший свидетелем взятия некоторых из этих крепостей и доверивший осаду другим своим лейтенантам, вторгся в Данию, и правительство этой страны разорвало свою давнюю связь с Наполеоном по договору, заключенному в Киле 14 января 1814 года. Швеция уступила Померанию Дании; Дания уступила Норвегию Швеции; и, когда 10 000

датских солдат присоединились к его штандарту, Бернадот повернулся лицом к Нидерландам. Голландия также подняла восстание после Лейпцига, принц Оранский с триумфом вернулся из Англии и взял на себя управление делами в ноябре следующего года. На стороне Италии Эжен Богарне был вытеснен за пределы Адидже австрийской армией во главе с генералом Хиллером, и было совершенно маловероятно, что он мог надеяться удержать Ломбардию надолго. К довершению замешательства Наполеона, его шурин Мюрат вел переговоры с Австрией и был готов, при условии, что Неаполь будет гарантирован ему, направить силы этого государства на сторону Конфедерации. За Пиренеями Сульт, посланный из Дрездена, чтобы, если возможно, восстановить силы армии, разбитой в июне при Виттории, потерпел двойное поражение; крепости пали, и, за исключением отдельных и теперь бесполезных сил под командованием Сюше в Каталонии, в Испании больше не осталось ни одного французского солдата.

Таковы были вести, которые достигли Наполеона с его итальянской и испанской границ в тот самый момент, когда ему было необходимо выступить против русских, австрийцев и немцев, в основном вооруженных и снабжаемых за счет Англии, и теперь быстро сосредоточившихся тремя большими группами в разных пунктах долины Рейна. Роялисты также неутомимо проявляли себя в столице и провинциях, восстановив значительную долю своего прежнего влияния в парижском обществе еще до русской экспедиции. Принцы Бурбонов с надеждой наблюдали за ходом событий. Республиканцы, тем временем, не бездействовали. Они уже давно отделились от Наполеона из-за того, что он присвоил себе императорское достоинство, учредил ордена и дворянство и заключил союз с Австрийским домом; эти люди наблюдали, едва ли с меньшим восторгом, чем роялисты, за чередой неудач, следовавших за Наполеоном в его последних двух кампаниях. Наконец, немало собственных министров и генералов Наполеона были хорошо подготовлены к тому, чтобы принять участие в его свержении. Талейран и другие, уступающие ему лишь по влиянию, поддерживали связь с бурбонами еще до того, как союзники перешли Рейн. "И вот тогда, - сказал Наполеон, - я почувствовал, что поводья выскальзывают у меня из рук".

Союзные князья издали во Франкфурте манифест 1 декабря, в котором монархи заявили о своей вере в то, что в интересах Европы Франция должна оставаться могущественным государством, и о своей готовности уступить ей, даже сейчас, большую территорию, чем когда-либо требовали короли Бурбоны, а именно границы по Рейну, Альпам и Пиренеям. Их целью при вторжении во Францию было положить конец власти, которую Наполеон узурпировал над другими нациями. Враждебность Европы, говорили они, направлена не против Франции, а против Наполеона, и даже что касается Наполеона, то не против его личности, а против его системы. Эти условия были предложены самому императору, и хотя он уполномочил Коленкура начать переговоры от его имени, это было сделано лишь для того, чтобы выиграть время.

Военные операции Наполеона теперь проводились с неослабевающей энергией. Требовались и удовлетворялись новые призывы; каждый арсенал гудел о производстве оружия. Пресса была полностью взбудоражена и своим могучим голосом предостерегала союзников от вторжения на священную землю Франции. Однако французский сенат проявил некоторую неохоту; они осмелились намекнуть императору, что древняя Франция останется за ним, даже если он примет предложения союзников. "Как вам не стыдно! - воскликнул император. - Веллингтон вторгся на юг, русские угрожают северной границе, пруссаки, австрийцы и баварцы - восточной.

Позор! Веллингтон во Франции, и мы не восстали *в массовом порядке*, чтобы прогнать его обратно! Все мои союзники дезертировали — баварец предал меня. Мира не будет, пока мы не сожжем Мюнхен! Я требую рекрутинга в 300 000 человек — с этим и тем, что у меня уже есть, я увижу миллион вооруженных людей. Я создам лагерь на 100 000 человек в Бордо; другой - в Менце; третий - в Лионе. Но мне нужны взрослые мужчины: эти мальчики служат только для того, чтобы загромождать больницы и обочины дорог. Покиньте Голландию! Скорее верните его морю! Сенаторы, необходимо придать импульс — все должны выступить — вы отцы семейств, главы нации, вы должны подать пример. Мир! Я не слышу ни о чем, кроме мира, когда все вокруг должно отзываться эхом на призыв к войне!"

Сенат составил и представил доклад, который вновь вызвал гнев императора. Он открыто упрекнул их в намерении приобрести бесславную легкость для себя за счет его чести. "В своем обращении, - сказал он, - вы стремитесь отделить суверена от нации. Я один являюсь представителем народа. И кто из вас мог бы взвалить на себя подобное бремя? Трон сделан из дерева, покрытого бархатом. Если бы я верил вам, я бы уступил врагу больше, чем он требует; через три месяца у вас будет мир, или я погибну. Наши враги настроены против меня более озлобленно, чем против Франции, но только на этом основании можно ли допустить, чтобы я расчленил государство? Не жертвуйте моей гордостью и моим достоинством ради достижения мира. Да, я горжусь, потому что я смелый; я горжусь, потому что я сделал великие дела для Франции. * * - Вы хотели облить меня грязью, но я один из тех людей, которых можно убить, но которые не обещены."

"Возвращайтесь по домам * * * даже если предположить, что я был неправ, не было повода публично упрекать меня; грязное белье следует стирать дома. Что касается остального, то *Франция нуждается во мне больше, чем я во Франции*."

Произнеся эти слова, император отправился в свой государственный совет и там осудил Законодательный сенат как состоящий на одну часть из предателей и на одиннадцать из обманутых. "Вместо того, чтобы помогать, - сказал он, - они препятствуют мне. Одно наше отношение могло бы отразить нападение врага — они приглашают его. Нам следовало бы выставить себя напоказ — они наносят ему открытые раны. Я не допущу, чтобы их отчет был напечатан. Они не выполнили свой долг, но я выполню свой — я распускаю Законодательный Сенат!"

Теперь папа был освобожден из своего заключения и вернулся в Рим, который он нашел в руках Мюрата, который к тому времени заключил свой договор с Франциском и продвигался на север Италии с целью сотрудничества в кампании против Богарне, с одной стороны, с австрийцами, а с другой - с английскими войсками, недавно высадившимися в Ливорно под командованием лорда Уильяма Бентинка. Фердинанд также вернулся в Испанию после пяти лет плена под всеобщие аплодисменты. "Когда вице-король (Евгений) впервые сообщил об измене Мюрата, - говорит Буррьен, - император отказался в это поверить. "Нет! - воскликнул он, обращаясь к окружавшим его людям. - Этого не может быть! Мюрат, которому я отдал свою сестру! Юджина, должно быть, дезинформировали. Невозможно, чтобы Мюрат выступил против меня". Однако это было не только возможно, но и правдиво". Как говорит Сент-Аман Уэлл, говоря о дезертирстве Мюрата: "Он мог бы объединить свои силы с силами принца Евгения и нанести

удар вторжению в тыл; он спас бы Французскую империю; он умер бы на троне, овеянный славой, вместо того, чтобы быть застреленным!"

Какое-то время жители приграничных французских провинций считали невозможным, чтобы какая-либо иностранная армия осмелилась вторгнуться на их территорию, и только после того, как 20 декабря Шварценберг пересек Рейн между Базелем и Шаффхаузеном, они захотели поверить в искренность союзников и их решимость перенести войну в саму Францию. Не обращая внимания на заявление швейцарцев о сохранении нейтралитета, Шварценберг прошел через эту территорию со своей великой армией, не встретив сопротивления, что само по себе было непростительным поступком, и начал проявлять себя во Франш—Компте, в Бургундии, даже у ворот Дижона.

1 января 1814 года силезская армия под командованием Блюхера форсировала реку в различных пунктах между Раштадтом и Кобленцем; и вскоре после этого северная армия под командованием Вицингероде и Бюлова начала прорываться к границе Нидерландов.

Веллингтон перешел Пиренеи и Рейн тремя могущественными войсками, насчитывавшими в общей сложности 300 000 человек и включавшими представителей всех языков и племен, от вестфальских немцев до самых диких варваров Татарии. "Семьсот тысяч человек, - говорит Дюма, - обученных самим своим поражениям в великой школе наполеоновских войн, продвигались в сердце Франции, минув все укрепленные пункты и отвечая друг другу единым криком: "Париж! Париж!"

По мере своего продвижения союзники повсюду провозглашали, что они пришли как друзья, а не враги французской нации, и что любой крестьянин, взявший в руки оружие, чтобы противостоять им, должен быть доволен обращением с разбойниками; это вопиющее нарушение самых священных и неотъемлемых прав человечества.

Между тем, с каждым днем все ближе и ближе накатывал поток вторжения, сметая перед собой, при незначительном сопротивлении, различные корпуса, оставленные наблюдать за Рейном. Ней, Мармон, Виктор и Мортье, командовавшие в общей сложности примерно 50 000 человек, по необходимости отступили перед врагом.

С картины Х. Белланже

Наполеон в битве при Ваграме

Теперь стало очевидно, что союзники решили перенести войну во внутренние районы страны, не дожидаясь взятия крупных крепостей на Рейнской границе. Они прошли дальше с войсками, в подавляющем большинстве превосходящими силы всех лейтенантов Наполеона, которые отступили, сопровождаемые толпами деревенского населения, устремившимися к Парижу на любых видах транспорта. Телеги и повозки, наполненные перепуганными женщинами и детьми, заполнили все улицы, ведущие в столицу.

Теперь император решил нарушить молчание перед парижанами и приготовился вновь выступить на поле боя. 22 января 1814 года появились официальные новости о вторжении. На следующее утро — в воскресенье — офицеры Национальной гвардии в количестве девятисот человек были вызваны в Тюильри. Наполеон занял свое место в центре зала, и немедленно рядом с ним появилась императрица со своим сыном, королем Рима, которого несла на руках графиня Монтескью.

"Господа, - сказал император, - Франция захвачена; я иду встать во главе своих войск и с божьей помощью и их доблестью надеюсь вскоре изгнать врага за границу". Здесь он взял Марию Луизу за одну руку, а ее сына за другую и продолжил: "Но если они приблизятся к столице, я доверяю Национальной гвардии императрицу и короля Рима — мою жену и моего ребенка!" — Несколько офицеров поднялись со своих мест и подошли со слезами на глазах.

Император провел часть 24 января на смотре войск во дворе Тюильри, пока шел снег, и в 3 часа утра 25-го снова покинул свою столицу, предварительно сожгв свои самые секретные бумаги и в последний раз обняв жену и сына, чтобы начать свой пятнадцатый поход. Тьер говорит об этом прощании: "Наполеон, уходя, не сознавая, что обнимает их в последний раз, нежно обнял свою жену и сына. Его жена была в слезах и боялась, что больше никогда его не увидит. На самом деле ей было суждено никогда его не увидеть, хотя вражеские пули не должны были убить его. Она, конечно, была бы очень удивлена, если бы ей сказали, что этот муж, в то время предмет всех ее забот, должен был умереть на далеком острове, в плену у Европы, забытый ею. Что

касается его самого, то никакое предсказание не удивило бы его, будь то самое жестокое дезертирство или самая пылкая преданность, — ибо он ожидал от людей чего угодно; он знал их до глубины души, хотя и обращался с ними так, как будто не знал, каковы они на самом деле".

Император снова назначил Марию Луизу императрицей-регентшей, поставил своего брата Жозефа во главе ее совета, отдал приказы усилить военную оборону вокруг Парижа и переоборудовать многие общественные здания в больницы. Он прибыл в Шалон до полуночи и обнаружил, что Шварценберг с 97 000 человек и Блюхер с 40 000 человек теперь занимают почти полную линию между Марной и Сеной. Блюхер находился поблизости от себя и немедленно решил атаковать правый фланг силезской армии, которая продвигалась вниз по долине Марны, в то время как ее центр держался параллельного течения Об, — прежде чем прусский маршал сможет сосредоточить все свои силы или получить поддержку Шварценберга, который продвигался вниз по Сене к Бару.

27 января при Сен—Дизье произошла острая перестрелка; и Блюхер, совершивший за последние два дня всевозможные бесчинства, предупрежденный о прибытии Наполеона, немедленно созвал свои отряды и занял оборонительный пост в Бриенне - том самом городе, где Бонапарт получил свое военное образование.

Император прошел через густой лес к месту своих юношеских занятий и появился там 29-го, продвигаясь так быстро, что Блюхер был на обеде в замке, когда французы с грохотом ломились в его ворота, и с трудом выбрался в тыл через проход пешком и во главе своего штаба.

Захватчики мужественно удерживали свои позиции в городе, и несколько казаков бросились в тыл французам, император был вовлечен в схватку; он быстро обнажил шпагу и сражался как рядовой драгун, а генерал Гурго застрелил казака, когда тот вонзал копье в спину Наполеона. Город Бриенн был сожжен пруссаками дотла, чтобы прикрыть их отступление.

Русский командующий Алсусьев и Харденберг, племянник канцлера Пруссии, были взяты в плен, и с обеих сторон произошла значительная резня. Блюхер отступил дальше вверх по реке Об с потерей 4000 человек и расположился у Ла-Ротьера, где Шварценберг, предупрежденный канонадой, поспешил оказать ему содействие.

Находясь на острове Святой Елены, Наполеон сказал, что во время атаки казаков в Бриенне, защищаясь со шпагой в руке, он узнал особое дерево, под которым, когда был мальчиком, сидел и читал "Освобожденный Иерусалим" Тассо. В те дни это поле было частью студенческой тренировочной площадки, а замок, откуда Блюхеру с таким трудом удалось сбежать, - их жилищем.

Блюхер перешел в наступление, присоединившись к Шварценбергу, и 1 февраля атаковал арьергард французской армии. Гордые своим численным превосходством, они рассчитывали на легкую победу. Сражение длилось весь день. С наступлением темноты французы остались на своих исходных позициях. Однако была взята орудийная батарея, и Наполеон потерял в этом бою семьдесят три орудия и около сотни пленных, не считая множества убитых и раненых. Результат этой акции был равнозначен поражению французской армии. Канониры спасли себя вместе со своим багажом, сформировав эскадрон и приняв энергичные бои, как только поняли, что нет времени использовать свои орудия.

Битва при Бриенне и оборона Ла-Ротьера, Дьенвиля и Ла-Гибери блестяще открыли кампанию, но в распоряжении Блюхера и Шварценберга были такие значительные силы, что Наполеон мог опасаться быть окруженным или отрезанным от своей столицы, если он будет упорствовать в сохранении своих позиций в окрестностях Бриенна. Теперь союзники окончательно решили двинуться на Париж.

В то время как дивизия Мармона отступала вниз по реке Об перед Блюхером, сам Наполеон нанес удар через всю страну к Труа, который, как он имел основания опасаться, должен был быть немедленно занят Шварценбергом. Здесь к нему присоединился значительный отряд его гвардии, в отличном порядке и расположении духа, чье появление в значительной степени восстановило уверенность войск, участвовавших в обороне Ла-Ротьера. 3 февраля император получил депешу от Коленкура, в которой сообщалось, что лорд Каслри, английский государственный секретарь по иностранным делам, прибыл в ставку союзников, что переговоры должны быть возобновлены на следующее утро в Шатийоне, и содержалась просьба к нему четко указать, какой ценой он был бы готов купить мир.

Наполеон в ответ предоставил Коленкуру все полномочия делать все необходимое "для продолжения переговоров и спасения столицы". Герцог не желал действовать на столь широкой основе и снова вернулся за конкретными подробностями о целях императора.

Штаб-квартира Наполеона находилась в Ножане, на берегу Сены, в нескольких лье ниже Труа, когда вечером 8 февраля до него дошла депеша, и его советники убеждали его воспользоваться этой, вероятно, последней возможностью. Его убедили согласиться оставить Бельгию, левое побережье Рейна, Италию и Пьемонт, но ночью после консультаций, еще до того, как ультиматум был подписан, он получил информацию, которая заставила его изменить все свои взгляды. Когда Маре навестил его с готовыми к подписанию депешами, Наполеон склонился над своими картами, прослеживая маршрут Блюхера на Париж. "А, вот и ты!" - воскликнул он, когда вошла Марет. "но сейчас я думаю о чем—то совсем другом - я обыгрываю Блюхера на карте. Он продвигается по дороге на Монмирайль; я отправлюсь и разобью его завтра. Если это движение окажется таким успешным, как я ожидаю, положение дел полностью изменится, и тогда мы посмотрим, что можно сделать".

Императору стало известно, что Блюхер, вместо того чтобы продолжать свой марш вниз по Обу и поддерживать связь со Шварценбергом на Сене, перебросил всю свою армию на Марну и теперь продвигался к Парижу по дороге Монмирай.

Разделение союзниками своих сил было большой ошибкой, и император, сразу же заметивший это, не смог устоять перед искушением предпринять еще одно военное усилие. Поэтому Наполеон отказался подписать депешу утром 9-го и, оставив небольшие силы для защиты мостов через Сену у Ножана и Бре, начал свой марш с основными силами своей армии на Сезанн, подготовившись к одному из самых экстраординарных и успешных маневров, которые когда-либо были зарегистрированы в анналах войны.

Было пройдено сорок миль по труднопроходимой местности, обычно считавшейся непроходимой зимой, прежде чем войска остановились с наступлением темноты. На следующее утро армия двинулась снова с такой же быстротой и, наконец, вышла на дорогу, по которой наступала армия Блюхера, у Шампобера.

Центральная дивизия проходила мимо, когда в этом месте внезапно появился Наполеон, и они были совершенно неспособны противостоять его атаке. Они в замешательстве рассеялись с большими потерями и бежали в сторону Марны. Главнокомандующий Усувьев во главе двенадцати полков был полностью разгромлен. Он был взят в плен вместе с 6000 его людей, а остальные утонули в болоте или были убиты на поле боя. Сорок орудий, а также все боеприпасы и обоз были оставлены во власти победителя. Теперь Наполеон поставил свою армию между передовым охранением силезской армии под командованием Сакена и арьергардом, которым командовал сам Блюхер.

Авангард той же армии повернул, услышав канонаду Шампобера, и предпринял контрмарш с целью поддержать Алсусиева, но разделил судьбу центра и был обращен в бегство, потеряв четверть дивизии.

Теперь настала очередь Блюхера потерпеть поражение. Наполеон вскочил на коня в полночь 13-го и поравнялся с ним в Монмирайле. В 8 часов утра крики солдат возвестили о присутствии императора. Блюхер с радостью отказался бы от сражения, но это было не в его силах. Он был побежден, но отступал с большим мастерством и мужеством. После многих часов упорных боев его отступление превратилось в бегство. Блюхеру часто приходилось защищаться саблём в течение дня, в окружении своего штаба, и главным образом своим побегом он был обязан ночной темноте.

Он отступал попеременными карьерными порядками, весь день выдерживая атаки французов с большими человеческими потерями, и, наконец, прорвался у Этожа сквозь колонну тяжелой кавалерии, высланную ему на перехват и выстроенную на дамбе.

На следующий день был достигнут новый успех. Вражеская колонна, пытавшаяся прикрыть отступление Блюхера, была захвачена в Шато-Тьерри, где французские войска сошлись в рукопашной схватке с русскими и пруссаками. Среди пленных были пять генералов этих двух стран.

Блюхер наконец переправился через Марну у Шалона. За пять дней армии Наполеона трижды добивались успеха; он разбил и рассеял силезскую армию и, прежде всего, восстановил боевой дух своих солдат.

Колонна из 7000 пленных пруссов со значительным количеством орудий и штандартов напомнила парижанам, что командующий французскими войсками не забыл военное искусство, и их надежды значительно возросли, когда они услышали об этих успехах против союзников. Но эти союзные армии, уничтожаемые каждый день, появлялись непрестанно и всегда готовые к битве. Теперь вся Европа сражалась против императора, и ее разбитые и рассеянные солдаты были немедленно заменены свежими войсками. "Союзники были так встревожены близким приближением своего ужасного врага, - говорит Скотт, - что от союзных государей адъютант принца Шварценберга граф Пар направил Наполеону послание, в котором говорилось об их удивлении его наступательными действиями, поскольку они отдали приказ своим полномочным представителям в Шатийоне подписать предварительные условия мира на условиях, с которыми согласился французский посланник". Наполеон, однако, усвоил значение подобных посланий в ходе своей карьеры и не обратил на это никакого внимания.

Едва парижане увидели, как пленные из Монмирайля маршируют по их бульварам, как услышали, что казаки овладели Фонтенбло. Наполеон оставил небольшие подразделения своей армии охранять Сену у Ножана и Бре, и вскоре противник обнаружил, что императора и его главных сил больше нет в этом квартале. Пока он бил Алсусиева, Сакен и Блюхер успешно форсировали Сену в трех разных местах, оттеснив перед собой сбитых с толку стражей этих важных мест. Шварценберг теперь располагался в Нанжи и, очевидно, был полон решимости добраться до Парижа, если это возможно, пока Наполеон находился на Марне. Легкие отряды великой армии союзников сеяли смятение по обоим берегам Сены, и один из них находился так близко от столицы, как Фонтенбло.

Теперь Наполеон поручил Мармону и Мортье следить за шалонской дорогой и остатками армии Блюхера и двинулся со своими основными силами на Мо, где 15 февраля получил подкрепление из 20 000 ветеранов из Испании под командованием Груши.

Войска последнего 14-го числа помогли Мармону одержать победу над Блюхером у деревни Вошан, которая стоила союзникам десяти тысяч пленных, десяти знамен, десяти орудий и множества пленных, включая генерала Уруссоффа, командовавшего русским арьергардом.

16-го числа Виктор и Удино вступили в бой с авангардом Шварценберга на равнинах Гинь, когда император быстро пришел им на помощь. Противник немедленно отступил и сосредоточил свои силы у Нанги. Наполеон атаковал эту позицию утром 17-го, и с таким успехом, что союзники были полностью разбиты и отступили, понеся значительные потери. Однако они остановились в Монтеро, и Виктору, который командовал преследователями на этом маршруте, не удалось выбить их из-за значительно меньшей численности. Наполеон пришел утром 18-го и сделал Виктору выговор, а затем уволил его со службы. Маршал, по лицу которого текли слезы, сказал: "Я раздобуду мушкет, я не забыл своего старого ремесла; Виктор встанет в ряды гвардии".

Император был покорен этим благородным выражением. - Так! Так! Виктор, - сказал он, протягивая руку, - останься; я не могу вернуть тебе твой корпус, поскольку отдал его Жерару, но я награждаю тебя двумя гвардейскими дивизиями; иди и прими командование ими, и пусть между нами больше ни о чем не будет речи".

Затем началась яростная атака, и мост и город Монтеро были захвачены. Однако оборона была долгой и суровой, и иногда видели, как Наполеон собственноручно наводил пушки под самым сильным огнем. Артиллеристы протестовали против его разоблачения и умоляли его уйти. Он продолжал свою работу, весело отвечая: "Дети мои! пуля, которая убьет меня, еще не отлита". Жители Монтеро присоединились к этому триумфу, стреляя из своих окон по австрийцам, когда те проходили через город.

После раздачи похвал и наград генералам, внесшим вклад в победу в этом сражении, Наполеон подумал о тех, кто задержал свой марш или проявил небрежность в командовании, и среди тех, кому был сделан выговор, были генералы Гийо, Диджон и Монбрен, последний за то, что без сопротивления отдал казакам лес Фонтенбло.

Преследуя свое преимущество, Наполеон увидел, что великая армия захватчиков продолжает отступление в направлении Труа, и утром 22-го прибыл к Мери. Этот город, к большому своему удивлению, он обнаружил занятым не слабым арьергардом Шварценберга, а мощной русской дивизией под командованием Сакена и, следовательно, принадлежащей, по-видимому, несокрушимой армии Блюхера. Эти неожиданные враги были атакованы на улицах и, наконец, отступили из города, который был сожжен дотла в борьбе, а оттуда за реку Об. Затем император остановился и провел ночь на 22 февраля в хижине угольщика в Шатре.

Между тем переговоры в Шатийоне все еще продолжались. Коленкур, не получив ответа на свою вторую депешу, отправленную Наполеону в Ножан 8 февраля, продолжил действовать в соответствии с инструкциями, полученными в Труа 3 февраля; и фактически принял предложение союзников. Когда 17-го числа Шварценберг подвергся нападению при Нанжи, он только что получил известие о том, что Коленкур подписал предварительные статьи, и поэтому послал гонца спросить, почему император, если он знал о поступке своего посла, продолжает военные действия; но ответа не получил.

Вместо этого Наполеон отправил частное письмо австрийскому императору, еще раз пытаясь заручиться его дружбой. Ответ Франциска, написанный ему из Нангиса, достиг Наполеона в Шатре 23-го числа. В нем объявлялось о решении Франциска ни в коем случае не отказываться от общего дела, но заявлялось, что он не оказывает никакой поддержки бурбонистам, и призывалось Наполеону путем уступок предотвратить, пока не стало слишком поздно, полное разорение его самого и его Дома. Наполеон вернул посланника с запиской, в которой говорилось, что теперь он не согласится ни на один день перемирия, если союзники не отступят, оставив Антверпен на своем фронте. В тот же вечер из Парижа пришло известие, что Государственный совет обсудил предложения союзных держав и теперь лишь одним несогласным голосом умолял императора принять их. Его снова убедили обратиться к Шатийону и принять условия, на которые согласился Коленкур. Он ответил, что на своей коронации поклялся сохранить территорию Республики целой и что он не может подписать этот договор, не нарушив своей клятвы. "Если мне суждено быть выпоротым, - сказал он, - пусть хлыст обрушится на меня по необходимости, а не из-за того, что я добровольно наклонился". Истина этих попыток переговоров заключается в том, что союзники просто хотели простой приостановки вооружений, чтобы выиграть время для подкрепления своих сил, а также для того, чтобы прервать слишком быстрый ход успехов Наполеона за последние восемь дней. Это император легко распознал в лабиринте противоположных заявлений иностранных участников переговоров, и фактически это признают историки кампаний союзников.

Теперь Наполеон решил продвигаться до Труа, в то же время разрешив рассмотреть предложения о перемирии в Люзиньи и продолжить переговоры о мире в Шатийоне. Император тем временем приказал Удино и Макдональду с их дивизиями маневрировать в направлении Шварценберга, чтобы сдерживать австрийцев.

Ночью 26 февраля Наполеон узнал в Труа, что прусская армия пришла в движение. Вскоре его решение было принято. Он снова поспешил на помощь своей столице и с поразительной быстротой, которая придавала его маршам и маневрам такое своеобразие, обрушился с тыла на Блюхера, у которого впереди все еще были Мармон и Мортье. Быстро двигаясь через страну к Сезанну, он получил разведданные, что эти два генерала, обнаружив, что они уступают Блюхеру

в численности, отступили перед ним в направлении Ферте-су-Жуар и полным ходом отступают к Мо. Этот пункт он считал почти пригородом Парижа и соответственно ускорил шаг. Пospешив дальше, в Ферте-Гуше его сразу же встретили и настигли дурные вести. Шварценберг, обнаружив отсутствие императора, немедленно перешел в наступление, 27-го числа разбил Удино и Макдональда при Бар-сюр-Об и гнал их перед собой до Труа; а Ожеро, командовавший в окрестностях Лиона, объявил о прибытии в этот квартал новой и многочисленной армии союзников. 1 марта в Шомоне был ратифицирован важный мирный договор между государями Австрии, Англии, России и Пруссии, по которому каждая из четырех договаривающихся держав обязалась содержать на поле боя армию численностью в сто пятьдесят тысяч человек до достижения целей войны; Англия, как обычно, обязалась, сверх того, предоставить субсидию в размере четырех миллионов фунтов стерлингов. Во втором пункте каждая из четырех держав обязывалась никогда не заключать сепаратного мира с общим врагом. Примерно в то же время комиссары в Люзиньи прекратили переговоры о перемирии под предлогом невозможности урегулировать демаркационную линию.

Однако операции Наполеона не были проверены. Задержавшись на некоторое время в Ферте из-за разрушения моста, он направился в сторону Шато-Тьерри и Суассона, где надеялся встретить Блюхера, в то время как Мортье и Мармон получили приказ перейти в наступление перед Мо. Император надеялся таким образом ударить во фланг марширующему отряду Блюхера, как он это сделал ранее при Шампобере; но пруссак получил известие о его приближении и, собрав свои войска, отступил к Суассону. Наполеон поспешил туда, полагая, что французский гарнизон, которому был вверен этот город и его мост через Марну, все еще владеет им и, следовательно, позволит ему заставить Блюхера вступить в бой с этим грозным препятствием в его тылу. Он не знал, что Суассон был взят русским корпусом, отбит французским и снова перешел в руки врага, прежде чем император увидел его. Он атаковал это место с большой энергией, но русские отразили атаку. Узнав, что Блюхер провел свои основные силы через город и расположился за Марной, Наполеон двинулся вверх по левому берегу реки и переправился через нее также у Бери.

В нескольких лье перед этим местом, на высоте Краонне, два русских корпуса — Сакена и Вицингероде — уже были на позиции, и император, не теряя времени, атаковал их там в надежде уничтожить до того, как они смогут соединиться с Блюхером. Битва при Краонне началась в 11 часов утра 7 марта и продолжалась до 4 часов пополудни. Сопrotивление врага было самым упорным, и император готовился к последнему усилию, как вдруг русские начали отступать, а он остался хозяином поля боя. Он последовал за ними; но они продолжали отступать, получив приказ отступить на Лаонское плато, чтобы образовать там ту же линию фронта, что и Блюхер, который снова жаждал решающего столкновения, — получив подкрепление от авангарда армии Бернадотта.

9 марта Наполеон обнаружил, что его враг укрепился вдоль возвышенного гребня, покрытого лесом и дополнительно защищенного спереди чередой террасных стен - оград виноградников. В низинах стоял густой туман, и французы продвигались вверх по холму, прежде чем их передвижение было обнаружено. Они были встречены шквалом канонады, которая прорвала их центр, и на обоих флангах французы были почти разбиты. На всех пунктах они были отброшены, за исключением деревни Атиес, где Мармон имел некоторое преимущество. Сражение было прервано ночью, и армии расположились бивуаками на виду друг у друга. Наполеон, хотя и серьезно пострадал, решил возобновить атаку и соответственно вскочил на коня в 4 часа утра

10-го. В этот момент пришло известие, что корпус Мармона только что подвергся нападению при Атье и был вынужден отступать в сторону Корбени.

Однако битва при Лаоне продолжалась весь день; Наполеон не смог переломить ход событий и 11-го числа начал отступление, оставив тридцать пушек и 10 000 человек. Суассон был эвакуирован союзниками, когда они сосредотачивались для битвы при Лане, и Наполеон бросился в этот город и предпринимал быстрые усилия по его укреплению в ожидании наступления пруссии, когда узнал, что отдельный русский корпус захватил Реймс.

Овладение этим городом не могло не способствовать установлению связи Блюхера со Шварценбергом, и Наполеон немедленно лично двинулся туда, предоставив Мармону держаться как можно лучше на случай, если именно в этом направлении двинется марш Блюхера. Император подошел к Реймсу со своей обычной быстротой и 13-го числа взял его штурмом.

В этом кризисе, в котором Наполеон сражался с численностью, подавляющей его численное превосходство, примечательно отметить энергию, с которой он переходил от врага к врагу, и увидеть его бесстрашные атаки на значительно превосходящие силы, его неутомимую решимость и неистощимую изобретательность. В каждом своем движении он казался совершенным мастером военного дела; но он сражался с противниками, которые даже его неукротимая воля, мужество и дальновидность не могли преодолеть. Не следует также забывать, что в дополнение к этой экстраординарной серии кампаний он продолжал руководить гражданскими делами своей Империи, постоянно меняя места жительства.

Союзники, одержав ряд побед в различных кругах, теперь, по всей видимости, полным ходом шли на Париж, как по долине Марны, так и по долине Сены, в тот момент, когда Наполеон думал нанести поражение их движениям, заняв позицию между ними у Реймса. Когда Шварценберг узнал, что император находится в этом месте, его прежний ужас вернулся, и австриец немедленно предложил отступить из Труа. Это не понравилось лорду Каслри, который объявил, что Великая армия может уйти в отставку, если государям будет угодно, но что, если такое движение произойдет, субсидии Англии должны быть прекращены. Царь также выступил против чрезмерной осторожности Шварценберга, который затем набрался храбрости, и его колонны немедленно возобновили марш вниз по Сене, чтобы дать бой Наполеону при Арси.

Император теперь изо всех сил пытался решить, какой из двух путей избрать: если он поспешит вслед за Блюхером на Марну, что помешает Шварценбергу достичь Парижа до того, как силезцы, уже одержавшие победу при Лане, смогут снова вступить в бой меньшими силами; если он бросится на марш Шварценберга, не окажется ли пламенный пруссак у Тюильри задолго до того, как австрийцев удастся остановить на Сене? Оставался третий путь, а именно: немедленно вторгнуться в глубь страны в тыл Великой армии и таким образом вселить ужас в наступающих союзников, как австрийцев, так и пруссаков, и парализовать их передвижения. Будут ли они упорствовать в своем призыве "Вперед, на Париж!", когда узнают, что Наполеон расположился между ними и их ресурсами и в то же время освобождает и спланирует вокруг себя все гарнизоны великих крепостей на Рейне? В то время как Наполеон, таким образом, был охвачен беспокойством в поисках средств предотвратить, если это еще было возможно, нападение этих могущественных армий на Париж, и не знал об очень реальной угрозе со стороны Каслри, столица проявляла небольшие признаки сочувствия к нему. У

правительственного механизма были забиты все колеса, и необходимость купить мир, отказавшись от него, была обычным предметом разговоров.

С рисунка Е.Г. Шарпантье

Прибытие Великой армии в Москву

В этой чрезвычайной ситуации, серьезность и опасность которой он оценил одним взглядом, император почувствовал, что может спастись только разящим и решительным действием, и он без колебаний направил намеченный удар по Шварценбергу, приближение которого уже вызвало тревогу во всей столице. Император Александр, узнав об успехах Наполеона при Краонне и Реймсе, опасался, что Шварценберг, приблизившись к столице в одиночку, снова будет разбит поодиночке и что все эти ежедневные и отдельные поражения приведут к обескураживанию войск Коалиции, и без того полных опасений и тревоги. Поэтому царь на военном совете, состоявшемся в Труа, настаивал на том, чтобы две великие союзные армии немедленно предприняли маневр, направленный на соединение в окрестностях Шалона, чтобы оттуда двинуться на Париж и сокрушить все, что могло бы воспрепятствовать их проходу.

Этот совет возобладал, и 20-го числа Наполеон встретился перед Арси со всей армией Шварценберга, которая в массовом порядке направлялась к этому городу, чтобы переправиться через Об и быстро достичь равнин Шампани, где должно было произойти соединение.

Это внезапное изменение системы военных действий союзников полностью расстроило все планы Наполеона, который быстро осознал трудное и опасное положение, в которое он попал, столкнувшись с армией, втрое превосходящей его собственную, где он думал только о том, чтобы найти арьергард. Однако он быстро решил рискнуть, включив в борьбу вес собственного примера и посчитав свои личные опасности напрасными. Его кавалерия получила приказ атаковать австрийские легкие войска, пока пехота отходила из Арчи; но они были отброшены превосходящей численностью противостоявших им сил и отброшены обратно к городу. В этой крайней ситуации Наполеон проявил то же героическое и почти безрассудное мужество, которое он проявил при Лоди и Арколе и в других случаях. Он бросился с мечом в руке к разбитой кавалерии, призвал ее вспомнить об их прежних победах и остановил врага

стремительной атакой, в которой он и его штабные офицеры сражались с захватчиками рука об руку. "Окруженный в толпе атакующей кавалерией, - пишет баронФейн в книге под названием "Рукопись 1814 года", в которой дается отчет о сражении при Арси, - он освободился, только воспользовавшись своей шпагой. Во многих случаях он сражался во главе своего эскорта и, отнюдь не избегая опасностей, казалось, наоборот, отваживался на них. К его ногам упал снаряд; он подождал, пока он разорвется, и исчез в облаке пыли и дыма; его сочли погибшим; вскоре он поднялся, вскочил на другую лошадь и снова отправился подставлять себя под огонь батарей! * * * Смерть не имела бы к нему никакого отношения!"

Несмотря на огромные усилия французской армии и неизменный героизм ее командующего, битва при Арси не смогла помешать австрийцам переправиться через реку Об. Император отступил в полном порядке 21-го числа, причинив противнику большой вред и сдерживая его в течение целого дня; но Шварценберг в конце концов овладел дорогой, которая должна была привести его к Блюхеру.

Теперь Наполеон решил ударить в тыл союзникам. Некоторое время они были совершенно не уверены в его передвижениях после того, как он покинул Реймс, пока в перехваченном письме Марии Луизе не сообщили им, что он был в Сен-Дизье, где 23-го числа ночевал Наполеон. Он продолжал маневрировать на территории за пределами этого пункта в течение нескольких дней. Захватив дороги, по которым продвигались союзники, он захватил много отличившихся пленных по пути в штаб, и однажды сам император Австрии едва избежал столкновения с отрядом французских гусар. В Сен-Дизье Коленкур воссоединился с императором и объявил ему об окончательном разрыве переговоров с союзниками. Это, однако, не было неожиданностью, но было ожидаемо. Единственное настоящее замешательство, которое это вызвало, было среди недовольных в армии, которые больше всего сожалели о том, что они из Парижа, и которые спрашивали друг друга, едва слыша императора: "Куда мы направляемся? Что с нами будет? Если он падет, падем ли мы вместе с ним?"

26 марта на бульварах Парижа время от времени раздавался отдаленный грохот артиллерии, и тревога стала нарастать. В воскресенье, 27-го, Жозеф Бонапарт устроил смотр на площади Карусель. В тот же вечер союзники перешли Марну в разных местах и в 3 часа ночи взяли Мо. Регулярные войска теперь маршем вышли из столицы, оставив все заслоны на попечение Национальной гвардии. 29-го императрица, ее сын и большинство членов Государственного совета в сопровождении 700 солдат отправились в Рамбуйе, откуда продолжили свой путь в Блуа. Королева Гортензия, огорченная тем, что императрица-регентша и ее сын оставляют столицу интриганам и заговорщикам, настойчиво уговаривала ее остаться и сказала с пророческой убежденностью: "Если ты покинешь Тюильри, ты никогда их больше не увидишь!"

"Одним из самых удивительных обстоятельств того времени, - говорит Понс де Л'Эро, историк того периода, - несомненно, является упорство, с которым король Рима отказался уехать. Это упрямство было настолько велико, что пришлось прибегнуть к насилию, чтобы сместить юного принца. Крики короля-младенца были душераздирающими. Он несколько раз повторил: "Мой отец говорил мне не уходить!" - И все зрители прослезились". Молодой принц снова и снова заявлял, что "его папу предали", и его заявление так и не получило удовлетворительного объяснения и может быть объяснено только предположением, что он слышал, как эта тема обсуждалась среди тех, кто считал, что все потеряно из-за оставления столицы.

Жозеф опубликовал следующее воззвание: "Граждане Парижа! Вражеская колонна двинулась на Мо. Он продвигается; но император следует вплотную за ним во главе победоносной армии. Регентский совет позаботился о безопасности императрицы и короля Рима. Я остаюсь с вами. Давайте вооружимся, чтобы защитить этот город, его памятники, его богатства, наших жен, наших детей - все, что нам дорого. Пусть эта огромная столица на несколько мгновений превратится в лагерь; и пусть враг найдет свой позор под стенами, которые он надеется с триумфом перепрыгнуть. Император идет к нам на помощь. Поддержите его коротким и энергичным сопротивлением и сохраните честь Франции".

Апелляция не принесла ожидаемых результатов. Некоторые офицеры убеждали Савари немощью улицы и убедить людей вооружиться камнями и подготовиться к обороне, такой как Сарагоса. Он ответил, качая головой: "Это невозможно сделать".

30-го числа союзники вступили в бой и выиграли последнюю битву. Французы заняли весь диапазон высот от Марны у Шарантона до Сены за Сен-Дени; австрийцы начали атаку около 11 часов в направлении первого из этих пунктов, в то время как почти посередине между ними русские атаквали Пантен и Бельвиль. Французскими линейными войсками командовали Мармон и Мортье; те батальоны Национальной гвардии, духу которых можно было доверять и которые были должным образом вооружены, получили приказ маршала Монси и образовали вторую линию обороны. Ученые Политехнической школы вызвались служить в "Больших пушках", и артиллерия, хотя и слабая по численности, была хорошо организована. В частности, у барьера Клиши союзники столкнулись с ожесточенным сопротивлением. Образец французского солдата, храбрый Монси, был там со своим сыном и с ним Аллен, руководитель его штаба; знаменитые художники и выдающиеся писатели окружали его и разделяли с ним опасности. Среди первых был Гораций Верне, чьи наполеоновские картины с тех пор стали известны на двух континентах. Оборона города, хотя и храбрая и решительная, оказалась безрезультатной, и мужество в конце концов было вынуждено уступить численности.

К двум часам дня союзники одержали победу во всех пунктах, кроме Монмартра. Затем Мармон послал нескольких адъютантов просить о перемирии и предложить капитуляцию, чтобы спасти столицу. Царь и король Пруссии заявили о своей готовности пощадить город при условии, что регулярные войска покинут его.

Блюхер тем временем продолжал наступление на Монмартр, и вскоре после 4 часов, когда победа на этом направлении была завершена, французские пушки были направлены на город, и выстрелы и снаряды начали сеять разрушения внутри его стен. Капитуляция была оформлена в 5 часов, недалеко от барьера Сен-Дени.

Только 27-го числа Наполеон отчетливо убедился в том, что обе союзные армии двинулись маршем непосредственно на Париж. Он немедленно решил поспешить за ними в надежде зайти им в тыл прежде, чем они овладеют высотами Монмартра. Прибыв в Дулеван 29-го, он получил послание от Лавалетта, своего генерального постмейстера, который писал: "Сторонники Незнакомца набирают силу, чему способствуют тайные интриги. Присутствие императора необходимо, если он желает предотвратить передачу своей столицы врагу. Нельзя терять ни минуты!"

Соответственно ускоряя свое наступление, Наполеон достиг Труа ночью 29-го, его люди прошли пятнадцать лье с рассвета. Генерал Дежан, его адъютант, ехал впереди него в Париж, чтобы объявить парижанам, что император вылетел им на помощь.

30-го числа Макдональд попытался убедить его, что судьба Парижа, должно быть, была решена еще до того, как он смог туда добраться, и посоветовал ему выступить без дальнейших задержек, чтобы соединиться с Ожеро. "В таком случае, - сказал маршал, - мы можем объединить и дать отдых нашим войскам и все же дать врагу сражение на выбранном поле. Если Провидение предопределило наш последний час, мы, по крайней мере, умрем с честью, вместо того чтобы быть рассеянными, разграбленными и убитыми казаками".

Император не пожелал последовать совету своего маршала, но продолжал наступление; убедившись, что дорога за Труа свободна, он вскочил в почтовую карету и во весь опор поехал впереди своей армии. В Вильнев-Л'Аршереке он вскочил на коня и, не останавливаясь, галопом добрался до Фонтенбло поздно ночью. Здесь он заказал экипаж и, взяв Коленкура и Бертье, поехал по направлению к Парижу. Он все еще верил, что у него еще есть время, пока, когда он менял лошадей на постоялом дворе под названием "Ла Кур де Франс", всего в нескольких милях от Парижа, не появился генерал Бельяр во главе усталой кавалерийской колонны, марширующей к Фонтенбло в соответствии с положениями договора Мармона с союзниками. Он опоздал! Париж капитулировал!

Выпрыгнув из кареты, когда эти слова достигли его ушей, император воскликнул: "Что это значит? Почему ты здесь со своей кавалерией, Беллиард? И где враг? Где моя жена и сын? Где Мармон? Где Мортье?"

Беллиард, шедший рядом с ним, рассказал ему о событиях прошедшего дня. Тем не менее император настаивал на продолжении своего путешествия, хотя ему снова сообщили, что в Париже больше нет армии; что все регулярные войска отступают и что ни они, ни он сам, покинув город в результате соглашения, не могут вернуться в него. Ему казалось невозможным постичь поразительный интеллект Бельяра, который сказал: "Париж окружен ста тридцатью тысячами врагов".

Наполеон приказал Бельяру развернуться со своей кавалерией и следовать за ним. "Пойдем, - сказал он, - мы должны вернуться в Париж, — пока меня нет, все идет наперекосяк, они только и делают, что совершают ошибки!" Продвигаясь вперед, он продолжил: "Вам следовало продержаться дольше — вам следовало поднять Париж — они не могут любить казаков — они наверняка защитили бы свои стены. Вперед! Вперед! Я вижу, все лишились рассудка. Это происходит из-за того, что мы нанимаем дураков и трусов".

Император и Бельяр продолжали движение по Парижу, пока в миле от почты их не встретила первая колонна отступающей пехоты. Их командующий, генерал Куриал, повторил то, что сказал Бельяр. "Продвигаясь к Парижу, - сказал он, - вы мчитесь навстречу смерти или плену". Император сразу же пришел в себя и отказался от своего замысла, отдал приказ, чтобы войска по мере их прибытия располагались за небольшой рекой Эссон, и отправил Коленкура в Париж выяснить, возможно ли ему вмешаться в заключение договора. Приняв эту меру, он повернул обратно к Фонтенбло.

Коленкур прибыл в апартаменты царя в Пантене ранним утром 31 марта, где он обнаружил депутацию от муниципалитета Парижа, ожидавшую его, чтобы вручить ключи от города и призвать на защиту завоевателя. Царь принял их сразу по прибытии и пообещал, что к столице и всему, что в ней находится, следует относиться с величайшим вниманием.

Затем Коленкур нашел дорогу к Александру, но его немедленно уволили. Союзники практически согласились в пользу реставрации Бурбонов еще до того, как какая-либо часть их войск вошла в столицу, и по Парижу была распространена прокламация, подписанная "Шварценберг, главнокомандующий союзными армиями", в которой было много фраз, несовместимых ни с какой другой позицией. Роялисты с ликованием встретили рассвет 31-го и выпустили собственные прокламации с призывом к реставрации, а также прошли парадом по улицам без помех со стороны гражданских властей или Национальной гвардии, хотя и были украшены символами своего дела.

В полдень первые войска союзников начали преодолевать заграждение и входить в город, и триумфальное шествие длилось несколько часов. Пятьдесят тысяч солдат, конных, пеших и артиллерийских, прошли маршем по бульварам, и среди них появились юный царь и король Пруссии, сопровождаемые ослепительной свитой принцев, послов и генералов.

Царь отправился в отель Талейрана, где был созван совет. Александру и Фредерику настоятельно рекомендовали восстановить Династию Бурбонов. Они колебались: "Всего несколько дней назад, - сказал царь, - колонна из пяти или шести тысяч солдат была разрезана на куски на моих глазах, тогда как единственный крик *"Да здравствует король!"* спас бы их". Один из присутствующих ответил: "Такие вещи будут продолжаться до тех пор, пока вы продолжаете вести переговоры с Бонапартом, даже если в этот момент у него на шее петля". Царь не понял этого намека, пока ему не объяснили, что парижане были заняты снятием статуи Наполеона с вершины большой колонны на Вандомской площади.

Теперь Александр подписал прокламацию, подтверждающую решимость союзников "больше не иметь дел ни с Наполеоном Бонапартом, ни с кем-либо из его семьи". В тот же вечер царь через своего министра объявил, что "Людовик XVIII немедленно взойдет на трон". Несколько дней спустя мириады рук были заняты в каждом уголке города, снося статуи и картины и стирая герб Наполеона.

Коленкур вернулся в Фонтенбло в ночь со 2 на 3 апреля и сообщил Наполеону, что монархи, которых он так часто щадил и чьи королевские судьбы он мог бы решить после Аустерлица, Йены и Ваграма, отказались вести с ним переговоры и потребовали его отречения. Он добавил, что союзники еще, по его мнению, не приняли решения сопротивляться плану регентства, но что ему поручено сказать, что ничего нельзя уладить по скрытым вопросам, пока он, император, официально не отречется от престола.

Наполеон еще не был готов отказаться от своего трона; это известие одновременно раздражило его и привело в негодование. Он снова пожелал испытать судьбу оружия, но его старые соратники заявили, что больше не будут принимать участия в войне. На следующий день, 4 апреля, он произвел смотр некоторым своим войскам, обратился к ним с речью по поводу "изменнических действий в столице" и объявил о своем намерении немедленно выступить туда, получив в ответ крики "Париж! Париж!" Около 50 000 человек теперь были размещены вокруг

Фонтенбло. На параде Наполеон выглядел бледным и задумчивым, в то время как его судорожные движения свидетельствовали о его внутренней борьбе, и он не останавливался много минут. Когда император удалился в замок после смотра, за ним последовали его маршалы, которые сообщили ему, что если он откажется вести переговоры на основании своего личного отречения и будет продолжать рисковать нападением на Париж, они не будут сопровождать его. Он на мгновение замолчал, затем последовали долгие дебаты, закончившиеся составлением и подписанием им следующего: *Поскольку союзные державы провозгласили императора Наполеона единственным препятствием на пути восстановления мира в Европе, он, верный своей клятве, заявляет, что готов сойти с престола, покинуть Францию и даже расстаться с жизнью ради блага своей страны; что неотделимо от прав его Сына, от прав Регентства в лице императрицы и от поддержания законов Империи.*

Совершено в нашем дворце Фонтенбло 4 апреля 1814 года.

Наполеон.

Коленкуру было поручено доставить этот документ в Париж, и маршалы предложили Нею сопровождать его. Было высказано предположение, что Мармон также войдет в состав делегации, но поскольку он командовал в Эссоне, вместо него был назначен Макдональд. Теперь офицеры желали знать, на каких условиях, касающихся лично императора, они должны настаивать. "Ни на каких, - ответил он. - добейтесь наилучших условий, какие только сможете, для Франции — для себя я ничего не прошу". Затем они удалились.

Вскоре после этого Наполеон спросил Удино, последуют ли войска за ним. "Нет, сир, - ответил маршал, - вы отреклись от престола".

- Да, при определенных условиях.

- Солдаты, - продолжал Удино, - не понимают разницы; они думают, что у вас больше нет права ими командовать.

"Ну что ж, - сказал Наполеон, - об этом больше не стоит думать; давайте дождемся отчетов из Парижа".

Мармон, которого он осыпал милостями, тем временем присоединился к союзникам и ночным маршем своей армии проник в гущу врагов, что позволило им казаться более требовательными, чем когда-либо, и это побудило Наполеона осудить свою измену армии приказом дня, в котором он проанализировал поведение сената, который также 2 апреля объявил Наполеона Бонапарта и его семью изгнанными с трона Франции. "Дезертирство маршала Мармона стало смертельным ударом по делу Империи", - говорит Менаваль. "Это решило императору Александру, который до тех пор, по-видимому, колебался в вопросе о регентстве, потребовать от имени Союзных держав безоговорочного отречения императора". Талейран сухо заметил, когда кто-то назвал Мармона предателем: "его часы шли лишь немного быстрее, чем у других", и в этом он был прав, поскольку офицеры всех рангов теперь быстро покидали лагерь в Фонтенбло

и отправлялись присягать на верность новому правительству, горя нетерпением мирно насладиться почестями и богатствами, которыми осыпал их Наполеон.

Коленкур, Ней и Макдональд, будучи допущенными к царю, составили акт об отречении. Александр был удивлен, что в нем не содержалось никаких оговорок лично в отношении Наполеона; "но я был его другом, - сказал он, - и я охотно буду его защитником. Я предлагаю, чтобы он сохранил свой императорский титул с суверенитетом над Эльбой или каким-нибудь другим островом".

Когда посланцы Наполеона удалились из присутствия царя, все еще оставалось сомнительным, будет ли принято отречение в его нынешнем виде или союзники будут настаивать на безоговорочной капитуляции. Наконец они заявили о своем намерении не принимать ничего, кроме безоговорочного отречения. В конце концов маршалы передали эти условия ожидавшему их начальнику. Маршалы вернулись ночью около двенадцати. Ней вошел первым: "Ну что, вам это удалось?" - спросил Наполеон.

"Революции не отступают, - ответил маршал-ветеран, - они пошли своим чередом; было слишком поздно: завтра Сенат признает Бурбонов".

"Где я смогу жить со своей семьей?"

- Где угодно вашему величеству; например, на острове Эльба с доходом в шесть миллионов.

- Шесть миллионов! это много для такого солдата, как я. Я прекрасно понимаю, что должен подчиниться.

Форма отречения, представленная судебными приставами, имела следующий смысл:

первое. Императорский титул, сохраняемый Наполеоном, со свободным владычеством на Эльбе, гвардией и военно-морским флотом, соответствующим размерам этого острова; пенсия от Франции в размере шести миллионов франков ежегодно.

2. Герцогства Парма, Пiacентия и Гуасталла будут предоставлены под суверенитет Марии Луизы и ее наследников, а также

3. Два с половиной миллиона франков ежегодно выплачиваются французским правительством в качестве пенсий Жозефине и другим членам семьи Бонапарт.

Наполеон колебался, когда получил официальный ультиматум держав-захватчиков. Он всерьез подумывал о продолжении войны, но группа его личных сторонников быстро поредела из-за дезертирства.

11 апреля он, наконец, оставил всякую надежду и на следующий день подписал документ под названием Фонтенблоский мирный договор, официально "отказываясь за себя и своих наследников от тронов Франции и Италии". По поводу этого акта Наполеон сказал: "Я краснею за это; какая польза от договора, если они не будут согласовывать со мной интересы Франции. Если затронуты только мои личные интересы, в договоре нет необходимости. Я побежден; я

покоряюсь судьбе оружия. Все, о чем я прошу, - этоне считаться военнопленным". На все предложения, касающиеся обеспечения его будущих потребностей, он отвечал: "Какое это имеет значение? Лошадь и корона в день - это все, чего я хочу!"

"Наполеон, когда подписывал отречение своим именем, - рассказывает барон Фейн, его секретарь, - сделал две или три царапины и вмятину огрызком пера или тыльной стороной ножа на маленьком круглом желтом столике на когтистых ножках, на котором оно было подписано. После падения империи он проводил время либо за беседой в своих апартаментах, либо в маленьком английском саду за дворцом.... Наполеон в те тяжелые дни часами сидел в одиночестве и развлекался тем, что выбивал каблуком ямку глубиной в фут в гравии под ним.... В момент отречения Бонапарта он заметил, что на его пути были оставлены орудия разрушения; он, казалось, думал, что они были размещены там намеренно, чтобы он мог покуситься на свою собственную жизнь; и с сардонической улыбкой сказал: "Самоубийство иногда совершается по любви — какая глупость! Иногда из—за потери состояния - вот она, *трусость*! Другой не может жить после того, как его опозорили — *какая слабость*! Но пережить потерю Империи, подвергнуться воздействию результатов своих современников — *это и есть истинное мужество*!"

XV ИЗГНАНИЕ На ЭЛЬБУ

Армии союзников постепенно продвигались вперед из Парижа и теперь почти окружили Фонтенбло. Когда последний из маршалов покинул присутствие Наполеона на ночь, властно потребовав его отставки, он возмутился унижениям, которым ему пришлось подвергнуться, и, возмущенный их трусостью, воскликнул: "У этих людей нет ни сердца, ни внутренностей. Я побежден не столько удачей, сколько эгоизмом и неблагодарностью моих братьев по оружию!" Той же ночью в приступе отчаяния он проглотил слабый яд, содержащийся в мешочке, который он носил на шее с 1808 года. Его крики разбудили дворец, и его камердинер поспешно вызвал доктора Ивана. Ему дали противоядие, и его жизнь была спасена. Коленкуру он сказал час спустя: "Бог не допустил этого. Я не мог умереть. Почему они не позволили мне умереть? Не потеря моего трона делает мое существование невыносимым. Моей военной карьеры достаточно для славы одного человека. Знаешь, что труднее переносить, чем превратности судьбы? Это низость, ужасная неблагодарность людей. Я с ужасом отвернулся от вида их низости и презренного эгоизма, и я испытываю отвращение к жизни. Никто не может сказать, что я выстрадал за последние три недели".

Несколько месяцев спустя, находясь на Эльбе, Наполеон полностью приписал свое крушение Мармону, которому он доверил часть своих лучших войск и важнейший пост, как человеку, на преданность которого он мог больше всего положиться. "Ибо как я мог ожидать, - сказал он, - что меня предаст человек, которого я окружал добротой с тех пор, как ему исполнилось пятнадцать лет? Если бы он был тверд, я мог бы изгнать союзников из Парижа, и народ там, как и по всей Франции, восстал бы, несмотря на Сенат, если бы у них было несколько войск для поддержки".

Император оставался в Фонтенбло достаточно долго, чтобы услышать о восстановлении монархии Бурбонов, и 20 апреля, когда прибыли уполномоченные союзных государей, он еще раз созвал своих верных офицеров и дал понять, что они вызваны для его последнего прощания. Присутствовали также несколько маршалов и других лиц, присягнувших на верность новому монарху. "У Людовика" (короля), - сказал Наполеон, - "есть таланты и средства: он стар и немощен; и, я думаю, он не захочет опорочить свое правление. Если он умен, то займет мою кровать и только поменяет простыни. Он должен хорошо относиться к армии и стараться не оглядываться на прошлое, иначе его время будет коротким. Что касается вас, джентльмены, то я больше не буду с вами; у вас другое правительство; и вам подобает искренне примкнуть к нему и верно служить ему, как вы служили мне".

Проходя мимо, он увидел все, что теперь осталось от самого блестящего и многочисленного двора Европы, - примерно шестнадцать человек, которые таким образом ждали, чтобы выразить свое почтение к павшему императору. Жюно умер годом ранее, а Коленкур и генерал Флахо отсутствовали на заданиях. Наполеон пожал им всем руки; затем, торопливо миновав ряд экипажей, он направился к остаткам императорской гвардии, которую он пожелал разместить во дворе замка. Он подъехал к ним верхом, и слезы полились из его глаз, когда он спешил среди них. "Солдаты Старой гвардии, - сказал он, - я прощаюсь с вами! В течение двадцати лет вы были моими постоянными спутниками на пути чести и славы. Как в наши последние бедствия, так и в дни нашего процветания, вы неизменно проявляли себя образцами мужества и верности. С такими людьми, как вы, наше дело не могло быть проиграно; но последовала бы затяжная гражданская война, и страдания Франции тем самым усугубились бы. Таким образом, я принес в жертву все наши интересы интересам страны. Я ухожу: вы, друзья мои, будете продолжать служить Франции, счастье которой всегда было единственной целью моих мыслей и все еще будет единственной целью моих желаний. Не оплакивайте мою судьбу. Если я соглашусь жить, то только для того, чтобы по-прежнему вносить свой вклад в вашу славу. Я запишу великие достижения, которые мы совершили вместе. Прощайте, мои товарищи! Я хотел бы прижать вас всех к своей груди. Позвольте мне, по крайней мере, принять ваши стандарты".

С картины Э. Мейссонье

Отступление из Москвы — "1814"

При этих словах генерал Пети взял орла и выступил вперед. Наполеон заключил генерала в объятия и поцеловал знамя. Тишина этой трогательной сцены прерывалась лишь редкими всхлипываниями солдат. Поцеловав знамя, Наполеон сказал с большим волнением: "Прощайте еще раз, мои старые товарищи! Пусть этот поцелуй запечатлется во всех ваших сердцах!"

В этом случае английский комиссар, стоявший рядом с ним и ранее бывший его заклятым врагом, был так глубоко тронут, что был тронут в той же степени, что и приближенные Наполеона. Уезжая, Наполеон позвал Рустана, своего слугу-мамелюка, но тот скрылся, хотя накануне получил от своего хозяина в Фонтенбло подарок в размере 30 000 франков, чтобы прокормить свою жену и семью на время его отсутствия. Император, говоря впоследствии об этом человеке, который каждую ночь спал у него на пороге, сказал: "Я ни в коей мере не удивлен его поведением, поскольку он был проникнут чувствами раба; и, увидев, что я больше не хозяин, он вообразил, что без его услуг можно обойтись".

Теперь Наполеон поспешил сквозь окружавшую его группу, сел в свой экипаж и немедленно уехал. Экипажи двинулись по дороге в Лион.

Четыре уполномоченных, по одному от великих союзных держав - Австрии, России, Пруссии и Англии, сопровождали его в путешествии. Его сопровождал всегда верный Бертран, великий магистр Дворца, и несколько других преданных друзей и слуг. Пока четырнадцать экипажей везли его и его ближайшую свиту к Эльбе, 700 пехотинцев и около 150 кавалеристов императорской гвардии — все отборные люди и добровольцы — двинулись в том же направлении, чтобы возложить на них военные обязанности ссыльного двора.

Недалеко от Лиона Наполеон встретился с Ожеро, главнокомандующим Восточной армией, чье поведение во время последней кампании было поведением предателя. Когда Ожеро распрощался со своим бывшим начальником, один из комиссаров осмелился выразить удивление по поводу того, что Наполеон отнесся к нему с такой демонстрацией привязанности. "Почему бы и нет?" - спросил он.

- Возможно, ваше величество не в курсе его поведения. Сир, он заключил с нами соглашение несколько недель назад!

Впоследствии император подтвердил этот анекдот, добавив: "Победитель Кастильоне, возможно, оставил после себя имя, дорогое его стране; но Франция будет проклинать память лионского предателя".

На начальном этапе своего продвижения Изгнанник был с уважением принят гражданскими чиновниками разных городов и департаментов, и со стороны людей было выражено много знаков сочувствия. По мере того как он увеличивал расстояние между собой и своей столицей и был занесен в провинции, где его имя никогда не пользовалось особой популярностью, он раз или два подвергался личному оскорблению и опасности насилия, когда менял лошадей. В Лионе пожилая женщина в трауре и с лицом, полным энтузиазма, бросилась к дверце экипажа. - Сир, - сказала она с торжественным видом, - пусть благословение небес сопутствует вашему стремлению сделать себя счастливым. Они отрывают вас от нас, но наши сердца с вами, куда бы вы ни пошли".

Австрийский комиссар, совершенно сбитый с толку, сказал своему спутнику: "Пойдем; у меня нет терпения общаться с этой сумасшедшей женщиной!"

Наконец Наполеон переоделся и, иногда появляясь в австрийской форме, иногда верхом перед экипажами в одежде курьера, благополучно добрался до места посадки. Французское судно было отправлено из Тулона в Канны, чтобы доставить его на Эльбу; но на рейде случайно оказался английский фрегат, и он предпочел плавать под любым флагом, только не под бурбонским. Путешествие на Эльбу прошло без происшествий. Наполеону удалось произвести благоприятное впечатление на английскую команду, и когда, наконец покинув "Неустрашимый", он распорядился раздать матросам около двухсот наполеонов (800 долларов), боцман пообещал отблагодарить его от имени команды, "пожелав ему долгой жизни — *и большей удачи в следующий раз!*" Когда он покидал судно, раздался королевский салют.

Император маленького острова Эльба появился в виду своих новых владений днем 4 мая 1814 года и в тот же вечер переодетый сошел на берег, чтобы лично убедиться, благоприятны ли чувства эльбийцев или нет. Он обнаружил, что люди считают, что его резиденция, вероятно, всячески увеличит важность и процветание их острова, и вернулся на борт корабля; в полдень следующего дня он совершил свой публичный въезд в город Порто-Феррайо среди множества народных демонстраций приветствия и уважения. Английские и австрийские уполномоченные высадились вместе с ним, а представители России и Пруссии отбыли на побережье Прованса. Когда Изгнанник поднялся на холм над Феррайо и оглядел сверху всю свою территорию, как на карте, он заметил сэру Нейлу Кэмпбеллу, английскому комиссару: "Должен признаться, что мой остров очень мал".

Однако остров, гористый и скалистый, по большей части бесплодный и имеющий в окружности не более шестидесяти миль, принадлежал ему. Он немедленно посвятил этому делу ту же трепетную заботу и усердие, которых было достаточно для ведения дел во всей Франции и, кроме того, в значительной части Европы. Менее чем за три недели он тщательно ознакомился с его историей, ресурсами и характером людей, исследовал каждый уголок острова и, по словам одного историка, "спроектировал больше всевозможных улучшений", "чем потребовалось бы за всю жизнь". Он даже расширил свою "Империю", послав несколько солдат завладеть небольшим соседним островком, до сих пор незанятым из-за страха перед корсарами. Он основал резиденции в четырех разных уголках Эльбы и постоянно переезжал из одного в другой. Весь этикет Тюильри был соблюден, насколько это было возможно, и восемьсот или девятьсот ветеранов Наполеона устраивались смотры так часто и официально, как если бы они были армией Аустерлица или Фридланда, над которой развевался принятый императором флаг Эльбы, который был флагом острова, — белый, в пурпурную полоску и усыпанный звездами. Некоторое время спустя он принял новый флаг в качестве короля Эльбы; серебряный с красной лентой, на последней из которых были изображены золотые пчелы. Император носил форму полковника гвардии конных егерей. Он заменил трехцветную кокарду на своей вводной части красно-белой кокардой острова. Его присутствие придало новый импульс торговле и промышленности острова, и порт Феррайо был переполнен судами с противоположного побережья Италии.

Наполеон вообще не получал денег от двора Бурбонов, поскольку его преемники в столице совершенно забыли о его пенсии. Его жалобы на этот счет даже не были рассмотрены, и казна Изгнанника быстро истощилась из-за его щедрых расходов, и вскоре он стал нуждаться во

многих предметах первой необходимости. Эти новые неприятности укрепили дух павшего Вождя, и, если бы не ход событий в Париже, о которых он был полностью проинформирован, им овладела бы апатия, которая в свое время серьезно повлияла на него.

Находясь на острове, император заметил, что его новый флаг стал первым в Средиземноморье. По его словам, алжирцы считали это священным, которые обычно делали подарки эльбанским капитанам, говоря им, что они выплачивают долг Москве. Некоторые алжирские корабли, однажды бросившие якорь у берегов острова, вызвали большую тревогу среди жителей, которые допросили пиратов и прямо спросили их, не пришли ли они с какими-либо враждебными взглядами. "Против Великого Наполеона", - ответили они, - "О! никогда; мы не ведем войну против Бога!"

Louis XVIII. он совершил свой публичный въезд в Париж 21 апреля. Он был преклонных лет, грубый и немощный физически, и все же он был, возможно, менее непопулярен, чем остальные члены его семьи; но его фатальное несчастье заключалось в том, что день ото дня горечь тех, кто никогда не был искренне его друзьями, продолжала возрастать. Король был призван на трон французским сенатом декретом, который предусматривал, что он должен сохранить политическую систему, "которую нарушил Наполеон", и который объявлял законодательную конституцию, состоящую из наследственного монарха и двух палат собрания; быть фиксированной и неизменной. Однако Людовик, хотя и прибыл во Францию по этому приглашению, без колебаний датировал свой первый поступок двадцатым годом своего правления. Сенат увидел в таких предположениях следы тех старых доктрин о "божественном праве королей", ярким примером которых был Людовик, и которые они, хотя изначально и не принадлежали к его партии, согласились на его отзыв, хотя всю жизнь ненавидели эти принципы и боролись с ними; и они спросили себя, почему, если все их привилегии были всего лишь подарками короля, они не могли при любой соблазнительной возможности быть отозваны той же властью. Они, все титулы которых были завоеваны после смерти Людовика XVI, были поражены, когда обнаружили, что, согласно королевской доктрине, *все это время во Франции не было законного правительства!*

Когда первая суматоха Реставрации закончилась и войска союзников были выведены, ситуация начала складываться таким образом, что среди всех классов возникло много элементов недовольства, один из самых мощных из которых был в самой армии. Союзники вернули, без каких-либо условий, всех военнопленных, попавших к ним в руки во время войны. По меньшей мере 150 000 солдат-ветеранов, все из которых сражались под началом Наполеона на многих полях сражений, были, таким образом, влиты во Францию еще до того, как Людовик прочно воссел на трон; люди, которые ничего не видели из последних катастрофических кампаний; которые поддерживали себя в изгнании рассказами о своих прежних победах; и которые теперь, возвращаясь свежими и энергичными на родную землю, имели только один ответ на каждый рассказ о постигшем их несчастье: "Этого никогда бы не случилось, если бы мы были здесь!"

Императрица Мария находилась в Блуа в то время, когда Наполеон подписал свое отречение, и Савари описал ее горе как очень сильное, но ее собственные неудачи были достаточно серьезными, чтобы объяснить это, без каких-либо сильных чувств к Наполеону. По указанию Наполеона она обратилась за защитой к императору Австрии и отправилась в Рамбуйе, чтобы

встретиться с ним, где он объяснил ей, что она должна быть разлучена со своим мужем "на время". Император Александр также посетил ее, во многом против ее воли, и через несколько дней она уехала в Вену. Александр также посетил Жозефину и нашел ее очень расстроенной отречением Наполеона. Похоже, она так и не оправилась от шока, поскольку пережила его всего около шести недель. Она умерла 29 мая 1814 года в Мальмезоне и была похоронена в церкви Рюэль. На ее похоронах присутствовали несколько генералов союзных армий, а также маршалы и генералитет Франции. Впоследствии тело было помещено в великолепную гробницу из белого мрамора, воздвигнутую двумя ее детьми, с простой надписью: "Евгению и Гортензии - Жозефине".

Мать и сестра Наполеона Полина, а также ряд старых и преданных слуг его гражданского правительства и армии посетили его летом 1814 года. Не последней из них была Полина, которая неоднократно совершала путешествия в Италию и так же таинственно возвращалась обратно. В кругах Феррайо теперь появлялись и исчезали новые и деятельные лица — никто не знал, откуда они пришли и куда направились, и атмосфера суеты и таинственности царила в этом месте. Император продолжал рассматривать свою горстку солдат-ветеранов с такой гордостью, как если бы они были бесчисленным воинством, которое он привел к победе на Континенте, и, казалось, был вполне доволен своим положением, несмотря на то, что он упал с высоты, которой не достиг ни один другой человек в наше время. Единственная заметная перемена, замеченная в его привычках, заключалась в том, что он стал серьезным и замкнутым и, казалось, больше не проявлял никакого интереса к улучшениям, которых добился на острове.

Однако было очевидно, что что-то готовится; но комиссары, наблюдавшие за Наполеоном, не могли понять этого. Они неоднократно указывали на абсурдность действий союзных держав, удерживающих его пенсию, которая, как они торжественно пообещали, должна выплачиваться каждый квартал, тем самым соблазняя его освободиться; но их сообщения остались незамеченными теми, в чьи руки они попали. Это вынудило императора продать всю окружающую его роскошь и комфорт, чтобы собрать средства для оплаты своих текущих расходов. Именно тогда он начал предсказывать будущее и обдумывать смелый шаг не только ради свободы, но и для того, чтобы вернуть себе утраченный трон до того, как его перевезут на остров Святой Елены, который, как ему сообщили в частном порядке, обсуждался в Вене.

В этом ему помогала нация, которая была далека от удовлетворения человеком, чье обладание королевским скипетром стало возможным только благодаря силе иностранных армий, и почти для всех было очевидно, что Людовик XVIII. не смог долго спокойно править Францией, даже несмотря на то, что Наполеон не вернулся.

Перед концом осени Наполеон под разными предлогами предоставил отпуск примерно двум сотням своих гвардейцев, и они сразу же рассеялись по Франции, распевая ему дифирамбы. Теперь начали поговаривать шепотом, что Изгнанник вернется на землю Франции весной следующего года. Среди солдат и в других местах за него поднимали тосты под прозвищем "Капрал Вайолет", цветок или лента такого цвета были символом восстания и носились открыто на виду у ничего не подозревающих бурбонов. Именно по этому тайному символу друзья Наполеона узнавали друг друга. Кольца фиолетового цвета с надписью "Они снова появятся весной" вошли в моду; женщины носили шелка фиолетового цвета, а мужчины демонстрировали ремешки от часов того же цвета; при встрече этих друзей общий вопрос, как правило, звучал так: "Любите ли вы фиалку?" на что один из сообщников ответил: "А! ну что ж".

Представители всех европейских государств встретились в Вене, чтобы окончательно решить ряд вопросов, оставшихся нерешенными по окончании войны, включая раздел "добычи". Талейран выступал за Францию, Веллингтон - за Англию, Меттерних - за Австрию. 11 марта эти представители, которые тогда обсуждали, среди прочего, "как избавиться от Человека с Эльбы", были повергнуты в панику известием о том, что Наполеон Бонапарт снова поднял свое знамя во Франции и идет маршем на Париж!

О положении дел во Франции Наполеон был полностью проинформирован, а также о заседаниях министров на Венском конгрессе, которые предположили, что, поскольку французское правительство не будет честно выплачивать ему пенсию, его следует перевезти в какое-нибудь более безопасное место, и в это время даже упоминался остров Святой Елены. Это побудило Наполеона действовать, тем более что он был полностью убежден, что у него есть хорошие шансы быть хорошо принятым двадцатью или тридцатью миллионами людей, к которым Людовик XVIII относился с презрением. и его последователи. Прибытие также М. Флери де Шабулон с секретными посланиями от Марета (герцога Бассано), находившегося в то время в Париже, имел большое отношение к поспешному решению Наполеона оставить Эльбу как можно скорее. Как ни сдержан был Изгнанник с другими, он рассказал матери о своих планах. "Я не могу умереть на этом острове, - сказал он ей, - и закончить свою карьеру в покое, недостойном меня. Кроме того, нехватка денег вскоре оставила бы меня здесь одну, незащищенной перед нападками моих врагов". Его мать некоторое время молча размышляла, а затем ответила: "Иди, сын мой, иди и исполни свое предназначение! Возможно, вы потерпите неудачу, и за вашей неудачей вскоре последует ваша смерть. Но я с прискорбием вижу, что вы не можете оставаться здесь; давайте надеяться, что Бог, который защищал вас во время стольких сражений, спасет вас еще раз!"

Бертран, который разделял изгнание Наполеона, теперь был проинформирован о решении императора, как и Друо, который сразу же начал тайные приготовления к приближающейся экспедиции. Было собрано тысяча сто солдат, из которых 800 принадлежали к гвардии и 300 - к 35-му полку легкой пехоты, который Наполеон нашел на острове. Никто из этих людей не имел ни малейшего представления о планируемом предприятии. Полковник Кэмпбелл, который наблюдал за действиями англичан на Эльбе, покинул Феррайо и направился в Ливорно. Тогда остались только крейсера, которые было легко обмануть или обойти. Чтобы сохранить свои приготовления в строжайшем секрете, Наполеон за два дня до отплытия наложил эмбарго на суда в гаванях Эльбы и перекрыл всякое сообщение с морем. Затем он приказал своему офицеру-артиллеристу Вантини захватить одно из больших судов, стоявших в порту, которое с помощью "Непостоянного" из двадцати шести пушек и шести других судов поменьше, всего семи судов, обеспечило ему возможность погрузить на борт свои тысячу сто человек и четыре орудия полевой артиллерии. Он решил начать свое романтическое предприятие 26 февраля 1815 года. В этот день он позволил своим солдатам оставаться на своих обычных работах до середины дня. Их внезапно вызвали во второй половине дня, и после легкой трапезы они были собраны с оружием и багажом на пирсе, где им сообщили, что они должны подняться на борт судов. Жители острова сожалели об отъезде Изгнанника, поскольку опасались, что его процветание уйдет вместе с ним. Штаб Наполеона и около трех сотен человек поднялись на борт "Непостоянного", остальные были распределены по другим судам флотилии.

Выстрел из единственной пушки около 7 часов вечера был условленным сигналом к снятию якоря, и когда паруса были подняты и маленькая флотилия легла на курс, ликующие войска снова слышали крики "Париж или смерть!". Император сказал им: "Гренадеры! мы идем во Францию; мы должны идти маршем на Париж!"

Английский комиссар немедленно попытался заставить мать и сестру Наполеона выдать его цель и, потерпев неудачу, немедленно пустился в погоню; но не смог настичь своего подопечного. Во время плавания ему попался на пути французский военный корабль; но император приказал всем своим солдатам и тем лицам, которых можно было заподозрить, спуститься под палубу, и рулевой "Непостоянного", который был хорошо знаком с командиром, принял обычный вызов и ответил на него, не вызвав никаких подозрений. В ответ на вопрос о том, как они оставили императора на Эльбе, сам Наполеон ответил сигналом, что "С ним все было в порядке".

Во время путешествия он продиктовал две прокламации, которые были скопированы почти всеми его солдатами и сопровождающими, которые умели писать. Они должны были быть продублированы по прибытии и распространены по всей Франции.

Император, покинув Эльбу 26 февраля, 1 марта прибыл из Канн, близ Фрежюса, — того самого места, которого он коснулся, когда прибыл из Египта, и откуда отплыл десять месяцев назад. Он высадился без сопротивления, и горстка его людей, 500 гвардейских гренадер, 200 драгун и 100 польских улан, последние без лошадей и с седлами на спине, были проверены и немедленно начали свой марш на Париж. В ту ночь он разбил лагерь на оливковой плантации, окруженный всеми своими людьми. Как только взошла луна, прозвучал сигнал к пробуждению. Рабочий, который так рано отправлялся работать в поле, узнал императора и, издав крик радости, сказал, что служил в Итальянской армии и скоро вступит в ее ряды. "Вот и подкрепление!" - сказал Наполеон Бертрону, и, проведя остаток вечера в дружеских беседах со своей гвардией, марш на Париж возобновился.

Ранним утром они миновали город Грасс и остановились на возвышенности за ним. Там все население этого места окружило их, одни приветствовали, а многие другие хранили полное молчание; но никто не выказывал никакого сопротивления. Крестьяне благословляли его возвращение, но, увидев его маленький отряд, смотрели на него с жалостью и не питали никакой надежды на его окончательный успех. Дороги были настолько плохи, что имевшиеся у них с собой орудия были брошены в течение дня, но они прошли целых двадцать лиг, прежде чем остановились на ночлег в Сераноне. "Прежде чем прибыть на это место остановки, - говорит Тьер, - император остановился на несколько минут в хижине, которую занимали пожилая женщина и несколько коров. Греясь у костра из хвороста, он разговорился со старой деревенской женщиной, которая и представить себе не могла, каких гостей принимает под своей скромной соломенной крышей, и его спросили: "Какие новости из Парижа?" Она, казалось, была удивлена вопросом, к которому не привыкла, и очень естественно ответила, что ей ничего не известно. "Значит, вы не знаете, что делает король?" - спросил Наполеон.

"Король? - переспросила старуха, еще более удивленная. - Король! Ты имеешь в виду императора — он всегда *там*."

Этот житель альпийской страны был в полном неведении о том, что Наполеон был свергнут со своего трона и заменен Людовиком XVIII. Все присутствующие были поражены, став свидетелями этого необычайного невежества. Наполеон, который был удивлен не меньше остальных, посмотрел на Дрюо и сказал: "Ну, Дрюо, какая польза будоражить мир, чтобы наполнить его своим именем?"

5 марта император прибыл в Гап, где опубликовал свои первые воззвания — одно к армии, другое к французскому народу. В первом говорилось: "Солдаты! Мы не были побеждены. Два человека, вышедшие из наших рядов (Мармон и Ожеро), предали наши лавры, свою страну, своего принца, своего благодетеля. В своем изгнании я слышал твой голос. Я снова оказался среди вас, несмотря на все препятствия и все опасности. Мы должны забыть, что мы были хозяевами мира; но мы никогда не должны терпеть иностранного вмешательства в наши дела. Кто смеет притворяться хозяином над нами? Возьмите снова орлов, за которыми вы следовали при Ульме, Аустерлице, Йене, Эйлау, Фридланде, Туделе, Экмюле, Эсслинге, Смоленске, Москве, Лютцене, Вюртхене, Монмирайле. Солдаты! придите и встаньте под знамена вашего старого вождя. Победа придет первым. Орел в национальных цветах будет перелетать со шпиль на шпиль, пока не достигнет башен Нотр-Дама! В старости, окруженный и почитаемый своими согражданами, ты будешь услышан с уважением, когда будешь рассказывать о своих высоких деяниях. Тогда вы с гордостью скажете: "Я тоже был одним из той великой армии, которая дважды входила в стены Вены, которая взяла Рим, и Берлин, и Мадрид, и Москву, и которая избавила Париж от пятна, нанесенного на него внутренней изменой и оккупацией чужаков".

Между Мюром и Визеле Камбронн, командовавший передовым отрядом Наполеона из сорока гренадер, неожиданно встретил батальон, высланный вперед из Гренобля, чтобы остановить марш. Полковник отказался вести переговоры с Камброном, и обе стороны остановились, пока не подошел император. Наполеон, не колеблясь ни минуты, спешил и двинулся вперед в одиночку; в нескольких шагах позади него двигалось около сотни его гвардейцев, поменявших оружие. Со всех сторон царил полная тишина, пока вернувшийся Изгнанник не оказался в нескольких ярдах от мужчин. Затем он остановился, распахнул свой сюртук, чтобы показать звезду Почетного легиона, и воскликнул: "Если среди вас есть солдат, который желает убить своего генерала - своего императора, — пусть он сделает это сейчас. Вот и я!"

Старый крик "Да здравствует Имперец!" мгновенно сорвался с губ каждого. Наполеон бросился к ним и, схватив рядового-ветерана, покрытого шрамами и медалями, за бороду, сказал: "Скажи честно, старый Усач, хватило бы у тебя духу убить своего императора?"

Старый солдат опустил шомпол в ружье, чтобы показать, что оно не заряжено, и ответил: "Посуди сам, мог ли я причинить тебе много вреда — *все остальное то же самое!*" Солдаты теперь сломали свои ряды и окружили императора, целуя ему руки и называя его своим генералом, своим императором, своим отцом. Командир 5-го батальона, покинутый своими солдатами, не знал, что делать, когда Наполеон, вырвавшись из толпы, вышел вперед, спросил его имя, его звание, его заслуги, а затем добавил: "Мой друг, кто назначил вас командиром батальона?" "Вы, сир", "Кто назначил вас капитаном?" "Вы, сир", "И вы бы выстрелили в меня?" "Да, - ответил храбрый человек, - при исполнении моего долга". Затем он отдал свою шпагу Наполеону, который взял ее, пожал ему руку и голосом, ясно указывающим на то, что оружие будет восстановлено в этот момент, сказал: "Встретимся в Гренобле". Повернувшись к Бертрону и Дрюо, император сказал: "Все решено: через десять дней мы будем в Тюильри!"

Теперь Наполеон дал слово, и старые приверженцы и новые начали совместное шествие к Греноблю. Прежде чем они достигли этого города, полковник Лабедуайер, офицер благородного происхождения, получивший повышение от Людовика XVIII, появился на дороге перед ними во главе своего седьмого линейного полка. Эти люди и небольшая колонна императора, оказавшись в пределах видимости друг друга, одновременно выскочили из своих рядов и обнялись с обоюдными криками: "Да здравствует Наполеон! Да здравствует гвардия! Живи Седьмым!"

Лабедойер достал орла, которого он прятал при себе, и разломал барабан, в котором, как оказалось, были трехцветные кокарды. Поскольку эти древние знаки отличия были выставлены первым офицером высшего ранга, добровольно вставшим на сторону вернувшегося Изгнанника, со всех сторон проявился новый энтузиазм. Затем Наполеон расспросил молодого Лабедуайера о состоянии Парижа и Франции в целом. Этот доблестный офицер ответил с большой откровенностью: "Сир, французы сделают все для вашего величества; но ваше величество должно делать все для них взамен; больше никаких амбиций, никакого деспотизма; мы полны решимости быть свободными и счастливыми. Необходимо, сир, отказаться от той системы завоеваний и власти, которая принесла несчастье Франции и вам самим".

С рисунка Л. Марина

Отъезд Наполеона в Париж

Наполеон ответил: "Я это знаю. Я возвращаюсь, чтобы возродить славу Франции, утвердить принципы Революции и обеспечить нации определенную степень свободы, которая, хотя и была трудной в начале моего правления, теперь стала не только возможной, но и необходимой".

Этот поступок Лабедуайера был самым решительным, ибо, несмотря на все усилия генерала Маршана, коменданта Гренобля, весь этот гарнизон, когда он подошел к стенам, кричал "Да здравствует Имперер!" Хотя они приветствовали Наполеона своими голосами и пожимали руки его последователям через калитку внизу, они не настолько ослушались губернатора, чтобы распахнуть ворота. Никакие доводы также не могли убедить их открыть огонь по наступающему отряду, и Наполеон спокойно установил одну-две гаубицы прямо в зубы всем их батареям и распахнул ворота. Затем, как будто чары дисциплины разом рассеялись, гарнизон покинул свои ряды и, стащив императора с лошади, понес его на плечах к главной гостинице города, среди

криков восторга и безумной радости. Жители Гренобля, не имея возможности принести ему ключи от города, с одобрительными возгласами принесли ему вместо этого разрушенные ворота, восклицая: "Из-за отсутствия ключей от доброго города Гренобля, вот вам ворота!" На следующее утро он произвел смотр своим войскам, насчитывавшим теперь около 7000 человек, и 9-го числа возобновил свой марш.

10 марта Наполеон приблизился к Лиону, и ему сообщили, что маршал Макдональд прибыл, чтобы принять командование, забаррикадировал мост Гиллотьер и встал во главе большого отряда, чтобы помешать входу в город. Ничуть не обескураженная этим известием, колонна двинулась дальше, и у Лионского моста, как и у ворот Гренобля, всякое сопротивление исчезло, когда солдаты узнали императора. Макдональд был вынужден уйти в отставку, и Наполеон с триумфом вступил во второй город Франции. Макдональд был бы взят в плен своими собственными войсками, если бы некоторые из них, более благородные, чем остальные, не настояли на том, чтобы его побегу никто не препятствовал. После этого он вернулся в Париж, где еще раз надеялся выстоять.

Гвардия из конных горожан, сформированная для сопровождения графа д'Артуа, наследника Империи, и сопровождавшая Макдональда, первой предложила свои услуги императору после того, как он добрался до отеля; но он отверг их помощь и с презрением отмахнулся от них. Обнаружив, что один из них следовал за принцем до тех пор, пока его персона не оказалась вне всякой опасности, Наполеон немедленно наградил этого человека крестом Почетного легиона.

Между тем в течение недели, в течение которой император продолжал свой поход на Париж, не встречая сопротивления, столичные газеты хранили молчание, и никто не осмеливался сделать хоть какой-нибудь намек на его успехи. Затем появился королевский указ, объявлявший Наполеона Бонапарта "вне закона" и немедленно созывавший обе палаты. На следующий день "Монитор" объявил, что, окруженный со всех сторон верными гарнизонами и лояльным населением, этот "преступник и захватчик" уже лишился большей части своих сторонников, в отчаянии бродит среди холмов и наверняка станет пленником самое большее через два-три дня! Людовик получил множество обращений, полных лояльности и преданности, от государственных органов Парижа, из городов и департаментов, и, прежде всего, от маршалов, генералов и полков, случайно оказавшихся недалеко от столицы. Однако сторонники Наполеона в Париже были гораздо более активны, чем роялисты. Они выдавали везде, что, как провозглашение обратился "к французскому народу" от разрыва заявил, Наполеон вернулся полностью излечился от этой амбиции, которые оказали вооруженное Европы против трона; что он считал, что его акт отречения ничтожным, потому что Бурбоны не принял корону на условиях, которые он предложил, и использовал свои полномочия в духе, и для использования в разрез с чувствами и интересами французского народа; что он пришел, чтобы стать не диктатором военный деспотизм, но первый гражданин страны, который он решил принять свободнейший из свободных; что царское правительство хотело бы гасить постепенно все воспоминания о революции; что он возвращается, чтобы освятить еще раз принципах свободы и равенства, когда-либо ненавистен глазах старого дворянства Франции, и, чтобы обезопасить владельцев конфискованных имений от всех козней что доминирующей фракции;—одним словом, что он был полностью разумно в меру своих прошлых ошибок, как отечественных, администрации и военных амбиций, и желая ничего а возможность посвятить, к истинному благополучию мирных

Франции, эти непревзойденные таланты и энергию, которая у него была сыпь достаточно, чтобы насилие в прежние дни.

Друзья Наполеона также заявляли, и с большой демонстрацией авторитета, что армия, от мала до велика, на стороне императора; что каждый отряд, посланный ему на перехват, лишь увеличит его силы, так что ничто не сможет помешать ему овладеть Тюильри раньше, чем пройдет еще две недели над головой короля Бурбонов.

Наполеон оставался в Лионе с 10 по 13 марта. Здесь он официально возобновил функции гражданского правительства, опубликовал различные указы, один из которых предписывал повсюду вершить правосудие от его имени после 15-го числа, другой - упразднить Палаты пэров и депутатов и созвать все коллегии выборщиков собраться в Париже, чтобы засвидетельствовать коронацию Марии Луизы и ее сына и окончательно утвердить конституцию государства; третий - отправить в изгнание всех тех, чьи имена не были вычеркнуты из списка эмигрантов до отречения Фонтенбло; четвертый - лишить всех иностранцев и эмигрантов их должностей в армии; пятый - изгнать всех иностранцев и эмигрантов из списка эмигрантов. , упраздняющий орден Святого Людовика и передающий все его доходы ордену Почетного легиона; и шестой, восстанавливающий власть всех магистратов, которые были смещены правительством Бурбонов.

Эти публикации вскоре достигли Парижа и вызвали большую тревогу среди приверженцев короля.

Маршал Ней теперь получил приказ от военного министра принять командование большим отрядом войск, в верности которых никто не сомневался и которые собирались отправить в Лон-ле-Сонье, чтобы перехватить и арестовать возвращающегося Изгнанника, прежде чем он сможет продвинуться дальше. Ней немедленно поехал в Париж из своей загородной резиденции, находившейся на пенсии, и там впервые узнал о высадке Наполеона с Эльбы. Говорят, он даже заявил, что в течение недели доставит своего бывшего шефа в Париж в клетке, как дикого зверя. Добравшись до Лон-ле-Сонье, он получил письмо от Наполеона, напоминающее ему об их прежних кампаниях и призывающее его присоединиться к его штандарту как "храбрейшего из храбрых". У Ней была тайная беседа с курьером, который привез это письмо, с письмом от Бертрана. Генералы Лекурб и Бурмон, которые сопровождали маршала, посоветовали ему не противодействовать потоку, который был слишком силен, чтобы он мог оказать ему какое-либо сопротивление. Находясь в состоянии сомнений и нерешительности, крайне озадаченный тем, что именно ему предстоит сделать, он получил известие, что его авангард, размещенный в Бурге, перешел на сторону Наполеона и что жители Шалон-сюр-Сон захватили артиллерийский парк. Все это подтверждало то, что Ней только что сообщил курьер, и он воскликнул: "Я не могу остановить поступающую воду океана ладонью моей руки!" Соответственно, на следующее утро он опубликовал приказ дня, объявив, что "дело Бурбонов потеряно навсегда и что законная династия, принятая французской нацией, вот-вот вновь взойдет на трон". Этот приказ был зачитан войскам и был принят ими с восторгом; однако некоторые офицеры возмутились и оставили свое командование. Один из них, прежде чем уйти, разломил свой меч надвое и бросил обломки к ногам Нейя, сказав: "Человеку чести легче разбить железо, чем нарушить свое слово".

Ней немедленно привел в движение свою армию и присоединился к походу императора 17 марта при Осере, где был принят Наполеоном с распростертыми объятиями. Позже Ней признался, что выбрал роль Наполеона задолго до того, как принес присягу Людовику, добавив, что большее число маршалов, как и он сам, были первоначальными участниками эльбанского заговора с целью снова посадить его на трон.

В столице и ее окрестностях все еще оставались войска, достаточные по численности, чтобы сокрушить наступающую колонну, и Людовик доверил командование этими батальонами маршалу Макдональду, который вместе с армией короля обосновался в Мелене в надежде на поддержку своих солдат при выполнении поручения.

19-го Наполеон снова переночевал в замке Фонтенбло, а утром 20-го он двинулся вперед через лес, один и с полным знанием планов Макдональда. Около полудня войска маршала, которые некоторое время находились с оружием в руках на возвышенности за лесом, внезапно заметили одинокую открытую карету, на полной скорости приближавшуюся к ним из-за деревьев. Горстка польских всадников с копьями наперевес следовала за экипажем. Маленькая плоская треуголка; серый сюртук; затем была узнана личность Наполеона. В одно мгновение мужчины вырвались из своих рядов, окружили его с криками "Да здравствует Император!" и втоптали свои белые кокарды в пыль. Макдональд бежал в Париж, но Людовик не дождался своего последнего боя. Он покинул Тюильри прошлой ночью, под слезы и причитания нескольких придворных, и направился по дороге в Лиль. Вскоре Макдональд догнал его и сопровождал до границы с Нидерландами, которой он благополучно достиг.

Наполеон снова вступил в Париж вечером 20 марта. Он прибыл впереди и за ним следовали солдаты на лошадях, на которых он единственный полагался. В Тюильри его встретили со всевозможными проявлениями радости, и он был почти задушен напором тех восторженных приверженцев, которые, как только он остановился во дворе дворца, посадили его себе на плечи и с триумфом понесли вверх по парадной лестнице дворца. Император во время этой драматической процедуры продолжал восклицать: "Будьте тверды, мои добрые дети; будьте тверды, я умоляю вас". Кусок его сюртука, намеренно или случайно оторванный, был мгновенно разделен на сотни лоскутков, за каждый из которых, в качестве реликвии, велась такая же борьба, как если бы были предприняты усилия завладеть таким количеством золотых слитков. Он обнаружил в покоях, которые король лишь недавно освободил, блестящее собрание тех, кто в прежние времена занимал самые видные места в его собственных советах и при дворе.

"Господа, - сказал Наполеон, обходя круг, - именно бескорыстные люди вернули меня в мою столицу. Все это сделали младшие офицеры и солдаты. Я всем обязан народу и армии".

Всю ночь напролет пушки Маренго и Аустерлица издавали свои радостные звуки, город был ярко освещен, и все, кроме бурбонов, которые, как радостно говорит Тьер, "за двадцать пять лет ничему не научились и ничего не забыли", радовались возвращению Изгнанника. Теперь Наполеон доказал, что он был императором не только армии, но и граждан, народа, крестьянства и широких масс. С горсткой людей он прошел маршем из одного конца королевства в другой, вошел в столицу и завладел тронem, и это без пролития ни единой капли крови!

Среди других причин отъезда с Эльбы он указал, что в дополнение к нарушению Фонтенблосского мирного договора, выразившемуся в невыплате ему пенсии, его жена и ребенок были схвачены, взяты под стражу и им никогда не разрешалось присоединиться к нему; что в выплате пенсий его матери и братьям было отказано, и что на Эльбу были посланы наемные убийцы с явной целью убить его. Это последнее обвинение также было выдвинуто Савари с большой долей позитива. "В прошлом году, - сказал Наполеон, - говорили, что я отозвал бурбонов; в этом году они отзывают меня; так что мы равны!"

До утра 20 марта ночи были дождливыми, а дни мрачными и пасмурными; но в это утро, в годовщину рождения молодого короля Рима, день ознаменовался ярким солнцем, что произвело сильное впечатление на население, которое в своих приветствиях снова называло "солнце Наполеона", как и солнце Аустерлица десятью годами ранее. На следующий день все население столицы направило свои стопы к Тюильри и снова и снова выражало свою радость по поводу возвращения императора, который в период с 1 по 20 марта исполнил то странное пророчество, в котором он говорил, что победа будет наступать первым шагом и что императорский орел будет без остановки перелетать со шпилья на шпиль, к башням Собора Парижской Богоматери, даже к куполу дворца Тюильри!

XVI СТО ДНЕЙ. ВАТЕРЛОО.

В тот момент, когда весть о дерзком движении Наполеона достигла Вены, Конгресс, хотя и был на грани роспуска, опубликовал прокламацию, в которой говорилось: "Нарушив Конвенцию, которая утвердила его на Эльбе, Бонапарт уничтожил единственный законный титул, от которого зависело его существование; и, снова появившись во Франции с проектами смуты и беспорядка, он лишил себя защиты законов и показал вселенной, что с ним не может быть ни мира, ни перемирия. Следовательно, державы заявляют, что Наполеон Бонапарт поставил себя вне рамок гражданских и общественных отношений и что как враг и возмутитель спокойствия во всем мире он сделал себя объектом общественного возмездия".

Теперь вся Европа снова была готова к войне. Был заключен официальный договор, по которому четыре великие державы, Англия, Австрия, Россия и Пруссия, обязывались содержать каждая из них по меньшей мере 150 000 вооруженных солдат до тех пор, пока Наполеон либо не будет свергнут с престола, либо падет настолько низко, что больше не будет угрожать миру в Европе. Другие государства Континента должны были быть приглашены присоединиться к североатлантическому союзу, предоставив контингенты, достаточные для их соответствующих ресурсов.

Было оговорено, что в случае, если Англия не предоставит всех оговоренных людей, она компенсирует это, выплачивая 150 долларов в год за каждого кавалерийского солдата и 100 долларов за каждого пехотинца при полной численности.

На следующий день после своего возвращения с Эльбы Наполеон произвел смотр всем войскам в Париже и обратился к ним с одной из тех волнующих и красноречивых речей,

которые никогда не переставали вызывать у них энтузиазм. Начиная свое обращение, он сказал: "Солдаты, я возвращаюсь во Францию с тысячей сотнями человек, потому что я полагался на любовь народа и память обо мне среди ветеранов войск. Я не обманул в своих ожиданиях; я благодарю вас, солдаты. Слава всего достигнутого принадлежит людям и вам самим. Моя единственная заслуга состоит в том, что я по справедливости оценил вас".

Крики "Да здравствует Имперец!" наполнили воздух и усилились, когда генерал Камбронн вошел во главе офицеров гвардейского батальона, который сопровождал его на Эльбу и обратно, неся императорских орлов. Увидев древние эмблемы, Наполеон воскликнул: "Посмотрите на офицеров батальона, которые сопровождали меня в час несчастья! Все они мои друзья; они дороги моему сердцу; всякий раз, когда я видел их, они представляли моему взору различные полки, составляющие армию; ибо в числе этих шестисот храбрецов есть отдельные представители каждого корпуса. Любя их, я любил всех вас, солдат целой армии. Они пришли, чтобы вернуть вам этих орлов; пусть они докажут вам, что являются точкой сплочения! Поклянитесь, что они будут найдены повсюду, когда этого потребуют интересы страны; что предатели и те, кто хочет поработить нашу территорию, возможно, никогда не смогут поддержать их точку зрения ". "Мы клянемся!" - раздались громкие ответы солдат под звуки оркестра. "Давайте присмотрим за безопасностью Империи".

Среди раскатов, сотрясающих воздух, особенно слышны были крики рабочего класса, их непрекращающиеся выкрики выражались в таких выражениях: "Великий подрядчик вернулся; теперь мы будем есть хлеб!"

Едва Наполеон воссел на свой трон, как узнал, что ему, по всей вероятности, придется защищаться от 225 000 русских, 300 000 австрийцев, 236 000 пруссаков, армии в 150 000 человек, предоставленной второстепенными государствами Германии, 50 000 человек, предоставленных правительством Нидерландов, и 50 000 англичан под командованием герцога Веллингтона; всего 1 100 000 солдат! С того момента, как он восстановил свое положение в Тюильри, он начал тот период своего правления, который был назван "Ста днями", чтобы встретиться с этой гигантской конфедерацией. Карно снова стал военным министром и проявил ту же энергию, что и во время консульства. В тот момент нация была на стороне Наполеона, несмотря на прокламации Людовика XVIII, которые проникли в столицу и объявили о скором прибытии миллиона иностранных солдат под стены Парижа, чтобы заменить его на троне и прогнать "узурпатора".

Герцогиня Ангулемская была последней из королевской семьи, кто остался во Франции. Она бросилась в Бордо, доверившись дружеским чувствам мэра и горожан. Она прилагала все усилия, чтобы поддержать дело Бурбонов, и вела себя с таким мужеством, что Наполеон произнес надгробную речь в ее адрес как "единственному мужчине в ее семье". Но ее усилия не увенчались успехом.

Эффективная численность армии Франции, когда Наполеон высадился в Каннах, составляла всего около 93 000 человек. Кавалерия была значительно сокращена, и бедствия 1812, 1813 и 1814 годов все еще были заметны в нехватке военных припасов и оружия, особенно в артиллерии. Ценой почти невероятных усилий, хотя теперь император и не мог применить старый метод призыва, к середине мая у него было более 375 000 вооруженных людей, включая императорскую гвардию из 40 000 отборных ветеранов, — все в великолепном состоянии снаряжения и дисциплины; большая и блестящая кавалерия и обоз артиллерии

соответствующего размера и совершенства. Он неустанно трудился над тем, чтобы снова поднять военную мощь Франции на высоту, достаточную для отражения нападения всей Европы, и был занят по пятнадцать-шестнадцать часов в день в течение всего этого периода. Не хватало людей, одежды, оружия, лошадей и дисциплины.

Теперь все ветераны были возвращены в строй. Они пришли толпами, оставив занятия, которым они занимались, численностью в сто тысяч человек. Все офицеры, получавшие половинное жалование, также были привлечены к ответственности.

Наполеон предпринял несколько попыток начать переговоры с союзниками и привел три аргумента в защиту своего "нарушения Конвенции", благодаря которой он стал сувереном Эльбы: 1. задержание его жены и сына австрийским судом; 2. невыплата ему пенсии; и 3. голос французской нации, который он услышал и которому подчинился, о чем свидетельствует тот факт, что к концу марта трехцветный флаг был вывешен на каждой башне Франции.

В последние дни Венского конгресса обсуждался вопрос о владении Мюратом неаполитанским тронном, и Талейран пытался свергнуть его с престола и посадить на него короля Сицилии. Когда Наполеон высадился на берегах Франции, Мюрат решил соперничать в смелости со своим шурином и без дальнейших промедлений двинулся на Рим во главе 50 000 человек, причем папа и кардиналы разбежались при его приближении. Затем Мюрат двинулся на север Италии, призывая "всех истинных итальянцев" сплотиться вокруг него и помочь в превращении их страны в единое свободное и независимое государство во главе с ним самим.

Австрийский командующий в Ломбардии немедленно привел свои войска в движение, чтобы встретить Мюрата, и последователи последнего в замешательстве бежали, их лидер искал личной безопасности в бегстве. Бросив свои жалкие остатки армии, он вечером 18 мая инкогнито вернулся в свою столицу. Обнимая свою королеву, сестру Наполеона, он взволнованно воскликнул: "Все потеряно, Каролина, кроме моей собственной жизни, а я не смог ее пожертвовать!"

Он отплыл на рыболовецком судне, которое высадило его недалеко от Тулона примерно в конце мая. Здесь он задержался на некоторое время, умоляя Наполеона принять его в Париже, и, потерпев неудачу, после ряда необычайных трудностей вернулся на побережье Неаполя после того, как король Обеих Сицилий был восстановлен на этом троне.

Мюрат надеялся спровоцировать восстание и вернуть то, что он потерял; но был схвачен, предан суду и казнен, встретив свою судьбу с героической стойкостью. Тем, кто лишил его жизни, он сказал в последний момент: "Спасите мое лицо; цельтесь в мое сердце!" На острове Святой Елены Наполеон часто говорил, что судьба мира могла бы измениться, если бы при Ватерлоо французскую кавалерию возглавил Мюрат.

Австрия теперь концентрировала все свои итальянские силы для планируемого повторного вторжения во Францию; испанская армия начала собираться к перевалам Пиренеев, русские, шведы и датчане уже наступали с севера, в то время как основные армии Австрии, Баварии и рейнских князей быстро укреплялись вдоль Верхнего Рейна. Блюхер снова командовал пруссаками в Нидерландах; а Веллингтон, главнокомандующий британцами, ганноверцами и бельгийцами, к концу мая также разместил свою штаб-квартиру в Брюсселе. Наполеону было совершенно очевидно, что тучи быстро сгущаются, и он сразу же начал готовиться к обороне, прежде чем его граница была пересечена со всех сторон.

Помимо других приготовлений, император теперь сильно укрепил Париж и все позиции перед ним на Сене, Марне и Обе, а также среди перевалов Вогезских холмов. Лайонс также охранялся очень мощными внешними сооружениями. Массена в Меце и Сюше на швейцарской границе командовали дивизиями, которые император считал достаточными, чтобы некоторое время сдерживать Шварценберга на Верхнем Рейне. Если бы он погнался за ними, в крепостях позади вряд ли смогли бы задержать его надолго.

Тем временем Наполеон решил лично атаковать самых бдительных из своих врагов, пруссаков и англичан, за Самброй, пока австрийцы были таким образом сдержаны на Верхнем Рейне; и прежде чем северные армии смогут выйти из Мангейма, действовать правым флангом совместно с Веллингтоном и Блюхером, а левым — со Шварценбергом.

14 мая, заранее назначенное днем шествия и торжественного праздника "федератов" — парижских рабочих и ремесленников, — император проехал вдоль их рядов, выслушал их одобрительные возгласы и обратился к ним с обычной речью. Однако тем временем Фуше, министр полиции, уже начал поддерживать предательские связи с австрийским правительством. В одном случае Наполеон обнаружил этот факт и чуть было не приказал арестовать его; но он воздержался, очевидно, опасаясь республиканской партии, среди которой Фуше был активным претендентом.

Церемония "Champ-de-Mai" состоялась 1 июня на открытом пространстве напротив Военного училища. Императорская и национальная гвардия, а также линейные войска, насчитывавшие в общей сложности 15 000 солдат, были выстроены в каре на Марсовом поле, и огромное количество зрителей заполняло каждое свободное место, с которого открывался вид на сцену. После религиозной церемонии избиратели департаментов обратились к императору с патриотическим обращением, на которое он ответил: "Император, консул, Солдат — всех я храню от народа. В процветании, в невзгодах, на поле битвы, в совете, на троне, в изгнании Франция была единственным объектом всех моих мыслей и действий".

Затем император проследовал к алтарю и принес присягу соблюдать новую конституцию, которая была принята более чем полутора миллионами голосов и в которой за ним последовали его министры и депутаты выборщиков. Церемония завершилась раздачей орлов войскам и громкими и повторяющимися возгласами "Да здравствует Император!" со стороны солдат и собравшейся толпы. На следующий день император устроил грандиозный праздник в галерее Лувра для представителей армии и курфюрстов, по случаю чего его снова приветствовали со всеми проявлениями преданности. 4 июня Наполеон лично присутствовал на открытии Палаты и произнес речь, которая была твердой, открытой и разумной.

К этому времени император добился необычайных успехов в своих приготовлениях к войне. Реальная численность армии была увеличена до 365 000 человек, из которых 117 000 были при оружии, одеты, дисциплинированы и готовы выйти на поле боя. Они были сформированы в семь больших корпусов, помимо нескольких наблюдательных корпусов, размещенных вдоль всей линии границ, которым тогда угрожали со всех сторон. Что теперь требовалось Наполеону, так это время для подготовки средств обороны; но этого его враги отнюдь не собирались допускать.

Их огромное вооружение уже направлялось к границам Франции разными линиями и со значительными интервалами для удобства пропитания. Императоры России и Австрии, а также

король Пруссии снова встали во главе своих армий. Австрийцы численностью в 300 000 человек под главнокомандованием Шварценберга были разделены на два отряда, один из которых должен был войти во Францию через Швейцарию, другой - через Верхний Рейн. Двести тысяч русских маршировали в Эльзас под командованием эрцгерцога Константина. Прусская армия насчитывала двести тридцать шесть тысяч человек, из которых половина уже была в бою. Второстепенные государства Германии предоставили сто пятьдесят тысяч; Нидерланды - пятьдесят тысяч; Англия - восемьдесят тысяч, включая королевский германский легион и другие войска на британском жаловании под командованием герцога Веллингтона; всего 1 016 000 солдат!

Среди этих войск были армия под командованием герцога Веллингтона и пруссаки под командованием Блюхера, которые первыми вышли на поле боя. Они оккупировали Бельгию и насчитывали свыше двухсот тысяч человек, из которых чуть менее половины находились в подчинении английского главнокомандующего.

Возвращение Наполеона с Эльбы

В голове Наполеона возникли два плана кампании. Первый заключался в том, чтобы оставаться полностью в обороне, предоставив союзникам возможность нанести первый удар по свободам народов. Он полагал, что, поскольку они не начнут вторжение до середины июля, пройдет середина августа, прежде чем они смогут пробиться через крепости и появиться во всеоружии перед Лионом и Парижем. Большие армии могли бы быть до этого времени сосредоточены им под стенами этих двух городов, и там должны были бы разыгаться сражения и решиться их исход. Второй план состоял в том, чтобы перейти в наступление до того, как союзники завершат свои операции, войдя маршем в Бельгию и атаковав армии Веллингтона и Блюхера. Его численность была бы меньше, но его тактика была бы направлена на предотвращение соединения двух противостоящих ему армий и разгром их по отдельности, и в этом случае Бельгия наверняка восстала бы и присоединилась к его делу. В конце концов он остановился на последнем плане кампании. Его расчеты были частично нарушены серьезным восстанием в Вандее, которое вынудило его послать 20 000 человек в эту провинцию, чтобы подавить ее, и сократило его располагаемые силы до ста двадцати тысяч человек; но это не изменило его

решимости. Армия была приведена в движение, и были сделаны все приготовления к надвигающейся битве.

Император покинул Париж в ночь с 11 на 12 июня, как заявляют некоторые авторы, "чтобы помериться силами с Веллингтоном". Императорская гвардия начала свой марш 8-го, и все различные корпуса армии были в движении к Мобежу и Филлипвиллю. Когда Наполеон объявил о своем намерении начать войну, Коленкур попросил оказать ему любезность и сопровождать его. "Если я не оставляю вас в Париже, - ответил Наполеон, - на кого я могу положиться?" Уже тогда он чувствовал, что ему приходится бороться не только с союзниками; и когда он покинул Париж, то, казалось, меньше опасался прежних врагов, чем тех, кого оставил позади. Прощаясь с женой Бертрана, он сказал ей: "Будем надеяться, мадам Бертран, что нам не скоро придется сожалеть об острове Эльба".

Наполеон прибыл в Вервин 12 июня, а 14 июня собрал и произвел смотр в Бомоне всей армии, которая была готова немедленно выступить по его собственному приказу. Они были самым тщательным образом отобраны и сформированы, и это были, пожалуй, самые совершенные силы, хотя и далеко не самые многочисленные, с которыми он когда-либо выходил на поле боя. Отчеты показали, что его армия насчитывала сто двадцать две тысячи четыреста человек при трехстах пятидесяти орудиях. Они включали 25 000 человек из его императорской гвардии, 25 000 кавалеристов в высочайшем состоянии и превосходно обслуживаемую артиллерию. "Вся армия была великолепно и полна рвения, - говорит граф Лабедойер, - но император, в большей степени раб, чем можно было бы приписать воспоминаниям и старым привычкам, совершил большую ошибку, передав свою армию под командование ее прежних вождей, большинство из которых, несмотря на свои предыдущие обращения к королю, не переставали молиться о триумфе императорского дела; однако они не были расположены служить ему с тем рвением и преданностью, которых требовали властные обстоятельства. Это были уже не люди, полные молодости и честолюбия, щедро расточавшие свои жизни ради приобретения званий и славы; это были ветераны, уставшие от войн, которые, достигнув вершины продвижения по службе и обогатившись за счет добычи врага или щедрот Наполеона, не испытывали иного желания, кроме мирного наслаждения своей удачей под сенью тех лавров, которые они так дорого приобрели".

Император напомнил своим солдатам в пламенном воззвании, опубликованном 14 июня, что этот день является годовщиной битвы при Маренго и Фридланде. "Тогда, как и после Аустерлица и Ваграма, - сказал он, - мы были слишком великодушны. Мы поверили протестам и клятвам принцев, которым мы позволили остаться на их тронах. Однако теперь, объединившись между собой, они стремятся к независимости и самым священным правам Франции. Они начали самую несправедливую из агрессий. Разве мы больше не те же люди? Какие же они дураки! Момент процветания ослепляет их. Угнетение и унижение французского народа им не по силам. Если они войдут во Францию, там они найдут свою могилу. Солдаты! Нам приходилось совершать форсированные марши; вести сражения; сталкиваться с опасностями; но при постоянстве победа будет за нами. Права — честь страны - будут соблюдены. Для каждого француза, у которого есть сердце, настал момент либо победить, либо погибнуть!"

Армия Блюхера насчитывала в это время около 120 000 человек. Справа от себя они поддерживали связь с левыми частями англо-бельгийской армии под командованием Веллингтона, штаб-квартира которой находилась в Брюсселе. Войска Блюхера растянулись

вдоль линии рек Самбр и Маас, заняли Шарлеруа, Намюр, Живе и Льеж. Войско герцога Веллингтона насчитывало в общей сложности 75 000 человек; его первая дивизия заняла Энгийен, Брен-ле-Конт и Нивель, сообщаясь с правым флангом пруссии у Шарлеруа. Вторая дивизия — "Лорд Хиллс" — была расквартирована в Галле, Ауденаре и Грамоне вместе с большей частью кавалерии. Резерв под командованием сэра Томаса Пиктона был расквартирован в Брюсселе и Генте. Английское и прусское командование таким образом расположили свои войска таким образом, чтобы иметь возможность поддерживать друг друга, где бы французы ни рискнули напасть.

В ночь с 14-го на 15-е разведчики вернулись в штаб французов, доложив, что среди захватчиков в Шарлеруа, Намюре или Брюсселе не было никакого движения, что подтвердило уверенность императора в том, что планы по сокрытию передвижений его армии в течение последних нескольких дней были успешными. Герцог Веллингтон в письме лорду Батерсту 13-го числа заявил о своей неверии в сообщение о том, что Наполеон присоединился к армии, и только во второй половине дня 15-го он получил какие-либо сведения о позиции и намерениях Наполеона. В тот день офицер высокого ранга прибыл в штаб Веллингтона в Брюсселе с разведданными о решающих операциях Наполеона.

Генерал Бурмон, протеже Нея, вместе с полковниками Клуэ и Виллутри и двумя другими офицерами перешел на сторону врага со всеми планами императора. Наполеон знал от маршала Нея, что Бурмон проявил некоторую нерешительность, и он не сразу нанял его. Бурмон, однако, дал генералу Жерару честное слово верно служить императору; и этот генерал, которого Наполеон высоко ценил, ответил за его честность, император согласился принять его на службу. Он покрыл себя славой в 1814 году, и нельзя было ожидать, что в 1815 году он перейдет на сторону врага накануне сражения. Барабанщик, дезертировавший из рядов французов за несколько часов до генерала Бурмона и двух его спутников, был препровожден под конвоем в штаб Блюхера в Намюре, где он сообщил первые сведения о планируемом нападении Наполеона. Это было подтверждено Бурмоном, Клуэ и Виллутри, которые добавили детали, с которыми барабанщик, возможно, не был знаком.

Позже, говоря об этих предателях, Наполеон сказал: "Их имена будут предаваться проклятию до тех пор, пока французский народ образует нацию. Это дезертирство усилило беспокойство солдат".

Император немедленно внес эти изменения в свой план наступления, поскольку такая неожиданная измена стала необходимой, а затем приступил к выполнению деталей своей кампании. Он решил первым атаковать пруссаков, так как верил, что Блюхер сразу же даст ему бой, чтобы дать англичанам время собрать свои силы. Он также полагал, что, если английская армия будет атакована первой, Блюхер быстрее прибудет на помощь англичанам, чем последние, вероятно, сделают, если первыми будут атакованы пруссаки.

Ней был назначен командующим 43 000 человек с приказом продвигаться по дороге на Брюссель и овладеть позицией у Катр-Бра на всех участках, чтобы помешать Веллингтону поддержать пруссаков. Он должен был выступить на рассвете 16-го, занять позицию и укрепиться в траншее.

В четверг, 15 июня, французы на рассвете атаковали все аванпосты на западном берегу Самбры и, наконец, атаковали Шарлеруа, поскольку император намеревался сокрушить Блюхера прежде, чем он сможет сосредоточить все свои собственные силы, — не говоря уже о том, чтобы получить поддержку от наступления Веллингтона, — а затем ринуться на Брюссель. Зиеттен держался с большими потерями при Шарлеруа; но достаточно долго, чтобы тревога распространилась по всей линии фронта Пруссии, а затем отступил на позиции между Линьи и Аманом, где Блюхер теперь ожидал атаки Наполеона во главе всей своей армии, за исключением дивизии Бюлова, которая еще не подошла из Льежа.

План разгрома пруссаков в деталях не увенчался успехом, но вторая часть плана — полное отделение их от Веллингтона - все еще могла увенчаться успехом. С этой целью, пока Блюхер сосредотачивал свои силы около Линьи, французы удерживали главную дорогу на Брюссель из Шарлеруа, разбив часть войск Нассау у Фрэсна и следуя за ними до Катр-Бра, фермы, названной так потому, что именно там пересекаются дороги из Шарлеруа в Брюссель и из Нивеля в Намюр.

В четверг в штаб Веллингтона в Брюсселе прибыл прусский офицер с разведанными о решающих операциях Наполеона. До сих пор остается открытым вопрос, в котором часу герцог получил это известие, по разным данным, от 1 до 6 часов пополудни. Это известие сводилось к тому, что атака началась и аванпосты союзников были отброшены назад — к большому удивлению Веллингтона, поскольку он не был полностью готов к этим новостям. В четверг вечером в Брюсселе, в отеле герцогини Ричмондской, должен был состояться бал, на котором присутствовали герцог Веллингтон и большинство его генералов. Несмотря на полученные сведения, все они ушли; но в 11 часов прибыла вторая депеша, извещавшая, что "французы вошли в Шарлеруа этим утром и продолжали двигаться в боевом порядке на Брюссель; что их было сто пятьдесят тысяч человек; и что император был во главе их!" Теперь было слишком ясно, что больше нельзя терять времени, и герцог со всеми своими офицерами поспешил покинуть бальный зал.

Веллингтон, теперь полностью осознавший свое положение, немедленно отдал приказ о роспуске своих частей и сосредоточении сил, которые были разбросаны на очень большой территории. 16-го рано утром он выехал в Катр-Бра, чтобы осмотреть позиции, а оттуда в Брай, где у него состоялась беседа с Блюхером.

Наполеон, маневры которого до сих пор соответствовали его желанию, выступив из Шарлеруа около полудня 16-го, пребывал в нерешительности, кто должен стать главным объектом его атаки - Блюхер в Линьи или Веллингтон в Катр-Бра. В конце концов он решил уделить Блюхеру свое личное внимание.

Передовые отряды встретились у деревни Флерюс, а те, что принадлежали пруссакам, отступили, и теперь их армия казалась выстроенной в боевой порядок: слева - Сомбреф, центром - Линьи, справа - Сент-Аман. Резервы находились на высотах Бри. На вершине этого возвышения бросалась в глаза мельница Брай, а за мельницей, в низине, стояла деревня Брай, виднелась только ее колокольня.

Прусские войска заняли линию протяженностью почти четыре мили. Французская армия, без учета дивизии Нея, численностью в 60 000 человек, остановилась и построилась. Император

теперь поехал к нескольким ветряным мельницам, расположенным на цепи аванпостов на высотах, и провел разведку противника.

Пруссакки выставили перед ним силы численностью около 80 000 человек. Их фронт был защищен глубоким оврагом, но правый фланг был открыт, и дивизия Нея находилась, как предполагал император, в тылу у Катр-Бра. В это время из Нейи прибыл штабной офицер, чтобы сообщить Наполеону, что он еще не занял Катр-Бра из-за сообщений, которые заставляли его опасаться, что враг обратит его в бегство; но что он будет наступать, если император все еще будет этого требовать. Наполеон обвинил его в потере восьми часов, повторил приказ и добавил, что, как только Ней укрепит эту позицию, он (Ней) должен послать отряд по дамбе Намюр и деревне Марше, откуда он должен атаковать высоты Бри в прусском тылу. Ней получил этот приказ в 12 часов пополудни; его отряд мог достичь Марше примерно к 2 часам.

Поэтому в этот поздний час император, спустившись с высот, с которых у него сложился правильный вид на свое положение, отдал приказ о немедленной атаке путем смены всего фронта, разделенного на несколько колонн, на Флерюс. Атака продолжалась по всей линии противника, которая должна была оказаться зажатой между двух огней после прибытия отряда из дивизии Нея в тыл пруссакам. "Судьба войны, - сказал Наполеон в ответ на вопрос графа Жерара, - может быть решена в течение трех часов. Если Ней хорошо выполнит его приказы, ни одно оружие прусской армии не ускользнет". Едва солдаты продвинулись на несколько шагов под громкие крики "Да здравствует Имперец!", как в их рядах произошли ужасные опустошения от цепных выстрелов из деревни и ядер с батарей наверху. Одна пуля убила восемь человек в одной из колонн. Но энтузиазм войск, рвущихся в бой, был слишком велик, чтобы заставить их дрогнуть, и они продвинулись вперед почти без стрельбы, выбили пруссаков острием штыка с их позиций в садах и огородах и вошли в деревню после упорного сопротивления, но вскоре отступили, так как не смогли одолеть массы пехоты, выстроенной полукругом на склоне холма Бри. Бои у Линьи начались немного позже, но не менее агрессивно. Когда три колонны Жерара приблизились к деревне Линьи, их встретили таким залпом, что они были вынуждены отступить. Затем большая часть артиллерии была брошена вперед и изрешетила деревню Линьи, а колонны Жерара снова продвинулись вперед, окончательно овладев этим местом. За этим последовала серия боев, чрезвычайно ожесточенных, поскольку французы не давали пощады и не получали ее от пруссаков.

Блюхер двинулся вперед во главе своих солдат и предпринял энергичную попытку атаковать три Сент-Аманда, но на какое-то время лишь с частичным успехом. Наконец, благодаря серии искусных атак и маневров французы овладели этими тремя пунктами, но не смогли пересечь извилистый поток Линьи. Было уже 5.30, и Наполеон направлял императорскую гвардию на Линьи в поддержку преимуществ, уже достигнутых графом Жераром во главе 5000 человек при Сент-Аманде, когда ему сообщили, что армия численностью 30 000 человек наступает на Флерюс. Император приостановил движение своей гвардии, чтобы встретить эти новые силы; но тревога оказалась необоснованной. Оказалось, что первый корпус графа д'Эрлона, входивший в состав дивизии Нея, наконец выполнил неоднократные приказы Наполеона и подошел, чтобы зайти неприятелю в тыл: их неожиданное появление привело к потере двух часов.

Старая гвардия возобновила приостановленное продвижение к Линьи: овраг перешел генерал Пече во главе своей дивизии при поддержке пехоты, кавалерии, артиллерии и кирасиров Мийо. Резервы пруссаков были отброшены штыками, а центр линии обороны прорван и обращен в бегство. Последовал кровавый конфликт, в котором французы одержали победу. Резня среди пруссаков была самой замечательной. Они, однако, разделившись на две части, предприняли отступление, чему способствовала ночь и неудача той атаки в тыл, которую Ней получил столь недвусмысленный приказ произвести отделению из своих сил. Их потери составили огромное количество в 18 000 человек убитыми, ранеными или пленными; сорок орудий и восемь знамен, в то время как потери французов составили от 8000 до 9000 человек.

В течение пяти часов двести орудий заливали поле боя резней, кровью и смертями, в течение которых французы и пруссаки, попеременно побежденные и победители, сражались на этом обескровленном посту врукопашную и нога в ногу, так что не менее семи раз подряд Линьи был взят и потерян.

Император неоднократно посылал Нейю сообщения, "что судьба Франции находится в его руках", но маршал-ветеран не смог оценить важность приказов и действовал несвоевременно.

Многие прусские генералы были убиты или ранены; а сам Блюхер был повержен, как человек, так и конница, атакой кирасир, и на него наскочили друзья и враги. Приближалась ночь, и маршал, сильно избитый и в синяках, совершил побег. Он присоединился к части своих войск, руководил отступлением на Вавр и продолжал так искусно маскировать свои передвижения, что Наполеон не знал до полудня 17-го, каким путем он пошел.

Общие потери французов составили не более девяти тысяч убитыми или ранеными — чрезвычайная диспропорция была вызвана более умелым расположением французских войск, благодаря чему все их выстрелы достигали цели, в то время как более половины выстрелов противника пропадали даром.

В тот же день, что и битва при Линьи, — 16 июня, — также произошла битва при Катр-Бра и примерно в то же время. Ней с 45 000 человек начал атаку на позиции Веллингтона при Катр-Бра. В этом месте французы расположились среди зарослей кукурузы высотой по плечо самому высокому человеку, что позволило им подтянуть сильный отряд кирасир вплотную к англичанам, но при этом полностью скрыться из их поля зрения. Таким образом, 49-й и 42-й полки горцев были захвачены врасплох, и последний был бы уничтожен, если бы не подошедший первый. 42-й полк, выстроенный в каре, неоднократно разбивался и так же часто восстанавливался, хотя и с ужасными человеческими жертвами, поскольку из 800 человек, участвовавших в бою, только девяносто шесть рядовых и четыре офицера остались невредимыми.

Настоятельные приказы Наполеона, не дававшие маршалу времени на размышления, и, несомненно, стремившийся наверстать упущенное драгоценное время, за которое он мог бы овладеть Катр-Бра, не произвели достаточной разведки и вступили в бой, не будучи полностью подготовленными. Первая успешная атака вскоре была приостановлена из-за прибытия свежих подкреплений во главе с герцогом Веллингтоном, а блестящая храбрость шотландцев, бельгийцев и принца Оранского приостановила успех французов. Они были отброшены градом пуль британской пехоты, добавленной к батарее из двух орудий, которые усеяли дамбу людьми и лошадьми.

Ней хотел заставить первый корпус, который он оставил в тылу, двинуться вперед; но Наполеон отправил графу д'Эрлону, стоявшему во главе этого корпуса, категорический приказ присоединиться к нему, с каковой целью последний и начал свой марш. Ней, когда ему сообщили об этом факте, оказался под перекрестным огнем вражеских батарей. "Вы видите эти пули?" - воскликнул маршал, и его чело омрачилось отчаянием. "Если бы они все прошли сквозь мое тело!" - и он немедленно послал генерала Делькамбра со всей скоростью вдогонку за графом д'Эрлоном, приказав, что какими бы ни были его приказы, хотя они и были получены от самого императора, он должен вернуться. Он так и сделал, но когда приехал вечером, Ней, удрученный уже полученными чеками и недовольный собой и другими, расторг помолвку. Д'Эрлон провел день в бесполезных переходах, его доблесть была растратчена впустую из-за роковой случайности, над которой он не имел никакого контроля. Между 5 и 6 часами генерал Делькамбр догнал первый корпус на марше к Брай и вернул его к Катр-Бра!

Ночь застала англичан после тяжелого и кровопролитного дня во владении Катр-Бра, французы были вынуждены отступить. Доблестный герцог Брауншвейгский, сражавшийся в первых рядах, пал почти в самом начале сражения. Убитыми и ранеными на стороне французов было 4000 человек, а потери союзников составили почти 6000 человек из-за того, что у них почти не было артиллерии. Как и в Линьи, о пощаде либо просили, либо давали мало, поскольку между французами и пруссаками была большая ненависть. Затем французы были вытеснены бельгийцами из леса Боссю, и последовательно прибыли английские дивизии Альтена, Халкета, Мейтленда, Кука и Бинга.

Пренебрегши переброской всей своей дивизии на Катр-Бра ранним утром, Ней не смог перекрыть пути соединения между прусской и английской армиями; и не отправив отряд атаковать пруссаков в тыл у Линьи, теперь выясняется, что вся прусская армия была спасена от уничтожения или взятия в плен до того, как она смогла получить полную поддержку, обещанную герцогом Веллингтоном. Последний намеревался наступать на Катр-Бра в 2 часа и дебушировать на Сент-Аман в 4 часа пополудни. Ней, однако, совершил важный поступок, остановив продвижение пяти или шести дивизий главной армии в течение оставшейся части дня, пока решался исход битвы при Линьи, и этим в некоторой степени исправил свои различные ошибки, допущенные 16-го.

Французы расположились бивуаком в ночь на 16-е число на поле битвы при Линьи, за исключением дивизии Груши, которая расположилась лагерем в Сомбрефе. Герцог Веллингтон провел ночь в Катр-Бра, — его армия постепенно присоединялась к нему до утра 17-го, - когда ее численность достигла 50 000 человек. Победа, одержанная Наполеоном при Линьи, не оправдала его ожиданий. "Если бы маршал Ней атаковал англичан своими объединенными силами, - сказал император, - они неизбежно были бы разгромлены; после чего он мог бы нанести пруссакам решающий удар; но даже если бы, пренебрегши этим первым шагом, он не предпринял второго, воспрепятствовав движению графа д'Эрлона, появление первого корпуса ослабило бы сопротивление Блюхера и обеспечило бы его свержение без малейшего сомнения; тогда вся его армия должна была бы быть взята в плен или уничтожена".

Теперь Ней получил приказ наступать на Катр-Бра на рассвете и атаковать британский арьергард, в то время как граф Лобау должен был двигаться вдоль дамбы Намюра и обойти британцев с фланга. Генерал Пажоль на рассвете также отправился в погоню за пруссаками под командованием Блюхера. Его поддерживал Груши с кавалерией Эксельманса, а также третий и

четвертый пехотные корпуса, насчитывавшие в общей сложности около 32 000 человек. Император приказал Груши "прежде всего энергично преследовать пруссаков и поддерживать связь со мной слева", чтобы при необходимости присоединиться к основной армии.

Наполеон проехал верхом по полю битвы при Линьи и распорядился оказать всяческую помощь раненым. Затем он поспешил поддержать атаку Нея на Катр-Бра. Он узнал, что она все еще удерживается англичанами и что Ней не предпринял атаки. Он упрекнул Нея при встрече с ним, и маршал извинил его задержку, заявив, что, по его мнению, там была вся британская армия. Однако это было не так.

Герцог Веллингтон, который намеревался соединиться с пруссаками у Катр-Бра, но был разочарован их катастрофическим поражением при Линьи, теперь приказал отступить на Брюссель, оставив графа Аксбриджа с его кавалерией в качестве арьергарда. Наполеон приказал дивизии графа Лобау наступать, и затем британская кавалерия начала отходить в боевом порядке. Французская армия двинулась в погоню, император шел впереди.

Погода была на редкость плохой, дождь лил как из ведра, так что дороги были едва проходимы. Таким образом, атака кавалерии на британский арьергард была практически невозможна, но французская артиллерия нанесла им большой урон. Около 6 часов в воздухе повис сильный туман, так что все дальнейшие атаки были отложены на ночь; но только после того, как император удостоверился, что вся английская армия стоит лагерем на поле Ватерлоо, перед лесом Суаньи.

Наполеон, убедившись в отступлении Блюхера у Вавра и поручив преследование его маршалу Груши, полагал, что последний находится недалеко от того же места, как и должен был быть, но этого не произошло. В 10 часов вечера 17-го император отправил офицера в Вавр, чтобы сообщить Груши, что на следующий день состоится крупное сражение; что английская и бельгийская армии были размещены на поле Ватерлоо, его слева поддерживала деревня Ла-Хэй; и приказал ему выделить семь тысяч человек всех родов войск и шесть пушек до рассвета к Сен-Ламберу, чтобы быть ближе к правому флангу французской армии и сотрудничать с ней; что, как только Блюхер эвакуирует Вавр либо в направлении Брюсселя, либо в любом другом направлении, он должен будет отступить. Он должен немедленно выступить с остальными своими силами и поддержать отряд, отправленный в Сен-Ламбер. Примерно через час после отправки этой депеши император получил донесение от Груши, датированное 5 часами вечера, в котором говорилось, что "он все еще был в этой деревне и не знал, в каком направлении двинулся Блюхер!"

В 4 часа утра к Груши был послан второй офицер, чтобы повторить сообщение и приказы, которые были отправлены Вавресу в 10 часов. Вскоре после этого прибыла другая депеша от Груши, которого в то время не нашел ни один из офицеров, посланных императором, в которой говорилось, что "он узнал, что Блюхер находится в Вавре, и последует за ним — утром!"

Теперь император был убежден, что у него нет ни единого лишнего часа. Он видел возможность отступления герцога с Блюхером через лес, их последующего соединения, в то время как великие армии России и Австрии были готовы пересечь Рейн и наступать на Париж. Теперь он больше, чем когда-либо, сожалел о том, что не смог атаковать английскую армию до

наступления ночи, и решил последовать за ней и атаковать ее сейчас, если она начнет отступление.

Только к 6 часам 17 июня авангард французской армии прибыл на равнины Ватерлоо, — задержка была вызвана неудачными происшествиями на дороге, - в противном случае войска достигли бы этого места к 3 часам дня. Это обстоятельство, по-видимому, чрезвычайно смутило императора, который, указывая на солнце, воскликнул с особой выразительностью: "Чего бы я только не отдал, чтобы сегодня обладать силой Иисуса Навина и иметь возможность задержать твой поход на два часа!"

Герцог Веллингтон, узнав о марше Блюхера на Вавр и следуя общему плану кампании, отдал приказ об отступлении из Катр-Бра. До сих пор от него слышали, как он говорил, что, если бы ему когда-нибудь пришлось защищать Брюссель, он предпочел бы дать сражение на поле Ватерлоо, перед Суаньским лесом; и теперь он удалился туда в уверенности, что утром к нему присоединится Блюхер. Англичане, наконец, достигли намеченного поля боя по дорогам, покрытым глубокой грязью, и под сильным дождем. Войска, хотя и были несколько обескуражены приказом отступить, были полны энтузиазма, когда услышали о намерениях своего командира, и, заняв отведенные им места, расположились бивуаками на ночь, уверенные в сражении на следующий день — 18 июня.

С картины Хте. Белланже

Наполеон на высотах Линьи

Рано вечером были приняты меры, и теперь, по словам Локхарта, Веллингтон, хотя это утверждение не полностью обосновано, поехал через всю страну к Блюхеру, чтобы лично сообщить ему, что к настоящему времени он осуществил согласованный план, и выразить надежду на поддержку завтра двумя прусскими дивизиями. Блюхер ответил, что он выделит один корпус, чтобы сдерживать Граучи, насколько это возможно, и сам двинется с остальной частью своей армии на Ватерлоо. Затем Веллингтон вернулся на свой пост.

Перекрестки в Мон-Сен-Жан были практически непроходимы, и дождь продолжал лить проливными потоками. Веллингтон находился перед деревней Мон-Сен-Жан, примерно в полутора милях от маленького городка Ватерлоо, на возвышенности с пологим и правильным

спуском перед ней, — за ним простиралась равнина шириной около мили, — а затем противоположные высоты Бель-Альянс, на которых французы, как ожидалось, должны были сформировать свою линию. Всего у герцога было 76 700 человек, из которых около 30 000 были англичанами. Он сформировал свою первую линию войск, на которую он мог наиболее уверенно положиться, — большую часть британской пехоты, войска Брауншвейга и Нассау и три корпуса ганноверцев и бельгийцев. За этим земля опускается, а затем снова поднимается. Вторая линия, сформированная в тылу первой, состояла из войск, чей дух и дисциплина были более сомнительными - или которые больше всего пострадали в сражении при Катр-Бра; а позади всех них располагалась кавалерия. Позиция пересекала две автострады, ведущие из Нивеля и Шарлеруа в Брюссель, почти там, где они соединяются. Эти дороги давали все возможности для передвижения с фронта в тыл во время боевых действий; а две проселочные дороги, идущие позади и параллельные первой и второй линиям, способствовали передвижению от крыла к крылу. Замок и сады Гугомона, а также фермерский дом и прилегающие территории Ла-Э-Сент, расположенные примерно в 1500 ярдах друг от друга, на склоне холма, были сильно заняты и образовали важные оборонительные сооружения. Выход на проселочную дорогу, ведущую непосредственно из Вавра в Мон-Сен-Жан через лес Охен, охранялся британским левым полком, в то время как можно было ожидать, что те, кто продвинулся дальше, приведут первых пруссаков на правый фланг французов во время их ожидаемой атаки. Британский фронт простирался по всему периметру примерно на милю, с сильными аванпостами Гугомон (расположенными недалеко от центра справа) и Ла-Хэй (который находился перед центром), а в тылу — деревней Мон-Сен-Жан с размещенными там резервными силами, еще дальше - городом Ватерлоо (который дал название битве, потому что именно оттуда английский генерал датировал свои депеши) - и лесом Суаньи, как позициями для отступления, чтобы закрепиться или прикрыть отступление. Более выгодное место для отражения атаки нелегко было бы найти на какой-либо открытой местности, предварительно не укрепленной. Таким образом, было достаточно очевидно, что герцог Веллингтон воспользовался всеми этими средствами обороны, тщательно и виртуозно распределив свои силы.

В планы Веллингтона входило сдерживать Наполеона до тех пор, пока наступление пруссии не позволит ему атаковать превосходящими силами французов, в то время как Наполеон хотел разбить англо-бельгийскую армию или, по крайней мере, разделить ее, а также перерезать ее коммуникации до того, как Блюхер сможет прибыть на поле боя.

Наполеон надеялся обойти левое крыло армии герцога, поскольку оно было самым слабым, и отделить его от правого крыла, потому что таким образом он должен был перехватить его соединение с пруссаками по дороге из Вавра, а также потому, что он постоянно ожидал, что с этой стороны к нему присоединится Груши. Произведя это разделение флангов и предприняв энергичную атаку на оба фланга, чтобы отвлечь внимание, он планировал внезапно обрушиться на центр, разбить его и разгромить все его составные части в деталях. Герцог считал своим долгом отразить, по возможности, все эти попытки; не отваживаться на ответную генеральную атаку, а удерживать свою оборонительную позицию самым осторожным и решительным образом до прибытия Блюхера.

У императора на поле боя было 72 000 человек, все французские ветераны, каждый из которых, как он заявил, стоил одного англичанина и двух пруссаков, голландцев или бельгийцев. Однако силы Наполеона, в отличие от сил Веллингтона, находились на марше всю бурную темноту, у многих из них не было достаточного количества продовольствия, и большая их часть не достигла высот Ла-Бель-Альянс до тех пор, пока к утру 18-го значительно не продвинулась вперед. Последователи герцога к тому времени подкрепились и несколько часов отдохнули.

В 1 час ночи император, отдав необходимые приказы для сражения в течение более ранней части ночи, вышел пешком в сопровождении своего великого маршала и посетил всю линию главной гвардии. Лес Суаньи, занятый англичанами, казался сплошным пламенем, в то время как горизонт между этим местом и фермами Ла-Бель-Альянс и Ла-Э-Сент был освещен кострами многочисленных бивуаков; царилла глубочайшая тишина. Некоторое время спустя хлынул проливной дождь. Больше всего на свете Наполеон опасался, что Веллингтон продолжит свое отступление на Брюссель и Антверпен, откладывая таким образом великое сражение до подхода русских к долине Рейна. Ночь с 17 на 18 июня, которую часто называют "Бдением при Ватерлоо", была торжественной, темной и без необычных происшествий в первые часы. Несколько офицеров, посланных на разведку, и другие, вернувшиеся в штаб в половине четвертого, объявили, что британцы не предпринимали никаких действий. В 4 часа разведчики привели крестьянина, который служил проводником в бригаде английской кавалерии, которая заняла позицию слева от деревни Охайн. Два бельгийских дезертира, которые только что покинули свои полки, также сообщили, что их армия готовится к сражению; и что никакого движения назад не произошло; что Бельгия молится за успех императора, поскольку англичане и пруссаки были одинаково непопулярны.

Французские войска расположились бивуаком среди глубокой грязи, и офицеры сочли невозможным дать сражение на следующий день; земля была настолько увлажнена, что артиллерия и кавалерия не могли маневрировать, в то время как потребовалось бы двенадцать часов хорошей погоды, чтобы высушить почву. Достигнув на рассвете холма Ла-Бель-Альянс и увидев врага, выстроившегося на противоположной стороне в боевом порядке, император воскликнул с явной радостью: "Наконец-то! наконец-то я овладел этим английским языком!" И все же в то время его усилия были самыми феноменальными, и он был далек от физической формы, необходимой для такого соревнования, как у него были все основания ожидать. 15 июня он провел в седле восемнадцать часов и проспал всего три часа перед битвой при Линьи. 16-го он снова провел восемнадцать часов в седле. 17-го он встал в пять утра и в ту ночь почти не переставал бодрствовать.

Завтрак императора был подан в 8 часов, и на нем присутствовало много выдающихся офицеров. "Армия противника, - сказал Наполеон, - превосходит нашу почти на четверть; тем не менее девяносто шансов в нашу пользу против десяти". Император вскочил на коня и поехал вперед, чтобы произвести рекогносцировку английских позиций; после чего он несколько мгновений пребывал в задумчивости, а затем продиктовал боевой порядок. Он был записан двумя генералами, сидевшими на земле, после чего два адъютанта быстро распределили его по разным корпусам. Армия двинулась вперед одиннадцатью колоннами, и когда они спускались с высот Ла-Бель-Альянс, трубы заиграли "На поле боя!", а оркестры поочередно заиграли мелодии, навевавшие воспоминания о многих победах.

Французская боевая линия была сформирована перед Планшенуа, имея высоты Ла Бель Альянс в тылу своего центра. Войска были выстроены в шесть линий по каждую сторону дамбы в Шарлеруа. Первая и вторая линии состояли из пехоты, с легкой кавалерией на каждом из ее флангов, чтобы объединить их с шестью линиями основных сил. Артиллерия была размещена в промежутках между бригадами. Все войска были на своих постах примерно к 10:30.

Среди этой массы людей царило почти тягостное молчание, пока император не проехал по рядам, когда его встретили с величайшим энтузиазмом; затем, отдав свои последние приказы, он поскакал галопом к высотам Россома, откуда открывался полный обзор обеих армий внизу, со значительным радиусом действия с каждой стороны.

Пока готовился план Наполеона предпринять грандиозную атаку из центра, на Ла—Э—Сент, которая находилась прямо перед центром противника, он отдал приказ о начале сражения.

Маршал Ней должен был нанести решающий удар по центру англо-бельгийской армии. Маршал сообщил Наполеону, что все готово, и он только ждал приказа начинать. Прежде чем отдать его, Наполеон окинул взглядом поле битвы и окружающую местность — последнее сражение, в котором ему предстояло участвовать. Затем он заметил темную массу на некотором расстоянии в направлении Сен-Ламбера, куда он приказал Груши направить отряд. Бинокли всех офицеров мгновенно были направлены в сторону объекта. Некоторые думали, что это всего лишь скопление темных деревьев. Чтобы устранить все сомнения, император отправил генерала Дамона с трехтысячным отрядом легкой кавалерии, чтобы соединиться с ними, если это были войска Груши, или держать их в узде, если они были враждебны. От прусского гусара, которого привели пленным, стало известно, что темная масса была авангардом Бюлова, который подходил с тридцатью тысячами свежих людей; что Блюхер был в Вавре со своей армией и что Груши там не появлялся.

Немедленно был отправлен гонец к маршалу Груши с приказом без промедления двинуться на Сен-Ламбер и зайти дивизии Бюлова в тыл. Считалось, что Груши должен быть где-то поблизости, независимо от того, получил он различные посланные ему распоряжения или нет, поскольку он сам сообщил, что утром покинет Жамблу, а от этого места до Вавра всего три лиги.

Наполеон был высокого мнения о Груши и его пунктуальности, поскольку тот был офицером с большим опытом; но император пребывал в состоянии сильного ожидания из-за того, что от него не было никаких вестей. Теперь он приказал графу Лобау следовать за кавалерией Дамона и поддержать ее, а также занять сильную позицию, где с десятью тысячами человек он мог сдерживать тридцать тысяч; кроме того, удвоить атаку, как только он обнаружит, что Груши зашел пруссакам в тыл. Таким образом, Наполеон рано оказался лишенным службы десяти тысяч человек на этом грандиозном поле битвы. Эти события вызвали некоторые изменения в его первоначальных планах, поскольку он был лишен людей, которых, таким образом, был вынужден послать против генерала Бюлова.

"Утром у нас было девяносто шансов, - сказал Наполеон Сульту, - но прибытие Бюлова сокращает их до тридцати; однако у нас все еще шестьдесят против сорока; и если Груши исправит ужасную ошибку, которую он совершил, развлекаясь при Жамблу, победа, следовательно, будет более решающей, поскольку корпус Бюлова в этом случае будет полностью потерян".

Сейчас было 11.30, и император сразу же переключил свое внимание на главную атаку и послал сообщение Нейю, чтобы тот начинал свое движение. Мгновенно сто двадцать артиллерийских орудий были разоблачены. Затем французы открыли ружейный огонь по передовому посту Гугомона, и Жером Бонапарт под прикрытием его огня стремительно атаковал войска Нассау в лесу вокруг дома. Они были отеснены французами, но отряд английских гвардейцев мгновенно снял маскировку с сорока пушек и удержался в замке и саду, несмотря на отчаянный характер многих повторяющихся штурмов. Джером, маскируя укрепленный таким образом пост, двинул свою кавалерию и артиллерию справа от Веллингтона. Англичане построились в каре, чтобы встретить их, и не поддались всем их усилиям. Некоторое время обе стороны противостояли здесь друг другу, не завоевав и не потеряв ни пяди земли. Наконец англичане отеснили французов, и гарнизон Гугомона был освобожден и усилен. Со стороны англичан были большие потери из-за внезапности атаки, фиксированной позиции и плотного расположения квадратов. Потери французов также были значительными; и поскольку каре оставалось неразбитым, атака не принесла никакого видимого преимущества.

Французы, будучи снова отброшены, возобновили сообщение с Гугомонам, и небольшой отряд английской гвардии, защищавший замок, получил подкрепление под командованием полковника Хепберна. Гарнизон Гугомона предпринял теперь объединенную атаку и после яростного боя, в котором обе стороны проявили величайшую доблесть, как индивидуальную, так и коллективную, снова выбил французов из леса и восстановил позицию. Французы, в свою очередь, сплотились и вернулись с новыми силами, а англичане были теперь разбиты и изгнаны с большой резней. Они, в свою очередь, сплотились и немедленно вернулись, и снова восстановили позицию. Французы снова атаковали, но боевой дух английских гвардейцев теперь был доведен до предела, и все попытки нападавших выбить их оказались тщетными. Это сражение длилось большую часть дня. Число убитых и раненых с обеих сторон в ходе борьбы за этот единственный аванпост оценивается более чем в четыре тысячи.

Император, спокойно наблюдавший за всем происходящим с высоты, высоко оценил доблесть английских гвардейцев. Теперь он приказал атаковать Гугомона батареями гаубиц и снарядов. Затем крыши и амбары загорелись, и остатки английских гвардейцев были вынуждены отступить перед пламенем, перешагивая через груды мертвых тел своих товарищей и нападавших.

Первый натиск французов пробил серию ужасных брешей по всему левому флангу противника, и одна из его дивизий была полностью сметена. Однако образовавшиеся бреши были быстро заполнены свежими людьми, когда колонна французов начала наступление. Прежде чем его успели поддержать, была предпринята мощная атака английской кавалерии, которая разбила колонну французской пехоты, обратила ее в бегство и захватила двух орлов и несколько пушечных единиц. Пока англичане с триумфом отъезжали, их встретила бригада кирасиров Мийо. Завязался отчаянный конфликт на расстоянии вытянутой руки, бой длился намного дольше обычного, результат встречи двух отрядов кавалерии обычно определялся в течение нескольких минут. Квартирмейстер уланского полка по имени Урбан бросился в самую гущу боя и взял в плен храброго Понсонби, командира 1200 шотландских драгун, прозванных "Шотландскими серыми" из-за цвета их лошадей. Шотландцы попытались освободить своего генерала, но Урбан насмерть сбил его с ног; затем на него напали несколько драгун, но, мгновенно бросившись на знаменосца 45-го полка, он выбил его из седла ударом своего копья, убил вторым, схватил знамя, убил еще одного шотландца, который преследовал его вплотную, а

затем, весь в крови, вернулся к своему полковнику с трофеем, который незадолго до этого был захвачен у дивизии Марконье.

Отчаянные атаки пехоты и кавалерии теперь следовали одна за другой, непосредственной целью французов было занятие аванпоста англо-бельгийской армии на ферме Ла-Эй-Сент, а оттуда продвижение к ферме Мон-Сен-Жан. Некоторые шотландские полки храбро оборонялись, но были разбиты; 5-я и 6-я английские дивизии были почти уничтожены, а генерал Пиктон, командовавший английским левым флангом, был убит на поле боя.

Французы в конце концов овладели Ла-Эй-Сент; часть их пехоты продвинулась вперед за пределы фермы, разбила и рассеяла несколько полков; но, в свою очередь, были атакованы двумя бригадами английской пехоты и тяжелой кавалерии и разгромлены. Вследствие этого ферма Ла-Эй-Сент подверглась энергичному нападению англичан и с помощью пушек и снарядов была отбита.

Этот важный пост занимали и отвоевывали несколько раз с энергией, которая никогда не ослабевала ни с одной из сторон. Ошибка в тактике, в которой были виноваты Ней и д'Эрлон, оставила четыре или пять колонн французской пехоты на милость кавалерии противника и стоила им 3000 человек убитыми, ранеными и пленными. Англичане потеряли часть своих драгун, часть кавалерии Кемпта и Пака, а также генералов Пиктона и Понсонби — всех примерно столько же, сколько потеряли французы; но англичане сохранили свои позиции, и всю операцию пришлось возобновить в невыгодных условиях, поскольку первая попытка была сорвана.

Французы все еще владели частью фермы Ла-Эй-Сент и снова собирались на той стороне долины, которая лежала между ними и англичанами. Наполеон присоединился к ним и прошел перед их рядами среди пуль, отскакивающих от одной линии к другой, и гаубиц, гремящих в воздухе, рядом с ним был убит генерал Дево, командующий гвардейской артиллерией.

Во время этих атак на центр британской линии французские кирасиры перешли в атаку под ужасающим огнем артиллерии перед британской пехотой. Пехота ожидала его, построившись в двойную линию квадратов, расположенных в шахматном порядке, так что стороны каждого квадрата могли дать залп по наступающей кавалерии, и защищенная спереди батареей из тридцати полевых орудий. Французские кирасиры подъехали к самым жерлам пушек, атаковали артиллеристов, отогнали их от орудий, а затем яростно атаковали каре позади. Они оставались стойкими, прекращая огонь до тех пор, пока французы не оказались в нескольких ярдах от их штыков, а затем открыли по ним смертоносный огонь. Кавалерия была почти разбита, затем сплотилась и возобновила атаку. Они проделывали это несколько раз, и всегда с одним и тем же результатом. Иногда они даже проезжали между каре и атаковали тех, кто находился во второй линии. Когда кирасиры отступили, артиллеристы выбежали из-за каре, построились вчетвером, навели свои орудия и открыли ужасный картечный огонь по отступающим частям доблестной, но неэффективной кавалерии.

Наконец, длительное пребывание под таким убийственным огнем завершило гибель этих бесстрашных кавалеристов, причем гораздо большая их часть была уничтожена в этой части сражения.

Когда остатки кирасир наконец отступили, французская канонада снова открылась по всей линии фронта. Он был энергично отброшен, но эффект был гораздо более разрушительным в

рядах британцев, чем в рядах нападавших. Затем Веллингтон приказал англичанам лечь плашмя на землю на некоторое время, чтобы уменьшить последствия. Герцог к этому времени потерял 10 000 человек, а Наполеон, возможно, еще несколько.

Было уже 4 часа, и примерно в это время император получил известие от Жамблу, что, несмотря на его неоднократные приказы, маршал Груши покинул свой лагерь в этом месте только после 10 часов утра, как было сказано, из-за состояния погоды. Корпус в десять тысяч человек под командованием графа Лобау и генерала Дамона теперь сражался с пруссаками под командованием Бюлова близ Сен-Ламбета. Канонада продолжалась довольно долго; затем прусский центр был атакован и отброшен, но его фланги наступали, и граф Лобау был вынужден отступить.

В этот критический момент Наполеон направил генерала Дюфрейна с двумя пехотными бригадами молодой гвардии и двадцатью четырьмя пушками, и наступление пруссии было остановлено. Они все еще пытались обойти правый фланг французов, когда вперед были посланы несколько батальонов Старой гвардии с шестнадцатью орудиями; затем прусская линия была обойдена с фланга, и Бюлов был отброшен назад.

Около 5 часов граф д'Эрлон овладел деревней Тер-ла-Хей, обойдя английский левый фланг и правый фланг Бюлова. Похоже, что кирасиры графа Мийо, которых Ней так часто водил против врага и которые стояли позади д'Эрлона, и гвардейские егеря, поддерживаемые непрерывающимся огнем пехоты генерала Лефевр-Десноэтта, прорвались через равнину за фермой Ла-Э-Сент. Наступление восьми полков и четырех бригад их грозных всадников произвело большую сенсацию, поскольку считалось, что наступил решающий момент. Когда генерал Мийо проходил перед Лефевр-Десноэттом, он схватил его за руку и сказал: "Я иду в атаку, поддержите меня!" Командующий легкой кавалерией гвардии полагал, что по приказу императора ему было приказано поддержать кирасиров, и, следя за их движением, занял позицию позади них. Ней верил, как он сказал Друо, что, если бы ему позволили действовать, он мог бы без посторонней помощи, имея в своем распоряжении такой отряд благородной кавалерии, покончить с английской армией.

Завязалась ожесточенная борьба, в которой Ней имел некоторое преимущество перед англичанами, но не то, чего ожидали. Теперь он поспешил к Лефевр-Десноэтту, подал сигнал к наступлению и бросил его в атаку на английскую и немецкую кавалерию герцога Веллингтона. Эта атака дала несколько дезорганизованным кирасирам время снова построиться, и они вместе с егерями и уланами снова обрушились на английскую кавалерию. Теперь происходили тысячи рукопашных схваток, закончившихся тем, что противник отступил за ряды английской пехоты, остановив таким образом продвижение французских всадников.

Под Неем были убиты две лошади, но он все еще был полон решимости выполнить свою клятву и прорвать английские линии. Заметив теперь на другой стороне плато 3000 кирасир и 2000 конных гренадер гвардии, которые еще не вступили в бой, маршал попросил выделить их ему для завершения победы.

Около 6 часов в значительной части армии герцога Веллингтона начался беспорядок. Ряды поредели из-за количества убитых, унесенных раненых и дезертирства. Солдаты разных наций, бельгийские, ганноверские и английские, "столпились в тылу" и в панике бежали от этого ужасного действия. "Несколько наших собственных спешившихся драгун, - говорит капитан Прингл, - вместе с частью нашей пехоты были рады сбежать с поля боя. Они запрудили дорогу, ведущую в Брюссель, таким образом, что никто, кроме очевидца, не смог бы в это поверить".

Крики "Победа!" теперь раздавались от французов с разных концов поля. Наполеон, услышав это, заметил: "Еще слишком рано, но мы должны поддержать то, что сделано". Затем он отдал приказ о грандиозной атаке трех тысяч кирасир под командованием Келлермана слева, которые должны были быстро продвигаться вперед и поддерживать кавалерию на низинах.

Теперь со стороны Вавра слышалась отдаленная канонада. Она возвестила о приближении Груши — или Блюхера!

В 12:30 Груши был на полпути между Жамблу и Вавром. Издалека донеслась оглушительная канонада при Ватерлоо. Генерал Эксельманс подъехал к маршалу и сказал ему, что "он убежден, что император, должно быть, сражается вместе с англо-бельгийской армией; что столь ужасный пожар не может быть делом аванпостов или перестрелки; и что они должны выступить к месту действия, которого, повернув налево, они могут достичь в течение двух часов".

Груши немного помолчал, а затем вернулся к выполнению своего приказа следовать за Блюхером, хотя он и не знал, где Блюхер на самом деле находится. Подошел граф Жирар и присоединился к совету генерала Эксельманса. Груши все еще сомневался и был как будто ошеломлен. "В какой-то момент, - говорит Хэзлитт, - он казался убежденным; но как раз в это время пришло сообщение, что пруссаки были в Вавре, и он снова отправился за ними", вместо того чтобы немедленно поспешить присоединиться к императору в его великой битве.

Это был арьергард, который Блюхер оставил в Вавре; а прусский лидер отправился к Ватерлоо во главе 30 000 человек, получив, как указывалось ранее, уведомление, что герцог Веллингтон рискнет дать сражение утром 18-го, если он сможет рассчитывать на содействие пруссаков. Маршал-ветеран рано утром выделил корпус Бюлова с приказом выступить на Сен-Ламбер, оставив Мельмана со своим корпусом в Вавре.

Герцог ожидал, что Блюхер присоединится к нему уже в 11 часов; но дороги были в таком состоянии, что пруссаки не смогли совершить марш-бросок за то время, которое было рассчитано. Их продвижение было неизбежно медленным, но оно шло в правильном направлении!

Тем временем император на поле битвы при Ватерлоо неохотно приказал двинуть в атаку три тысячи кирасир Келлермана, о которых просил Ней, чтобы поддержать и развить преимущество кирасир Мийо и гвардейских егерей на равнине внизу. За состязанием маршалов внимательно наблюдал Наполеон, который сразу заявил, что Ней слишком нетерпелив и начал на час раньше положенного. "Этот человек всегда один и тот же", - сказал маршал Сульт. "Он пойдет на компромисс во всем, как он сделал в Йене и Эйлау".

Теперь Келлерман был полностью готов к действию, но он осуждал отчаянное использование кавалерии, которое в этот момент предстояло осуществить. Не доверяя результату, он оставил

одну из своих бригад, карабинеров, и с большой неохотой отправил остальных к Ней, которого обвинил в глупом рвении.

Эти двадцать эскадронов, ведомые своими генералами и офицерами, теперь продвигались полным галопом, словно преследуя английскую армию, с криками "Да здравствует имперец!" и под канонаду пруссаков, поскольку Бюлов все еще наступал с фланга и тыла. Другие отряды кавалерии также двинулись на центр англо-бельгийской армии, устроив зрелище, очевидцем которого был генерал Фой, впоследствии заявивший, что за свою долгую военную карьеру он никогда не присутствовал при такой ужасной сцене, какую увидел тогда.

Пока Наполеон наблюдал за несколькими их атаками, было замечено, как дивизия тяжелой кавалерии генерала Гийо следовала за кирасирами Келлермана. Это последнее движение было предпринято без приказа императора и, по-видимому, явилось результатом неуправляемого возбуждения со стороны офицеров и рядовых, которые думали, что смогут завершить сражение главным ударом.

Император немедленно послал графа Бертрана отозвать их, но было слишком поздно! Кавалерию, однажды двинувшуюся в путь, ничто не могло остановить ее натиска — они вступили в бой раньше, чем до них дошел приказ; и отзывать их сейчас было бы опасно, даже если бы это было возможно. Эта дивизия была резервной, и ее следовало во что бы то ни стало сдержать. Таким образом, император был лишен своего кавалерийского резерва уже в 5 часов.

Со старого рисунка Ф. Гренье

Подготовка к наступлению Старой гвардии при Ватерлоо

Говорят, что во время подготовки этой грандиозной атаки 12 000 французских кавалеристов, лучших в мире, герцог Веллингтон выбежал вперед со своей подзорной трубой перед строем, среди жаркого огня, предшествовавшего атаке. Это напомнило ему, что он слишком сильно разоблачает себя. "Да, - сказал герцог, - я знаю, что это так, но я должен посмотреть, что они делают". Офицеру, который попросил инструкций на случай, если его убьют, он ответил; "У меня нет инструкций, которые я должен давать; нужно сделать только одно — сражаться до последнего человека и в последний момент!"

Несколько лет спустя герцог сказал: "Я никогда не видел на войне ничего более восхитительного, чем эти десять или двенадцать повторных атак французских кирасир на наши войска всех родов войск".

Английскому командующему, когда он наблюдал это великолепное зрелище, было очевидно, что, если это последнее и решительное наступление не заставит его покинуть пост, который он продолжал удерживать в течение почти семи часов с перерывами в сражении, его союзники полностью выйдут на поле боя и предоставят ему огромное численное превосходство, с которым можно завершить работу дня. Теперь герцог решил пожертвовать остатками своей кавалерии и двинул их вперед, чтобы встретить удар наступающего врага.

Несравненный отряд французской кавалерии продолжал рваться вперед, к вражеским позициям, последовательными массами и со всей торжествующей яростью атаки на отступающего врага. Прорвавшись через многочисленные каре пехоты, опрокинув кавалерию противника и превзойдя артиллерию перед линиями, они были встречены каре британской пехоты, сначала залпом мушкетных пуль, а затем неподвижным строем оцетинившихся штыков. Люди и лошади, бывшие в агонии насильственной смерти, устилали землю. Доведенный до крайности, Веллингтон решил задействовать тысячу гусар Камберленда, которые еще не были задействованы; но при виде этой сцены резни гусары в беспорядке отступили.

Сопrotивление герцога было самым упорным, но Ней все еще надеялся уничтожить английскую армию острием меча, продолжая непрерывную атаку, подкрепленную тяжелой кавалерией гвардии, наступление которой было предпринято, по-видимому, без приказа.

Тем временем Ней, увидев карабинеров Келлермана в резерве, поспешил туда, где они были, спросил, что они делают, а затем, несмотря на сопротивление Келлермана, повел их вперед, где им удалось пробить новые бреши в рядах британской пехоты, но не смогли продвинуться дальше второй линии.

В одиннадцатый раз Ней повел в атаку свою 10 000-ю конницу. Кирасиры развернулись, перестроились и снова бросились в атаку с огромной энергией и доблестью, которые обратили в презрительный вызов шквал картечи и ядер артиллерии и мушкетерства, противостоявших их наступлению. Люди откатывались в стороны, и лошади падали ничком; даже пистолеты были выпущены им в лицо, а сабли напрасно приставлены к штыкам. Британская пехота, хотя и колебавшаяся на мгновение, снова сомкнула свои ряды, построилась в линию и продолжала вести огонь. Примерно в это же время было слышно, как Ней сказал генералу д'Эрлону: "Будь уверен, мой друг, что нам с тобой, если мы не погибнем здесь под английскими пулями, ничего не останется, как с треском пасть от пуль эмигрантов". За несколько минут до этого, обращаясь к своей артиллерии, он сказал: "Именно здесь, друзья мои, вот-вот решится судьба нашей страны; именно здесь мы должны победить, чтобы обеспечить нашу независимость!"

Император, который теперь испытывал сильную физическую боль, едва мог сидеть на коне и временами впадал в своего рода летаргический сон, был очень тронут этим зрелищем. Ему никогда прежде не приходилось лично командовать английскими солдатами, но теперь он узнал их — когда было уже слишком поздно! Он заметил их удивительное самообладание и непоколебимую отвагу и похвалил их; но это погубило его!

Снова и снова блестящая французская кавалерия бросалась в атаку с удвоенной яростью. Они часто проходили между квадратами первой линии под совместным перекрестным огнем

спереди и сзади и атаковали квадраты второй линии, огонь которых они также принимали на себя, но никакого общего эффекта не было произведено, никакого реального преимущества не было получено, за исключением случайного прорыва квадратов в обеих линиях, особенно во второй. Сбитые с толку кирасиры всегда были вынуждены отступать, подвергаясь ужасному перекрестному огню карте, когда они проходили между ними, и сопровождаемому мушкетным залпом, а часто и картечью артиллерии.

Теперь четыре тысячи французских кавалеристов устилали землю, в то время как 10 000 англичан, конных и пеших, сложили свои жизни. Много было подвигов индивидуальной храбрости, совершенных офицерами и рядовыми с обеих сторон, среди кавалерии и пехоты по всему полю боя. Во время конфликта полковник Хеймс поспешил к Наполеону, чтобы попросить пехоту, в которой нуждался Ней. "Пехоту! - воскликнул император с заметным раздражением. - Где, по его мнению, я могу ее достать? Неужели он ожидает, что я сделаю это? Вы видите задачу, стоящую передо мной, и вы видите, какие у меня войска!" Когда раздражение императора несколько улеглось, он отправил Нейю еще одно послание, более обнадеживающее, чем первое. Он заставил полковника Хеймса сказать маршалу, что если он окажется в трудном положении у Мон-Сен-Жана, то сам он окажется в еще большем затруднении на берегах Ласне, где ему противостоит вся прусская армия, но когда он отразит или хотя бы остановит их, он с гвардией поспешит завершить завоевание англичан; до тех пор плато должно удерживаться любой ценой в течение часа, когда он может рассчитывать на подкрепление.

Отчаянные атаки французской кавалерии должны были поддерживаться сильными частями пехоты; однако их нельзя было щадить, поскольку они были необходимы для сражения с Бюловым справа от французов и для предотвращения его наступления.

К 7 часам корпус Бюлова численностью 30 000 человек был успешно отброшен, и граф Лобау с 10 000 человек занял позиции, с которых был изгнан прусский генерал.

Тем не менее французская кавалерия могла лишь удержаться на плато, с которого 36 000 человек герцога слегка отступили назад. После атаки кирасир французы открыли новую канонаду вдоль британской линии, но первые больше не предпринимали попыток продвинуться вперед. Как справедливо заметил один авторитетный источник, британцев загнали в тупик - *но они устояли!* По сути, до этого времени битва велась вничью.

В течение этого почти бесконечного сражения со стороны герцога Веллингтона не было ни малейшей попытки предпринять какое—либо общее наступление — и не было за весь день, - и так же мало признаков его отступления. Около двадцати тысяч человек уже были убиты или иным образом потеряны с каждой стороны.

Было уже почти 7 часов. Отдаленная канонада, которая была слабо слышна со стороны Вавра, раздалась совсем близко. Это было сообщение — не о прибытии Груши в тыл дивизии Бюлова, а о двух колоннах Блюхера, насчитывающих около 31 000 свежих солдат!

Относительная численность двух армий, с учетом потерь в двадцать тысяч человек с обеих сторон, теперь значительно превышала соотношение два к одному против французов, причем большинство с другой стороны состояло в основном из свежих людей. Днем слышали, как Веллингтон сказал: "Дай бог, чтобы наступил Блюхер или ночь!" - и теперь и то, и другое было под рукой.

Присутствие духа императора теперь стало наиболее бдительным, и никогда оно не проявлялось так явно, как в этот критический момент, когда все висело на волоске.

Свежая армия, продвигавшаяся на помощь англо-бельгийским войскам, вскоре была обнаружена французскими войсками, которые вели боевые действия на поле боя. Кавалерия на равнине находилась в постоянном ожидании приказа императора о выдвижении его резервов гвардейской пехоты. Они не встревожились, когда увидели, что связь между Бюловом и англичанами наконец установилась, но когда они заметили приближение плотных колонн Блюхера, они были сбиты с толку, и несколько полков начали отступать.

Теперь Наполеон разослал своих адъютантов по всей линии фронта, чтобы сообщить о прибытии помощи и о том, что наступление Блюхера было всего лишь отступлением перед Груши, который наступал ему в тыл. Это была хитроумная уловка, оправданная ситуацией, в которой он сейчас оказался, поскольку она на мгновение в удивительной степени подняла дух уставших солдат.

Во главе четырех батальонов гвардейской пехоты император теперь наступал слева перед Ла-Э-Сент. Он приказал генералу Рейлю сосредоточить весь свой корпус возле Гугомона и перейти в атаку. Затем он послал генерала Фриана поддержать кавалерию на равнине четырьмя батальонами средней гвардии. Если бы внезапной атакой им удалось прорвать центр британской линии до того, как колонны Блюхера смогли бы пробиться на равнину, последний шанс на успех все еще оставался. Блюхер спешил в Ла-Хэй; нельзя было терять ни минуты!

Атака была предпринята, пехота отбросила всех, кто ей противостоял, и повторяющиеся атаки французской кавалерии привели в замешательство ряды противника. Вскоре подошло несколько батальонов Старой гвардии. Они тоже шли в атаку, чтобы отвоевать позиции, утраченные отступившей молодой гвардией, ибо, как говорит Тьер, "Это привилегия старой гвардии исправлять каждое бедствие". Император распределил своих ветеранов по бригадам; два батальона были выстроены в линию, а два - в колонну. Проезжая впереди этих израненных в боях батальонов, он сказал: "Друзья мои, наступил решающий момент; стрелять бесполезно; вы должны сойтись с врагом лицом к лицу и загнать его острием штыка обратно в ущелье, откуда он выступил, угрожая армии, Империи и Франции".

Мимо пронесли раненого генерала Фрианта. Он сказал, что все идет хорошо, но атака не может быть успешной, пока не будут задействованы остатки гвардии. Это движение не могло быть осуществлено в одно мгновение, и через несколько минут было слишком поздно, так как пруссаки приближались в большом количестве. Британцы все еще держали оборону, и Блюхер достиг деревни Ла-Хэй. Завязалась ожесточенная борьба, но она была непродолжительной; подавляющая масса свежих людей вскоре подавила всякое сопротивление.

Герцог Веллингтон теперь приготовился — впервые за весь день — к наступлению всей своей линией фронта. Он понимал, что близок решающий момент и что его безопасность, как и безопасность его доблестных людей, зависит от этого последнего усилия.

Вскоре некоторых французских солдат охватила паника, измученных и обезумевших от страшного напряжения, которому они подверглись в течение дня, и при внезапном появлении перед ними темной массы свежих противников раздался крик "Sauve qui peut!". (Каждый за себя!) был поднят. Беспорядок вскоре стал всеобщим, и люди бежали, когда колонны пруссаков хлынули на равнину.

Наполеон немедленно перестроил фронт гвардии так, чтобы направить ее левый фланг на Ла-Эй-Сент, а правый - на Ла-Бель-Альянс; затем он встретил беглецов и повел их обратно на их пост. Они сразу же столкнулись с пруссаками, которых немедленно атаковали. Свежая бригада английской кавалерии из Охейна прибыла в этот критический момент и пробила между корпусом генерала Рейля и гвардией, полностью разделив их. Теперь император приказал своим четырем резервным эскадронам атаковать свежую бригаду английской кавалерии, но их атака не увенчалась успехом. Когда он вел четыре батальона, предназначенные для атаки, по дороге на Шарлеруа, он встретил Нея, который был сильно взволнован и заявил, что кавалерия, несомненно, отступит, если немедленно не прибудет большое подкрепление из пехоты. Наполеон дал ему батальоны, которые он подтягивал, и пообещал прислать еще шесть.

Теперь в рядах французов по всему полю боя царил всеобщее замешательство. Наполеон едва успел галопом ворваться в одно из каре гвардии, которое все еще сохраняло свою позицию; Ней, Жером, Сульт, Бертран, Дрюо, Корбино, де Флао, Лабедойер, Гурго и другие обнажили шпаги, снова стали солдатами и последовали по пятам за своим командиром. Они вступили на площадь последнего батальона резерва — прославленных и несчастных остатков "гранитной колонны" полей Маренго, которая осталась непоколебимой среди бушующих волн армии. Старые гренадеры, неспособные бояться за себя, были встревожены опасностью, угрожавшей императору, и обратились к нему с просьбой отступить. "Отойдите, - сказал один из них, - вы видите, что смерть избегает вас!" Император оказал сопротивление и приказал им стрелять.

Четыре батальона гвардии и кавалерия, которые так долго удерживали равнины внизу в противостоянии всей англо-бельгийской армии, быстро истощались. Веллингтон приказал гвардейцам Мейтланда стрелять по ним с близкого расстояния, когда они в последний раз двинулись вперед. Внезапный шок не заставил наступающих солдат остановиться, но, сомкнув ряды, они продолжали наступать. Однако вскоре они были разбиты превосходящими силами кавалерии, как английской, так и прусской, и в конце концов были вынуждены отступить, чтобы не оказаться отрезанными от центра армии, в то время как противник продолжал наступать, сопровождаемый своей артиллерией, которая вела самый разрушительный огонь.

Но оставалась последняя попытка остановить поток. Если бы удалось прорвать британский центр и остановить их продвижение, то какой-то благоприятный шанс был бы вполне возможен. Поэтому император приказал выдвинуть резервную пехоту Императорской гвардии — цвет его армии. Он увещевал их поспешным личным обращением и доверил руководство их усилиями "храбрейшему из храбрых", под командованием которого было убито пять лошадей и который теперь наступал пешком с мечом в руке. 2900 героических воинов двинулись вперед двумя колоннами во главе с Неем при поддержке сильного огня артиллерии, в то время как четыре батальона Старой гвардии, построившись в каре, заняли позиции в их тылу в качестве резерва и для защиты марша колонн.

Оба крыла англичан к этому времени продвинулись вперед вследствие отпора французов, и их линия теперь представляла собой вогнутую. Они были выстроены в непрерывный строй по четыре человека в ряд, и по мере продвижения французов на них обрушивался ливень, который не прекращался ни на минуту, каждый стрелял так часто, как только мог перезарядить ружье. Веллингтон отдал приказ наступать в знакомых и резких выражениях: "Поднять охрану и атаковать их!" Английские фланги все это время продолжали двигаться; и когда головы

французских колонн, которые продолжали продвигаться на расстояние сорока или пятидесяти ярдов, приблизились к этому месту, они были встречены таким шквалом ружейной стрельбы спереди и с обоих флангов, что тщетно пытались развернуться в линию для атаки под ужасающим и неослабевающим огнем. Они остановились, чтобы предпринять эту попытку, пошатнулись, потеряли строй, и 800 человек, которые остались стоять, наконец, обратились в бегство в едином беспорядке.

Герцог Веллингтон теперь спешил, встал во главе своего отряда и повел своих людей против оставшихся четырех батальонов Старой гвардии - единственных несломленных войск, оставшихся позади, в то время как Ней пытался сплотить своих беглецов. Его треуголка исчезла, а одежда была буквально изрешечена пулями, хотя сам он остался нетронутым. При приближении Веллингтона бесстрашный маршал снова принял участие в схватке с мечом в руке и пешим порядком. Но ничто не могло противостоять стремительному натиску победоносных британцев.

Наполеон, наблюдавший за этим последним ужасным сражением с высот Прекрасного Альянса, внезапно воскликнул: "Они смешались, пока что все потеряно", и в сопровождении всего трех или четырех офицеров подал сигнал к отступлению и поспешил влево от Планшенуа, на вторую позицию, где он разместил гвардейский полк с двумя батареями в резерве.

Четыре батальона Старой гвардии под командованием генерала Камбронна все еще оставались прикрывать отступление французской армии. Если бы им удалось сдержать британцев и предотвратить их наступление еще на полчаса, темнота позволила бы армии безопасно отступить и частично восстановить свой беспорядок к утру. Старая гвардия построилась в каре, прикрываемая с флангов несколькими артиллерийскими орудиями и бригадой красных улан. "Герцог Веллингтонский, - говорит капитан Прингл, - теперь приказал всей своей линии выдвинуться вперед и атаковать их позиции". Они двинулись в атаку в боевом порядке, плотном и огромном, против остатков благородных ветеранов той старой Императорской гвардии, которая за двадцать лет кровопролитных войн ни разу не была побеждена. Собравшись вокруг знамен своей былой славы, они встретили ужасный натиск с душами, подготовленными к смерти. Теперь ничто не могло противостоять мощи атаки британских солдат, которые, таким образом, получили возможность облегчить свою ношу, которую они несли весь день, когда были вынуждены часами выдерживать яростные атаки французов, часто будучи отброшенными назад и так и не продвинувшись вперед.

Старая гвардия, как и следовало ожидать, была разбита, то есть вырезана. Их генерал Камбронн был вынужден сдаться некоторыми британскими офицерами, которые, казалось, взбунтовались из-за неравного боя. Единственным его ответом было не общепринятое, но неточное заявление, зафиксированное некоторыми историками: "Старая гвардия умирает, но не сдается!", а единственное слово из военного жаргона, часто используемое французскими солдатами. Почти сразу после этого он упал с лошади, сраженный осколком снаряда, попавшим ему в голову; но он не позволил своим людям покинуть свои ряды, чтобы унести его.

Еще раз этим героям, которых теперь осталось всего сто пятьдесят человек, приказывают сдаваться; "Мы не сдадимся!" - отвечают они и, разрядив свои мушкеты в последний раз, бросаются на кавалерию штыками, убивают множество людей и лошадей, а затем падают на землю в изнеможении или при смерти.

Старая гвардия была уничтожена, а не побеждена! Наступающие британские войска проезжали по их распростертым телам, сваленным в ужасные кучи, — памятник их доблести и героизму даже после смерти. Ней, с непокрытой головой, в висящей клочьями одежде и со сломанной саблей в руке, увидев, что горстка его последователей все еще остается, побежал вперед, чтобы повести их против преследующей их прусской колонны. Когда бесстрашный маршал снова ринулся в бой, он воскликнул: "Придите, друзья мои, посмотрите, как может умереть маршал Франции!" Но его время еще не пришло: ему не суждено было умереть на поле боя. Его маленький отряд вскоре был разбит, и едва ли две сотни избежали смерти. Рульер, командовавший батальоном, сломал древко знамени, спрятал орла под плащ и последовал за Неем, которого в пятый раз выбили из седла, но который все еще был невредим. Под покровом темноты они совершили побег.

Император попытался защитить отступление и сплотить беглецов, но уже быстро темнело. Солдаты не могли его видеть, иначе они могли бы сплотиться, в то время как многие поверили сообщению о том, что он был убит. "Он ранен", - говорили одни, "Он мертв", - кричали другие. Ничего не было слышно за шумом и отвратительной неразберихой, царившими повсюду. Прусская кавалерия, поддержанная несколькими батальонами пехоты и всем корпусом Бюлова, наступала теперь справа от Планшенуа.

Через несколько минут император был почти окружен враждебными силами. Он построил полк в каре и все еще медлил, когда маршал Сульт схватил под уздцы его лошадь, воскликнул, что его не убьют, а возьмут в плен, и, оттащив его, император наконец покорился своей судьбе! Позади него на поле боя лежали убитыми или ранеными 60 000 французов, англичан и пруссаков. Битва при Ватерлоо была проиграна, и этот доселе почти непобедимый воин был вынужден скакать галопом по полям в темноте, под свист прусских пуль и отряды их кавалерии, прочесывавшие поле боя во всех направлениях.

По дороге в Генаппу Наполеон был так утомлен, что, без сомнения, упал бы с лошади, если бы его не поддерживали генерал Гурго и еще два человека, которые некоторое время оставались его единственными сопровождающими.

Веллингтон и Блюхер встретились около 10 часов на ферме "Ла Бель Альянс", и, поздравив друг друга с успехом дня, прусский командующий, чьи люди были еще свежи, с готовностью пообещал продолжить преследование ночью, в то время как английский генерал остановился, чтобы дать отдых своим усталым людям и позаботиться о мертвых и раненых.

Потери англичан в этот богатый событиями день составили 100 офицеров убитыми и 500 ранеными; очень многие смертельно. Герцог, который сам подвергся большой опасности в течение дня, и еще один человек были единственными из его многочисленного персонала, кто остался невредимым. Противник, по их собственным данным, потерял более тридцати тысяч человек, включая ганноверцев, бельгийские войска в Нассау, Брауншвейге и т.д.; потери только английской армии составили 22 800 человек; к ним следует добавить от 8000 до 10 000 пруссаков. Из 72 000 человек, которых Наполеон возглавлял в этом своем 85-м крупном сражении и самом крупном поражении, не более 30 000 были когда-либо снова собраны с оружием в руках. Остальные были либо убиты или ранены на поле боя, либо дезертировали и разбежались по домам поодиночке, либо были убиты пруссаками, которые упорно

преследовали несчастных и беззащитных беглецов, уничтожая всех, кого они настигали, без сопротивления и пощады.

Несколько французских офицеров прострелили себе мозги, спасаясь от их жестокости, а некоторые ветераны императорской гвардии, лежавшие ранеными на поле боя, покончили с собой, когда услышали, что император проиграл битву, чтобы не попасть в руки врага или из-за раскаяния в гибели своего командира.

Наполеон сделал короткую остановку в Генаппе около 11 часов вечера; но все его попытки сплотить обезумевшие массы были тщетны. Затем он продолжил свой путь к Катр-Бра, где около часа ночи спешил на бивуаке. В Филлипвилле он получил известие о передвижениях Граучи и послал ему сообщение о потере Мон-Сен-Жана (Ватерлоо).

В этот момент он отдал приказ генералам Раппу, Лекурбу и Ламарку двигаться форсированным маршем к Парижу, а командирам укрепленных городов защищаться до последней крайности. Он также продиктовал два письма своему брату Джозефу: одно для передачи совету министров, в котором неполно излагался роковой вопрос дня, а другое для его личного прочтения, в котором содержался точный отчет о полном разгроме армии и объявлялось, что вскоре у него будет армия в 300 000 человек, с которой он сможет противостоять врагу. Герцог Бассано (Марет) и барон Флери подошли и поприветствовали императора, который был очень взволнован встречей с ними и едва мог подавить свои эмоции. Затем он приготовился отправиться в путь в коляске в сопровождении Бертрана. В Рокруа, где Наполеон остановился перекусить, его слуги предстали в плачевном состоянии; их одежда была покрыта кровью и пылью, вид у них был изможденный, а глаза полны слез. Наполеон продолжил свой путь в Париж через Лан в сопровождении двухсот или трехсот беглецов, которые были собраны для формирования эскорта, и прибыл в столицу вечером 20 июня.

XVII ЗАКЛЮЧЕНИЕ

"Военная карьера" Наполеона Бонапарта закончилась при Ватерлоо, но здесь мало что можно добавить. Другие авторы, особенно те благородные, самоотверженные друзья, которые разделили с Изгнанником его жизнь на острове Святой Елены, подробно рассказали о его утомительных часах на скалах в Атлантическом океане, и краткое изложение событий, которые в конечном итоге закончились тем, что Наполеон стал пожизненным пленником Англии, будет приведено лишь вкратце.

Прибытию императора в Париж предшествовали полученные 19 июня известия о победах при Шарлеруа и Линьи, и в честь его успехов было произведено сто пушечных залпов. Утром 21-го стало известно, что император прибыл накануне вечером в Елисейский дворец. Когда он остановился на лестнице, ведущей во дворец, сопровождавший его генерал Дрюо воскликнул: "Все потеряно!" "Кроме чести", - быстро ответил Наполеон. Он не произносил ни слова с тех пор, как покинул Лаон.

Сразу же по прибытии император был принят Коленкуром — его цензором в преуспевании и настоящим другом в невзгодах. Склонив голову от горя и усталости, он сказал ему: "Армия совершила чудеса; ею овладела паника, и все было потеряно. Ней вел себя как сумасшедший; из-за него была перебита моя кавалерия. Больше я ничего не могу сказать — мне нужно отдохнуть два часа, чтобы подготовиться к делу".; "Я здесь задыхаюсь!" - воскликнул он мгновение спустя, приложив руку к сердцу. Распорядившись приготовить ванну и помолчав несколько минут, он сказал: "Мое намерение состоит в том, чтобы собрать обе Палаты на императорское заседание и потребовать средств для спасения страны".

Затем ему сообщили, что депутаты, по-видимому, настроены к нему враждебно и не расположены удовлетворять его просьбы. Пока он принимал ванну, министры и высшие должностные лица государства поспешили в Елисейский дворец. Когда они прибыли, его одежда все еще была покрыта пылью, так как он покинул поле Ватерлоо; тем не менее, измученный тремя сражениями, и ужасные события его бегства и спешка его путешествия все еще были живы в его памяти, он быстро, но отчетливо представил ресурсы страны, силы, уже организованные для сопротивления, и гораздо большую мощь, все еще способную развиваться. Среди его слушателей были его братья Жозеф и Люсьен.

Во время консультаций со своими министрами под председательством Джозефа утром 21-го числа относительно того, каким образом ему следует сообщить Палатам о своем великом несчастье, было получено известие, что обе ассамблеи собрались, узнав о его поражении, и были приняты резолюции, одна из которых объявляла государство в опасности, а другая - о том, что их собственные заседания будут постоянными. Таким образом, Палата представителей отменила новую конституцию и лишила власти императора. Эти резолюции были также приняты Палатой пэров. Люсьен Бонапарт и некоторые из наиболее близких друзей Наполеона желали, чтобы он немедленно встал во главе 6000 солдат императорской гвардии, находившихся тогда в столице, и распустил Сенат, который был настроен к нему недружелюбно. Император, как всегда, пребывал в нерешительности; как впоследствии говорил о нем Люсьен, "дым Мон-Сен-Жан вскружил ему голову".

С картины К. Штойбена

Наполеон при Ватерлоо

Поздно вечером 21-го числа Наполеон созвал совет, на который были допущены президенты и вице-президенты обеих палат, но никакого решения принято не было. Лафайет, друг Вашингтона, заявил, что ничего нельзя сделать, пока "не будет принесена великая жертва". Император выслушал все молча и разогнал собрание, не придя ни к какому решению.

"Я часто спрашивал себя, - сказал Наполеон Лас Касасу на острове Святой Елены, — сделал ли я для французского народа все, чего он мог от меня ожидать, - ведь этот народ многое сделал для меня. Узнают ли они когда-нибудь обо всем, что я выстрадал в ту ночь, которая предшествовала моему окончательному решению? В ту ночь тоски и неопределенности мне пришлось выбирать между двумя великими путями: один состоял в том, чтобы спасти Францию насилием, а другой - в том, чтобы поддаться общему порыву". В конце концов он решил, что отречение от престола - единственный шаг, который он может предпринять, и его решимость была достигнута.

Рано утром следующего дня — 22—го - Палаты снова собрались, и энергично обсуждалась необходимость отречения императора. Это было востребовано всеми, и без каких-либо оговорок или условий. Наконец, Лафайет распорядился передать Наполеону, что ему дается час на то, чтобы отречься от престола, и сказать, что если он не сделает этого к тому времени, то будет низложен. Между полуднем и часом дня отречение было подписано и передано Карно в Палату пэров, а Фуше - в Палату депутатов.

Когда появился Фуше, депутаты собирались объявить императора низложенным, и он избавил их от этих хлопот, представив следующее воззвание, написанное рукой Жозефа Бонапарта, которому оно было продиктовано и адресовано французскому народу:

"Французы! Когда я начал войну за сохранение национальной независимости, я полагался на объединение всех усилий, всей воли и всех национальных властей. У меня были основания надеяться на успех, и я бросил вызов всем заявлениям держав против моей персоны. Обстоятельства, похоже, изменились. Я приношу себя в жертву ненависти к Франции. Пусть они окажутся искренними в своих заявлениях и будут нацелены только на меня! Моя политическая жизнь окончена. Я провозглашаю своего сына титулом Наполеона II., императора Франции. Нынешние министры в предварительном порядке сформируют совет правительства. Интерес, который я проявляю к своему сыну, побуждает меня рекомендовать Палатам немедленно принять закон об организации Регентства; объединитесь ради общей безопасности и до конца закрепления вашей национальной независимости. Совершено в Елисейском дворце 22 июня 1815 года. — Наполеон".

Палаты ожидали этого ответа с величайшим нетерпением в обеих палатах. В Палате пэров Карно, получив несколько преувеличенных отчетов о силе и успехах Груши, попытался убедить Собрание, что маршал должен был к тому времени добавить 60 000 человек в Лане к Сульту, остаткам Ватерлоо, сформировав таким образом армию, способную под надлежащим руководством эффективно восстановить положение Франции.

Ней, прибывший в Париж тем же утром, заявил обратное. "У Ворчуна, - сказал он, - не может быть больше двадцати или, самое большее, более двадцати пяти тысяч человек; а что касается Сульта, то я сам командовал гвардией во время последнего штурма — я видел, как их всех перебили, прежде чем покинуть поле боя. Будьте уверены, есть только один выход — вести переговоры и отозвать бурбонов. В их возвращении я не вижу ничего, кроме неизбежности быть

расстрелянным как дезертир. Отныне я буду искать все, на что у меня есть надежда, в Америке. Направлю вас единственным путем, который остается для Франции ".

Пророчеству Нея вскоре суждено было сбыться, ибо по возвращении бурбонов на трон он был расстрелян как предатель Франции, хотя, как часто говорили о нем, он провел более пятисот сражений за свою страну и никогда не поднимал против нее оружия!

Депутация от Сената посетила императора в Елисейском дворце и в почтительных выражениях поблагодарила его за принесенную жертву, но он не смог добиться от них признания, что его отречение неизбежно влечет за собой немедленное провозглашение Наполеона II.

Император, в последний раз облаченный в императорское одеяние и окруженный своими высокопоставленными государственными чиновниками, принял депутацию спокойно и с достоинством. "Я благодарю вас за чувства, которые вы выражаете, - сказал он, - я желаю, чтобы мое отречение принесло счастье Франции; но я не могу надеяться на это; государство оставлено без главы, без политического существования. Время, потерянное на свержение Империи, могло быть использовано для того, чтобы Франция смогла сокрушить врага. Я рекомендую Палате незамедлительно усилить армии; тот, кто желает мира, должен быть готов к войне. Не отдавайте эту великую нацию на милость чужаков. Остерегайтесь обмануться в своих надеждах. Это реальная опасность. В какое бы положение я ни был поставлен, я всегда буду доволен, если Франция будет счастлива".

Он ясно понимал, что для его сына надежды нет. Так закончилось второе правление — "Сто дней" Наполеона. Его общественная карьера завершилась. Совет министров распался, и вскоре Елисейский дворец выглядел опустевшим. Наполеон, окруженный всего несколькими друзьями, теперь стал частным лицом. Когда Коленкур посоветовал ему искать спасения у союзников, бежав в Соединенные Штаты, он ответил: "Чего мне бояться? Я отрекся от престола — дело Франции защищать меня!"

Неоднократные протесты Наполеона и его друзей, что если только Наполеон II. было признано, что отречение его отца недействительно, и что страна, которая могла колебаться по поводу такого акта правосудия, достойна только рабства, начало производить сильное впечатление на солдат в Париже, и Наполеона призвали показать армии, что он больше не претендует на какую-либо власть над ними, чему он подчинился.

Теперь было провозглашено временное правительство, состоящее из Фуше, Карно, Коленкура и генералов Гренье и Кинетта, и установлено в Тюильри. Фуше заявил, что дальнейшее присутствие Наполеона в столице может вызвать беспорядки, и Карно был послан просить его отступить в Мальмезон, что он был вынужден сделать 25-го. Прибыв туда, он вскоре осознал тот факт, что фактически является заключенным, поскольку полиция Фуше окружила его со всех сторон — якобы "для защиты его личности". Именно в Мальмезоне, в соответствии с предложениями некоторых членов правительства, Наполеон обратился к армии со своим последним воззванием: "Солдаты!" он сказал: "Когда я уступаю необходимости, которая заставляет меня отделиться от храброй французской армии, я забираю с собой счастливую уверенность в том, что она оправдает выдающимися заслугами, которых страна ожидает от нее, тот высокий характер, в котором сами наши враги не в состоянии отказать ей. Солдаты! Я пойду по вашим стопам, хотя и отсутствую. Я знаю все корпуса, и ни один из них не получит ни единого преимущества над врагом, без которого я не воздал бы должное мужеству, которое он проявит.

Вас и меня оклеветали. Люди, неспособные оценить ваши действия, увидели в знаках привязанности, которые вы мне оказывали, рвение, объектом которого я был; пусть ваш будущий успех научит их, что вы служили прежде всего стране, повинувшись мне, и что если я разделяю вашу привязанность, то я обязан ей своей горячей любовью к Франции, нашей общей матери. Солдаты, еще немного усилий, и коалиция будет уничтожена. Наполеон узнает вас по ударам, которые вы ему нанесете. Спасите честь, независимость Франции; будьте такими, какими я знаю вас двадцать лет, и вы будете непобедимы".

Однако это обращение, хотя и написано по наущению правительства, его представители не позволили опубликовать его в "Монитор".

Остатки Ватерлоо и дивизия Груши теперь маршировали к Парижу под командованием Сульта, за ними следовали Веллингтон и Блюхер. Временное правительство начало испытывать некоторое беспокойство по поводу Наполеона, который, как они опасались, мог сбежать из Мальмезона и встать во главе вооруженных сил, чтобы выступить против захватчиков и в пользу Наполеона II.

Генерала Беккера, назначенного Фуше на неблагоприятную должность охраны Наполеона, убедили отправиться в Париж и передать правительству письмо, в котором бывший император предлагал принять командование армией и разбить врага, не с намерением захватить верховную власть, но соглашаясь продолжить свое путешествие, как только победа придаст благоприятный поворот переговорам. В этом письме, адресованном Правительственному комитету, Наполеон сказал: "Отрекаясь от суверенной власти, я не отказывался от самого благородного права гражданина - права защищать свою страну. Приближение союзников к столице не оставляет сомнений в их намерениях и недобросовестности. В этих тяжелых обстоятельствах я предлагаю свою службу в качестве генерала, все еще считая себя первым солдатом своей страны!"

Фуше прочитал письмо вслух, а затем воскликнул: "Он что, смеется над нами? Ну же, это заходит слишком далеко". Его предложение, конечно, было отклонено, хотя Карно очень хотел, чтобы его молитва была удовлетворена.

Генералу Беккеру было поручено передать в Мальмезон этот ответ: "Обязанности Комитета по отношению к стране не позволяют ему принять предложение и активную помощь императора Наполеона".

Он застал императора в военной форме, полагая, что получит благоприятный ответ. Закончив послание, Наполеон сказал: "Эти люди неспособны к энергии. Раз это так, давайте отправимся в изгнание".

Теперь Фуше убеждал своего пленника согласиться немедленно отбыть в какой-нибудь иностранный порт, называя Соединенные Штаты убежищем — в котором он мог бы найти убежище от внешнего вмешательства. Если бы Наполеон действовал быстро, как он привык делать всю свою жизнь, он, по всей вероятности, смог бы бежать в эту страну, поскольку наши суда стояли в каждом французском порту, и он мог бы пересечь Атлантику; но он колебался, и те золотые мгновения, которые так много значили для него, даже сама свобода, вскоре были безвозвратно потеряны. Фуше, который чрезвычайно стремился убрать с дороги человека, который сделал для него все, чем он был, не колеблясь, прибегнул к сомнительным средствам давления, чтобы заставить Наполеона покинуть Францию. Одним из них было стимулирование

личных кредиторов свергнутого императора и его семьи, которые постоянно наведывались в Мальмезон, чтобы изводить его своими требованиями.

Тем временем Фуше отправил герцогу Веллингтону сообщение о том, что Наполеон объявил о своем намерении отбыть в Америку, и попросил обеспечить ему безопасный переход через Атлантику. Герцог ответил, что у него нет полномочий выдавать паспорта Наполеону Бонапарту, но просьба, как надеялся Фуше, заставила английское адмиралтейство активизировать свои усилия, и у западных берегов Франции было немедленно размещено не менее тридцати крейсеров, чтобы перехватить Наполеона, если он попытается уехать. Никто не мог быть обманут относительно намерения этого судебного разбирательства; оно ясно указывало на то, что люди, которые на данный момент владели правительством Франции, решили, что покойный император не должен свободно покидать страну. Страх, что он может вернуться в столицу и на свой трон, заставил их предпринять шаг, который, несомненно, отдал бы его во власть английского правительства.

Следующим шагом было сообщить Наполеону об ответе герцога, а вместе с ним и о том, что два фрегата и несколько судов поменьше ожидают его приказаний в Рошфоре. Ему сообщили, что "если он отправится туда немедленно", то все равно успеет вовремя. На мгновение он заколебался, колеблясь между надеждой и сомнением. Затем барон Флери отправился в Париж и узнал, что пруссаки намеревались похитить императора; что Блюхер сказал: "Если я смогу поймать Бонапарта, я повешу его во главе моей армии", но что Веллингтон решительно воспротивился такому трусливому замыслу. В половине третьего часа ночи Наполеону сообщили, что Веллингтон отказал ему в охранной грамоте, и ему было приказано немедленно отбыть из Мальмезона. Были спешно сделаны приготовления, и 29 июня, через одиннадцать дней после битвы при Ватерлоо, он покинул Мальмезон в сопровождении Савари, Бертрана и Лас Касаса, а также других своих приданных слуг в сопровождении конной охраны.

Если бы один из его последователей не позаботился о том, чтобы сжечь мосты перед Мальмезоном, Наполеон сильно рисковал бы попасть в руки союзников, поскольку три корпуса прусской кавалерии появились там в поисках его очень скоро после того, как он выступил. Они прибыли кружным путем, и, должно быть, их вел проводник, хорошо знакомый с местностью. Однако Наполеон избежал этой опасности. Первую ночь он провел в Рамбуйе, 30-го - в Туре, а 1 июля - в Ньоре. Его хорошо принимали везде, где его узнавали; но в последнем названном месте энтузиазм народа и войск был чрезвычайным.

Рошфор был достигнут 3 июля. Здесь Наполеон, к которому присоединился его брат Жозеф, поселился в доме префекта с намерением немедленно отправиться в путь, но ему сообщили, что британский линейный корабль и несколько более мелких военных судов находятся в стороне от рейдов, наблюдая за рейдом и гаванью, и поэтому его отъезд невозможен.

Тем временем французская армия в соответствии с конвенцией снова отступила от стен Парижа, и Блюхер и Веллингтон собирались войти в столицу и вновь посадить Людовика на трон. Поэтому единственной альтернативой было начать переговоры с капитаном Мейтлендом, который командовал "Беллерофонтом", английским военным кораблем, занявшим свою позицию в Рошфоре за два дня до прибытия бывшего императора.

На запрос о безопасном прохождении в Америку английский командир ответил, что ему приказано приложить все усилия, чтобы помешать побегу "Бонапарта", и, если повезет,

завладеть его личностью, немедленно отплыть с ним в Англию. Савари и Лас Касас, которые вели переговоры, не смогли добиться от капитана определенного обещания, когда они посетили его 10 июля, или узнать от него, намеревалось ли британское правительство создать какие-либо препятствия на пути его путешествия в Соединенные Штаты. В ходе беседы капитан Мейтленд, по его собственному заявлению, высказал предположение: "Почему бы не попросить убежища в Англии?" на что Савари выдвинул различные возражения, и на этом беседа закончилась.

Последующие дни Наполеон провел за обсуждением различных планов, разработанных для его побега, но все они были им отвергнуты. Он не видел никаких шансов на успех, ибо, как он сам сказал: "Везде, где может плавать дерево, есть флаг Англии. Я отдамся в ее руки — беспомощный враг". Кроме того, Наполеон устал от раздоров и испытывал чувства человека, который покончил с боем и чья роль заключалась в том, чтобы терпеть. В конце концов он отверг все подобные предложения и снова отправил Лас Касаса в сопровождении Лаллемана к капитану. Мейтленд 14 июля с инструкциями снова запросить, были ли уже объявлены намерения британского правительства относительно прохода в Америку, или же можно было получить разрешение для Наполеона проехать на нейтральном судне. Ответ был отрицательным; но капитан. Мейтленд снова предложил посадить его на борт "Беллерофонта", и в этом случае его следует доставить в Англию. Слова капитана Мейтленда, процитированные им самим лорду Киту, были; "Если он решит подняться на борт корабля, которым я командую, я думаю, по приказу, которым я действую, я могу рискнуть принять его и доставить в Англию". По этому поводу состоялись переговоры, которые завершились словами Лас Касаса: "При любых обстоятельствах я почти не сомневаюсь, что вы увидите Императора на борту "Беллерофонта"".

Лас Касас вернулся на остров Экс после беседы с капитаном Мейтлендом 14-го числа. Результатом его миссии, по-видимому, было "то, что капитан Мейтленд уполномочил его сообщить императору, что если он решит отправиться в Англию, он уполномочен принять его на борт; и он, соответственно, предоставил свой корабль в его распоряжение". Затем Наполеон, наконец, принял решение отправиться на борт британского судна. В тот же день Гурго передал капитану Мейтленду следующее письмо, адресованное принцу-регенту Англии:

"Королевское высочество, столкнувшись с группировками, разделяющими мою страну, и враждебностью величайших держав Европы, я завершил свою политическую карьеру. Я пришел, подобно Фемистоклу, просить гостеприимства у английской нации. Я отдаю себя под защиту их законов, которых я требую от вашего королевского высочества как самого могущественного, самого постоянного и самого великодушного из моих врагов.

Рошфор, 13 июля 1815 года.

Наполеон".

Письмо было получено королевским военачальником и отправлено в Англию, но ответа получено не было.

15-го числа Наполеон и его друзья решили подняться на борт "Беллерофонта" и были доставлены туда на барже, присланной капитаном Мейтлендом. Сцены прощания с теми, кто

остался позади, были самыми трогательными. Английский командующий принял своего подопечного почтительно, но без приветствия или выдающихся почестей; Наполеон обнажилась, поднявшись на шканцыпалубы, и сказал твердым тоном: "Я пришел отдать себя под защиту вашего принца и законов!"

Затем капитан провел его в каюту, которая была предоставлена в его распоряжение, а затем, по его собственной просьбе, представил ему всех офицеров. В течение утра он посетил каждую часть корабля, с большой свободой беседуя с теми, кто находился на борту, о военно-морских и других делах. Около полудня корабль снялся с якоря и отплыл в Англию.

23 июня "Беллерофонт" миновал Ушант, и в последний раз Наполеон долго и печально смотрел на свою любимую страну, но ничего не сказал. На рассвете 24-го они были недалеко от Дартмута, и когда корабль стал на якорь, лорды Адмиралтейства немедленно предупредили капитана не допускать никакого сообщения между его кораблем и побережьем. 26-го командир получил приказ отправиться в Плимутский пролив, где он стал объектом большого любопытства со стороны тысяч людей, которые толпились вокруг судна в маленьких лодках, стремясь увидеть человека, который столько лет привлекал внимание всего мира. Наполеон появился на палубе, и его приветствовали громкими возгласами, на которые он поклонился и улыбнулся в ответ и заметил капитану Мейтленду: "Англичане, похоже, очень любопытны". Однажды капитан насчитал в пределах видимости более тысячи лодок, в каждой из которых находилось в среднем по восемь человек.

31 июля Наполеона посетили сэр Генри Банбери, заместитель государственного секретаря, и адмирал флота Ла-Манша лорд Кейт, которые поднялись на борт и объявили об окончательном решении британского правительства в отношении него, которое заключалось в том, что "генерал Бонапарт", их пленник, не должен высаживаться на берегах Англии, а немедленно отправляться на остров Святой Елены, поскольку в этой ситуации правительство больше, чем в какой-либо другой в их распоряжении, считало возможным избежать повторного побега и предоставить ему личную свободу и физические упражнения, и которая может быть согласована с "необходимыми условиями". меры предосторожности, которые было бы необходимо принять для обеспечения безопасности его личности". Во-вторых, за исключением Савари и Лальманда, ему должно было быть разрешено взять с собой любых трех офицеров, которых он выберет, помимо одного врача и двенадцати слуг, однако никому из них не разрешалось покидать остров без санкции британского правительства.

Наполеон, выслушав указ, который решил его судьбу на всю жизнь, никак не прокомментировал его, пока зачитывание решения не закончилось. Затем он торжественно выразил протест против их жестокого и произвольного акта. Он протестовал не только против приказа, но и против права, на которое претендовало английское правительство, распоряжаться им как военнопленным. "Я вошел на ваш корабль, - сказал он, - как вошел бы в одну из ваших деревень. Если бы мне сказали, что я буду пленником, я бы не пришел. Я спросил его, готов ли он принять меня на борт и доставить в Англию. Капитан Мейтленд сказал, что он получил или сказал мне, что получил, особые распоряжения правительства, касающиеся меня. Тогда это была ловушка, расставленная для меня. Что касается острова Святой Елены, то это был бы мой смертный приговор. Я требую, чтобы меня приняли как гражданина Англии ". Он решительно возражал против данного ему титула, заявил о своем праве считаться суверенным принцем, о том, что его тесть или царь относились бы к нему совсем по-другому, и в заключение выразил

свое убеждение, что "если ваше правительство будет действовать таким образом, это опозорит вас в глазах Европы". "Даже ваш собственный народ будет винить в этом", - добавил он.

Однако его протесты были напрасны, и, наконец, по окончании беседы ему сообщили, что адмирал сэр Джордж Кокберн готов принять его на борту "Нортумберленда", чтобы доставить на остров Святой Елены. Тогда Наполеон с воодушевлением заявил: "Нет, нет, я туда не поеду; я не Геркулес; но вы не поведете меня на остров Святой Елены. Я предпочитаю смерть в этом месте. Вы нашли меня свободным — отправьте меня обратно; приведите меня в то состояние, в котором я был, или разрешите мне уехать в Америку". Тем не менее, его протесты были проигнорированы, и, наконец, начались приготовления к отъезду. В частной беседе с капитаном Мейтлендом Наполеон вернулся к болезненной теме в следующих выражениях: "Эта мысль приводит меня в совершенный ужас. Быть помещенным на всю жизнь на остров в тропиках, на огромном расстоянии от любой суши, отрезанным от всякой связи с миром и от всего, что мне дорого! Это хуже, чем железная клетка Тамерлана. Я бы предпочел, чтобы меня выдали бурбонам".

Свита Наполеона, как было окончательно решено, состояла из графов Бертрана, Монтолона и Лас Касаса, генерала Гурго и доктора О'Мира, ирландского военно-морского хирурга. Бертрана и Монтолона сопровождали их дамы и дети, а также двенадцать высших слуг покойного императорского двора, пожелавших разделить судьбу своего господина. Денег, бриллиантов и других ценных вещей, которые были у Наполеона при себе, он был лишен. Когда шел обыск его вещей, Бертрана пригласили присутствовать, но он был так возмущен этой мерой, что категорически отказался. У него забрали четыре тысячи золотых наполеонов (16 000 долларов); остальные деньги, составляющие около тысячи пятисот наполеонов, были возвращены, чтобы Изгнанник мог заплатить тем из своих слуг, которые собирались покинуть его.

"Нортумберленд" отплыл на остров Святой Елены 8 августа. После семидесятидневного путешествия без особых происшествий, 15 октября 1815 года Наполеон впервые увидел обреченное отступление. Ему было тогда сорок шесть лет, он обладал довольно крепким здоровьем, и, если бы не неоднократный отказ от многих необходимых удобств, которым ему теперь предстояло подвергнуться, он мог бы в какой-то мере наслаждаться оставшимися годами своей жизни. Здесь он оказался пожизненно замурованным на маленьком вулканическом острове в южной Атлантике, имеющем десять миль в длину и семь в ширину, на расстоянии двух тысяч лье от мест своих бессмертных ратных подвигов и отделенном от двух великих континентов Африки и Америки непостижимым океаном.

Адмирал высадился около полудня с целью найти подходящее жилище для Наполеона и его свиты, вернувшись вечером. 16-го императорский пленник причалил к берегу, и когда он покинул "Нортумберленд", все офицеры собрались на шканцах, а почти вся команда стояла у сходней. Прежде чем сесть в маленькую лодку, которую должны были доставить на берег, он попрощался с капитаном и пожелал, чтобы тот передал свою благодарность своим офицерам и матросам. Затем он отправился на побережье, чтобы поселиться в "Браярах", маленьком коттедже примерно в полумиле от Джеймстауна, на время, которое должно пройти, прежде чем для него смогут предоставить другое жилье. 10 декабря он вступил во владение своим недавно обустроенным жилищем в Лонгвуде, вилле примерно в шести милях от Джеймстауна. В этом последнем месте он скончался 5 мая 1821 года в половине пятого вечера, после почти шестилетнего изгнания. Его смерть, без сомнения, была ускорена чередой мелких

неприятностей со стороны его "тюремщика", сэра Хадсона Лоу, губернатора острова, которые начались с момента его прибытия и продолжались в течение всех лет его ссылки, несмотря на его неоднократные протесты. Он уже прожил гораздо дольше, чем хотел, и завершил все свои приготовления к приближению смерти в течение последнего года своего плохого самочувствия. В свои последние часы он был окружен Бертраном, Монтолоном и другими преданными друзьями, которым он дал свои последние наставления.

Четыре дня спустя, или 9 мая, в плаще, который он носил при Маренго, наброшенном на ноги, и одетый в форму егерей своей гвардии, он был похоронен с воинскими почестями, окруженный скорбящими друзьями, разделившими его долгое заточение. Единственной разрешенной надписью на табличке над его телом было "Генерал Бонапарт".

Девятнадцать лет спустя, по просьбе французского правительства, Англия удовлетворила просьбу о его прахе, и его тело было извлечено из могилы и перевезено во Францию, чтобы еще раз упокоиться "на берегах Сены, среди французского народа, который он так сильно любил". 15 декабря 1840 года, в разгар самых внушительных и великолепных церемоний, которые когда-либо видел Париж, тело императора было перенесено в дом инвалидов, где оно много дней пролежало на всеобщее обозрение. 6 февраля 1841 года гроб был извлечен из императорского кенотафа и помещен в часовню Святого Иеронима в церкви инвалидов, где он должен был оставаться до завершения строительства мавзолея несколько лет спустя. Под золотым куполом, венчающим дом инвалидов, к которому чаще всего обращены лица всех приезжих в Париж, до сих пор покоится все, что осталось от этого самого замечательного воина и государственного деятеля. Его волшебное имя продолжает бросать вызов даже самому времени, и с течением лет каждое поколение спрашивает своих предшественников, что они знали об этом человеке, который был настолько велик, что его имя заполнило больше страниц в торжественной истории мира, чем имя любого другого смертного.

КОНЕЦ.

Примечания переписчика:

Пунктуация стандартизирована; незначительные опечатки исправлены автоматически.

Орфографические несоответствия устранены, когда слово или имя в этой книге в основном пишется одинаково, но без изменений, если нет четких предпочтений.

На устройствах, поддерживающих его, щелчок по иллюстрации, обведенной синей рамкой, приведет к отображению увеличенной версии в том же окне.

В тексте изменения, указанные на конкретных страницах ниже, обозначены пунктирными линиями под затронутыми словами. На устройствах, которые поддерживают это, наведите указатель мыши на слово, и появится.

Страница 139: иллюстрация "Битвы при пирамидах" включена в Список иллюстраций, но отсутствует в расшифрованной копии; взята из другого издания.

Страница 187: "Аллегорический" без изменений; так оно пишется в нескольких изданиях.

Страница 263: "и от побережья" может быть "побережье" или "восток"

Страницы 151, 182, 508: "Камбасерес" пишется тремя разными способами; все изменены на "Камбасерес"

На странице 315 упоминается карта, "как будет видно на карте", но в этой книге карт нет.

Страница 411: подпись гласит "1814", но должна быть "1812"

Указатель: исправлены многие ошибки в алфавитной последовательности.